

№ 6(18). 2016

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Цитата номера:

Держись, родимая, держись.
И не спеши расстаться с телом.
Крепись, душа! В России жизнь
Всегда была не легким делом.

Не понимаю, что творится.
Во имя благостных идей
Ложь торжествует, блуд ярится...
Махнуть рукой, как говорится?
Но как же мне потом креститься
Рукой, махнувшей на людей?...

Николай Зиновьев

Декабрь 2016 № 6 (18)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционная коллегия:

Григорий Блехман — член Союза писателей России
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Николай Иванов — член Союза писателей России, сопредседатель Правления
Союза писателей России
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Николашин — заместитель главного редактора, ответственный
редактор
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Вадим Салеев — доктор философских наук, профессор, главный редактор
журнала «Артефакт» Белорусской государственной академии искусств
Владимир Шемшученко — член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014
Дата выхода номера в свет: 28 декабря 2016 года
Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки — Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка — Елена Балантаева
Отпечатано в типографии ООО «График Артс»
г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе — *курсивом*. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Алексей Новгородов. Веревоочка. <i>Повесть</i>	4
Александр Чумиков. Москва-400: едем мы из Жанжибая. <i>Повесть. Часть 2.</i> <i>Начало в №5(17)–2016</i>	21
Евгений Журавли. Озеро забвений. <i>Роман. Окончание. Начало в № 4 и № 5 –2016</i>	45
Сергей Пылев. Гололед среди лета. <i>Повесть. Окончание. Начало в №5(17)–2016</i>	63
Александр Гахов. Южная ночь. <i>Рассказ</i>	87

Поэзия

Николай Зиновьев. <i>Стихи</i>	100
Алексей Гушан. <i>Стихи</i>	103

Берега Новороссии

Владимир Скобцов. <i>Стихи</i>	106
Валентина Беляева. Золотое небо Донбасса. <i>Очерк</i>	110
Елена Заславская. Черный хлеб. <i>Стихи</i>	112
Александр Морозов. Рассказы из книги «Дебальцево. На линии огня»	116
Людмила Гонтарева. <i>Стихи</i>	120

Берега памяти

Евгений Лушев. О русском языке	157
---	-----

Берега культуры и искусства

Елена Ким. Князь Н.Д. Лобанов-Ростовский — Ростовскому кремлю	124
Ярослав Смирнов. К открытию выставки «Дары Н.Д. Лобанова-Ростовского. 2015–2016» ..	129
Александра Юревич. Книги с автографами	135
Татьяна Лебедева. Коллекция гравюр и литографий.....	131
Евгения Гершкович. Первый и второй авангард из коллекции Н.Д. Лобанова-Ростовского .	137
Валентина Ермолова. Изделия из фарфора, фаянса, керамики, стекла и дерева.....	140

Русский мир без границ

Валерий Виленский. Перед Богом нет ни эллина, ни иудея	143
Владимир Вахрамеев. Духовность русской поэзии Литвы	149

Критика

Григорий Блехман. «Я вскинул руки для объятия»... О поэзии Николая Зиновьева.....	168
--	-----

Бережок

Анатолий Мартынов. Яблоки и щенки. <i>Рассказ.</i>	175
---	-----

Наши друзья

Советуем почитать	179
Подписка и приобретение журнала	179

Алексей Новгородов

Алексей Викторович Новгородов родился 12 апреля 1961 года в Подмосковье. Служил в Воздушно-десантных войсках, затем — двадцать лет солдатом правопорядка, от слушателя Московской высшей школы милиции МВД СССР до руководителя подразделения центрального аппарата МВД России. Участник Первой и Второй чеченских кампаний. Был ранен. Полковник милиции, награждён четырьмя орденами Мужества (1998, 1999, 2000, 2008), медалями, в том числе медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат премии «Фемида» (2010) и премии Фонда Всехвального Андрея Первозванного и Центра Национальной Славы России «За Веру и Верность» (2014)

ВЕРЁВОЧКА

Повесть

...Осталась ещё вечность целой минуты, за которую можно взлететь на Олимп победы или испить до дна чашу горечи поражения.

— Работай ногами и дыши. Включи ноги и дыши, — орёт из угла Борисович.

Сердце всё набирает и набирает обороты, переходя от привычного стука в рёв мотора, заглушаемого только хрипом и свистом жадно вдыхаемого воздуха. Отяжелевшие руки уже не выпрямляются, и вымученные движения больше похожи на ленивое отмахивание от надоевшей мухи, не неся в себе даже намёка на угрозу.

Но опыт, опыт срабатывает! В какой-то момент, поймав на мгновение второе дыхание, пружины мышц вновь выстреливают «двочку» по корпусу, и на отходе — в голову. Как я люблю свои бицепсы, как мне нравятся «кубики» моего пресса и как я ненавижу жир, который всё это скрывает и перекрывает так необходимый в подобные моменты глоток воздуха.

— Скакалочка, как через верёвочку, восстанови дыхание, — не жалея голосовых связок, орёт Казаковский: — Терпеть!

Он ненормальный, он как будто первый раз секундирует: его слышит весь зал, в раздевалке и даже в буфете на первом этаже. Но канаты ринга — это самое звуконепроницаемое изобретение человечества — и в квадрате 6,1 на 6,1 не слышно даже прилетающих из ниоткуда ударов. И только руки в белой сорочке, возникшие на линии атаки, возвестили, что прозвучал гонг.

* * *

Неправильно было Виталику Грязнову организовывать встречу в Восточном округе, где каждая собака знает меня как облупленного, да и сам он личность на этой земле известная. Ох, неправильно. Инициатива молодого опера, пытающегося самостоятельно в одночасье перевернуть весь преступный мир, исходя из стойкого убеждения, что начальство — это старые калоши и перестраховщики, оказалась ударом под дых в тщательно спланированной разработке. Душа выворачивается наизнанку, ведь самого Виталию мы с его отцом ещё в восьмидесятые в коляске возили по парку Сокольники, пряча бутылки «жигулёвского» в бумажных кулёчках. Так что он сам в Сокольниках известен ещё с пелёнок.

Полтора месяца напряжённой работы, как на минном поле, по шажочку, по миллиметру приближали оперативного работника к серьёзной преступной группировке. Подобрались. И теперь, когда,

удалось втереть нашего Михалыча в доверенные лица Василия Васильевича Звездинского, всё было поставлено под удар несогласованным, самостоятельно принятым решением Виталика организовать и провести встречу Звездинского и Михалыча в Сокольниках, в ресторане «Соколиная охота».

Отпускать Михалыча без прикрытия на встречу было огромным риском: есть ещё консерваторы преступного мира, которые не до конца поверили Михалычу, и для него могла случиться очередная, уже, наверное, сотая по счёту, проверка на непричастность его к «ментовке». Получив информацию о месте встречи, которое уже изменить никак нельзя, я разразился всеми эпитетами в адрес Грязнова. Самым пристойным из произносимых было «Уволю!» со всякими приложениями, характеризующими интеллектуальные способности и инициативу сотрудника. Теперь уже резкие движения, быстро и без права на ошибку, приходилось делать мне, «ретрограду и старой калоше».

Собирали Михалыча быстро и со знанием дела, как заправские кутюрье. Костюмчик коллекции итальянской фирмы «Luigi Borrelli» из оперативного гардероба сел на него как влитой. Без всяких признаков камуфляжа, вписавшийся в дизайн пряжки брючного ремня радиомикрофон ещё в прошлом веке должен был занять достойное место на складе списанной спецтехники. Но любил его Михалыч за его надёжность, миниатюрность и устойчивость связи, хотя и на очень небольшом расстоянии.

Слава Богу, что летом «Сокольники» напичканы ресторанами, кафешками и разного рода забегаловками, как помойная собака блохами, поэтому выдвинув в парк группу прикрытия, мы расположились в тени деревьев на импровизированной веранде прямо под окнами «Соколиной охоты». В наушнике я услышал спокойный голос Михалыча, который в своей манере говорил много, напористо и вроде как даже по делу, но понять смысл его речи, а тем более, повторить сказанное не сможет даже суперподготовленный психолог с зашкаливающим уровнем IQ. Однако и возразить тоже никто не может, поэтому собеседники предпочитают соглашаться, стараясь не показать себя некомпетентными идиотами. Я немного перевёл дыхание и даже попытался получить наслаждение от чашечки преотвратно сваренного кофе, обильно сдобренного убаюкивающим, ласкающим ветерком, разносящим дурманящий запах раскалённой на летнем солнце скрывающей нас листвы. День был солнечный, жаркий, заставляющий девушек всех возрастов и комплекций одеваться в топики и мини-юбки, хотя правильнее было бы сказать, раздеваться до такого состояния, которое больше показывает, чем скрывает всевозможные прелести женских тел, с ухажерами и без в обилии слоняющихся по парку и даже не подозревающих, что совсем рядом сотрудник милиции, реально рискуя жизнью, ведёт свою очень тонкую игру с главарями серьёзнейшей преступной группировки.

Я потихоньку стал менять гнев на милость, Грязнов не так уж и неправ, с точки зрения конспирации, это неплохое место: много празднующихся, среди которых способна затеряться не только группа прикрытия, но и вся конная милиция вместе с лошадьми, повозками и всем бесчисленным руководством. Ресторан престижный, это тоже плюс — повышает статус нашего Михалыча, строящего из себя кавказского «серого кардинала» с жизненным принципом: «я решаю все проблемы, кроме одной — жить мне вечно или нет». Да и мы с моим замом Сергеем Аркадьевичем, чего греха таить, сидим не в душных кабинетах, а в старейшем парке культуры и отдыха города Москвы. С культурой вроде всё в порядке, а вот с отдыхом чего-то не срастается. Разговор в ресторане начинает повышать градус напряжения. Михалыч переходит на выражения, которые непозволительны в присутствии считающего себя интеллигентом Звездинского. Самому Василию Васильевичу, и в таком тоне высказываться о его же «косяках» и «проколах». Рискует Михалыч, идёт по лезвию ножа, и всё только для того, чтобы в запале сорвалось с уст бывшего напёрсточника, взлетевшего на пене беспредела девяностых до уровня серьёзного преступного авторитета, имя того, кому он собирается заплатить пять миллионов американских рублей за назначение его, Василия Васильевича Звездинского, губернатором N-ской области.

Мы с Аркадьевичем превратились в одно большое ухо, разделив наушники на двоих, чтобы не пропустить ни единой буковки из заветной фамилии чиновника, продающего вместе с должностями авторитет власти и Администрации Президента, в частности. Бандиты настолько уверовали в свою безнаказанность и всемогущество денег, что замахнулись на невозможное: протащив своего человека в кресло первого лица области, перевести бюджет не самого бедного региона страны в воровской общак. Михалыч умышленно лезет на рожон, давая понять собеседнику и всей его своре, что они разговаривают на равных.

— Да ты, Василий Васильевич, диплом свой в трубочку сверни и засунь куда подальше, он у тебя «пробивается на раз-два». Лучше, какой-нибудь импортный купи. Сейчас этого дерьма с громкими иностранными названиями по всей Москве полно, с презентациями вручений под видео да телевизор, узнаваемыми именами, холёными мордами и заумными словами.

— Я свой диплом честно заработал!

— Прокурору будешь рассказывать, как ты его честно зарабатывал, будучи в бегах.

— Да ты на себя посмотри! Сам с гор за солью спустился, паровоз только на картинках видел, а сидишь здесь умничаешь.

— А не пошли бы вы все... Я в Лондон ещё в советское время по обмену студентами ездил, и, в отличие от современного фуфла, я реальное образование получил. С умными людьми по миру поездил. Жизнь повидал не со шконки тюремной.

Рискует Михалыч, рискует, ведь прекрасно понимает, что подтверждение его легенды всеильного авторитета обеспечили только кавказские коллеги. А служба безопасности у Василия Васильевича заслуживает большого уважения. Хотя несколько человек из этой службы мы вычислили без труда, даже не вставая из-за столика. Ходили они кругами, напыщенные, задравшие голову, чуть не лопающиеся от самолюбования и крутизны, от гордости за своё положение. Высматривали они сотрудников милиции, как будто у нас на лбу «ноль два» жирным шрифтом написано. Но это — «шныри», а мозговой составляющей безопасности Звездинского могут позавидовать многие спецслужбы стран постсоветского пространства.

Но мы с Аркадьевичем тоже не лыком шиты. Беспорядочно разбросанные по столу листки нотной грамоты со всякими там диезами и бемолями, придавленные двумя чашками уже остывшего кофе, чтобы даже лёгкий ветерок не пытался смахнуть их со стола, к которому прислонена, судя по роскошному чехлу, хорошая гитара. Эта картина никак не привлекала внимание к двум бороатым мужчинам, с головой ушедшим в прослушивание какой-то своей музыки, и изредка делающим карандашные записи между нотных строк. А музыка в наушниках была настолько тревожной, что рука непроизвольно тянулась к тумблеру радиостанции, чтобы дать команду на захват участников этого оркестра, поломав всю оперативную игру, зато исключить риск жизни сотрудника. Михалыч, «зараза», что же ты творишь! Куда же тебя, «скотина», понесло от чётко отрепетированного плана переговоров. Выйдешь живым, убью! Порву, как Тузик грелку!

— Да я такие схемы крутил, Ваши задумки нам на один зубок. У нас турки плакали, а сделать ничего не могли.

— Красиво поёшь. Посмотрим... Там, в Анталии и Кемере, наша братва осела, сейчас созвонимся и узнаем, что ты за фрукт, и про твои подвиги тоже...

По повисшей тишине стало понятно, что произнесённая фраза Звездинского схвачена «шестёрками» на лету, которые бросились набирать все известные телефоны «братков», греющих пузо на пляжах пятизвёздочных отелей Османской империи. И возникшая пауза стала рингом для смертельной схватки — борьбы взглядов. В этих минутах, переходящих в вечность нечеловеческого нервного перенапряжения, тихое покашливание, которым пытаются привлечь к себе внимание, прозвучало как гром. Михалыч боковым зрением уловил появление начальника охраны Василия Васильевича, который лёгкими движениями головы из стороны в сторону дал понять своему шефу, что о собеседнике никто ничего не слышал.

* * *

Мысль — она штука материальная. Чего больше всего боишься, то и случается. Опасение встретить какого-нибудь знакомого из реальной жизни в самый неподходящий момент на глазах у изумлённых шнырей материализовалось в виде заслонившего дверной проём своими могучими плечами Александра Борисовича Казаковского — руководителя боксёрского клуба «Восток». Его расплывшееся в улыбке лицо натолкнулось на мой испуганный взгляд, как будто я увидел не друга и любимого тренера, а тещу и жену вместе взятых, заставших меня в кафе не с Аркадьевичем, а в объятиях какой-нибудь раскосой блондинки. Вскочив с места, я заорал на всё кафе явно не своим голосом, срывающимися на фальцет, изменённого до неузнаваемости мгновенно пересохшим горлом:

— Борисович! Дорогой! Рад тебя видеть! Музыкачку? Свежачка оценишь сейчас или когда доработаем?

Заглушить и переорать его надо обязательно, так как у него на устах застыло его традиционное, не по-армейски, с мягким человеческим оттенком: «Здравия желаю, товарищ полковник». И не давая ему вставить ни звука, хотя он и без этого остолбенел с открытым ртом и не менее распахнутыми глазами, я продолжал свой непрекращающийся монолог:

— А мы Лепса готовим! Гошу решили вытащить сюда к нам. В студии уже мозги плавиться стали, может, свежий воздух карму поправит. Заколебал он своими придириками.

Почему именно на Лепсе мне переклинило мозги, самому не понять. Наверное, потому, что он для меня на творческом олимпе первый после Высоцкого. Но и для окружающих он тоже оказался небезразличен. Услышав известную фамилию, в нас впилося несколько пар любопытных глаз, желающих воочию увидеть соратников самого маэстро. Спасибо, что публика Звездинского осталась равнодушна и к нам, и к имени знаменитого артиста, лишь пренебрежительно смерив нас брезгливым взглядом. Это здорово, ведь застрянет фамилия знаменитого артиста в их немногочисленных извилинах, а при докладе они, если даже и упомянут о мужчинах в кафе, то обязательно свяжут с именем музыканта, наверняка добавив несколько язвительных эпитетов в адрес творческих людей. А Борисовичу, обнимая его и подталкивая к выходу, я громко-громко прошипел, чтобы он молчал и не мешал творческому процессу. Недоумевая и даже, наверное, слегка обидевшись, он сказал, что устроит нам с Аркадьевичем творческий процесс на ринге. И, окончательно уразумев, что он чего-то не понимает, развернувшись, вышел из кафе.

Да, это опыт — на одной интуиции, импровизируя, прошёл по лезвию ножа. Я рухнул на стул, как после десятираундового боя, залпом выпил чашку давно остывшего кофе, даже не почувствовав вкуса, и вновь прильнул к наушникам, в которых опять уловил тревожные нотки в голосе Звездинского и перебор давления на него в работе Михалыча, действующего уже за гранью дозволенного. Аркадьевич же даже ни на секунду не отвлекся от происходящего в «Соколиной охоте». Он был там, за стенкой ресторана с Михалычем, и ничего больше для него не существовало. Он весь находился в этих переговорах, и я уверен, что он даже не заметил угрозы, которая пронеслась над нами в лице человека, периодически вышибающего из нас разлетающимися каплями и стекающими ручьями пота лишний вес и самоуверенность.

Сергей Аркадьевич Даниилкин не только мой заместитель, но и надёжный друг, а с недавнего времени ещё и кум. С Божьей помощью крестили мы его милого сынишку, и теперь ко всем своим существующим регалиям я добавил ещё одно почётное звание «крёстный отец», но не в понимании тех «мафиозо», сидящих в «Соколиной охоте» и планирующих изощрённые способы незаконной наживы, а заботливого молельника о чистой душе небесного создания. Но сейчас, ради будущей жизни этого Божьего чуда, всё было сосредоточено только на оперативной игре, в которой в данный момент на кону стоит экономическая безопасность региона, престиж власти, а главное, жизнь сотрудника.

Но, как будто не понимая этого, Михалыч жёстко гнёт свою линию человека, играющего не последнюю роль «серого кардинала» в политической жизни закавказских республик и желающего, естественно, не безвозмездно выступить теневым гарантом при назначении Звездинского на высокую должность в государственных структурах.

— Туркам звонили? Молодцы! Вы ещё Папе Римскому позвоните.

— Какому папе?!

— Понтифику! Вашу мать! Голову включи: как в этом проекте с тобой, Василий Васильевич, так и во всех других мои уши никогда торчать не должны. Ты это осознаёшь?

Сопение Звездинского могло означать только две абсолютно противоположные вещи: либо он задумался над сказанным, либо закипает, и через миг ярость его сметёт всё на своём пути.

Мои нервы, выдержка и терпение начали лопаться, как нити в натянутой, перенапряжённой верёвке. Десятки раз я сам внедрялся в серьёзные группировки, ходил под ножами, работал мишенью — зная, что нахожусь в перекрестье оптического прицела, всё равно шёл вперёд и добывал недостающие пазлы информации, из которых складывается полная картина доказательства вины. Работал — и не сдавали нервы. А сейчас мелкие, почти незаметные ошибки Михалыча тяжёлым набатом бьют в самое сердце, напоминая о расплавленном на стене в моём кабинете российском флаге, где на красном фоне навеки расположились две фотографии сотрудников, так и не вышедших из подобной игры. Но и этих двоих хватит мне отмаливать на всю жизнь.

И вдруг в наушниках прозвучал резкий, как выстрел, выкрик Звездинского:

— Хватит, Юсуп, — мгновенно переключившись на лицо Аркадьевича из красного в белое, как плотно. А дальше пауза, во время которой в моём воспалённом мозгу нарисовался самый негативный сценарий развития событий. И только разорвавший напряжённую тишину в наушнике неожиданно снова ровный голос Василия Васильевича на долю секунды опередил команду на захват, заставив отдернуть палец с красной кнопки:

— Ты пойдёшь со мной, а о вознаграждении позже.

— Согласен. Но благоприятный режим в области мне и моим людям ты гарантируешь сейчас, — с нотками любезности, не терпящей возражений и присущей интонациям в разговорах восточных людей, подытожил Михалыч, оставляя за собой последнее слово.

Всё-таки не зря я ежегодно собираю со всей страны сотрудников спецподразделений оперативного внедрения и провожу с ними занятия. И первое, с чего начинаю, это с понимания того, что внедряемый должен подвести собеседника к нужному результату так, чтобы он был уверен, что это его и только его решение. И начинал я с короткого, но наглядного примера:

— загадайте любое число от 1 до 9;

— умножьте это число на 9;

— сложите первую и вторую цифру получившегося двухзначного числа;

— на первую букву вновь получившегося числа загадайте страну в Европе;

— на третью букву названия этой страны загадайте крупное животное.

После небольшой паузы я безапелляционным голосом заявляю, что в Дании носорогов нет.

Так и сейчас, складывая и умножая числа в долларовом эквиваленте, умело манипулируя процентами, Михалыч вывел собеседника на свою «Данию» — ресторан «Колковна» в Лубянском проезде, в котором будет проходить встреча с продажным чиновником, кто от имени Администрации Президента обещает должности губернаторов. Отличная точка, аккуратно напротив Старой площади. Теперь Михалыч был полноправным хозяином ситуации. С восточной щедростью начал потчевать Звездинского яствами, со знанием дела расписывая все прелести того или иного блюда. И уже вконец обнаглел, как настоящий восточный бай, вальяжно приподнял руку, не отрывая локтя от стола, пальцами небрежно сделал знак, подзывая кого-то.

Приводя в немое оцепенение службу безопасности Звездинского, в совершенно пустом зале материализовался Грязнов и, не обращая внимания на бросившихся ему наперерез громил, способных одним только видом остановить мчащийся на всех парах локомотив, без тени страха направился к беседующим.

— Это ко мне, — уже распорядившись действиями бойцов охраны Звездинского, тихим голосом, но беспрекословно-обязательным к исполнению, произнёс Михалыч.

— Виталий, — отрекомендовал Юсуп офицера связи — Мой помощник и отличный юрист. И не представляя Василия Васильевича, сразу обратился к Виталию:

— Завтра меня ни для кого нет. Если что срочное, я с Василием Васильевичем в ресторане «Колковна», но это только в экстренном случае, при землетрясении планетарного масштаба, — сам же хихикнул над удавшейся шуткой. На самом деле, не до конца доверяя технике, он предпочел перестраховаться и через офицера связи передать место и время основного действия, ради которого вот уже полтора месяца без сна и отдыха, забыв о существовании выходных, роет землю всё наше подразделение. Виталий склонился к Михалычу и шёпотом произнёс, что всё понял и что теперь надо максимально отвести от себя службу безопасности Звездинского, озадачив её на эти сутки всем, чем угодно, только не нами.

Михалыч вновь стал напряжённо-серьёзным и, буравя Звездинского глубоко пронзительным взглядом, несвойственным для светлых голубых глаз, нараспев, как бы обдумывая не только слова, но и каждую букву, произнёс:

— Раз обещал, значит, пойду с тобой, — и после паузы, каким-то не свойственным для Михалыча голосом закончил: — Пусть твои братки прошерстят этот ресторанчик, — делая упор на слово «братки», умышленно подчёркивая их социальное положение, и что никогда не будут они государственными деятелями, радеющими о нуждах Отечества. — Да понадежнее, ведь менты могут там насовать своих жучков и тараканов столько, что по этой статье лет пятнадцать их стряхивать да отмываться будем. Правильно, Виталий?

— Штраф в размере от семидесятикратной до девяностократной суммы взятки либо лишение свободы на срок от семи до двенадцати лет со штрафом в размере семидесятикратной суммы взятки, — наизусть процитировал Грязнов санкцию пятой части статьи 291 Уголовного кодекса.

После секундной паузы Звездинский разразился гомерическим смехом и, смахивая проступившие от смеха слёзы, стал, продолжая всхлипывать остатками веселья, упражняться в математических подсчётах суммы штрафа, перемежая полученные цифры с комментариями в отношении правоохранительных органов. Михалыч, мгновенно подхватив настроение собеседника, так же заливаясь смехом от шуток Василия Васильевича, выдал из себя, что он согласен быть главным получателем таких средств, чем вызвал усиление хрюкающего смеха Звездинского.

— Давно так не смеялся, — ещё вздрагивая всем телом, выдал из себя Василий Васильевич. И, обведя глазами весь зал и не увидев Виталия, только набрал полную грудь воздуха...

— Я его удалил. Нечего ему взрослые разговоры слушать, — опередил немой вопрос Звездинского Михалыч, подчёркивая, что Виталий ничего не знает и опасаться его не стоит. На самом деле Грязнов быстро и незаметно исчез, не дав возможности службе безопасности получить команду сесть ему на хвост. Страхивать ненужных провожатых он, конечно, мастер, но на это уйдёт немало драгоценного, в данный момент, времени.

Однако с совершенно противоположными намерениями Михалыч затягивал время, чтобы без проблем смогли хорошо расположиться и приклеиться к нему «топтуны», которые будут незаметно наблюдать за всеми его передвижениями и докладывать своему боссу, что он чист, как солнце, хотя и на солнце бывают пятна.

Из «Соколиной охоты» он напрямик направился к себе в номер в «Президент-отель», где рухнул спать на белоснежные простыни, даже не раздеваясь. И большого труда стоило разбудить его двум красивым барышням, наверняка состоящим в штате безопасности Звездинского, только для того, чтобы в непосредственной близости наблюдать за клиентом. Конечно, «Президент-отель» не из тех заведений, куда беспрепятственно залетают «ночные бабочки», поэтому я даже не представляю, в какую сумму обошлось Василию Васильевичу такого рода наблюдение, но удар по его бюджету был чувствительнее короткого апперкота по печени.

Но и для Михалыча это был удар ниже пояса. Отношение к женщинам у него особенное: он с восторгом рассказывает о своих внуках, делится проблемами своих уже взрослых детей, но ни разу ни словом ни с кем не обмолвился о жене. Это очень личное, и принадлежит только им. Он боготворит её. Она подарена ему Богом, и брак их навеки скреплён на небесах таинством венчания. А тут барышни модельной внешности, извиваясь как змеи, пытаются достучаться до чувств его сердца или органа, его замещающего, испытывая на прочность брачные узы. И единственное, что в помощь Михалычу в этой интимной ситуации, это усталость, неимоверной силой навалившаяся на него.

Осознавая, что изображать из себя мальчика-недотрогу ему не удастся, он вальяжно стянул через голову рубашку вместе с пиджаком и всем прикладом, рухнул, уткнувшись лицом в подушку. Слегка приподняв голову, заплетающимся языком произнёс, глотая окончания, чтобы ему, как следует, размяли спину, с намеком на интимные услуги в будущем, когда-нибудь, не сейчас, не в этой жизни. И уже нисколько не играя, он расплылся по кровати, подставив крепкую спину, и уснул сном праведника, давая возможность красоткам со знанием дела проверить все карманы и просмотреть все телефонные звонки и СМС. Свой старенький радиомикрофон он предусмотрительно засунул за заднюю панель телевизора, который, если и будет обнаружен, то это будет косяк администрации отеля, не имеющий к нему ни малейшего отношения.

Интересная всё-таки штука — жизнь: ещё час назад мы все тряслись и рвали нервы, переживая за Михалыча, за его жизнь, за каждый его чих. Теперь же с не меньшим рвением мы все, как один, всем подразделением завидуем ему, безмятежно спящему на царском ложе в королевских покоях, в то время как мы мотаемся под проливным дождём по Лубянской дороге и его подворотням, изучая каждый сантиметр путей возможного отхода завтрашних посетителей «Колковны».

Помощи от местных работников нам ждать не приходится, не на кого даже положиться без риска — быть проданными бригаде Звездинского, параллельно с нами рыскающей внутри и вокруг ресторана. Дотошный Кожевенников Сергей Петрович перерыл все информационные базы относительно ресторана и его работников, и единственное, чем больше насмешил, нежели порадовал, это то, что одноимённый ресторан в Праге носит имя старинной улицы V.Kolkovne, и оно переводится

как Монетный Двор. Оказалось символично, что продажного чиновника со Старой Площади, тянет поближе к месту, где пахнет деньгами — к монетному двору. А нас, в свою очередь, как ассенизаторов общества, тянет туда, где воняет загнивающими и разлагающимися паразитами, от которых необходимо очищать одну шестую часть суши от Калининграда до Владивостока.

По иронии судьбы на входную дверь «Колковны» выходят кухонные окна уютной квартиры друга моего детства Симакова Юрки, на которой мы проводили долгие вечера в разговорах о будущей жизни. С уважением разглядывали сверху прапорщиков в фуражках с васильковыми околышами, круглосуточно дежуривших в поле нашего зрения. И даже не могли предположить, что в девяностые эта квартира будет продана, грозное КГБ будет преобразовано в ФСБ, и сдадут они позиции бизнесу на Малом Спасоглинищевском переулке, как, в свою очередь, сдала позиции знаменитейшая «Хитровка», начинающаяся откуда-то отсюда и опускающаяся в прямом и переносном смысле вниз по переулкам, на самое дно морали и истории. Эх, тот бы расклад, да сейчас...

Увы, предстоит нам работать в этих современных условиях, и даже не имея времени на воспоминания. Но сердцу не прикажешь, щемит оно при осмотре этих до боли знакомых переулков, окон, подъездов. Ноги сами просятся взлететь: восемь ступенек вверх, резкий поворот, площадка, шесть ступенек, площадка, и ещё три шага на последнем — прыжок, переносающий через четыре ступеньки, и вот уже перед двойной деревянной филиченчатой дверью, никогда не закрывающейся на замок, открывающейся с мелодичным скрипом, больше похожим на тонкий свист начинающего закипать чайника. А может, это действительно большой, с прокопчённым снизу днищем чайник на газовой плите дополнял мелодию счастья встречи чистых детско-юношеских душ, устремленных в будущее.

С каким рвением мы стремились ворваться в этот двадцать первый век. И с какой же щемящей, ностальгической теплотой в воспоминаниях мы возвращаемся в восьмидесятые, на кухню квартиры номер 26 дома 17 по Лубянскому проезду, где «дилектор» Светуля, своим звонким голосом обязательно неприлично помянув родителя женского пола, набросится на Сашку Чумана, невероятно одаренного человека, но растерявшего свой талант на жизненном пути. Самого неорганизованного в мире человека, эталона внешней неопрятности и внутренней чистоты, искренне желавшего помочь всему человечеству, но в силу своей неорганизованности не сделавшего ничего, кроме мелких, безобидных неприятностей, к которым мы относились с большим чувством юмора и огромной дружеской любви. Милые, милые времена и лица...

Но стоп! Тумблер в мозгу резко выключил трепетные воспоминания и перебрал в суровую действительность. Вроде всё просчитали, продумали. Расположились грамотно, непривлекательные для окружающих, но контролирующие всю площадь театра предстоящих действий. Жаль, что отличный наблюдательный пункт — окно в родном подъезде — облюбовала конкурирующая фирма. Не стеснясь и ни от кого не хоронясь, стоят «безопасники» Звездинского, потягивая пиво, разглядывая всех входящих в «Колковну». В связи с чем нам приходится перекрашиваться и маскироваться под складки местности.

Даже споткнувшись о неудачно сползший от стены костыль и выругавшись, я не узнал в обрывке, просящем милостыню у входа в метро на перекрёстке Лубянского проезда и Маросейки, оперуполномоченного по особо важным делам Волкова Юрия Николаевича. Молодец, Николаич! Ни одна муха не пролетит мимо тебя, не споткнувшись о твой костыль без твоего ведома. Отличная позиция, любой рывок, чтобы затеряться в толпе метрополитена будет только в твою сторону. Всё вроде правильно, и на переулках всё перекрыто.

Единственное, что меня беспокоит, — это бульвар. Долго дефилировать на нём очень подозрительно. Надолго засесть в кустах тоже не получится, так как мгновенно объявятся сотрудники ФСО со «Старой площади», после чего долго и нудно придётся объясняться на глазах у шнырей Звездинского об истинных целях посещения кустов в непосредственной близости от особо охраняемого объекта. Одна надежда в этой ситуации, что «Колковна» надёжно отделена от бульвара проезжей частью Лубянского проезда и примыкающим к ней декоративно-ажурным кованым забором на бетонно-мраморном постаменте.

Наш чёрный джип хорошо вписался в картину припаркованных вдоль всего Лубянского проезда автомобилей в непосредственной близости от «Колковны». Наглухо затонированные задние стёкла и шторка между передним и задним сиденьями при заглядывании в салон создаёт полную иллю-

зию пустого автомобиля, в котором относительно комфортно расположились мы втроём. Я с Аркадьевичем и Александр Сергеевич Сидоров, руководитель группы непосредственного задержания и дальнейшего сопровождения, подключившийся, чтобы официально не светить моих оперативников, которым ещё не раз придётся ходить бок о бок с отъявленными преступниками, проникая в их коварные планы. Александр Сергеевич — грамотнейший специалист, высокопрофессиональный начальник отдела, которому доверяют самые ответственные реализации. Но и он, человек, прошедший огонь и воду, заметно волнуется, что подчёркивает напряжённость момента и его высокую ответственность за порученное дело. И это волнение нарастает с каждым докладом о приближении к месту встречи главных действующих лиц.

В эфире уже вступил в силу режим полной тишины, только доклады о передвижении фигурантов и команды руководителей. А мы — руководители — на пике нервного напряжения застыли в неестественных позах, уставившись, как замороженные, в экран компьютера и на лежащий рядом пульт радиосвязи, мы перестали перебрасываться даже редкими фразами, отрешившись от всего мирского, как будто именно в этом ящике мы высмотрим именно то, что сейчас разрубит этот гордиев узел.

В динамиках закрипело, зашипело нарастающей какофонией металлических звуков, щёлкнуло, и чётко встал на устойчивую связь радиомикрофон Михалыча. И буквально через несколько минут мимо нас проплыл паровозик из двух «Мерседесов», — роскошный солидный и, как мне показалось, бронированный членовоз и практически приклеившийся к нему бампер в бампер «Гелендваген». Не обращая внимания на то, что перекрыли движение, они остановились около входа в ресторан «Колковна». Выскочив из замыкающей процессию машины, ребята атлетического телосложения, все, как под копирку, в накрахмаленных белоснежных рубашках и до остроты, без единой складочки отутюженных чёрных брюках, бросились к дверям ресторана и к «Мерседесу» — открывать заднюю дверь, демонстрируя свою исключительную важность. И только один, в джинсах и неяркой серой футболке, встал на тротуар и, не крутя головой, изображая перископ, чётко контролировал ситуацию на все 360 градусов, доказывая, что в службе безопасности Звездинского профессионалы высочайшего класса.

Из открытой двери «Мерседеса» появились ноги Василия Васильевича в до блеска надраенных дорожных туфлях. Они опустились на асфальт в миллиметре от лужи после ночного дождя, лишив меня, с не до конца просохшими ногами, небольшой радости позлорадствовать по данному поводу.

Вслед за Звездинским из машины валяжно, как истинный представитель восточных народов, баем вышел Михалыч. При входе в ресторан он немного замешкался, не заметив не то что ни одного знакомого лица, а даже намёка на присутствие группы сопровождения. Только шныри Звездинского — и всё! Он помялся в дверях больше положенного, высматривая хоть какую-нибудь весточку от нас. Но мы затаились и даже, по-моему, перестали дышать, находясь почти на расстоянии протянутой руки от Василия Васильевича.

Ясно, что у Михалыча пульсирует в мозгу то, что у него односторонняя связь, и нет никакой ответной информации, только вера в нас. Верь, Михалыч, мы рядом, верь, хотя и ездим мы не по правилам, а по дорогам, работаем не по написанному, а по жизни и ситуации. Верь в нас, что у нас всё должно получиться, и ничто и, тем более, никто не вмешается в ход событий. Но червь сомнения грызёт его — знает, что приказы сверху сыплются, как из рога изобилия, и могут они быть настолько нелогичными и противоречащими здравому смыслу, что с ними приходится бороться всеми доступными способами.

Для меня в противостоянии с преступниками всё чётко и понятно, всё начинается на равных, и будущий успех зависит от профессионализма, ума, сообразительности и многих-многих других качеств, приобретённых мной на поприще борьбы с организованной преступностью, называемых с высоких трибун оперативным мастерством. Общение же с руководством контролирующих инстанций всегда начинается с проигрышной позиции «ты — начальник, я — дурак», где приходится доказывать элементарные вещи с пеной у рта. А иногда я просто посылаю по всем известному направлению, чтобы выиграть время на реализацию планов, а дальше хоть трава не расти, победителей не судят, хотя и очень больно бьют.

Михалыч знает мой жизненный принцип, переданный мне ещё моим отцом, что основная задача начальника подразделения — ограждать подчинённых от ненормальных приказов вышестоящего

руководства. Знает и верит. Но даже ему невдомёк, что джип, о который он чуть не испачкал свой дорожный костюм, в целях конспирации позаимствован нами у достаточно успешного коммерсанта Петрова Николая Юрьевича, в детстве мечтавшего стать милиционером и поэтому оказывающим любую помощь операм в борьбе с организованной преступностью. Чёрный джип, никак не примелькавший около здания Управления, в отличие от автомобилей с вмятинами и царапинами, которые служба безопасности Звездинского наверняка уже выучила наизусть.

Замешательство и напряжённость Михалыча заметил и Василий Васильевич.

— Кого-то высматриваешь? — с усмешкой спросил он, заглядывая в глаза Михалыча. Этот вопрос и пронзительный взгляд Звездинского, проникающий в самое нутро, вернули Михалыча в то состояние, которым он живёт уже полтора месяца.

— Тревожно мне чего-то, — и повернувшись спиной к дому напротив, заслонив телом свои руки, он тайно показал пальцем на окно, в котором застыли две фигуры, внимательно разглядывающие их, как стодолларовую купюру.

— Мнительный ты стал, ой, мнительный, — усмехаясь, произнёс Звездинский и, подумав, не стал дословно цитировать знаменитую фразу из фильма «Неуловимые мстители», заменив обращение Сидор на Юсуп. — Это наши глаза и уши, — и дружелюбно приобняв за плечи, подтолкнул к входу в ресторан, дверь которого услужливо открыл громала со свежим шрамом на неестественно бледном лице.

Войдя в ресторан, оба посетителя опешили: нагромождение столов и мрачная обстановка больше напоминала пивную для студентов и посетителей с небольшим достатком, но никак не для сделок в пять миллионов долларов с расплатой чемоданом наличности. Окинув недоумевающим взглядом пустой зал, вошедшие остановились, и теперь уже Михалычу пришлось гасить вспыхнувшую ярость Звездинского. Но в это время из-за стойки прозвучал голос скучающего бармена, всем видом демонстрирующего отрешённость от всего происходящего вокруг, голос, не обращающийся ни к кому, а так... прозвучавший, и всё. Голос, выдающий информацию в никуда, монотонный и непривлекательный, и если бы были хоть какие-нибудь посторонние звуки, он так и остался бы не услышанным, а вернее, не воспринятым и не возмевшим никакой реакции. «Вас ждут на втором этаже»...

Оба посетителя прошли в конец мрачного зала. На очень узкой лестнице, по которой возможно пройти только друг за другом, Звездинский пропустил Михалыча вперёд. Прожжённый фрукт этот Василий Васильевич, сразу оценил выгоду такой ширины, он не собирается первым совать голову в берлогу, а при незапланированной ситуации всего один человек легко заблокирует толпу преследователей.

Второй этаж кардинально отличался от первого. Светлый, с изящной отделкой, подчёркнутым вкусом дизайнера и не бросающейся в глаза дороговизной. Но больше удивило, что за столом на небольшом постаменте сидел не нарисованный извращённым воображением жирный, обленившийся, обожравшийся властью и деньгами чиновник, а подтянутый, явно следящий за собой и здоровьем человек в идеальном костюме с безупречной причёской и, что необычно видеть у мужчины, превосходным маникюром.

— Вы, Василий Васильевич, пунктуальны, — поднялся он из-за стола. — А это и есть тот Ваш кавказский кунак, о котором говорили Ваши люди?

Пренебрежение к людям неславянской национальности подчёркнуто сквозило в этом вопросе, и только безграничная любовь к деньгам заставила его протянуть руку для приветствия и пригласить за стол. Михалыч не преминул воспользоваться возможностью отомстить и оплошностью оппонента в виде протянутой руки, сжав её так, что маникюрный салон долго будет спорить с травматологом за право первым оказать платную услугу нелюбителю крепких кавказских парней.

— Юсуп Михайлович, — отрекомендовался Михалыч, выпуская из стальных тисков руку победившего чиновника. И, взяв инициативу в свои руки, сразу же огорошил всех присутствующих вопросом: — Правильно ли я понимаю, что решение по назначению Василия Васильевича готовится не в Вашем департаменте?

Не успев ещё отойти от рукопожатия, Яков Самуилович Корилов вскипел от такого разворота событий и попытался возмутиться, но запах денег вернул его в русло переговоров. И уже с наигранным видом уставшего объяснять прописные истины, он чётко произнёс, «для плохо понимающих

русский язык», что, действительно, документы готовятся и согласовываются не в одном управлении Администрации, а проходят множество инстанций. Но он лично всё контролирует и имеет возможность влиять на процесс, а для этого нужно финансирование в рамках уже оговоренной суммы, «господин, плохо понимающий по-русски».

Эта неконтролируемая вспышка откровенности легла очередным фактом в череду доказательств на звукозаписывающее устройство Александра Сергеевича. И хорошо, что так, потому что дальше пошёл разговор на птичьем языке с помощью ужимок, жестов и записей, на тут же разрываемых и растворяемых в стакане с водой, салфетках. Разговор затягивался, и в деловую часть уже начали вкрапляться темы о семье, о бабах, политике и предстоящем отдыхе, но, опасаясь друг друга, никто не решался первым произнести заветные слова, после которых виртуальная договорённость начнёт материализовываться в ровные кубики упаковок с хрустящими бумажками с изображением заокеанских президентов.

«Жадность и стремление к наживе одной стороны противостоят жадности и прижимистости другой», — озвучил нашу общую мысль Сергей Аркадьевич.

Победила алчность.

— Так где же деньги? — спросил Корилов, задав вопрос, который волновал нас не меньше Якова Самуиловича. Для него это очередной куш, а для нас — весомейшее вещественное доказательство, нерушимый кирпич в стене его тюремной камеры, ограждающей от него экономику, общество и престиж власти.

— Минутку терпения, — Василий Васильевич набрал телефонный номер своих бойцов, оккупировавших подъезд, безотрывно торчащих в окне напротив и сканирующих всё происходящее вокруг ресторана. Удовлетворившись докладом, что ничего подозрительного не происходит, Звездинский, ещё некоторое время помешкав, дал команду принести деньги.

Конец этой команды совпал с началом приказа группе Дьякова нейтрализовать наблюдателей. «Звездинцы», поставленные всё видеть и предупреждать об опасности, сами так и не поняли, как оказались на полу лестничного пролёта без малейшей возможности пошевелиться, никак не ожидая опасности от мимо проходящей пары молодых родителей и парня, помогавшего им нести детскую коляску. Основная проблема профессионального цинизма и творческой природы Андрея Викторовича Дьякова в том, что наблюдатели им были вновь поставлены к окну, но без средств связи, со скованными впереди руками, наручниками, пропущенными через брючный ремень, что лишило их даже малейшей возможности хоть каким-либо жестом исполнить свой долг и выполнить поставленную перед ними задачу, оставив им лишь роль сторонних наблюдателей дальнейших событий.

— Предусмотрительный ты, Василий Васильевич, — с иронией произнёс Корилов, всем видом показывая, что у него есть своя заготовка сценария по данному вопросу. — Пусть кассир твой с моим мальчиком вместе сумочку несут. В ресторан вдвоём войдут, а по пути мальчик всё посмотрит, расскажет, кто он такой. Ты уж распорядись...

Мы понимали, что чиновничий мозг Корилова мог подготовить нам невероятное количество сюрпризов, а «проквакать» главный вешдок и даже временно оставить его без контроля не входило в наши планы. Тем более, что наговорил Яков Самуилович себе уже на добрый десяток лет. Решаем, не мудрствуя лукаво, задерживать всех после захода кассира, сделав небольшую паузу, для полноты картины задержания с поличным.

Мальчик оказался двухметровым детиной, и как раз кассир смотрелся на его фоне худеньким ребёнком, прижимающим к груди спортивную сумку, со страхом поглядывая на идущего рядом циклопа. И когда захлопнулась за ними дверь ресторана, пошёл обратный отсчёт: тридцать, двадцать девять, двадцать восемь, двадцать семь... Половины минуты хватит этим двоим пройти зал и подняться по лестнице, и в то же времени у них недостаточно, чтобы выкинуть какой-нибудь фортель.

Захват! Команда, переполненная энергией, фонтанирующая адреналином, побуждающая к действию без оглядки на здравый смысл, команда, ради которой настоящие опера рискуют жизнью, складывают головы, но рвутся, рвутся и рвутся вперёд.

— Захват! — набрав полную грудь воздуха, выдохнул я, разорвав напряжение повисшей в воздухе тишины. И теперь уже никакая сила не сможет остановить сорвавшихся с места Сергея Аркадьевича и Александра Сергеевича, как невозможно вернуть пущенную в цель стрелу.

Ворвавшись в ресторан, они увидели ноги поднимающегося по лестнице кассира. Теперь не было

ни каких сомнений, что, взлетев по лестнице, они застанут эту сладкую парочку демонстрирующей переговорщикам за столом содержимое спортивной сумки.

Захват — это ни с чем не сравнимое чувство, переворачивающие всё понимание окружающего мира, переворачивающее испокон веков считающееся непоколебимо-неопровержимым. Это когда каждый генерал мечтает стать солдатом, когда каждая клеточка организма рвётся в бой. И всегда наваливается обволакивающее чувство досады, если захват проходит без твоего участия.

Я остался в машине один на один с аппаратурой, и у меня защемило под ложечкой — ещё не сформировавшаяся, но уже интуитивно чувствуемая, нависающая угроза, приближающаяся нарастающим волнением чего-то нехорошего. Не осознавая для чего, а только на одном оперативном чутье, я выскочил из машины и остановил бегущего к ресторану подполковника Старикова. Человек, привыкший выполнять приказы, не задавая лишних вопросов, он остановился и, согнувшись в поясе, оперся руками о свои коленки, всей позой и раскрасневшимся лицом показывая, что бег — не его любимое занятие. Я перевёл взгляд с запыхавшегося Евгения Николаевича на продолжающую работать звукозаписывающую аппаратуру, фиксирующую всё происходящее в зале ресторана, куда должны через несколько секунд ворваться сотрудники милиции.

А в «Колковне» Яков Самуилович, упиваясь самолюбованием, тоном учителя, комментировал происходящее сейчас, вне поля их видимости, движение с деньгами:

— Мальчик вытащил из сумки одну пачку долларей, которую кассир несёт нам для проверки, а сам остался с сумкой в тёмном углу за дверью.

Эта фраза резанула слух и окатила меня, как ушат холодной воды. Мгновенно пришло полное осознание его замысла, осознание угрозы провала. Холод ужаса прокатился по всему телу и сжался спазмом в животе. Угроза того, что главный аргумент в стройной цепи доказательств — деньги, не только не в руках переговорщиков, но могут вообще исчезнуть. И тут же эта угроза приобрела осязаемые очертания возникшим в дверном проёме детиной Корилова с сумкой в руках.

С перекошенным от ужаса лицом он окинул испуганным взглядом пространство перед рестораном и, увидев мгновенно среагировавшего на его появление Старикова, бросился на проезжую часть дороги и, резко остановившись, вкладывая в замах всю мощь раскручиваемого тела, забросил сумку на бульвар, которая, перелетев через всю ширину дороги и забор, упала в кусты, к которым бросился брат-близнец детины.

Чудом не попав ни под одну из машин, водители которых успели затормозить, наблюдая траекторию полёта сумки, явления не часто встречающегося в наших широтах, я оказался у единственного препятствия декоративного забора-ограждения, отделявшего меня от сумки. Но проворный детина уже схватил ее и скачками питекантропа начал удаляться в сторону памятника героям Плевны.

Перемахнув через ограждение, я бросился в погоню. Лишний вес, чёрный не по погоде костюм с пиджаком на пару размеров меньше необходимого, а также явная нелюбовь к физкультуре преследуемого сокращали полученную им фору, но не настолько быстро, чтобы не успеть ему нырнуть в подземный переход за памятником и смешаться с толпой.

Но сегодня не его день... На глазах изумлённых прохожих, распрямляя плечи, восстал сгорбленный, хромой бомж-побирушка. Опрокинув банку с собранными медяками, демонстрируя отличную спортивную подготовку, он летит в сторону памятника героям Плевны с зажатым в руке костылём, взятым наперевес, как грозное оружие, наводя ужас на отскакивающих с визгом прохожих. Его лохмотья развеваются на ветру, создавая более устрашающий вид, чем развевающийся плащ Дракулы. Грязные, засаленные волосы клоками отлетают с головы и прядями падают на дорогу, обнажая короткий, ровно подстриженный ёжик русых волос.

Сообразив, что пути отхода у него отрезаны, питекантроп резко остановился и выхватил из-под пиджака пистолет, в который я с разбега чуть не упёрся лбом. Мысли, чувства и весь мир — всё остановилось, осталось там, в направленном между глаз с чётко различимыми контурами смерти на конечной грани, чёрном отверстии ствола, с дохнувшим омерзительным холодом мгновения, обрывающего жизнь. Конец. Остановка. Обрыв. Господи... Никакого страха, только омерзительный холод надвигающейся вечности. Неожиданно быстро подведена последняя черта, и даже уже прекратился спор ангела-хранителя и дьявола за грешную душу, остался только миг для выдачи пропуска на ту сторону света. И лишь тело, повинувшись какому-то звериному инстинкту самосохранения, вырывает, выгрызает последний шанс — независимое от застывших в оцепенении мозгов

натренированное движение — нырок под руку, закручивая корпус в сторону опорной ноги, как пружину, мгновенно выдернуло голову с гипнотизирующей линии огня, и, оттолкнувшись от невидимой точки, пружина начала раскручиваться обратно со всей жёсткостью взведённого металла мышц. Кулак чётко вошёл в правое подреберье и, не получая сопротивления от жировой прослойки питекантропа, прошёл дряблые мышцы, не сильно защитившие печень. В этот единственный удар была вложена вся мстительная жестокость выхваченного, вырванного у самой смерти момента превосходства. Дитина издал непонятный звук, неестественно изогнулся и, корчась от неимоверной боли, упал, хватая воздух открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег.

Не сильно торопился к нам следователь, включённый в группу для документальной фиксации происходящих событий. Не знаю, какими средствами связи, опережающими скорость звука, он был проинформирован, что питекантроп вооружён. Поэтому, прикинув, что каждому своё, он явно стремился прибыть к финальной части задержания.

Следователь, в отличие от опера, «белая кость», и предназначен для юридического оформления, а не подставки головы под бандитские пули. Не входит это в его должностные обязанности. Хотя я знаю множество следаков с душой оперативников, не растерявших до конца своих дней запал романтиков, рвущихся на помощь людям.

А тем временем дитина начал приходить в себя, и перед нами встала проблема — зафиксировать громилу до прибытия следака.

Позаботиться о наличии наручников на старте погони за сумкой с деньгами — было бы последнее, что могло прийти в голову, хотя сейчас их отсутствие становится большой неприятностью. Временно поверженный исполин восстаёт во весь свой могучий рост, расправляя плечи, не предвещая нам ничего хорошего. Но, предотвращая полное «восстановление» дитины, Юрий Николаевич бросается в рывке последней надежды, бьёт ему головой в живот, при этом расстёгивает и выдёргивает из его штанов брючный ремень, и резким рывком в стороны и вниз, так что пуговицы с гульфика, жужжа, как пчёлы, разлетелись в разные стороны, срывает с него штаны, обездвигив его.

Лишённый возможности активных действий, со спутанными ногами, дитина стал представлять собой жалкое зрелище — стоящий здоровенный мужик с озверевшим взглядом и со спущенными штанами.

Толпа вокруг нас стала расти, как снежный ком. И вдруг голосом активистки, не пропустившей ни один коммунистический митинг, призывающим всю общественность мира обратить внимание на происходящее безобразие, старушка с собачкой, явно из местных, закричала, вкладывая в интонацию всю ненависть, накопившуюся со времен извращения смысла встреч у памятника героям Плевны:

— Сволочи! Смотрите — пид...расы вконец обнаглели! Уже среди белого дня друг с друга штаны снимают! — распалаясь сама, она заводила толпу.

Неизвестно, чем бы кончился этот стихийный митинг с обнажённым мужиком в центре внимания, к которому мы были совсем не готовы, ведь наш внешний вид никак не соответствовал облику сотрудников милиции в понимании активистки. И только с прибытием следователя, который не преминул продемонстрировать всем любопытствующим красное, гербовое удостоверение, митинг мгновенно прекратился, и все растворились, включая даму с собачкой.

А в «Колковне» Яков Самуилович, уверенный в безупречности осуществления своего плана, что вещественное доказательство его преступления — сумка с деньгами, судя по времени, находится уже далеко и в надёжном месте, попытался вступить в перепалку с сотрудниками милиции.

И всё же животный страх пронзил его, едва он услышал от представившихся аббревиатуру службы по борьбе с организованной преступностью. Он понял, что эти звери будут рыть до конца. Его испуг стал усиливаться при взгляде на открыто лежащую на столе упаковку стодолларовых купюр. Он пришёл в истерику, когда увидел побелевшего от страха кассира, который без запинки расскажет всю правду, начиная от рождества Христова. А за этим чистосердечным признанием наверняка последует ряд неприятностей, к которым он, как опытный взяточник, конечно, готовился или, по крайней мере, просчитал последствия, но никак не ожидал встретить здесь в качестве оппонентов элиту Министерства внутренних дел России. И всё-таки, не придумав ничего иного, он, как заведённый, стал истерически выкрикивать, одну единственную фразу: «Пригласите сотрудников ФСБ!»

И когда Корилов, сам того не подозревая, как клоун, сосредоточил внимание окружающих на себе, Михалыч сгрёб оцепеневшего Звездинского и, толкая его перед собой, в несколько прыжков оказался у лестницы, наградив Василия Васильевича ударом в спину. Оба скатились вниз. Среагировавший Сергей Аркадьевич подбежал к лестнице и, увидев, что беглецы уже внизу, бросился в погоню.

Выскочив на улицу из ресторана, он остановился и рентгеновским взглядом старался поймать в толпе две знакомые фигуры. И огромнейшего труда ему стоило не оглянуться и хоть краешком глаза не проконтролировать, как беглецы заворачивают в подворотню. Ему необходимо сканировать, прожигать взглядом всё и всех впереди по ходу движения, не оглядываясь назад. И в этой ситуации Аркадьевичу было не легче, чем в Ветхозаветной притче о жене Лота, где Бог, разрушая Содом и Гоморру, спасает семью праведника Лота при одном условии: нельзя оборачиваться назад. Однако жена праведника послушалась указания Господа и обернулась на разрушающиеся города, превратившись в соляной столп. И здесь, спустя пять тысяч лет, оглянувшись на беглецов и встретившись взглядами со Звездинским, дальнейшая оперативная игра превратилась бы в соляной столп.

* * *

Пробежав по узкому проходу, беглецы оказались на огромной площади внутреннего двора. Без каких-либо шансов на возражения со стороны водителя, запрыгнули в припаркованное около стоматологической клиники такси.

— Пять минут в любую сторону! Быстро! Сто баксов, — прорычал запыхавшимся голосом Михалыч.

Быстро оценив жёсткий настрой с неба свалившихся пассажиров, водитель решил не испытывать судьбу и, включив передачу, нажал на акселератор.

На молчаливый вопрос Звездинского Михалыч, склонившись, прошептал ему прямо в ухо:

— При таком раскладе ментов на улицах больше, чем прохожих. И выбегать на бульвар или Марсейку равносильно тому, что самому в ментовку сдать.

Согласившись с доводами, Василий Васильевич полностью отдался в руки Михалыча, в душе преклоняясь перед его мудростью и жизненным опытом. Он даже откинул голову на спинку сидения, стараясь перевести дух. Но насладиться передышкой не дал строгий возглас Михалыча:

— Тормози!

Схватив за руку Звездинского и уже открывая дверь, скомандовал:

— Василий Васильевич, расплатись.

Выскочив из такси на перекрёстке с Бульварным кольцом, беглецы пересели в машину какого-то частника, среагировавшего на поднятую руку. И через двадцать минут, поменяв ещё одну машину, оказались около метро «Бауманская», откуда дворами, переулками и Бог знает, какими ещё тайными тропами вышли к стандартному, как большинство домов в Москве, неприметному дому.

— Здесь ты можешь расслабиться. Эту хату я недавно снял и не светил её никому. А по нашим адресам и явкам уже стая легавых понеслась, — открывая дверь квартиры на первом этаже, произнёс Михалыч. — Здесь нет консьержей-стукачей, окна на обе стороны дома, да и этаж хороший — я не в том возрасте, чтобы при шухере по балконам альпинизмом заниматься.

— Ментам же легче ворваться...

— Менты на любом этаже без проблем в окна входят, а вот слинять, когда они расслабятся, шансов больше.

Ещё раз поразившись прозорливости Юсупа и осушив залпом целый стакан дорожущего виски, Звездинский, наконец-то, стал приходить в себя. И тут его прорвало. Его гнев на Корилова сменялся порывами искренней благодарности Михалычу, и снова взрывом ярости в сторону Якова Самуиловича. Он заходился красными пятнами, когда сыпал проклятия в адрес Корилова и фонтанировал набором зверств, которые обрушатся на голову чиновника. Его мозг выдавал такие извращённые зверства, что даже одной из них с лихвой хватило бы, чтобы адские муки он посчитал спасением и облегчением от выпавших на его долю страданий.

Михалыч же являл живую противоположность Звездинскому. Медленно вышагивал по залу, разворачиваясь то в одну, то в другую сторону на каждом десятом шаге, потягивая виски маленькими глотками, такими, чтобы лишь почувствовать и насладиться вкусом, слегка задержав

его во рту, языком направляя жидкость на вкусовые рецепторы. Он глубоко ушёл в свои мысли и возвращался в действительность лишь когда Василий Васильевич начинал петь ему хвалебные оды. Очередную фантазию о том, как поизвращённой растерзать Корилова, Михалыч неожиданно прервал вопросом:

— Как бабки возвращать будем?

Реакция и ответ Звездинского заставили его остановиться. Спокойно, как будто дело уже давно решённое, Василий Васильевич выдал, как само собой разумеющееся, даже с небольшим чувством непонимания, почему его прервали в мечтах о предстоящих муках чиновника.

— Его братва в камере та-а-а-к прессанёт, что он подпишет доверенности на всё своё добро, которого поверь, у него до ... — запнулся, подбирая слово, всё-таки, как культурный и православный человек, он старается не употреблять нецензурных слов, даже в порыве гнева. — Обезжирят его. За базар отвечать надо. Да, и твою долю, Юсуп, пришлют, куда скажешь.

— Знаешь что, Василий, — Михалыч подошёл и положил ему на плечо руку, впервые не назвав его по отчеству. — Знаешь что, Василий, я принципиально денег из-под пресса не беру. Мою долю зашли в общак. А за меня уважаемым людям словечко замолви, мне и хорошо станет.

— Ну, ты настоящий мужчина! Я тебя ещё больше зауважал! — вскочил с кресла Звездинский. — Да, я за тебя не то, что словечко, я за тебя голову положу!

— А что я с тобой, безголовым, делать буду? — и поняв, что шутки в этой обстановке совсем неуместны, Михалыч, понизив голос, перешёл на деловой лад: — Сейчас тебя Виталик отвезёт, куда скажешь. Потеряйся на время, не высовывайся. Потом найдёмся, только не вздумай звонить, лучше по старинке — малявами, так надёжнее.

И, утонув на какое-то время в тёплом взгляде друг друга, они слились в крепком мужском объятии.

* * *

Виталий вёз Звездинского, демонстрируя весь набор приёмов и навыков экстремального вождения, чего в обычной жизни за ним никак не замечено, а даже, наоборот, в реальной жизни его даже под страхом смертной казни не заставишь поторопиться; опоздания — его кредо. Но здесь правая рука Юсупа Михайловича увозил Василия Васильевича по всем правилам шпионских детективов, отрываясь от воображаемых преследователей по классике жанра, шлифуя асфальт колёсами, нисколько не заботясь, что служба наружного наблюдения потеряет его, так как радиомаяк фиксировал их местонахождение с точностью до сантиметра.

Намотав солидное количество кругов по улицам города и изрядно попетляв во дворах и подворотнях, они встали на Новорижскую трассу и, положив стрелку спидометра так, что она даже перестала дёргаться, полетели, обгоняя попутные машины, с одной мыслью на двоих — побыстрее отделаться друг от друга.

Чтобы хоть как-то заполнить давно повисшее молчание, нарушаемое лишь гулом мотора, Виталий, явно не желая вступать в дальнейшие разговоры, спросил разрешения и, не дождавшись ответа, включил радио.

Пощёлкав клавишами и попрыгав по эфиру с одной волны на другую, в конечном итоге включив диск, он заполнил салон хриплым, надрывным, проникающим в самую душу голосом Высоцкого:

...Гонит неудачника
По миру с котомками.
Жизнь течёт меж пальчиков
Паутинкой тонкою.
А которых повело, повлекло
По лихой дороге,
Тех ветрами сволокло
Прямиком в остроги...

Зная Грязнова, что он всегда вставит «свои три копейки» в происходящее, я с уверенностью могу сказать, что репертуар он подобрал заранее, ввернув своё отношение к беглецу.

Тут на милость не надейся.
Стиснуть зубы да терпеть.
Скол, верёвочка, не вейся,
Всё равно совьёшься в плеть...

Но до конца раскрыть свой профессиональный цинизм (в хорошем понимании этого слова) ему не дал такой же хриплый и так же цепляющий за душу, но явно с другой стороны, голос Звездинского, заставляющий всем нутром ощутить жестокость его натуры:

— Ты поворот не проскочи, не забудь, что нам в «Княжье озеро». Там на воротах меня встретят.

У Виталия чуть было не сорвалось с языка:

— Обязательно встретят. Тебя уже давно ждут, пока мы здесь в шпионов играем. Но и эта его язвительная фраза осталась нереализованной.

Группе наружного наблюдения в «Княжьем озере» выпала непростая задача — не выпускать ни на секунду Звездинского из вида. Час, день, два... Пока Яков Самуилович не «расколется по самые помидоры, как гнилой орех» и начнёт давать показания, облегчая свою судьбу чистосердечным признанием. А следователь Корилову попался знающий, въедливый и дотошный, достойно прошедший не одну командировку в горячие точки, так что шансы выкрутиться у него равны не то-что нулю, а постоянно увеличивающемуся числу со знаком минус. Потому что следователь по особо важным делам Матросов Евгений Юлианович не на шутку начинал злиться на упёртое молчание и отрицание Кориловым очевидных фактов. А его адвокат был нем, как рыба, выполняя лишь роль статиста. И чтобы всё-таки не дать волю эмоциям и не взорваться окончательно, Евгений Юлианович отодвинул протокол, постелив на стол листы бумаги, достал три чашки и пакет со сто лет назад зачерствевшими баранками, предложил сделать перерыв.

Почему-то все следователи, когда им надо что-то обдумать, обязательно предлагают сделать в допросе перерыв. Смешно называть это предложением. У допрашиваемого нет выбора, так как следователь является полноправным хозяином положения, и всё-таки всегда поступает официальное предложение.

В ожидании закипающего чайника следователь откинулся на продавленном десятками предшественников старом кресле и, разминая шею натужным покачиванием головы из стороны в сторону, протянул руку и включил старенькую радиолу, также доставшуюся ему по наследству вместе с кабинетом, креслом и чайником.

В динамиках, как будто только на мгновение прервавшись на Новорижском шоссе, чтобы набрать воздуха и с новой силой грянуть в кабинете следователя, пошёл резать по нервам ни с чем не сравнимый голос Высоцкого:

... Ночью думы муторней,
Плотники не мешкают.
Не успеть к заутрене —
Больно рано вешают.
А ты об этом не жалеи, не жалеи,
Нет тебе отсрочки.
На верёвочке твоей
Нет ни узелочка.

При первых звуках песни Корилов напрягся, стал вслушиваться в слова, внутренне доверяя этому непререкаемому авторитету, заставившему замолчать даже следователя. После чего, бегая глазами то на адвоката, то на следователя, заёрзал на стуле. Не натываясь на препятствия и запреты резать правду-матку прямо в глаза, Высоцкий продолжал рвать сердце, цепляя за оголённые струны души:

Пей отраву, хоть залейся,
Я, мол, казни не просплю.
Сколь, верёвочка, не вейся,
А совьёшься ты в петлю...

Последние слова произвели эффект «разорвавшейся бомбы». Яков Самуилович, вскочив со стула, оттолкнул так и не произнёсшего ни одного внятного звука адвоката, пытающегося руками остановить его. Схватил не менее обалдевшего следователя и визгливым голосом стал кричать, трясая Матросова вместе с креслом, чтобы ему оформили сделку со следствием, и начал тараторить так, что Евгений Юлианович пожалел: не обладает навыками стенографистки.

А тем временем группа наружного наблюдения докладывала, что Звездинский выехал в город и дважды встречался с «вором в законе» Бородяном Асланом Рамидовичем, более известным как «дядюшка Беджо», а в настоящий момент с группой товарищей отдыхает в «Воронцовских банях».

Милое дело — задерживать в бане, никаких тебе попыток побега, вещи все сложены аккуратно, в которых можно найти массу интересных штучек с невытертыми отпечатками пальцев и, естественно, не сброшенными при «шухере». А главное, Василий Васильевич столько раз зажег свечу в городе, что ни малейшей тени подозрения не упадёт ни на Виталика, а тем более, на Михалыча.

Взяли Звездинского без шума и пыли чистеньким и до кучи прихватили пару отморожков, имевших при себе незарегистрированные «стволы», пистолеты системы «ТТ» — «тульский Токарев». Молодцы ребята, всё чисто, и в прямом и в переносном смысле. «В кутузку» — только что без молчалки с веником. А вот мне теперь для продолжения задуманного за грязное дело садиться — ворох бумаги чернилами перепачкать надо.

Рапорт начальнику Главка: «Товарищ генерал-лейтенант, на материалах полученных в ходе работы специального оперативного подразделения, в отношении Корилова Я. С. возбуждено уголовное дело № ..., все фигуранты задержаны. В ходе реализации материалов проведена оперативная комбинация, в результате которой подготовлена возможность оперативного внедрения сотрудника специального оперативного подразделения в ближайшее окружение «вора в законе» Бородяна Аслана Рамидовича, в преступном мире известного как «дядюшка Беджо». Подвод в окружение Бородяна А. Р. будет произведён через лидера организованной преступной группировки Звездинского В. В., являющегося беспрекословным доверенным лицом фигуранта. Вторичное подтверждение легенды обеспечивает старший оперуполномоченный по особо важным делам, подполковник милиции Кавталадзе Р.З., который также будет выполнять функции офицера связи совместно с майором милиции Грязновым В. Ю.».

Но от судьбы не уйдёшь, а если ушёл, значит, то была не судьба. Больше нас в этой жизни трудятся без сна и отдыха, не поднимая головы, только реформаторы.

Дождаясь в приёмной начальника Главка визы на рапорте, я поймал проносящуюся в перенасыщенном кофейным запахом воздухе сплетню об их очередных достижениях. Опрометью бросившись к кадровикам, я буквально выхватил текст из рук начальника отдела кадров и, сначала пробежавшись глазами, а потом ещё трижды прочитав, не поверил своим глазам. «В целях усиления борьбы с организованной преступностью — ликвидировать подразделения по борьбе с организованной преступностью, а их функции передать во все оперативные службы в пределах их компетенции и существующей штатной численности».

Указы, приказы, распоряжения, которые сваливаются на нашу голову сверху, существуют для неукоснительного исполнения. Они появляются на свет и живут сами по себе, в отрыве от реальной жизни, на тиснёных атласных, гербовых бумагах, с водяными знаками и без, скреплённые подписями, печатями и штампами различных видов, размеров и значимости. А за мной живые люди, человеческие судьбы, а иногда и жизни...

В нашей работе вход — копейка, выход — рубль. Выводить внедрённых сотрудников из группировок надо более тонко и аккуратно, создавая не менее правдоподобные легенды. А начинать надо с Михалыча, уж очень близко он подошёл к человеку, чей хмурый взгляд или даже просто вздёрнутая бровь чреватые «стрелками» и «разборками» со стрельбой и человеческими жертвами.

И снова без зазрения совести, даже не извинившись перед Светланой, героического терпения женщиной, настоящей женой сотрудника милиции с большой буквы, рвущего свою душу между семьёй и оперативной работой, я выдернул Данилкина на целую неделю, для мозгового штурма. В сложившейся ситуации «одна голова хорошо, а с мозгами лучше».

Набросав широкими мазками картину, которая будет убедительна для её адресатов, мы перерыли, перелопатили ворох бумаг, чтобы, ни на шаг не отступая от закона, отшлифовать до тонкостей

пейзаж похоронной процедуры Юсупа Михайловича. И оплакиваемые природой, под проливным дождём на выкупленном зарезервированном месте для семейного родового захоронения мы провели пышные похороны урны с прахом подготовленных, но уже больше никогда не востребованных документов, кремированных во дворе Главка, под бдительным присмотром комиссии в присутствии представителей прокуратуры с петровских времен называющих себя «оком Государевым». Пышные похороны несостоявшихся надежд на красивые оперативные дела, которые могли бы получить огромный общественный резонанс, вкладывающие свою лепту в копилку уважения к работе милиции и всей государственной системы...

Организм, привыкший к работе в цейтноте, неожиданно свалившееся огромное количество свободного времени вернуло в родной боксёрский клуб «Восток». Теперь у меня нет уважительных причин прогуливать тренировки. Какое здесь всё настоящее, мужское!

Наполучав солидную порцию ударов по выдвинувшемуся вперёд животу и как следует намахавшись кулаками, я занял душевую кабину, наслаждаясь упругими струями воды, разминающими разгорячённое тело. Попытки оторвать меня от этого наслаждения после замечательной тренировки отвергались мною в самом их зародыше. Даже громогласное приглашение на чай самим руководителем клуба Казаковским, с озвучиванием присутствия на столе любимейших мною эклеров, не могло превзойти наслаждения от ощущений налитого здоровьем, взведённого, как тетива лука, тела, где каждая мышца звенит, играет счастьем осознания себя настоящим мужчиной. И только наполненный загадочностью голос опоздавшего на тренировку Дьякова выдернул меня из душа, как пробку из бутылки:

— Звездинский Михалыча нашёл!

Одеваясь на ходу, проносясь с выпученными глазами мимо в очередной раз ошарашенного моим неадекватным поведением Казаковского, я запрыгнул в машину к Дьякову, где уже комфортно и как-то подозрительно ненапряжённо расположился Сергей Аркадьевич. Моё начальствующее «докладывай!» Андрей Викторович с язвительной интонацией пресёк фразой, что он теперь новоиспечённый безработный, и, ловко пародируя Раднэра Муратова из фильма «Максим Перепелица» выдал, заполнив салон машины неискренним, каким-то фальшивым смешком:

— Никакой ты не командир. — Потом, посерьёзнев: — Всё нормально, Викторович, не переживай. Поехали, командир, всё увидишь сам.

Им, уже не наделённым никакими полномочиями и, естественно, красными корочками, без которых милиционер даже в туалет не ходит, пришлось солидно поругаться с охранниками у въездных ворот на кладбище. Лишь только бессрочная «ксива» ветерана боевых действий вызвала снисходительное отношение к нам, и мы, попетляв по аллеям и дорожкам, остановились у могилы с прахом несбывшихся надежд и ранее стоявшей здесь небольшой табличкой с именем Юсупа Михайловича.

Василий Васильевич был здесь. Над приведённой в идеальный порядок могилой возвышается гранитный памятник с лаконичной надписью «Юсупу от братвы». Разверзшийся крест и входящая в его разлом фигура человека — это единственный памятник, где нет лика ушедшего, где божий странник уже попрощался с этим миром и, попрощавшись навсегда, отвернулся от мирской суеты и уходит в принимающий его огромный гранитный крест — крест памяти о делах, уходящих в Вечность.

Проза

Александр Чумиков

Имя и фамилия автора подлинны. Кто хочет узнать больше, найдёт информацию известным и самым популярным в XXI веке способом. Или напишет на chumikov@pr-club.com. Или, в конце концов, на «Фейсбук» зайдёт...

Москва-400: едем мы из Жанжибая

Повесть

Продолжение. Начало см. в предыдущем номере журнала

*Тем, с кем служил, однако
далеко не всем, посвящая...*

Часть II. В ЖАНЖИБАЕ

Что такое Жанжибай

— Едем мы из Жанжибая,
всю дорогу напевая.
Вот и дембель наш пришёл,
Мы его два года ждали,
Но теперь не за горами
Демобилизаци-я-а-а-а...

Ну, допустим, не «из», а «в». И не на дембель, а на службу. Так куда, на какую службу, в конце концов?! Тот самолёт, что вылетел из Одессы, был в воздухе недолго, час с небольшим. Неужто «Арабия» так близко? Но Николай Иванович даёт нужные пояснения:

— Мы прибыли в Народную Республику Болгарию, город такой-то. Сейчас шустро перемещаемся в машины. Разговаривать только шёпотом. Меня теперь называйте «товарищ полковник». Все остальные разъяснения получите на месте. Бегом — марш!

Но откуда взялся Жанжибай?

Оттуда, что живём по легенде. Адрес: «Москва-400», почтовый ящик такой-то. Письма домой, друзьям писать можно. В письмах сообщать, где служишь, нельзя! Потом (после армии), если спросят, где служил, отвечай: в Чехословакии, в ремонтной части, танки ремонтировали. Если как-то здесь прихватят (что практически невероятно, но мало ли что, как в советском детско-молодёжном боевике «Неуловимые мстители»: «Выкрасть могут Гриньку нашего!»), отвечай, что простой рабочий, в Болгарии танки ремонтируешь по контракту. Отпусков не будет, увольнительных тоже.

А теперь подпишись под документом о неразглашении...

При таком раскладе задолго до нас и придумали странное название Жанжибай. Где служишь? В Жанжибае. И песню про Жанжибай сочинили.

Ребята прикалывались, делали друг другу кустарные татуировки с пальмами, слонами, крокодилами. Родня пишет им: «Неужто в Африке?». Отвечают: «А где ж ещё, темнота?!». И песню поют:

— В Африке далёкой и жестокой,
Где берёт своё начало Нил,
Проживает с мамою и папой
Маленький зелёный крокодил.
Крокоди-и-и-и-л!
О е!
Крокодил!..

Другим писали: «Повезло тебе, что в Москве. Ну, как там Москва?»

Отвечали, как Хлестаков в гоголевском «Ревизоре»: «Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то всё...» Большой оригинал».

Теперь давайте разберёмся по пунктам. Где расположен Жанжибай?

В Болгарии, на Балканах, на высоте около тысячи метров над уровнем моря. Вид, конечно, офигенный, со стороны смотрится как курорт. Несколько белых одноэтажных зданий. Одно из них — казарма. Не такая, как в Союзе!

Длинный коридор метров восемьдесят. Вдоль коридора располагаются комнаты подразделений. В комнатах сияет натёртый воском паркетный пол. Самая большая комната (моего взвода) рассчитана на тридцать человек, а другие — от десяти до двадцати. Никаких сортиров на улице — тёплый туалет с отводом внутри помещения. И даже душевые комнаты.

В комнатах двухъярусные кровати. Сапоги... Какие сапоги! Не было у нас сапог, выдавали десантные берцы. В комнату их заносить нельзя, оставляли у дверей и переобувались в тапки. Портянок тоже нет, только чистые носки. За грязные и пахнущие носки можно схлопотать в нос ими же.

Шинелей тоже не было, вместо них бушлаты. И шапок-ушанок не водилось, их замещали пилотки: летом обычные, а зимой тёплые, с «ушами». Никакого «исподнего», а только обычные трусы и майки.

Так что это за форма, чья она, болгарская? Нет, она похожа на болгарскую и, если смотреть издали, то от неё почти не отличалась. На случай же близких контактов с кем-то в этой стране, включая предполагаемого противника-пришельца, на каждого воина имелся комплект настоящей болгарской формы.

Природа. Из крытых машин вылезли и увидели сливовые деревья. Конец июня, сливы пока незрелые, а мы, не видевшие и яблока в Союзе, кинулись их рвать и засовывать в рот, в карманы. Комвзвода, старший лейтенант Пивченков (в дальнейшем Таракан, из-за торчащих молодецких усов) разъясняет:

— Сынок, через месяц сливы подрастут. В рот не полезут — в задницу пихай! А сейчас расстройство живота получишь.

— Так ведь оборвут.

— Не бойся, всем хватит.

И вправду хватало. Ели «живьём», варили компот, и всё равно к осени образовывался ковер упавших слив, зря переживали.

Желание натолкать в себя зелёных слив объяснялось не только тем, что их не давали в советской военчасти. В так называемый «застойный» период отечественной истории происходило много вещей, которые сейчас не укладываются в голове. В столице могучего СССР, например, огромные яблочные аллеи вокруг Московского университета на Ленинских горах охранялись от желающих сорвать яблоко; «совхозные» сады в столичном Кунцеве оберегались сторожами с собаками! То же было и со сливами. «Воров» (нас, мальчишек) ловили и мягко, но пристрастно карали. Сейчас в тех же местах упавшие и не собранные яблоки и сливы убирают в качестве мусора специально обученные люди за вознаграждение. Как дефицита дешёвых фруктов добивались раньше? Видно, лучшие умы работали над яблочно-сливовыми схемами!

Ну, ладно, повествуем дальше.

Часть по периметру окружена двумя рядами колючей проволоки под током. Нет, не убьёт, просто идёт реакция на замыкание и разрыв, о чём сигнал (звук колокола) поступает в громкоговоритель караульного помещения. Ветка дерева упала, зверёк какой, а «колокол» бьёт! Между рядами проволоки и за ними (туда и сюда заходить запрещено) растут грецкие орехи. А хочется ведь! И лазили. Но у орехов, когда с зелёной скорлупой, такая особенность: очистил, съел, а руки и язык становятся

от орехового сока чёрными, не отмоешь. Открой рот, покажи язык, командует офицер: «А-а-а, на периметр ходил». Вычисляли, упрекали...

Летом всё вокруг утопает в зелени. Горы, словно зеленые волны, катятся до самого горизонта. Осенью они становятся разноцветными, а зимой коричневыми, с вкраплениями белого снега.

И «календарную» еду в Жанжибае не сравнить с союзной. Помните мой рассказ?

В Жанжибае за столом четверо, вилки есть и кружки эмалированные. Когда проверки из центра наезжали, их меняли даже на керамические и прикладывали ножи.

Летом на столе регулярно появлялись арбузы, виноград, клубника, яблоки, зелёные салаты. Не переводились конфеты, печенье, компоты из свежих фруктов.

Тем не менее, из набранных в Союзе пяти килограммов за месяц сбросил три. Почему? Речь о причинах такого нелогичного явления впереди.

Курьёз случился с популярным болгарским гарниром — фасолью. Вкусив её первый раз, мы испытали восторг, поскольку в Союзе консервированная фасоль в баночках и на гражданке считалась дефицитом. Восторг некоторое время не ослабевал, однако, когда фасоль начали давать один-два раза каждый день, в первом и втором блюдах, настроения изменились: опять фасоль, надоела она, сейчас бы кашки гречневой да хлебушка чёрненького... Чёрного в часть не поставляли, мы ели только белый, и когда офицер-отпускник привозил из Союза пару буханок «бородинского», угощал им солдатиков, то эти кусочки поедались с большим удовольствием.

Практиковались и самодельные лакомства. Ночной наряд по столовой будил друзей в казарме, и мы жарили на кухне картошку. Не варили, не пекли, а жарили! Это в армии был изыск. Из муки делали шарики, добавляли соль, сахар и бросали в кипящее растительное масло. Получались настоящие пончики!

Но главной кулинарной базой считался магазин. Язык не поворачивался назвать его по союзному «чайной», так как чая там не лежало. А продавали...

Снова лирическое отступление про «застой». Маринованные болгарские помидоры в СССР, конечно, в торговой сети присутствовали. Но вот про финскую колбасу большинство советских граждан только слышали и лишь некоторые (главным образом, москвичи) пробовали. Временный «коммунистический рай» настал в столице великого государства в 1980 году, во время московской Олимпиады, правда, всего на три недели и далеко не для всех. Финская колбаса, баночное пиво и ещё какие-то малознакомые вкусы для жителей столицы вдруг стали доступными. Но когда «олимпийский занавес» закрылся и произошло «до свиданья, мой ласковый Миша», всё опять исчезло...

А тут! «Кока-Кола» в маленьких стеклянных бутылочках, импортные консервы, кондитерка в красивых зарубежных упаковках. Даже для москвичей это стало культурным шоком. Я, например, «Кока-колу» до армии не пробовал. А для деревенских-поселковых — шок в кубе! Да что «Кола»? Американские сигареты с фильтром! Жвачка!

Мать пишет: варенье варим, компоты делаем, ты что предпочитаешь, что тебе застави? С одной стороны, отвечаю, что предпочитал на гражданке, а здесь привык есть, что дадут. С другой стороны, дают-то нормально.

Полагалось также каждому бойцу на месяц восемнадцать пачек болгарских сигарет без фильтра «Арда». Заядлым курильщикам не хватало, а незаядлые (типа меня) с ними делились.

Везде клумбы с розами. Командир части полковник Черноус лично контролировал уход за благородными цветами: обрезать, поливать, зимой укутывать.

Клуб. Кино. В Союзе я за полгода посмотрел раза по три «Чапаев», «Щорс», «Лазо». Здесь такое показывали существенно реже, отечественное кино подтягивали посвежее и демонстрировали в клубе три раза в неделю. Ну, военные фильмы, конечно: «Освобождение», «А зори здесь тихие», «Красная площадь». Патриотические, например, «Укрощение огня» про космического конструктора Королёва. Комедии: «Бриллиантовая рука», «Джентльмены удачи», «Двенадцать стульев».

Любопытно, что несколько раз крутили «внесистемные» для армии фильмы по произведениям Антона Павловича Чехова, где нет ни армии, ни боёв, ни погонь, и лишь однажды герой стреляет в другого — это в «Дяде Ваня». И, совсем без стрельбы, «Цветы запоздалые»...

Даже импортные фильмы завозили, иногда и без перевода. Но всё равно смотрели с интересом, ожидая чего-то не хватавшего в реальной жизни. А не хватало молодым ребятам понятно чего. Если

в фильме показывалось хоть сколько-нибудь обнажённое женское тело, в зале звучало нарастающее громовое «У-у-у-у-у!», да ещё и с острыми присказками. С учётом того факта, что зрителями были офицеры с жёнами и малыми детьми, которых животные возгласы сексуально озабоченных солдат тревожили, замполит полковник Николай Иванович Камбышев (как раз тот, что вёз нас из Скотинова в Жанжибай) ввёл своеобразную цензуру: предварительно импортные фильмы просматривал и возбуждающие кадры изымал. Исключение составила банная сцена в «Звездах тихих», на которую у замполита рука не поднялась. Там секунды какие-то «обнажёнки», но «у-у-у» в кинозале не звучало, стояла абсолютная тишина, дыхание перехватывало.

А главное, имелся в части телевизор с «забугорными» программами, которых в Союзе нет. Что там интересного можно было увидеть? А вот что.

Телевизор стоял в ленинской комнате. Такое помещение с историей Ленина, Коммунистической партии и прочей советской пропагандой оборудовалось в каждой армейской части. Использовалось оно и для политзанятий, и для досуга. Типа телек посмотреть, в игры поиграть. Шахматы, шашки, но, в основном, домино. И в картишки самодельные баловались — прямо под Лениным, нелегально, конечно.

В октябре 1974-го транслировался бой бывшего чемпиона мира в тяжёлом весе Мохаммеда Али (в момент боя претендента на это звание) с действующим чемпионом мира Джорджем Форманом. В Союзе такого не показывали и показывать не могли. А мы не видели никогда и ничего подобного. Ну, разве можно сравнить трёхраундовый (он же «гуманный») поединок советских боксёр-любителей, с пятнадцатираундовым боем профессионалов!

Во время первой половины боя Мохаммед Али (он же Кассиус Клей) пропустил несколько мощных ударов, которые могли завершить бой. Но многие удары проходили мимо или вскользь, изматывая нападавшего Формана. Меня напрочь поразило то, что Али полностью открывал Форману живот, а тот лупил по нему с двух сторон. И ничего! После пятого раунда угол чемпиона мира попросил остановить поединок и натянуть канаты на ринге, однако рефери проигнорировал эти просьбы. Но Форман уже выглядел уставшим. В седьмом раунде Мохаммед начал доминировать в бою. К восьмому раунду Али, прямо перед сигналом к окончанию раунда, провёл комбинацию, и чемпион оказался на канатах. После чего Мохаммед точной атакой отправил Формана на настил ринга. Джордж успел встать на счёт «девять», но рефери решил остановить бой. Весь стадион вскочил на ноги и скандировал: «Али, убей его!» («Ali bomaе!») — бой происходил в Африке (Заир, Киншаса)). После боя за Мохаммедом закрепилось прозвище, которым он сам себя наградил, — Величайший.

А нам повезло увидеть Величайшего: ночь не спали — переживали. До сих пор помню.

Что ж, получается, Жанжибай — лафа, сплошные удовольствия? Как бы не так! Помнится, в эпоху «застоя» существовал книжный дефицит. И когда ты покупал хорошую книгу, в нагрузку могли дать пару книг нечитабельных: план продаж надо выполнять. Так же в советской жизни обстояло дело с вкусными продовольственными товарами. Вот и к жанжибайской «лафе» была нагрузка. Какая, скоро узнаем...

Кто и как живёт в Жанжибае

Кто есть жанжибайские обитатели, как они живут?

Всего в части человек сто шестьдесят военных. Три призыва солдат и сержантов, каждый из призывов прилетает скопом после полугода службы в Союзе. Мой «черпаковский» призыв составлял около шестидесяти человек (самый большой), что в дальнейшем нам очень помогло. Предыдущие призывы: «стариковский» — человек сорок, и «средняковский» — тридцать с небольшим, что впоследствии именно этому призыву очень повредило. Ну, и не меньше тридцати офицеров, от лейтенанта до полковника. Получается, что один офицер где-то на четырёх солдат. Немало! Интересно, что «кусков» не было совсем: ни складских «мешочников», ни боевых, их функции выполняли сержанты-срочники.

Сначала о солдатах. «Салаг» не было, «черпак» оставался «черпаком», «средняк» «средняком», а «деды» и «дембеля», соответственно.

Откуда прибыли солдаты? Я не знаю, на каком уровне решались вопросы с национальным со-

ставом нашей части, но... Вроде все нации в брежневском СССР считались равными, однако, повторюсь, представителей среднеазиатских, а также кавказских республик в части не оказалось, за исключением узбека Султана, про которого я уже рассказывал. Преимущественно русские, немало украинцев, несколько белорусов, один молдаванин — вот и всё национальное разнообразие.

Денежное довольствие в Жанжибае существенно выше, чем в Союзе. Болгарские левы считались у нас валютой, и получал её рядовой солдат в эквиваленте тринадцати-четырнадцати рублей в месяц, сержант — до двадцатки: половину выдавали на руки, чтобы в местный магазин сходить, а вторая половина шла «на книжку», то есть накапливалась в финансовом отделе и выдавалась на «выезд». Что такое «выезд»? Один, максимум два раза за полтора года нас передевали в штатское и вывозили в близлежащие болгарские города, где мы формировали «дембельские наборы»: гражданскую одежду для себя, подарки для родных.

Офицеры прибывали в части вместе с жёнами и детьми дошкольного возраста, жили в двух блочных домах с обычными квартирами, а на «выезде» могли бывать каждую неделю.

На молодых офицерских жён солдатики облизывались, распялялись и теряли голову. Но дамы сохраняли её холодной. Из разговора двух подружек:

— Ну, парень Стёпа неплохой, и мы с ним, в общем... А потом!

— Что потом?

— Совсем дурак стал! Давай, говорит, всем всё расскажем.

— А зачем, что же будет? — спрашиваю.

— Счастье у нас будет. Поедем вместе на БАМ!

— Пришлось Стёпу подальше послать.

Так и мне неожиданно пофартило... Появляется в части новый офицер, причём не один (такое тоже бывало), а с супругой. Супруга от безделья, видно, томится, все немногочисленные женские рабочие места продавщиц и библиотечарш разобраны. И вот на одном из высококультурных сборищ личного состава она объявляет: я, мол, преподаватель английского языка, кому интересно — могу позаниматься.

Ну, что ж, дело нужное и перспективное, а мне-то и вовсе в институт поступать и язык сдавать. Желаящих совершенствоваться в инязе нашлось ещё двое. Потом один стал пропускать занятия и отвалился, за ним и другой, остался в одиночестве. Занимались в комнатке при клубе. Людмила Петровна, тридцать лет, красивая, черноволосая, всё на месте. Смотрю...

Опять лирическое отступление, как Александр Сергеевич Пушкин завещал, когда писал про ножки и всякое такое. Простите меня, дамы, за нижеследующие рассуждения... Так вот: смотришь в тридцать лет на сорокалетнюю женщину и думаешь: а что, пока нормально, вперёд! Смотришь в сорок на пятидесятилетнюю: н-да, имеет смысл или уже нет? Но для девятнадцатилетнего пацана женщина в тридцать лет — невысказанный подарок! Занимаемся. Людмила Петровна разъясняет. Одевается каждый раз по-разному, поскольку не перед кем больше одеваться. А муж — что муж, он уже все одежды видел. Сидим близко, духи чувствую, и голова конкретно начинает кружиться. Она однажды локоном задела, а меня в дрожь, зубы реально застучали, слова не то что английские, а и русские произносить не могу, побледнел:

— Вам плохо? (мы на «вы» общались).

— Да, немного плоховато. Голова что-то закружилась.

— Давайте я Вам массаж головы сделаю.

Встала и начинает по голове гладить. Декольте, грудь фланируют на уровне моего носа. Я не то чтобы бросился, нет, я робко прикоснулся щекой, а пульс уже сто двадцать или выше, дыхание такое, что кросс отдыхает.

Людмила Петровна улыбнулась и приобняла слегка.

— Что ты, мальчик, ещё чуть-чуть, и всё это у тебя будет.

В облака улетел! Если бы спросили, а что бы отдал за это? Да всё бы отдал, включая саму жизнь. Серьёзно? Абсолютно серьёзно.

Уехала вскоре Людмила Петровна, хотя муж остался служить дальше. Почему уехала, не знаю... Но английские занятия запомнил надолго. Дальше, уже не в армии, много чего было, а вот это забываемо. И до сих пор уверен: это с её стороны — подарок. Спасибо, моя английская Люда!

В описанных случаях многие про такие отношения понимали. Кроме мужей, естественно.

Мужики, вы осуждаете женщин? А себя не осуждаете, когда к чужой юбке приклеиваетесь? Вам можно, а им нельзя? Сложный и вечный вопрос, оставленный нам для разрешения навечно...

«Непричастным» и «неосчастливленными» польза тоже доставалась. Вот, скажем, такая история. Будучи уже сержантом и с «англичанкой» простившись, стою дежурным по подразделениям, со мной два дневальных, один из которых, Протасов, как раз попал в счастливики, из которых я давно вышел — только сны эротические покоя не давали.

Как заступили в наряд, я ему говорю: «Слушай, ты хоть бухла у своей попроси пузырь, выпьем с тобой ночью». Он: «Попробую». Получилось, видно, нравился он женщине, приносит Протасов бутылку шестидесятиградусного рома. Часть спит, на будильнике около четырёх утра. «Ну, давай, открывай», — говорю. А у нас ни закуски, ни запивки. Что ж, рукавом занюхивать будем да курить. Вдвоём по два захода из горлышка опрокинули, закурили.

И тут «колокол» — сигнал тревоги ударил. Это значит, что через минуты подразделения вместе с офицерами побегут к оружейной комнате боекомплекты получать, а мы открываем, закрываем, контролируем. Но запах-то ромовый куда деть? Вспомнил я, что в ящике тумбочки дневального головка чеснока с какой-то стати завалилась. На, говорю Протасову, кусай, а потом я. Укусили. Комвзвода Таракан подбегает и в сторону шарахается: зачем чеснока нажрались?! Ну, дык мы это... Через пятнадцать минут все убежали на боевые позиции. А нас начало «цапать», присели и опять закурили.

Есть ли дедовщина в Жанжибае? А как же! Но получалась она весьма своеобразной. Во-первых, не работать было невозможно, поскольку командир части полковник Черноус лично знал каждого военного и за каждым наблюдал. То есть пахали все, да как! Заприметил Черноус заболоченную площадку с лягушками, змеями и говорит: «Как здорово здесь играть в волейбол!» После этого площадку осушаем, песочком посыпав, змей выводим, натягиваем сетку, делаем разметку. И вот тебе волейбол!

Бассейн, вода в который поступала прямо из горных ручьёв, сделали до нас. Но прохладной оказывалась вода, летом максимум градусов пятнадцать. «Правильно солдаты говорят, холодный бассейн, — замечает Черноус, — и резюмирует: «Будем строить повыше два бассейна-отстойника». Лопаты и носилки в руки, техники никакой, цемент, песок, камешки, вода — льём бетонные «укрепления». Глядишь, и это осиливаем, а вода в основном бассейне теперь ближе к двадцати. Но Черноус не успокаивается и заставляет очистить потеплевший бассейн от лягушачьей икры: «Уберите, — приказывает, — эту жабурень».

Прогуливается полковник по природному ландшафту, подходит к живописной скале:

— А что, прекрасное место для склада горюче-смазочных материалов.

— Простите, как же его крепить-то к скальной поверхности, чуть присыпанной землёй?

— Долбить траншею в скале.

— Чем?

— Сварите долота на рукоятках, один солдат держит, другой кувалдой бьёт. И делов-то!

Варим, долбим, бьём. Осколки летят от металла и скалы. Попали в солдатика, кровь брызнула. Черноус:

— В глаз?

— Нет, в ногу...

— Тогда ладно, перебинтуйте, заживёт.

И опять долбим. Время проходит — стоит склад!

Косим сено, собираем в стога; сажаем, пропалываем, выкапываем картошку, разгружаем машины с кирпичами.

Присутствовала и «блатная» работа для «взрослых детей», коими мы и являлись. Лили бетонные ангары, а для них строили деревянные танки с бутафорскими пушками, которые зловеще выглядели из ангаров. А настоящий танк имелся всего один. Каждый два-три месяца он катался по горам со снятым глушителем и чудовищно шумел. Что за комедия, создатель?! Так я же пояснял: танковая ремонтная часть...

Дальше о дедовщине. Офицеры становились неформальными «стариками» после трёх, а не полтора лет службы в части, несмотря на формальную разницу в званиях. То же с маленькими детьми! Сын комсомольского секретаря части капитана Мартынова был тот самый вылитый Вовочка из

анекдота. Приезжает в часть лейтенант, а шестилетний Вовочка его встречает на улице и говорит: «Я четыре года здесь. Я старик части, а ты «мутыль» (жанжибайский эквивалент слова «салабон»). Ну, что с мальчика взять: смеялись, шутили, придумывали сказочные истории про Вовочку.

Ещё раз задам вопрос о том, была ли дедовщина в Жанжибае. Реальной, как в Союзе, практически нет, только виртуально-игровая!

В самом деле: «деду» можно повалиться на койке в неположенное время, а мне — «черпаку» или даже «средняку» позволено прилечь лишь на коврик возле неё. Ему можно ночью расхаживать туда-сюда по казарме, выходить на улицу и мечтать о будущем, а мне положено только спать.

Ну, заорёт «дед» Боря Грахов, родом из далёкой смоленской деревни: «Салабоны, (теперь употребляется «блин»), заманали. Вот послужите с моё!»

И что? Ничего. Пусть орёт.

И рукоприкладства никакого, Боже упаси.

Однако оно началось, уникально и непредсказуемо, причём по инициативе моего призыва. Была у нас и такая игрушка: если в Союзе усы полагалось носить, в соответствии с Уставом, лишь тем, у кого сей атрибут являлся предметом национальной принадлежности, то в Жанжибае начальство на это не обращало внимания — валяйте, «национально непринадлежащие» ребята, раз вам это скрашивает будни без отпусков и увольнений. А раз начальству всё равно, началась саморегуляция: старикам можно носить усы, а нижеслужащим — ни в коем случае. И когда «деды» готовились к дембелю, я начал потихоньку усы отращивать. Но как только машины с дембелями ушли на аэродром, ко мне подошёл рядовой Пеньков со стариковскими атрибутами (ремень на я..., гимнастёрка наполовину растёгнута) и назидательно молвил: «Свирин, усы сбрить!»

Дальнейшее связано не только с моей смелостью и борзостью, но и с тем, что во взводе и в части в целом нас было в два раза больше чем дедов, да и сержанты почти все наши. То есть вполне можно было рассчитывать на количественную и качественную поддержку. Отсюда я послал его по матушке. Пеньков разъярился и схватил меня за грудки. Не мешкая и не ввязываясь в словесную перепалку, я вмазал ему кулаком по морде. Сразу подхватились и втянулись в драку ребята с его призыва. Но и наши оперативно среагировали: в итоге бой оказался неравным, и старики — о, чудо — с позором ретировались.

Таких столкновений случилось ещё несколько. Захватывающая и динамичная драма разыгралась на складе ГСМ, где один из наших парней, Славик Гречишин, служивший в хозяйственном взводе, выдавал горючее. Приходят два старика, говорят: «Давай, заливай бензин в канистры». Он: «Бумаги-наряды где?». Слово за слово, завязалась схватка, да такая, что Славика вырубил до потери сознания и пошли спокойно в казарму. Но Гречишин, львовский хлопец с серьёзными мозговыми заворотами, быстро очнулся, схватил деревянную кувалду и помчался за обидчиками в погоню. Пробегают мимо случайно шагавшего по дороге комвзвода Таракана, а Славик внимания на него не обращает и продолжает преследование обидчиков. Старлей истоиво кричит: «Гречишин, прекратить!» — да куда там. Догнал дедов и обоих кувалдой уложил. Н-да, дошло дело до командира части, началось разбирательство, всех участников побоища посадили на губу.

В дальнейшем всякое дедовство по отношению к нам со стороны старшего призыва прекратилось. Приказания сержантов старики, скрепя сердце, выполняли, на прочих не обращали внимания. Мы поступали аналогично. Ситуация сложилась прямо аналогично концепции Лейбы Давидовича Бронштейна-Троцкого, организатора Брестского мирного договора России с Германией в 1918 году: «Ни войны, ни мира, а армию распустить». Армию, конечно, не распустили, остальное было похоже.

Но вот ведь известно, что человек никогда не бывает удовлетворён до конца, это только у Гёте в «Фаусте» есть «Остановись мгновенье, ты прекрасно!» Так и у нас: дедов победили, и тут же стало немного скучновато. Никто не придирается и перерабатывать не приходится. Выбежали по тревоге, так я сам взял у страдальца-подчинённого ящик с боеприпасами и побежал с ним — было желание выложиться, как следует.

Какой ещё интересный момент! Уходят ребята, вчера ещё «злые старики», на дембель, будь то гнобившие нас или побеждённые нами. Не по одному, а все сразу. Машины въезжают на плац, офицеры, их жёны, дети и мы, конечно, выходим провожать. И получается, что, с одной стороны, завидно, а с другой — грустно.

— Давай, Саня, обращается прежде «злойный дед» (а до этого он меня по имени-то ни разу не называл), прости, если что.

— Это ты меня, прости, Витя. Удачи на гражданке!

Разъяснили данный феномен много лет спустя умные люди. Сказали, что вызывается такое поведение переменной ролевой функции. О как!

Кайф в Жанжибае

Если, как я ранее излагал, километровая беговая дистанция считалась в Союзе почти подвигом, то на Балканах на третий день пребывания погнали трёшку, причём, по жаре. Наш молодняк изнывал и обливался потом, курящие кашляли и клялись завязать с куревом навечно, хитрые стремились сачкануть и пойти пешком. Да куда там: по всей трассе стояли офицеры, а старшее поколение солдат и сержантов выступало в роли зрителей, подбадривающих бегунов возгласами:

— Сынки, через неделю вам эта трёшка медом покажется!

И вправду. Трёхкилометровая трасса проходила по обычной асфальтовой дороге с небольшими подъёмами и спусками. Но через неделю вывели в горы, на каменисто-земляную поверхность, именуемую «тропой Хо Ши Мина»: название восходило, видно, к идущей во Вьетнаме войне и её национальному лидеру. Если километр бегали просто в берцах и обмундировании, то здесь — в общевойсковом защитном комплекте (ОЗК), предназначенном для облачения в условиях ядерного или химического нападения противника. Кто не слышал о таком чуде, поясню: это огромный синтетический балахон-«презерватив», куда ты залезаешь вместе с руками и ногами, застёгиваешься наглухо, а на голову надеваешь противогаз. Плюс автомат и подсумок с магазинами. Бег вверх-вниз, вверх-вниз километра полтора.

Для пытавшихся сбросить противогаз и дыхнуть свежим воздухом маячило два варианта «ответа за базар»: пробежать дистанцию повторно или получить под ноги взрывпакет со слезоточивым газом. Не смертельно, конечно, но, поверьте, охоту на расслабление отбивает.

Вскоре и «тропа Хо Ши Мина» перестала казаться чем-то страшным, поскольку возникли новые военно-спортивные горизонты. Главным из них стал шестикилометровый кросс в полной выкладке (автомат, противогаз, только что ОЗК не на тебе надет, а лежит в вещмешке) по горной местности. Большинство из сослуживцев никогда таких дистанций не бегали, и всё их существо наполнялось ужасом. А куда деваться?! Никаких послаблений, лишь иные сердобольные однополчане на каком-то участке дистанции поливают тебя водой из бутылки и дают разок-другой глотнуть. Кросс проводился еженедельно и постепенно перестал казаться сверхъестественным. Как и средняя потеря веса: за тридцать-сорок минут — два-три килограмма, в зависимости от комплекции. Какое там похудение, какой фитнес-клуб!

Но правильно писал Фёдор Михайлович Достоевский в «Преступлении и наказании»: «Ко всему подлец-человек привыкает!»

Зимой это было ещё трудней, так как бежать приходилось по снегу. Со временем снег утаптывался, леденел, мы скользили и многократно падали. Потом привыкли и к падениям, только смеялись друг над другом.

Однако привыкать приходилось регулярно, поскольку возникали новые сюрпризы. Километраж следовало пробежать за определённые минуты и секунды, в которые народ мало-помалу начинал укладываться. И тогда начальство говорило, что, мол, и километры не те, и норматив не тот. Перемеривали расстояние, переисчисляли время, и по новой. Такое за службу происходило раз пять. Да ничего, опять привыкали и снова укладывались.

Тут вот какие интересные ощущения. Сотку и километр бежать примерно одинаково: молоти изо всех сил, не переводя дыхание и не делая замедлений. Шестёрка — совсем другое: распределяй силы; когда вверх бежишь — соберись, сбавь скорость, вниз — расслабься и ускорься. Дыхалка сначала сбивается, потом устанавливается в расчёте на долгий бег. А вот трёшка — дистанция самая трудная, ни короткая, ни длинная, сложно давалась, не очень понятно, как её бежать.

Это максимум со спортивными нагрузками? Отнюдь! В означенное время мы узнали, что командир части Черноус повелел каждому служивому иметь спортивный разряд. Где, какой — солдатско-

офицерские проблемы! Но на общем обозрении висела пофамильная таблица, где разряды каждого воина отмечались.

Есть такая армейская народная песня, восходящая к эковской колымской «Ванинский порт». Там так:

— Будь проклята ты, Колыма,
Что прозвана чудной планетой,
Сойдёшь поневоле с ума,
Оттуда возврата уж нету...

У нас оптимистичнее:
— Будь проклята ты, полоса,
О, чудо двадцатого века,
Пока пробежишь до конца,
Останется полчеловека...

О чём речь? О полосе препятствий. Просто бег, затем извилистый лабиринт, прыжки в окна, подъём по стенке, проползание под натянутой проволокой, броски гранаты на меткость.

Вроде бы сложнее всего получить спортивный разряд на «полосе»? Ан нет! Там многое зависело не от силы и скорости, а от ловкости. Например, гранатой в цель можно промахнуться, в окно пролезть неуклюже, и от всего потерять время. Но в армии так: не можешь — научим, не хочешь — заставим. Поэтому свой начальный, третий разряд, служивый получал именно на полосе, в соответствии с указанным правилом.

Получить один спортивный разряд считалось слабым. Передовики имели по пять-шесть. Я, например, кроме полосы, «разрядился» на бегах — стометровке, трёх и шести километрах.

Постепенно от спорта начали испытывать настоящий кайф: в свободное время без понуканий бегали, играли в волейбол на той самой очищенной от гадов площадке, плавали в прохладном бассейне. Популярной стала «качалка». Откуда-то появились неведомые тогда в Союзе инструкции по бодибилдингу; швейным метром замеряли рост бицепсов и хвалились друг перед другом.

Ну, а кому неинтересно — на полосу, будем тебя гонять до получения заслуженного, пусть и единственного разряда и внесения в искомую таблицу к удовольствию полковника, очень любившего спорт. Правда, сам он замечен в этом деле не был.

Впрочем, существует такой парадоксальный момент: каждый понимает, что кайф можно получить от спорта, а здоровье — от поедания силоса, то есть всякой полезной травы. При этом известно также, что не пьёт только вобла, поскольку сама является закуской. И телеграфный столб: у него чашечки вверх дном перевернуты.

Были во взводе продвинутые и одновременно сильно отвязные хлопцы из одного большого приволжского российского города. Уж не знаю, как они попали в режимную часть с такими приобретёнными наклонностями, но тем не менее.

Дали поручение: слепить из глины контур части, затем накрыть его холстом, залить холст клеем, чтобы затвердел, расставить макеты казарм-ангаров-вышек-ограждений, оснастить лампочками и проводить на этом сооружении виртуальные тактические учения.

Моим напарником стал рядовой Демченко. Увидев ведро клея «БФ-2», он оживился и с ходу предложил:

— Давай кайфанём!
— Как это?

— В «техничке» сверлильный станок есть. Нальём банку клея, соли насыплем, сверло включим, оно всю гадость на себя наматает, а спирт, хоть и мутный, останется. Вот!

— Я — пас...

А Демченко — не пас! С двумя товарищами — Ляниным и Багровым — осуществил операцию. И они не отравились, а напротив, очень весело себя почувствовали.

Пришлось запросить ещё клея. Мне, как старшему по производству макета, попеняли за большие клеепотери, но, в принципе, обошлось.

Не обошлось в другой раз, о чём история в жанре чёрной комедии.

Дежурил взвод на кухне, и нам с Демченко приказали мыть посуду. Происходило сие занятие

после отбоя. Вдруг берёт рядовой Демченко кружку и бьёт её об пол, потом со второй и третьей так же поступает.

— Ты что, Игорь, на ...? — вразумляю его. — Сейчас помоем посуду и спать пойдём.

— А ты помнишь, — отвечает тот, — что нам на занятиях по химзащите говорили?

— Что?

— Что в косточках слив содержится синильная кислота.

— И?

— Я только что съел сто сливовых косточек.

Понимая, что Демченко прикалывается и сто косточек съесть не мог, обратился к нему вновь:

— Ладно, завязывай, пошли спать.

— Хорошо, — отвечивший боевой товарищ, — тогда я за матрацем пойду.

Чисто сачок, думаю, ну да хрен с ним. Домыл посуду и возвращаюсь в казарму. А там все не просто не спят, а на ушах стоят. Пришёл рядовой Демченко в казарму и давай стариков будить. На вопрос «те чё надо, салабон», отвечает: «Отдай матрац, спать на нём буду».

Поняли, что-то тут не так, кликнули дежурного офицера. Тот, видно, опыт имел и спрашивает: «Чего реально наелся?» Демченко и раскололся.

Оказывается, когда друг Лянин загремел в санчасть, он там выкрал пузырёк с таблетками димедрола. Позвал двух друзей, поделился и рекомендовал: разделите горсть на три части и кушайте каждый день по одной кучке, будет кайф.

Но Лянин-то имел, как выяснилось, опыт, а Демченко с Багровым оказались новичками. Приняли по горсти и обсуждают:

— У тебя, Дёмыч, кайф есть?

— Нет.

— А у тебя, Багор?

— Тоже нет.

— Тогда давай ещё по дозе?

— Давай!

Так приняли по второй, а потом по третьей, дальше чудеса и начались.

Отловили и Демченко в казарме, и Багрова, который сидел в туалетной кабине и отчаянно тёр абсолютно чистый фаянсовый унитаз.

Опасаясь непредвиденного буйства, прибывший из жёниной постели комвзвода Таракан скомандовал:

— Демченко и Багров (Лянин спокойно отдыхал в санчасти и признаков «съехавшей крыши» не подавал), заступаем в караул!

Те:

— А оружие?

— Возьмите в ленинской комнате.

Бойцы побежали в ленкомнату и стали искать автоматы под столами и плакатами:

— Там нету!

— Ладно, заступайте так!

По прибытии в караульное помещение, где также располагалась гауптвахта, поймавшие кайф уселись перед закрытым чёрной шторой окном.

— Смотри, кино идёт, — говорит Демченко.

— Ага, «Анна Каренина», — добавляет Багров.

— Скажи старлею, пусть погромче сделает.

— Ладно, сейчас исполним, — отвечает старлей, — тут ещё один кинозал есть, — и разводит их по камерам...

Двери одиночных камер располагались рядом, и когда громко кричишь из одной камеры, то в другой слышно. Друзья по кайфу переключились с кинотеатра на зоопарк:

— Смотри, Багор, какой тут зоопарк. Вон слон, никогда так близко не видел.

— Классно, Дёмыч! А у меня носорог!..

Подобные трюки у нас в части с рук провинившимся не сходили: вскоре всех троих отправили в Союз. Что это означало? Формально ничего, просто дослуживать, но по факту сложнее. Намере-

вался, например, «высланный» человек идти после армии работать на режимное предприятие, а его почему-то не брали. В милицию просился — от ворот поворот. То есть некоторый «волчий билет» в каком-то неизвестном мне пространстве, наверняка, существовал.

Однако случались поиски кайфа более безобидные, не отражающиеся на боеспособности и даже смешные.

По периметру части, а это несколько километров, обязательно ходили часовые. Возле установленных двух-трёх телефонных аппаратов часовой останавливался и докладывал в караульное помещение на болгарском языке: «Всичко хубово». Не подумайте чего неприличного, это переводится как «всё хорошо, всё в порядке».

Но теоретически (а порой и практически) часовой мог не блуждать по периметру, высматривая врага, а просто присесть у телефона и периодически бормотать в трубку нужные слова. Поэтому у начальства родился план: выкопать по периметру траншею, проложить в неё кабель, расставить столбики с кнопками, на которые часовой должен нажимать. Каждой кнопке соответствовала лампочка на табло в караулке, позволяющая отслеживать маршрут движения часового.

Копать траншею доверили нашему взводу. Вот спасибо так спасибо! На две недели освободили от работы, выдали ломы, лопаты и кирки — вперёд! Копать надо было на восемьдесят сантиметров глубины. Но, понятно, земли в наших горах было сантиметров на десять, дальше шли камни, а иной раз и монолитная скала. То есть работёнку подбросили, прямо скажем, пыльную — и в прямом, и в переносном смысле. Пахали с утра до вечера, а в качестве поощрения дополнительно получали сало, хлеб и лук.

Известные герои, Демченко и Багров, тогда ещё не будучи «высланными», работали так. Стукнет один киркой, долбанет другой ломом, вздохнут оба:

- Дёмыч, ну, блин, мы пашем.
- Багор, прямо как звери!
- Тогда пусть работает медведь, у него четыре лапы!
- Покурим?
- Угощай!

Садятся и закуривают. Но главный фокус-то они не просекли. Работа выдавалась не по времени, а «по уроку», то есть отмеряли тебе на сегодня тридцать метров копки — выполнь, завтра ещё тридцать. А не выполнил норму, так можно вечером с киркой-лопатой поразвлечься, а если к тому же и покурить, то и ночью.

Кто больше, кто меньше не докопал, но многие после ужина продолжать пошли. И вот первые окончившие стратегически важное рытьё, поджидая продолжающих ратный труд товарищей, стали поглядывать по сторонам. «Стороны» были интересные. Ведь вкалывали мы внутри двух рядов ограждений, куда в обычное время проход запрещён. И болгарская комендатура попадает в поле зрения, со специально подобранными и обученными братушками, солдатами и офицерами. У них тоже жизнь-бытьё. И вот прибегает один наш передовик копания траншей с какой-то подлунной улыбкой на лице:

- Пацаны, чего я нашёл!
- Чо ты мог найти, ладно, не (галди).
- Ну, как хотите, а я вот тут ведро принёс...

А в ведре-то — сливовая бражка! Возле болгарской комендатуры стояло несколько огромных, каждая по несколько сотен литров, деревянных бочек. Туда и забрасывалось братушками несметное количество несъеденных ранее слив. Получалась бражка, которая потом перегонялась в ракию (болгарская самогонка — дистиллят). Но и в бражной бочке было уже градусов семь!

Приняв прямо из ведра, кружки рядом не оказалось, граммов по сёмсот, мы пришли в полный восторг и договорились: будем ежедневно недокапывать траншею, чтобы вечером идти восполнять пробел. Покурили, (поговорили) в казарме и, удовлетворённые, уснули.

Так продолжалось и следующих два-три дня. Можно служить, служба нормальная, под бражку, сливы да грецкие орехи...

М-да. Главный инженер части, подполковник Гена Петров построил подразделения на плацу.

Надо сказать, что его супруга, в прошлой жизни преподаватель каких-то сильно культурных дисциплин в провинциальном ВУЗе, читала нам по выходным лекции в клубе о культуре поведения и всяком прочем высоком. Изрядно причитала при этом:

— Вот вы такие молодые, хорошие, красивые, складные, а пройдёшь мимо казармы, так уши вянут.

— А чо вянут-то, должны дыбом вставать, гы!

— Так вы матом ругаетесь...

— Ну, это для связки слов!

Итак, построил подполковник Петров часть на плацу. Напоминаю: по строгой инструкции громко говорить нельзя, а команды отдаются только по-болгарски. А Гена:

— Й-ех! Мать-мать-мать-мать...

Далее во весь голос (эхо отдавалось по горам) назвал нас детьми, у которых детородный орган давно перерос размеры мозга и постоянно находится в возбуждённом состоянии.

— А при чём тут это? — раздался робкий голос из строя. — Ну, стоит, так и должен стоять.

— А при том, молодые сучары, что болгары нам счёт выставили за пятьсот литров выпитой бражки!

На этом бражно-кайфовые дела завершились.

Новый, 1974-й год праздновали так. В столовой на ужин выложили какую-то вкусную кондитерку, пожарили картошки, поставили лимонад. А в двенадцать часов мы сами собрались в подсобке — дежурный по части офицер не препятствовал и не беспокоил. До этого закупили ящик «Кока-колы», вафель, шоколадок, хороших сигарет. Сидели, пели под гитару часов до трёх ночи. Про что? Две темы доминировали: любовь и дембель. Никакого бухла не было, и я этой самой «Колы» выпил бутылку семь.

Ну, что ж ты, зараза, мне светишь в лицо!

Товарищ сержант, два часа до рассвета,
Ну, что ж ты, зараза, мне светишь в лицо!
Товарищ сержант, скоро кончится лето,
И ночь хороша, словно сказочный сон...

В Союзе сержантское звание присваивалось, как правило, после «учебки». Я в «учебке» не был, поэтому в Жанжибай прибыл рядовым. Прошло полгода, старики уехали на дембель, моего сотоварища и командира отделения сержанта Чубчика повысили до замкомвзвода, а в отделение к нам влилось пятеро прибывших из Союза «черпаков», среди них два сержанта.

Но дело в том, что в нашей части новичков, пусть и с сержантскими лычками, ни на какое командование сразу не ставили: посмотреть надо сначала на человека.

— Так, Свирич, принимай командование отделением! — торжественно говорит Таракан.

— Да хоть полком! — отвечаю, тем более, ничем такой ответ не грозит. — Но я ж рядовой...

Зря так ответил. Не грозит? Ещё как грозит! Вчера, сегодня и завтра, когда отвечаешь за одного себя, в армии или на гражданке, тебя меряют по личной доблести. То есть выполнил приказ/задание качественно — молодец! А дальше не так. Если ты чего-то начальник, то оценивают тебя по деятельности структуры, которой руководишь. Что ты сам делаешь при этом, имеет всё меньшее и меньшее, по мере повышения в ранге, значение. Выполнила структура задачу — великолепно, хоть, например, спал или бухал в это время. Не выполнила — ты виноват, хоть и лично был героем.

А уж про военные события что говорить! И генералов, и маршалов понижали в звании, сажали, а то и расстреливали не за трусость, не за сон в неположенное время, не за баб и пьянку, а за то, что не смогли выполнить поставленную боевую задачу. Вот и подумаем.

В командной иерархии начиналось так: «Кати бочку до склада, ты — старший». Все смеются.

Следующий шаг: «Вас двое (оба одинаковых рядовых). Ты — старший».

Уже не смешно, а лишь смешновато, но приспосабливаешься ощущением первичного командного величия и даже повышаешь голос на временного подчинённого.

Далее — отделение, взвод, рота, батарея, где всех знаешь в лицо. И хочется, и возможность есть действительно дойти до каждого, понять, позаниматься каждым.

Потом полк, дивизия, армия. Люди теперь — стратегическое сырьё. Конечно, встречал маршал Георгий Жуков солдатика на фронте, обращался к нему: «Ну как, солдатик?» Тот ему разумеется,

всю «правду» в глаза высказывает. А маршал подчинённым: «Вот что солдат думает!» И в «Воспоминаниях и размышлениях», многократно отредактированных специальными людьми, об этом напишет.

Да солдат не дурак — всю правду докладывает: маршал приехал-уехал, а солдату служить. Солдат не думает, не положено ему думать, он угождает маршалу или придуривается, или просто молча выполняет приказ...

Ладно, продолжаем разговор с Тараканом.

— Покомандуешь пару недель нормально, присвоим младшего сержанта.

— Ну, хорошо, служу Советскому Союзу!

Что поменялось в службе? Да многое поменялось. Непривычно, что сам ровным счётом ничего не делаешь, только других заставляешь делать. Однажды мой дневальный после положенного ему дневного сна ушёл в умывальник и забыл заправить койку. Пришёл комвзвода и командует: «Чтобы через пять минут койка была заправлена!» Мне за дневальным бежать не хотелось, я сам взялся заправлять, а Таракан как гаркнет: «Отставить! Что же ты, так за всех будешь выполнять их обязанности?!» Вот и хожу-руковожу.

Оторвалась у подчинённого пуговица, а Таракан ко мне:

— Почему у него нет пуговицы?

— А я что,шивать ему должен?

Ну, и в таком роде. Отвечать требуется и за пуговицу. Сказали, что не надо слишком много убеждений и слишком мало принуждений... Понял, принял, использовал.

Сам дневальным у тумбочки уже не стою, а называюсь дежурным по подразделениям. Строю всех на утреннюю и вечернюю поверку: «Равняйся, смирно, товарищ дежурный по части...»

Кто-то не подравнялся или беседу не закончил, тогда командирским голосом:

— Команда равняйся была, (блин)!

А дежурный по части офицер:

— Отставить ругань! А ты (обращаясь к солдату, не выполнившему команду) должен быстрее реагировать. Понял, (блин).

В строю смех.

— Да с вами тут не удержишься!..

Что такое дежурный по подразделениям? Спать положено днём с девяти до часу, но если у каких-то подразделений в это время огневая подготовка или «бега» в полной выкладке, приходится то и дело вставать и выдавать им оружие, а ключи от оружейной комнаты дневальным доверять запрещено. Из этого выход один: нелегально спать ночью, что мы и делаем. В случае «опасности» (приход дежурного офицера) дневальный постарается отвлечь его внимание и разбудит.

Караул. В который раз про караул. Вот тут как раз «что ж ты, зараза, мне светишь в лицо». Караульный часовой два часа спит, два часа бодрствует, два часа стоит на посту — и так сутки. Но два часа ты хрен поспишь, поскольку на пост позже положенного заступить нереально, лечь сразу по истечении стояния на посту тоже нереально, реально только стоять на посту два часа. А если какая-то проверка, то и больше.

Есть также двухсменный пост, не суточный, а ночной. Два часа (практически) стоишь, два (теоретически) спишь.

За первый год службы я часовым ровно пятьдесят суток отстоял...

У разводящего, коим является сержант, другая функция: каждые два часа отвести-привести служивых на пост — с поста. Единоновременно полных полтора часа поспишь максимум, привыкнуть к такому надо. Но всё равно легче, чем часовому.

Сонная неуравновешенность, несбалансированность вызывала иной раз сложные ситуации. Пришёл дотошный проверяющий, пошли с ним на пост, как раз ночной, двухсменный. Там нормальный часовой — рядовой Рыбак, «дед» уже, стоит и не спит. Проверяющий майор Доскин (вспомним его в перспективе) мудрит чего-то, вводные часовому даёт, в итоге приходим мы в караул на час позже положенного. Спать Рыбаку остаётся минут сорок, он, расстроенный и злой, заваливается на топчан. На всякий случай для тех, кто не знает: часовой спит в полной форме, даже ремень с подсумками (в них автоматные магазины с патронами) и штык-ножом при нём.

Сам невыспавшийся, иду Рыбака будить. А он со сна:

— Да я ... (перечисляет родственников проверяющего и оглашает свои действия по отношению к ним). Перестоял час — теперь час спать буду.

— Рыбак, — вразумляю его, — никуда не денешься, вставай.

Тот не реагирует. Так и мне деваться некуда — служба: взялся за край топчана, да и опрокинул его на бок, Рыбак на пол скатился. Вскрывается, глаза дурные и выхватывает штык-нож, замахивается, а я вижу, что точно ударит.

Не увернёшься, помещение тесное, и сбоку, и сзади стоят другие топчаны. Я на спину на задний топчан опрокинулся, ноги вверх задрались, а Рыбак мне штык-ножом точно в ногу. Но в руке у меня автомат был, и когда, как на качелях, я «поехал» в обратную сторону, то в движении дуло левой рукой перехватил, а правой — ему прикладом по голове. Рыбак рухнул без сознания.

Шум-гам, начкар, старший лейтенант Черных прибегает (также будет вскоре помянут) и видит: один в отрубе на полу, а у меня из ноги кровяшка хлещет.

— Как, что, да я!..

И осёкся, не знает, что делать. Поскольку светит не «да я», а у него, как начальника, ожидаются крупные неприятности.

— Товарищ старший лейтенант, — говорю, — давайте действовать последовательно. Рыбака надо привести в чувство, а меня перевязать.

Ну, он временно замолк, обе операции организовал, стоит и смотрит.

Рыбак очнулся, огляделся:

— Прости, Саня, — бормочет, я со сна иногда дурной становлюсь. Что, под трибунал теперь? Не волнуйся, я сознаюсь, расскажу, как всё было.

А какой толк мне от его «сознаюсь»? Нога распорота, да и у того голова сильно разбита.

— Товарищ старший лейтенант, давайте замнём для ясности. Не будем на боевую часть пятно вешать, да и на Вас тоже.

Старлей буквально ревет, но что делать-то?

— Тебе, Свирич, это так не пройдёт, — только и произнёс.

И не прошло. Ходит по части, зыркает на меня своими глазёнками. И думаем каждый про себя, примерно, так:

Я: «Да кто ты такой, лейтенантик из Сукино-Машкино. Я через три месяца в Москву вернусь, а ты накопишь здесь бабла на с... «Жигули» и будешь на пенсии по своей деревне ездить. Вся твоя будущность!»

Он: «Я тебе, сука-москвич, устрою здесь столичную жизнь. Хотя ты и сержант, и «дед», мало не покажется. И на гражданке будешь помнить!».

Проходит сколько-то времени. И я опять в караул помначкаром, а Черных — начальником. При..... (придираться) начал сразу: почему уборка помещения не производится, почему автоматы криво стоят, почему я уснул за столом?

— Да я просто книжку читаю.

— Ты должен не книжку читать, а за порядком следить!

И в таком роде. Слушаю, креплюсь.

Веду ночью смену на посты, честно хожу и нажимаю кнопки на столбиках вдоль знаменитой траншеи, которая уже и травой заросла. Возвращаюсь в караулку, а Черных голосит:

— Ты не ходил на посты!

— А куда я ходил?

— Ты часовых посылал самостоятельно меняться, а сам курил на крылечке.

— Так Вы у ребят спросите!

— Нечего мне спрашивать, завтра командование проинформирую, чтобы тебя с караула сняли и разжаловали.

— Ну, попробуйте...

Действительно, позвонил он с утра сначала командиру взвода Таракану. Тот мигом прилетел:

— Как так, — спрашивает. — И не стыдно тебе, Свирич, ты же комсомольский секретарь, воин-отличник, на доске почёта части висишь. И так опозорился!

— Кто опозорился? Я опозорился?!

И, обращаясь к начальнику караула уже совсем не по-уставному:

— Хорош (врать), надоело! Приглашай часовых, которых я на пост водил, пусть они расскажут.

— Что-о-о-о? Оскорбления старшего по званию?! Да я тебя сейчас же на гауптвахту!

— Да пошёл ты! Сажай!

Снял с меня Черных ремень с подсумками и штык-ножом и закрыл самолично в камеру. Никакой победы-торжества не чувствую, обидно до соплей, ведь я прав-то!

Кстати, о «губе». Вы знаете, что это такое? И скучно, и грустно...

Заходишь в пустую комнату-одиночку. Может, прилечь? Нет, койконары пристёгнуты замком к стене, их отомкнули ровно на ночь, утром примкнули опять. И даже когда отомкнули, подушек и одеяла тебе не видать, сон получается без комфорта.

Хочешь, когда койка примкнута, лечь на пол? Пожалуйста! Только пол бетонный, комфорта не получается.

А что есть? Есть табуретка, садись и сиди. Может, написать что, впечатлениями поделиться? Как же! Ни бумаги, ни ручки не дают. Читал я в детстве рассказы о Ленине, как он в тюрьме из хлеба чернильницу лепил, молоком писал по бумаге, чернильницу съедал в момент опасности, а буквы потом товарищи «проявляли», поднеся листки к огню. А на губе не-е-е! Ни бумаги, ни молока, ни перьев. По факту, хуже, чем ленинская тюрьма.

Или почитать? Это возможно. Но только уставы, числом четыре...

Сиди на табуретке, осознавай свои проступки. Ой-ой-ой! Хоть бы работу какую! Но старику неудобно проситься караулку убирать. Одно развлечение — в туалет сходить (выпускают по вызову) или когда завтрак-обед-ужин приносят-уносят.

Покурить — нет.

Впрочем... Когда начар ложился спать, я стучал в окошко и говорил кому-нибудь из постовых:

— Дверь открой.

Оттуда:

— Не положено.

Ну, там же молодняк:

— Я те дам «не положено»!

Открывали. Покуришь, чайку попьёшь. Так это минут тридцать, а потом опять тоска...

Через сутки пришёл Таракан проводить со мной прямо в камере воспитательную работу: как же я до такой жизни докатился, что стал грубить, причём нецензурно, старшим по званию и прочее. Слушать его было тоже скучно, я молчал.

Потом произошло нечто не совсем понятное.

— Что этот Черных — с..., мы и без тебя знаем, — заявил комвзвода, — но воинский, как его, этикет, надо соблюдать. Пошли в казарму!

Сержант — он ответственный. За всех и за всё. В том числе за пресловутую политподготовку подчинённых. А если они не рубят ни хрена? Тогда садись с ними после отбоя, диктуй конспекты, заставляй — даже не наизусть учить, а читать внятно. Но это с «молодёжью» проходит. А со стариками?

Был у меня в отделении славный и нормальный парень — «дед», ефрейтор Марковский. Совсем не дурак, но очень ленивый и не желающий политически «подковываться». А у нас традиция была: на каждом очередном политзанятии ведущий его офицер назначал ответственного за обзор событий в мире на занятии следующем и приказывал: «А Вы, сержант, проконтролируйте».

Наступает искомое занятие, встаёт ефрейтор Марковский:

— Извините, товарищ капитан, в карауле стоял, то-сё, подготовить не успел.

Капитан мне пеняет:

— Почему, сержант, не проконтролировали?

Я к ефрейтору:

— Володя, пожалуйста, подготовься и через неделю сделаешь обзор. Может, помочь чем?

— Не волнуйся, Саня, не подведу.

Прошла неделя. Капитан:

— Марковский, сегодня Вы готовы?

— Так точно!

— Ну, тогда слушаем.

— За последнюю неделю...

— За последние две недели, Марковский, Вы две недели политинформации «задолжали»!

— Так точно, за последние две недели, товарищ капитан. Итак. За последние две недели в мире... ничего существенного не произошло.

Везде в жизни есть баланс и выбор. Между богатством и бедностью. Между командованием и подчинением. Лучше быть богатым? Неочевидно! Скажем, опасностей в этом случае больше. Лучше командовать? Тоже не факт! Ответственность несёшь за свои приказы. А подчинённый — ему что: «а если что не так, не наше дело, как говорится, Родина велела...»

Под дембель надоело командовать. Беседуем с сержантом-друганом Чубчиком. Слушай, а давай на пост попросимся, часовыми? Подышим, про гражданку подумаем, в караулку вернёмся, обсудим.

Начальство посмотрело как на сумасшедших:

— Вместо того, чтобы порядок во вверенных подразделениях наводить...

— Так поставьте на ночной пост, мы днём порядок наводить будем.

Поставили. Совсем не то настроение, что раньше, по «молодости». Еле заметные горы. Туманчик. Очень колоритное звёздное небо. И светлячки — всё вокруг в светлячках, не в игрушечных, а в живых. Красотища, и сна ни в одном глазу. Ходишь и думаешь: про друзей, про девушек, про будущую жизнь.

Но и тут не обошлось без приключений.

Идёт на пост проверяющий, из недавно прибывших в часть офицеров, майор Доскин. Да спросил бы он, кого идёт проверять, и узнал бы, что на посту стоят «сбрэндившие» от тоски по дому сержанты. Да майору всё равно, он свой жанр показать хочет, свой воинский профессионализм заявить. Давай, заявляй.

— Слушай команду, — кричит майор, — пожар на складе ГСМ!

Обычно в таких случаях, нам, «дедам», известным, часовой начинает отвечать невнятно: «Бегу к пожарному ящику, открываю». А проверяющий: «Не рассказывать надо, а бежать и открывать. Неудовлетворительно!»

В нашем варианте проблемы отошли в сторону. При слове «пожар» я вмиг приблизился к пожарному ящику, ударил его прикладом так, что ящик разлетелся в щепки, схватил огнетушитель и, уже не обращая внимания на истошный крик майора «отставить» (кто ж при пожаре будет кричать «отставить»), включил его и начал поливать шипящей струёй всё окружающее пространство...

Впоследствии писарь части, подслушавший разговор полковника Черноуса, комвзвода Таракана и новоприбывшего майора, поделился впечатлениями:

Черноус:

— Оба вы — (чудаки).

— Почему? — спрашивает Таракан.

— Потому, что нечего сержантов-«дедов» на пост ставить. Пусть своим делом занимаются, а не о бабах под ночными звёздами думают.

— А я-то что? — возмущается майор. — Команду проверочную дал.

— Кому команду даёшь, поинтересовался? Тут тебе не молодёжь малохолдная, это Свиринов с Чубчиком, сам у них поучись сначала, салага!

— Я попрошу Вас выбирать выражения, товарищ полковник! — вскинулся посрамлённый майор.

— Попросил — получи. И как пожарный ящик ... (сломанный) будешь чинить, сам решай...

Ага, я про сержанта. Тут такое дело случилось.

Когда выходил приказ министра обороны СССР о дембеле, затевался обязательный ритуал. После отбоя, когда все якобы спали, в казарме звучала дембельская команда: «Молодёжь» — стоять смирно, «среднякам» — сидя, «старикам» — лёжа вразвалочку. Слушай приказ!» Затем самый молодой призыв в трусах и тапках выстраивался: кто с веником, кто со шваброй, кто с ведром; а другие, как и предписывалось этикетом, сидели или лежали на койках. Далее — хоть часть была и малонациональной — представители народов России поочередно залезали на тумбочку и зачитывали

вали приказ на своих языках: в нашем случае на русском, украинском, белорусском, молдавском и узбекском. Последний язык вызывал особенный восторг и даже аплодисменты.

Так не получалось этого! Дежурный по части майор Доскин регулярно заходил в казарму, и действие, естественно, сворачивалось — и раз, и два, и три. Когда он зашёл в четвёртый раз и погасил свет, откуда-то (в казарме стояло несколько опорных колонн) раздался призывный клич: «Всеобщее презрение майору Доскину!» И казарма гаркнула, как и полагалось неформально отвечать: «У, сука!»

Майор только и произнёс: «Завтра ответите!» И ушёл. Приказ-таки с тумбочки зачитали, но настроение испортилось. Висел в воздухе вопрос: что же завтра будет-то?

А было на следующий день серьёзно. Имелся в части особый отдел с одним человеком, никому, кроме командира, не подчиняющимся, старшим лейтенантом Белым. Начал Белый бойцов взвода по одному вызывать и расспрашивать, что случилось ночью. Разговор-допрос происходил, примерно, так:

— У вас вчера ночью кричали что-то?

Звучали ответы, потрясающие разнообразием:

— Кричали.

— Не кричали.

— Я спал и не слышал, пришёл с караула, очень устал.

Тем, кто слышал, адресовывался следующий вопрос:

— Что кричали, Вы слышали?

— Слышал, да: «всеобщее презрение».

— А потом?

— Потом — «сука».

— Сам кричал?

— Нет.

— А сосед твой по койке?

— Нет.

— А кто крикнул «всеобщее презрение»?

— Не знаю, где-то за колонной...

Бился-бился старлей Белый, да так ничего и не добился, не раскололись пацаны.

И вот тут-то встал сержантский вопрос. Многие командиры хотят иметь в подразделениях ну... не то чтобы осведомителей, а доверительных солдат, которые расскажут при случае о настроениях личного состава, о том, кто что и про кого сказал, что сделал... Из лучших побуждений, естественно.

Ни я, ни замкомвзвода Чубчик делиться сокровенным не желали, не выдали и кричавшего «всеобщее презрение», хотя прекрасно знали, кто это. В результате я остался на своём месте, а Чубчика сделали рядовым бойцом, не сняв, правда, сержантские лычки. А замкомвзводом поставили... рядового с подходящей фамилией Командирик. Почему? Да вот по этому самому.

Ход мыслей начальства был сразу понятен, а Командирик предупреждён: «Вякнешь лишнее — пожалеешь». Командирику повесили две лычки, он, конечно, вякал, правда, про «всеобщее презрение» молчал.

Мы, будучи с этим кренделем одного призыва, тоже молчали, терпели, однако предупреждали: «Смотри, Командирик, прилетим на дембель в Одессу, там придётся ответ держать...»

Ещё сержант должен реагировать на борзость. Молодняковую борзость. Не среагируешь, над тобой будут смеяться и «ноги вытирать». В этом смысле от «стариковства» и «сержантства» никуда не денешься. Не получается по уставу-то. Не получается и всё! У кого не получается? Да у того, кто первый начинает борзеть.

Копаем чего-то, завершили копать. Деда не все лопаты забрали, трое бросили их тут же. Говорю рядовому Каменскому:

— Возьми три лопаты и отнеси на склад.

А он мне:

— Забери одну, а я две понесу.

Дело не в тяжести, а в приказе. Продолжаю:

— Тогда вот тебе четвёртая лопата, — специально нашёл и ему бросил.

— Не понесу, — говорит, — и всё.

Ладно, наряд на ночную работу объявил.

На следующий день без строя, один, Каменский пошёл в столовую на обед. Не делают так в армии, однако не положено, извините. За это я ему впарил ещё один наряд.

Когда ночью проверять внеурочные работы Каменского пошёл, а вокруг никого нет, он и произносит...

Снова отступлюсь: когда один на один, и я в «молодые годы» резал старикам правду-матку. Да у каждого своя правда.

— Я тебе, сержант, устрою — на дембель раньше уйдёшь или не уйдёшь вообще.

Парень-то, смотрю, бывалый, в наколках весь. — Пойдём, — говорю, — посмотрим на унитаза, как они блестят. — Это я на всякий случай, чтобы внезапный офицер не увидел. Подошли к унитазам. Я дверку отворил и — ему пару раз по разным местам.

— Застрелю, говорит, тебя, сука, на посту (а был он пулемётчиком).

Ещё разок дал. Натурально, когда на пост его водил и с поста, автомат снимал с предохранителя. Если что...

Неделю ночных нарядов Каменский отпахал, речей больше не произносил. Неправильно, думаете? Но я думаю, что правильно. Не забывайте, что это всё неизбежные «пацанские тёрки». Тем более что мне-то еле-еле девятнадцать лет исполнилось плюс десять классов элитной московской школы. А ему-то уже двадцать пять и семь классов деревенского образования. Кто в чём виноват? Да никто не виноват — все правы...

В принципе, справедливости всегда хотелось, причём, такой, чтобы представления о ней у сторон совпадали. Да хрен там! Ставлю рядового перед строем, объясняю всем суть его нарушения и свои действия. Потом спрашиваю: «Ты согласен, что заслуживаешь наказания?» Отвечает, что согласен, а потом бурчит себе под нос: «Как лычки нацепил, так зверем стал...»

«Рашпиль» и другая поэзия.

Я не Лермонтов, не Пушкин, а родной поэт Кукушкин...

Меня подловил капитан Мартынов — комсомольский секретарь части, с татуировкой «Вова» на руке, а про его сына, тоже Вову, я уже докладывал.

— В личном деле написано, что журналистом работал на гражданке?

— Ну, типа да.

— Значит, стихи писать хорошо умеешь?

— Нет, стихов я не пишу.

— А какой же ты тогда журналист?

— Да такой. Стихи поэты пишут.

— Ладно, хорош базарить! Будешь не Лермонтов, не Пушкин, а родной поэт Кукушкин! У нас случаются происшествия, после которых нужен оперативный сатирический отклик. Художник станет рисовать карикатуру на злобу дня, а ты — подписывать её стихами.

Что есть поэзия, а что графоманство, я соображал. Себя не причислял ни к тем, ни к другим, а относил к третьим — рифмоплёткам. То есть к тем, которые перешагивали рифмы уровня «всегда — никогда» и даже «любовь — кровь», но дальше особо не заморачивались. Однако для армии этого не просто достаточно, а и вовсе много! Отсюда расскажу про свою поэзию, а дальше и про армейские вирши в целом и поподробнее.

Стало быть, карикатурная газета «Рашпиль» выпускалась после каждого ЧП. Например, двое служивых, полагая, что они хитрее других, и пробегая многократно упомянутый шестикилометровый кросс (два круга по три километра), спрятались на первом круге в столовой, чтобы на втором круге бодро примкнуть к «красоте среди бегущих, где первых нет и отстающих». Оба были пойманы и отправлены на круг третий с обещанием четвёртого.

Художник рисует их спрятавшимися в холодильнике — гипербола, понятный приём, а я подписываю:

— Слушай, Волков и Дрогагин
Здесь сейчас не пробегали?
Что? Да это было б ново,
Но они сидят в столовой...

Другой случай: солдат не проверил тормоза у автомашины перед выездом и уверенно своротил шлагбаум. Опять рисунок и опять стихи:

— Говорят, шлагбаум прочный,
Но Карчук не верит:
«Неужели это точно?»
И решил проверить.
Он машину разогнал
И шлагбаум вмиг сломал!..

А помните, как я про «наркошей» наших писал, как они «фильмы» на зашторенных окнах «губы» смотрели и по «зоопарку» путешествовали? Нарушителей, конечно, наказали. Но, так человек устроен, и наказанные, и наказавшие их долго потом смеялись. И я сочинил:

— Вскоре увидал Демченко
То ли явь, а то ли сны,
На губу пришли сквозь стенку
Носороги и слоны...

Эх, стихи, стихи. Подходит «дед» и как-то совсем не по-стариковски, проникновенно просит:
— Саня, такие дела, девушка три месяца не пишет, хочу с ней порвать, но покрасивше, чтобы тронуло, чтобы обидно ей стало.

— Володя, ну, магазин за тобой.

— (ерунда) вопрос!

Уединяюсь минут на тридцать и выдаю:

— Прощай, не жди солдата,
Теперь ты не моя,
И пусть исчезнет дата,
Когда услышал я,
Волшебные три слова,
Не суждено им жить,
Всё вспоминаю снова
И не могу забыть...

— Пойдёт?

— Спасибо тебе! Это ещё лучше, чем я хотел.

Парень сослуживцам стих прочитал как свой, они одобрили. Двое-трое аналогичный текст девушкам-«предательницам» выслали.

А я со стихоплётством вскоре «попал» уже по-серьёзному.

Достоянием части был вокально-инструментальный ансамбль.

«Ударник, ритм, соло и бас, и, конечно, «Ионика»...

Состав сменный. Из какого-то призыва ребята умели как-то и на чём-то играть, а совершенствовались в процессе репетиций и выступлений. Приходил следующий призыв, бросали клич: кто играть может? И происходила ротация.

«Середняком» я подвизался дублёром на ритм-гитаре, которой на сугубо любительском уровне владел на гражданке. А сделавшись «дедом», взял да и сел на вакантное место ударника: чего тут уметь-то? Казалось: молоти, попадая в мелодию, и всё нормально. Невзыскательная публика части и это принимала с благодарностью!

Но «попал» я не с инструментами, а со стихами!

— Коль скоро, — говорят ребята, — ты английский язык знаешь (тут по телу поползла истома сладких воспоминаний о плодотворных языковых занятиях, а глаза затуманились скупой мужской слезой), давай-ка переводи нам «битлов».

- Пацаны, а что хотите-то?
- Да вот, к примеру (и наигрывают-напевают).
- Там-там, там та-а-ам...

Песню эту я слышал, даже текст первого куплета знал, где английские слова вперемешку с французскими:

— Michelle, ma belle
These are words that go together well,
My Michelle.

Michelle, ma belle
Sont les mots qui vont tres bien ensemble,
Tres bien ensemble.

I love you, I love you, I love you,
That's all I want to say,
Until I find a way
I will say the only words I know
That you'll understand...

Ну, как я переведу? Полного текста взять негде. Пытался колдовать со словарём — получалась полная белиберда. Почесал репу и, чтобы людей не разочаровывать, выдал:

— Утром.
Вдвоём
По росе холодной мы пойдём,
Встретим рассвет.
Рядом.
Цветы.
Тянут к небу листья: где же ты?
Солнца всё нет!

Вот брызнули жёлтые стрелы,
И всё запело вдруг.
В глаза твои несмело
Смотрю и вижу яркий круг,
Солнечный круг...

Ансамбль исполнил сие произведение на очередном концерте в клубе части. Публика кричала «браво» и требовала исполнения «на бис». Знатоки-офицеры шептали жёнам на ушко: «Битлы». Солдатики сами с английского перевели».

Моя «англичанка» тогда не уехала пока домой, и единственная понимала, что там случилось с оригинальными текстами и переводами. Когда разбредались по казармам и домам, «случайно» оказалась рядом, стрельнула глазками: «Молодец». Я взлетел до неба, ночь была не в ночь, сон не в сон, звучало и звучало «Michelle, ma belle...»

Правда, «родной поэт Кукушкин» появился, конечно, не с моим приходом. Он существовал за-долго до нас, десятилетиями, а, скорее, столетиями и особенно напоминал о себе перед сном.

Когда все раскладывались по кроватям, звучал голос:

— Слушай позывные.

Ответ:

— На связи.

Голос:

— Волга-Волга, я Донец. Такому-то по счёту дню...

Взвод хором:

—! (конец).

Под настроение возникало дополнительное соло:

— Старики, день прошёл!

Хор:

... с ним!

Имелись поэтические «кричалки» вариативные и более мягкие. «Старик» «запевает»:

— Дембель стал на день короче.

«Молодёжь» в ответ:

— Старикам — спокойной ночи!

Ну и, разумеется, регулярно звучала «отрядная» жанжибайская песня:

— Таракан построил роту,
Всю зелёную пехоту:
Оставайтесь, «старички»!
Но никто не продавался,
На «куска» не оставался,
Демобилизаци-я-а-а...

Войска: потешные и настоящие

Букварь учите, господа! Я учу букварь и читаю о том, что «потешные войска» — явление, во многом определившее дальнейшее будущее российской армии. Первоначально потешные полки Петра I были сформированы юным государем, чтобы играть в битвы.

Предание говорит, что Пётр настраивался серьёзно. Собирал вокруг себя целую толпу энергичных товарищей, готовых на любые потехи с будущим царём. Постепенно набралось два батальона, состоящих из молодёжи всех сословий, от дворян до дворовых холопов. В каждом батальоне насчитывалось примерно три сотни человек.

Несмотря на название «потешные», эти царские «сборники» впоследствии оказались нешуточными...

И мы начинали с потех. Ну, пробежали по «тропе Хо Ши Мина» или даже шестикилометровый кросс; покряхтели, попотели, поматерились.

Ну, построили деревянные танки, тайно написав на них известные слова. Не знаете, какие? Ну, ладно! «Ваня + Маша = любовь». Банально? Зато правда. И ещё заветное слово из знакомого количества буква. И «ДМБ-74», естественно. «Писателей» выявляли, ругали, буквы закрашивались.

Спорт, картишки-доминишки. В мозгах — вечная солдатская формула их трёх знаменитых «Б»: бабы (в мечтах), бухло (там же), баня (в реальности).

Доходило совсем до детского сада. Придут ребята из ночного двухсменного караула — им сон дневной положен. Вот разлётся детина и храпит, раскрыв рот. Подойдёшь, да и зубной пасты из тюбика ему туда: парень не поймёт сразу, в чём дело, тарашится по сторонам, пасту по щекам размазывает. А вокруг хохот стоит, ну, прямо как в пионерлагере.

Что, всё? Отнюдь не всё! На фоне потех подступает ключевой вопрос: для чего нужен Жанжибай, что в нём главное? Да, пора изложить.

Про автомат я уже рассказывал. В Жанжибае не поразить мишени на «пятёрку» из автомата считалось неприличным.

РПК — ручной пулемёт Калашникова — вообще сказка. Там не просто возможный упор магазином куда-то в землю или на руку, а можно поставить на ножки-сошки! Сорок патронов в «коробчатом» магазине и семьдесят пять — в «барабанном» вместо тридцати автоматных. Закрепил сошки, да как дал! Достоинно выходило.

Стали приучать и к пистолетам.

Пистолет Макарова. Извините меня, пожалуйста, реальные профессионалы стрельбы, не отношу себя к оним, но делюсь личными впечатлениями.

Ну, что «Макаров»? Вот сидишь, допустим, в туалете на очке, простите, а на другом очке сидит враг. Стреляй! И, возможно, попадёшь, но не наверняка. Я и по мишеням не попадал или плохо! До тех пор, пока не понял: здесь прицельной автоматной стрельбы, когда затаил дыхание, подвёл мушку под прицел и нажал курок — такого нет! Интуитивная стрельба! Навёл — поймал мишень — выстрелил. Сразу, без вдохов-выдохов и передышки. Как? А как-то так. С боевыми ветеранами разговаривал,

они то же самое говорят: тут не думай и не мешкай, а просто лови момент и стреляй. Советам последовал и стал попадать нормально. Хоть с пояса! Не слишком прицельно, но человек не увернётся — куда-нибудь, да вмажу!

Святое! Не положено солдатам было, но офицеры давали пострелять из АПС — пистолета Стечкина. Читаю сегодня в источниках: и тяжёлый, и неудобный... А был и есть престижный пистолет. Фидель Кастро радовался, Че Гевара гордился! Чеченские бойцы балдеют! Двадцать патронов, длинный ствол, приклад можно пристегнуть — в общем, современный «Маузер», который в фильмах про Гражданскую войну показывают. Впрочем, внешне абсолютно на «Маузер» не похож. Но подержался, нажал курок — и уже себя счастливым и непобедимым чувствуешь. Бьёт так, что душа восторгается, даже если не попал. Значит, в следующий раз, тему поняв, обязательно попадёшь. Жаль, не наше, даже и не повседневное офицерское оружие — выдавали в особых условиях, которые пока не наступали.

Гранаты «простые» — РГД-5, РГ-42. На всю жизнь эти обозначения запомнил, как таблицу умножения. Почему норматив для броска учебной гранаты составляет тридцать метров? Потому что таков радиус разлёта осколков «простых» боевых гранат. Кидают их так: бросил и побежал прямо на неё, типа противник ещё не очухался, а ты уже его вжик-вжик. А кто испугался бежать, замешкался — пинка под зад!

«Сложная» граната — это Ф-1, по-народному «лимонка». Тут уже осколки на двести метров летят, поэтому бросают только из укрытия, скорее всего, из окопа.

Гранатомёт... РПГ — ручной, противотанковый, кумулятивного действия. То есть долетает до танка, касается и прожигает броню струёй расплавленного металла, заодно поражая экипаж. Про системы танковой защиты говорить не буду — не мой вопрос. Мы стреляли, конечно, не по танкам, а по натянутому на металлический каркас полотну. Особым шиком считалось попасть именно в каркас! Вся конструкция падала, офицеры ругались (восстанавливать надо!), а мы балдели от восторга, пусть и нам — а кому же ещё — ремонтировать и приходилось.

Реальное и боевое всегда было и есть рядом со смешным. Стреляем из РПГ. Впереди располагаются мишени, позади стоит пульт управления стрельбищем — двухэтажное здание с застеклёнными окнами. Прибывший из Союза офицер командует: «Занять позицию для стрельбы!» И показывает участок метрах в семи-восьми напротив окон. Я, уже бывалый сержант, тихо подсказываю: «Давайте, товарищ майор, правее или левее от здания гранатомётный расчёт переместим». Штука-то в том, что в заднюю трубу гранатомёта вылетает отдаточный газ. Если ты из окопа, не приподнявшись, стреляешь, будет тебе серьёзная контузия; если из укрытия — аналогично: позади должно быть только открытое пространство. Более того: рот при выстреле раскрывай, тогда походишь день-два полуглухим; не раскроешь — будешь конкретно глухой. Про беруши, которые теперь и в самолёте дают, мы, конечно, слышали, но испытать не пришлось.

— Учить меня будете, сержант, — реагирует офицер, фамилию уж не помню.

— ... с тобой, — это я про себя, чтобы опять на губу не посадили, а бойцам командую:

— Позицию занять! Заряжай! Огонь!

Долбанули, стёкла в стрельбище совсем вылетели, засыпав осколками внутренние помещения, но объекты были поражены. Стрелкам — «пятёрки», майору — сами понимаете.

Пришлось ли использовать РПГ на практике? А ведь пришлось. Впрочем, всему своё время.

Потешные полки...

Надвигалось ощущение чего-то непотешного.

Ведь «потешная» часть с деревянными танками была, так сказать...

Если в Союзе, как я уже поведал, у нас в бригаде стояли стартовые автоагрегаты на колёсном ходу с пусковыми установками для ракет, то здесь располагались собственно боеголовки. Выглядело всё, как в крутых фильмах: какой-то зачуханный земляной бугор, декоративно заваленный ящиками, цистернами и всякой иной дрянью, вдруг раздвигается немножко, а там металлические ворота, ведущие в шахту. В шахте располагаются специальные помещения, в которых то самое и находится. Называлось оно «изделием». Работают с изделием только офицерские расчёты, солдаты используются как водители спецавтомобилей (машин — хранилищ «изделия») и вспомогательный персонал.

А наш мотострелковый взвод, по-нынешнему спецназ, обеспечивает охрану и беспрепятствен-

ную работу профессионалов и приданных к ним воинов. Далеко было до полностью защищающих лицо шлемов, инфракрасной оптики, подготовки, как в фильмах с Ван Даммом или Арнольдом Шварценеггером, но кое-что присутствовало.

Старший лейтенант Птичкин считался человеком уникальным. Не пил, не курил, принципиально не ругался матом, правильный был во всём. А жена от него ушла: в фильмах любят бабы правильных, а в жизни почему-то нет. Ну, дела семейные — не наше дело, а для солдат Птичкин организовал типа факультатива по рукопашному бою.

— Ты бей штыком, а лучше бей рукой,
Оно надёжней, да оно и тише,
И, ежели останешься живой,
Гуляй, рванина, от рубля и выше...

Так резюмировал Владимир Высоцкий в своей песни «Штрафники».

Мы проникались. Репетировали потом с деревянными ножами. Кидали при всяком удобном случае настоящие штык-ножи: в щиты, в деревья. Опять возник курьёз...

Будучи рядовым, хожу на посту по бетонному парапету вдоль казармы, метра полтора высотой и ширины такой же. Автомат с примкнутым штык-ножом на плече. Спать охота, сил нет. Бредубреду, глаза закрываются и... лечу с парапета. Руки вперёд выставил, ободрал их, зато остальными частями тела не шибко ударился. Но... штык-нож сломался пополам. Объясняться надо.

— Дык, это, — говорю. — Ящик там стоял, споткнулся об него и упал (ящик я предварительно на нужное место притащил). Вот штык-нож и сломался.

— Знаем, — говорит дознаватель, это всё ваш Птичкин. Научил, (блин). Кидал штык-нож, тренировался, (блин).

— Никак нет, это я об ящик...

Полковник Камбышев Николай Иванович, очередной раз о нём вспоминаю, был единственным офицером с опытом боёв Великой Отечественной. Комвзвода пехотного, комроты на войне служил: если кто в курсе, то девяносто процентов этой категории там и остались...

Выбегаем по тревоге. А задача нашего спецвзвода такая: выйти в окопы по периметру части, занести вооружение и ожидать. Кого?

Ну, на всякий случай. Болгария граничила на севере с Румынией, на западе с Югославией, на юге с Турцией и Грецией. На востоке было Чёрное море, отчасти турецкое и отчасти СССРовское.

Турция и Греция являлись членами НАТО, у Турции к тому же самая большая армия в Европе. Нас познакомили с таким понятием, как «коммандос», где ребята типа Ван Дамма со Шварцем. Поясняли: если советские части рассекретят, то первыми сюда будут брошены эти самые коммандос. Рассказывали, как они готовятся и как воюют, фильмы документальные показывали: в закрытом режиме, без привлечения к просмотру баб и детей. После чего холодок бежал за ворот. А мы должны стоять огненным заслоном на путях к модулям ракет. Так вот, сынки, за то и «Кока-Колу» пьём. Шутка!

Стало быть, выбегаем по тревоге в заранее вырытые окопы с землянками. Несём автоматы, пулемёты, гранатомёты, боезапас из патронов и гранат. Ящики по пятнадцать-двадцать кило, а надо бегом. По той самой пресловутой «тропе Хо Ши Мина», где в ОЗК и противогасах бегали.

Ночь. И тут — автоматные очереди, взрывы. Мы давай затворы передёргивать, мол, умрём за Родину, как положено! Но вдруг, словно с небес, команда: «Патроны в патронник не досылать, стрельбу не открывать, передвигаться скрытно». Это кричал он, полковник Камбышев.

Движемся дальше. Вдруг видим — боец покатился с тропы вместе с патронным ящиком, и опять очередь. Мы снова за автоматы. Но боец поднимается, живой, с синяком, в грязи, но даже не раненый. И снова голос «с неба» с тем же текстом и добавкой: «..... (ртом) не щёлкать, смотреть как следует по сторонам».

Пригляделись внимательно: полковник Камбышев стоит в кустах возле тропы и доморощенной рогатиной сталкивает вниз зазевавшихся вояк. Ушибались, измазывались, один парень ногу сломал, но ведь в армии как говорят: не доходит через голову — дойдёт по-другому.

Окопы, мы ж сами их копали, понятное убежище. И землянки копали, покрывали настилом, нары готовили — ну, прямо как в прошлых войнах. Однако печки нам делать в них не разрешали:

вдруг противник заметит и лучше подготовится к нападению. Но ум у солдата пытливым, как, впрочем, у советского человека в целом, так что прикинули и «изобрели» отопительные агрегаты, тем более, что сидели в этих окопах регулярно и по два-три дня.

Берцы мы чистили ваксой, которая содержалась в больших, литров по десять, жестяных банках. Кончилась вакса — остаётся большая жестянка. Чем же не печка? Так что вместе с патронами и гранатами несли в землянки эти ёмкости. Такую же точно банку разрежешь, свернёшь жестяной лист рулоном, и будет труба. Дырку в потолке землянки сделать, ясное дело, не столь трудно. Ночь настанет, офицеры по домам, а мы кустарника сухого натаскаем, затопим, и тепло, хорошо, покурим, да и спать. Часовой, из молодых, наверну в стоге скошенной травы сидит. Засыпает то и дело, подлец!

Но, пока жареный петух в искомое место не клюнул, мы, сержанты, не очень по этому делу свирепствовали: здесь не ракеты, да и вообще ничего. «Потешные полки», одним словом!

Рядом картофельное поле, где мы сажали по весне картошку для нужд столовой. По осени выкапывали. Но, зная, что когда-нибудь сидеть в окопах придётся, рыли ямку, куда «лишнюю» картошку засыпали. И вот когда запрячешься в землянку, а «коммандос» ещё не подтянулись, разожжёшь конструкцию, испечёшь картошечки — и служба «мёдом пошла», хотя и не должна этим «путём» идти. За деньги в ресторане такой картошечки не попробуешь.

Ну, дальше воспоминания и размышления, не по маршалу Жукову, а по себе... Повспоминали и спать. Никаких спальных мешков, подушек и одеял — ничего. Без «жестянки» и не сон, полубред холодный какой-то.

Утром приходил Таракан, да мы знали, когда он придёт: «Так точно, несём службу, враг не появлялся!» А он стоит наверху, возле дырки, куда труба выходит, запах учуял:

— Это что тут у вас? Это не положено!

— Товарищ старший лейтенант, это случайность, ветка загорелась — потушили.

Таракан вникать не стал, сделал вид, что не понял. Вылез-то из под одеяла от любимой толстенькой жены, которую в части прозвали «Белокурая Жози». На неё мы тоже облизывались, да не была замечена в измене. А что старлей? Человек ведь, хоть и комвзвода...

* * *

В какой-то момент поползло по части слово «рейс». При нас не было «рейсов», а раньше, говорят, были. Ездили, мол, куда-то, и не накоротке, а как-то таинственно и не совсем безопасно, в боевой выкладке, но куда и зачем, никто из солдатиков не знал.

Но нагнеталось нечто, в воздухе висело волнительное и тревожное: будет рейс. Смеяться стали поменьше, а горы оглядывать посерьёзнее.

— Будет ли рейс?

— Будет, сынки, будет...

(Окончание повести в следующем номере)

Проза

Евгений Журавли

Евгений Журавли родился в 1979 году в городе Ярцево Смоленской области. Образование — педагогический факультет КГУ (ныне БФУ им. И. Канта). Живёт и работает в Калининграде. Сфера деятельности — малый бизнес. Увлекается историей, экспериментальной поэзией и частной публицистикой. В рамках сотрудничества с общественно-политическими и гуманитарными организациями, как исследователь и журналист, совершил множество поездок по странам бывшего СССР, Балканского полуострова, Ближнего Востока и Центральной Азии, в том числе в Афганистан, Иран, Косово и воюющий Донбасс. Писать стал в возрасте 30 лет. С 2015-го появились и публикации: в калининградском литературном журнале «Берега» (2015), венгерском журнале «Szozat» («Зов», 2016), а также на сетевых страницах различных журналов («Вокруг Света», «Русский репортёр», альманах «Искусство войны» и др.). Победитель международного литературного конкурса «Большой финал–2015/16», всероссийского литературного конкурса «Хрустальный родник–2016».

Озеро забвений

Роман

Окончание. Начало в № 4(16) и № 5(17)–2016

ЧАСТЬ 3

Говорят, наши умершие предки приглядывают за теми, кого любят. Где-то в прозрачной высоте надо мной стоит силуэт невысокого человека. Постепенно светает, и я отчётливо вижу это почти забытое лицо. Волна воспоминаний нахлынула на меня. «Просыпайся», — тихо сказал дед. «Э-э-э-э!» — на вдохе проревел я, резко вырываясь из сна.. Сажу на постели. Рассвело... Иных постельцев уже нет. Тимур рядом. Нерешительный шорох снаружи нашей незапертой двери... Тишина. Удаляющиеся шаги. Что это было? Вор?

Поднявшись и размявшись на утреннем холоде, платим пять баксов. Справляем нужду в специальной дырке во дворе, набираем в кувшины холодной воды из колонки и долго моемся. Пора в путь.

Да, туалетной бумаги здесь нет даже в теории, но в этом нет ничего дурного. В мире всё ещё полно архаизмов и диких предрассудков. Живём ли мы в каменном веке или уже нет? Как назвать наш период иначе, если мой современник, изучающий Тору, на полном серьёзе размышляет: стоит ли по субботам подтирать задницу... камнем? Или лучше... черепком? Ха! Реально — всё ещё «каменный» век. Да и в других культурах таких примеров — тьма. В начале этого путешествия, ещё в Иране, зайдя в общественный туалет, Тимур вопросительно кивнул мне. Я, так же без слов, указывая глазами на шланг, торчащий из стены, кивнул утвердительно. Тимур поднял брови. Наверное, мысль прозвучала для него дико, его брови так и остались где-то наверху... «Это на самом деле чище», — сказал я. Но пошёл искать бумагу... И это действительно чище. Хотя и неприятно. Здесь подмываются, а не подтираются, а также с брезгливостью относятся к купанию в ванной. Санузел здесь — это дырка в полу, шланг из стены, удобный для правой руки и душ, обычно вмонтированный в стену на небольшой высоте. Поразительно при этом, что ираноязычная Азия — чистоплотный очень народ. Кстати, примерно тысячу лет назад посредством Ближнего Востока она впервые познакомила европейских крестоносцев с туалетной бумагой. Это отличный пример того факта,

что у каждого исторического народа есть свои взлёты и падения, и пока время идёт вперёд, никогда нельзя с уверенностью сказать про кого-то, что он на «верном» или «неверном» пути. Так же никто не способен сегодня предугадать, кого повергнут в «каменный век» завтра.

«Лаваш, чай, пудина, панир», — произносит хозяин отеля, подавая нехитрую снедь на скатерть.

«Что, простите? Ки пудина? Ки панир?» — остолбенел я, вспомнив почти забытое заклинание.

«Ин панир. Чииз. Ин пудина. Нот сэй. Пудина. Вегетариан шаврма. Брэкфаст, — спокойно отвечает он, показывая на содержимое лаваша. — Найс. Ням-ням».

Панир, оказывается — самодельный сыр, по сути, творог. Пудина на вкус оказалась мятой. Всё это было завернуто в лаваш и вместе с чаем и мёдом, как я понял, является традиционным местным завтраком. Надо же! Пресловутая абракадабра преследует меня, хотя я уже и совсем забыл эти слова... Нет ли в этом чуда? Случайность ли это? Может, и так. Но чудеса там, где в них верят...

Невыспавшийся мозг вспоминает и иные слова нашего неразгаданного проклятья... Э-э-э-э... Как там?..

«Кхоламан?» — обращаюсь я к мужчине.

На секунду застыв с поднятыми бровями, он резко бросает на стол блюдо с лавашами и, плюясь, уходит... Господи, что я сказал ему?

Я смотрю на Карима. Он хазарец. Знакомые знакомых попросили неких знакомых, чтобы он побыл у нас сегодня водителем. Вот, приехал... Хазарейцы — раскосые, чуть монголоидные афганцы, вроде бы приведённые сюда Чингисханом и оставшиеся на этой земле. Третий по численности народ Афганистана, около десяти процентов от всего населения, проживают компактно в Бамиане и ещё восьми провинциях страны. В отличие от жителей остального Афганистана, они шииты, хотя подозреваю, что это очередной осколок древнего единобожия, ставшего когда-то на Востоке несторианством. Знает ли об этом Карим? Хазарейцы говорят на своеобразном диалекте дари, но считается, что есть и общины, употребляющие исконный монгольский семисотлетней выдержки. Эти последние семьсот лет окружающие соседи, не считая их мусульманами, с удовольствием охотились на них, продавая в рабство. Хазарейцы всегда отвечали сполна. Сплочённые, организованные, они всегда вписывались в любую заваруху в Афганистане в надежде оружием завоевать политическую независимость для Хазараджат — области их расселения, включая, однако, в это понятие и совсем уж нехазарейские районы. Жестокие, непримиримые бойцы. В последней войне объединялись с талибами против Дустума, с пуштунами против Масуда, с узбеками против пуштунов, с Дустумом и Масудом против талибов, а также со всеми перечисленными против всех. Последняя попытка создать Хазараджат была прервана в 1995 году, когда лидер хазарейцев Абдул Али Мазари был выброшен талибами из вертолёта с двухкилометровой высоты. Интересно, какое детство было у Карима? Карим улыбочиво сидит на кушетке, ожидая, пока мы попьём чая с лепёшкой. Похлопав себя по животу (типа «я позавтракал, спасибо»), Карим берёт один из наших рюкзаков и несёт в машину. «А сколько? Чандэ?» — спрашиваю я. «Панджсат (Пятьсот)». «Афганей?» «Нэ-э-э, долларов...» Какого чёрта? «Спасибо, вертолёт я не просил», — забираю вещи, иду ловить тачку. Карим вежливо, но настойчиво несёт в спину чушь про опасности, талибан, охрану и гостеприимство...

Человек может забыть то, что он видел. Забыть то, что он говорил. Но вряд ли человек забудет то, что ему пришлось почувствовать. Я беру его руку, пожимаю и говорю: «Тахакор, хода хафез». Пусть почувствует себя тем, кем определил нас. Лохом. До свидания, Карим! Чингисхан не был жадным. А тачку мы поймали за двадцатник.

Поразительно, насколько невнимательны бывают учебники истории к нетенденциозным фактам... Чингисхан, которого представляют как жесточайшего из всех завоевателей, что неверно, является создателем одного из самых искренних юридических кодексов в истории человечества. «Яса» Чингисхана — свод законов, систематизировавших и упорядочивших обычаи, право и систему отношений человек-государство на века на огромном пространстве. До нас дошли лишь отрывки, но вдумайтесь: первые, самые страшные преступления его времени — «колдовство, а также подглядывание», «осквернение воды либо очага», «прелюбодеяние в браке», «убийство животного не по обычаю» (то есть вне охоты, питания или отражения опасности), «неоказание помощи путнику», «бегство с поля боя»... Понятно, наказание за вышеперечисленное — смертная казнь. Всё остальное — уголовка, воровство и невозврат долга — оценены по более гуманному и гибкому уровню ответственности. Ибо эти преступления не настолько страшны...

Учителя лишь открывают двери. Входишь сам. Что мне скажет Чингисхан? Где след его дел здесь? И есть ли хоть малейший такой след, помимо оставленных разрушений? По-моему, неразрушенным после его визита в Афганистан осталось лишь одно творение... Джамский минарет — изящное высоченное инкрустированное строение, стоящее в глухой пустоши горной долины на берегу бурной речки — это единственное, что осталось от древней столицы династии Гуридов. Уже почти восемь веков здесь обитают только пауки и сухие маленькие ящерицы. Чингисхан полностью разрушил город, но не тронул огромный шестидесятиметровый минарет.

«Не нужно лишать грешных последнего пути к Богу», — сказал великий завоеватель... Умел сказать...

В тот вечер я вышел из машины и пошёл тротуаром. Знал почти наверняка, что на параллельную улицу сейчас подъедет авто, в котором мой кандидат. Ибо я ждал, знал, а потом и видел, как она туда направилась... Конечно, в жизни существует множество ситуаций, которые стоит продумать, просчитать и предусмотреть. Во множестве вариантов. Однако, вероятнее всего, сама жизнь пускает ход событий по непреднамеренному пути. И мы, маленькие, земные, никак не способны предусмотреть всё многообразие выбора. Нужно понять лишь одно — опасно не то, что ты знаешь, а то, чего не знаешь. И будь готов только к этому, остальное — не важно. Чтобы убить человека, нужна только решимость. Возможна и тренировка. Считаешь себе в уме: раз, два, три, ни о чём не думая, вытаскиваешь, стреляешь. Автоматизм, рефлексия. Это всё должно быть отработано так, чтобы, кроме воспоминаний о собственных стрельбах, в твоём сознании не возникало бы ничего. Всё это было мной многожды проделано на тренировках. Раз, два, три... Не нужно лишать грешных последнего пути к Богу... Четыре... Человек в капюшоне поворачивается ко мне... А с чего я вообще взял, что это «он»? С подозрений милиционеров? Так почему Артур Гусев его не берёт? Какой-то он не такой... Пять?... «Пять» не входит в мои планы... Я хохотнул неслышно. Нервы, наверное... Пять, пять, пять... Не нужно лишать грешных последнего пути к Богу... С чего я вообще взял на себя право судить? Человек в капюшоне начал пятиться. Убийство животного не по обычаю? Мерзкая тварь. Даже жалко. Я стоял и смотрел в его глаза. Реально он ничего не понимает. Твою мать, да ты, может быть, вовсе и не «он»? Шаркающей припрыжкой кандидат отскочил и, скуля, стал убежать, по секундно оглядываясь то через одно плечо, то через другое. Не нужно лишать грешных последнего пути к Богу... Наверное, себя, в первую очередь? А с чего я вообще взял на себя право судить? А кто это вообще был? А кто теперь я? И обрез я даже не вытаскивал...

«Здесь проповедовал сам Будда! Знаете ли Вы это?» — спрашивает Ариан. Будда. Один из величайших пророков человечества, создатель одной из самых гуманных религий... Я вспоминаю огромную пятнадцатиметровую статую лежащего Будды в музее Душанбе. И думаю: а ведь в этих местах Будда не ощущается статуей и лакированным божеством, а осознаётся как реальная историческая личность, ходившая и проповедовавшая здесь. Рядом. Недавно. Здесь... И ведь эти горы и камни никуда не делись. Просто следы стёрлись...

Буддизм. Учение о достижении просветления. «Пробуждение». Именно так переводится слово «будда» с санскрита. Учение, в котором нет догматов, и где результаты зависят от самого человека. Учение, в котором нет слова «ересь». Далеко не каждый знает, что основа буддизма, его три кита, это — «всеобщая изменчивость и непостоянство», «взаимообусловленность всего», «отсутствие души». Ого! Это настолько фундаментально, что применимо как будто бы к физике, а не религии. Но и универсальнее, а также глубже точных наук, ибо они игнорируют первый из озвученных постулатов. Простой вывод, который из буддизма извлекает человек, не способный на такую драматическую глубину мысли, идеален. «Не брать лишнего и созерцать мир». Это уже просветление.

«Вскоре после прихода к власти, перед телекамерами мировых информагентств, в прямом эфире талибы взорвали и добились из танков огромные (55 и 35 метров), древние статуи Будды, высеченные в скале. Объявили, что для ислама эти изображения являются язычеством. Там, в Бамиане, всё ещё можно увидеть их силуэты и разрушенные остатки буддийских пещерных монастырей I-V веков. Мы можем съездить туда...», — говорит Ариан.

Человек и человечество всегда удостоверяют свою правоту разрушением альтернативы. Даже победив или доказав правоту, мы стремимся уничтожить всё иное, хотя в этом нет смысла. Само человечество имело и ещё будет иметь множество вариантов и путей. Но всегда будет в чём-то одном, ограничивая разнообразие возможностей. Нам страшно вне стен своей личной тюрьмы.

«Созерцай мир таким, какой он есть», — вот что сказал бы тебе Будда. Размышляй. И побаивайся «сильно правильных» — отличников, краснодипломников, праведных, религиозных... Почему? Они судят. Это страшно. Судят, представляете?

Идут дни, а Озеро всё не становится ближе. Мы уже посетили северо-восток и столицу страны, но в руках всё тот же тугой клубок ниток, который никуда не привёл. Подобный хаос и в голове — нить мысли скомканная, запутанная, с уже потерянными началом и концом. Тысячи троп так и не слились в одну. Я лихорадочно пытаюсь понять, куда держать путь дальше. Будда и Заратустра, Митра и Мани, Иисус и имам Али — эта земля богата на пророков. Но везде вокруг я вижу лишь выжженную землю, несчастных людей, брошенную технику и даже ржавые самолёты без крыльев... Смотрю на женщин, закутанных в хиджаб. На мужчин, перебирающих чётки. На нищенок, безмолвно протянувших из своих лохмотьев старые сухие руки. В этой стране их много. Все они верят в Аллаха. Что мне спросить у них? Сущность внутреннего устройства человека — стержень, на который опирается психика, мораль и воля. И стержень этот состоит вовсе не из силы, а напротив — из надежды, страха, доверия, снятия ответственности. То есть из слабостей. Имя его — наивысший объект служения.

Каждый втайне выбирает наивысший объект. Это — наибольшая наша слабость. Порт, в который мы прячем нашу ответственность и сомнения. Для кого-то это Бог, для кого-то — власть, для кого-то — плотское наслаждение, а для кого-то — любовь к ребёнку. Наша иррациональная надежда.

Мы уже создали его. И возвели в культ. Пока здесь людей терзает сомнение, достаточно ли они воздают Всевышнему, мы, белые, уже создали нового Бога. Даже самые страшные боги древних восточных деспотий не просили у нас так много. Имя его — Капитал. Пора признать: я работаю на него. Этот бог забирает у меня всё. Всё, что я заработал, я сам несу к нему на алтарь. И рад. Счастлив. Счастлив оттого, что он слышит меня. Молю его, чтобы он лишь дал мне возможность принести ему. Ещё. Ещё. Ещё. Я уже пробежал все банки, взял столько денег, сколько смог выпросить, — и отдаю. Работаю всё время, без перерыва, жму соль из своих бойцов, забыл уже, когда смотрел на ночное небо без электрических фонарей, чтобы только завтра принести моему кумиру больше. Так уже десять лет, но этому нет конца. Всё о чем я мечтаю — дать ему много-много. И, казалось бы, успокоиться... Чтобы всё оставшееся время считать... молить... благодарить...

...но и сожалеть, что не дал больше...

Всё, чем мы живём сейчас, когда-либо считалось злом. Книга, христианство, наука, секс. Но ведь мы убили Махатму Ганди. Сожгли Бруно. И выгнали ВСЕХ пророков. Присмотритесь внимательно к тому, что сегодня определено как зло. Может быть, там наш следующий рывок в эволюции... Летом 1994 года близ Кандагара один из местных командиров моджахедов надругался над двумя девушками. Жители обратились за помощью к местному священнослужителю — мулле Омару — и тот собрал своих учеников. Вооружённая несколькими ружьями, эта группа людей освободила девочек, захватила этого полевого командира и повесила его на стволе его же танка. Затем на призывы о помощи откликнулись другие жертвы разбойников. Мулла Омар объявил о создании движения «Талибан», которое афганцы встретили с надеждой. В талибах большинство афганского общества, уставшего от двадцатилетней войны, увидело ту силу, которая, наконец-то, наведёт порядок в стране и даст ей мир... Прошли годы взлётов и падений, славы и позора... Талибан сегодня — далеко не тот мулла Омар, и не только пуштуны. Но и не единый регулируемый организм. Верховная Шура в Кветте издаёт приказы, которые «принимаются к рассмотрению» местным подпольем в провинциях. Но фактически — местные экстремистские подразделения «крутятся, как могут». А чаще всего представляют собой локальные террористические ячейки, которые держат в страхе контролируемый район, принимая откаты «за безопасность» со всех вокруг, в том числе и с натовского контингента. За разумную цену они, как правило, готовы «временно прекратить перемирие» или устроить шумную акцию. Что будет дальше — неизвестно. Но сегодня афганцы уже ненавидят и талибов, и Америку, и Пакистан, и много чего ещё... Вероятно, люди вообще больше всего ненавидят то, от чего больше всего зависят...

«Шараф, ты знаешь, что значит слово кхоломан?» — спрашиваю я.

«Это значит «раб». Гхолом, голем, по-вашему — «раб». Ман — «человек», «я». А что?»

«Да я тут спросил у одного человека, он обиделся...»

«Да ладно, не переживай. Ты иностранец. Никогда не ясно, что ты имел в виду. Тем более, все мы рабы...»

Для нас, считающих ислам одной из монотеистических миролюбивых религий мира, полезно знать, что ислам не является равнотерпимой религией по отношению к остальным существующим религиям.

Требование к экспансии заложено в самой структуре ислама. Не все знают, что для мусульман мир делится не на множество свободных субъектов международного права, а на мир ислама, «дар эс салам» (то есть «дом мира») и весь остальной мир, «дар эль харб» (то есть «дом войны»).

Согласно мусульманским представлениям, между этими двумя лагерями человечества идёт война, которая должна длиться до полного и окончательного установления господства ислама над всем миром.

Средством и способом установления Царства Света является «джихад» — священная война.

Царство Аллаха тождественно политическому расширению ислама и распространению действия шариата. Территория, бывшая однажды исламской, согласно учению ислама, никогда больше не может быть деисламизирована. Так, например, Испания или Балканы, по букве мусульманской теологии, являются «вагф» — исламской территорией. И армии Аллаха обязаны завоевать вновь потерянные когда-то исламские территории. Поэтому уничтожение Израиля и исламизация Южного Судана, Греции, Сицилии, Балкан, Испании и части Франции — для искренне верующих — вопрос решённый. Пророчество, сказанное самим Мухаммедом, звучит так: «Сначала в Дом мира я введу Рум восточный, потом, через такое-то количество времени — Рум западный. И оба они будут в великом Царстве». С восточным Румом (Константинополь) — уже порядок, с западным (Рим) — ещё нужно повозиться, но, в любом случае, слова Пророка священны. Значит, будут исполнены... И когда с экрана говорят о том, что ислам, по своей сущности, является религией мира и любви, я ухмыляюсь... Для меня священен мой дом. Несмотря на то, что на чьей-то карте его нет.

«Да, вроде бы когда-то терпимости было больше... Здесь жили буддисты, несториане, шииты, евреи и зороастрийцы... Вы знаете хоть, кто такие зороастрийцы, парсы? Вот Фрэди Меркьюри был парс... Здесь их родина», — рассказывает Ариан.

Знаем, Ариан. С зороастрийцами мы познакомились совсем недавно, в жарком глиняном городе Йазд, в самом сердце Ирана, где за неброской калиткой на перекрёстке двухэтажных кварталов притаился маленький и уютный Храм Огня... Там за тёмным стеклом горит священная реликвия зороастрийцев — собственно, сам Огонь. Горит уже шесть тысяч лет. «Пап, а что такого необычного? Это же обычный огонь?» — спросил тогда Тимур. «Конечно, обычный. Необычен он лишь тем, что само это пламя поддерживают столько времени непрерывно. Это зороастризм. Само слово «зоро» — это то же самое, что и русское «заря, зарево». Огнепоклонники. Может, он и двадцать тысяч лет горит. Кто знает?... Представь себе древних людей, которые живут в пещере. Тысячи лет они поддерживают огонь, потому что если он потухнет — племя погубило. Они умрут от холода и сырой пищи. Добыть огонь трением — чушь, сам попробуй... Они получили его когда-то от богов, то есть от молнии, или отобрали у другого племени. Обгоревшая палка заострилась — так люди получили копье. Глина возле очага затвердела, и люди научились делать посуду. Расплавился камень — так люди открыли медь и другие металлы. А потом человек увидел чудо рождения хлеба... Вот так. Всё человек получил от огня. И это, возможно, тот самый огонь, который горел и тогда... Всё сегодняшнее — это лишь продолжение этого развития. Животные боятся огня. Значит, первый человек, взявший огонь — это и есть первый человек. Прометей, Гильгамеш, Осирис... или кто там это был?... Огонь — вот Бог человечества. А первый, кто не побоялся подойти к нему, — наш первый пророк».

Пророк. Слова всех пророков... Это-то мы и ищем. Значит ли это, что мы уже близко?

«Мудрость — женщина. Поэтому она может полюбить только война». Так сказал Заратустра. Мне нужен Заратустра, или «Зардушт», как здесь его называют. Мне обязательно нужно его спросить... Нужна его мудрость...

Мы едем в Балх. «Мудрость — женщина. Она может полюбить только война...» «Послушай, сын: идти до конца. Вопреки. Идти, даже если в этом уже нет смысла. В этом — сущность война. «Затруднено, несвоевременно, бессмысленно, поздно, невозможно» — эти слова ты обязательно услышишь на пути к цели. Не от кого-нибудь, а от самого себя. И это значит только одно: ты на

верном пути! Именно это и есть путь воина. И именно тогда ты и должен сделать необходимое — исполнить задуманное. Исполнить своё слово. Вот тогда и произойдёт чудо. Это невозможно. Казалось бы. Но судьба и природа сами вдруг развернут время и свои физические законы вспять. Ибо они преклоняются перед неотвратимым. Ты увидишь всё это сам, Тимур...»

Мы едем на родину Заратустры, в один из древнейших городов мира — в допотопный и ветхий Балх.

Блокпост. «У всех поперёк дороги всегда стоит благородный...» — так говорил Заратустра...

Чтобы заставить кошку лизать перец, нужно намазать ей задницу перцем. Только тогда она вылизет всё до последней крошки, она БУДЕТ ЭТОГО ХОТЕТЬ... Все остальные варианты невозможны. Так вот. Америка всей планете мажет перец под хвост. И это самый гениальный ход её стратегов. Весь мир сегодня крутится и танцует под дудку, заданную США. И выбора ни у кого нет. Заданы правила игры и сама действительность. Америка действует просто как сильнейший самец в стае — может сломить в одиночку любого, но только одного. Противодействующая сплочённая группа — вот настоящий кошмар для США. И их можно понять. Жизнь, мир — это экспансия. Америке нужен мирный Афганистан? Нет. Америке нужен ПОДКОНТРОЛЬНЫЙ Афганистан. Или хаос. Наивно думать, что США спит и видит, как бы разбомбить Иран. Нет. Иран обложен экономической блокадой, несправедливо демонизирован, изолирован политически. Ещё недавно у действующей власти была поддержка семидесяти процентов, а может, и 80. Но последние несколько лет рабочему иранскому населению стало настолько тяжелее жить, что у абсолютного большинства теплится подлая безмолвная надежда: «вот бы пришёл кто-нибудь, хоть американцы, хоть революционеры, и скинул бы к чертям собачьим эту власть, вот бы и зажили...» Когда мучит жажда — какое дело какой формы кувшин? Подлю, конечно. Но войны, естественно, никто не хочет... США могут найти способ помочь разрушиться Ирану самому. Изнутри. Но и он им нужен постольку-поскольку. Во всех учебниках всех стратегов геополитики всех стран и всех времён пространство, примерно совпадающее с контурами Афганистана, называется не иначе, как Хартлэнд — Сердце. Обладающий этим сердцем обладает и самой Евразией. Целью США является само ЭТО ПРОСТРАНСТВО — способность терроризировать все независимые центры силы. Сегодня, в наибольшей степени, влиять на четыре региона — Ближний Восток, Россию, Китай и Индию. Наркотиками, экспортом талибов, угрозой военных баз. Да, сеющий ветер пожнёт бурю. Но когда? До этого все остальные страны должны увязнуть в мёртвой хватке взаимной ненависти и зависимости по отношению друг к другу. США официально покинули Ирак. Но что мы видим? Тысячи военных, охраняющих важные объекты, принадлежащие американским компаниям и государству. Лишь называются они «частные охранники». Америка может и не уходить из Афганистана. А лишь сократить плату за присутствие. Думать, что земля круглая, реально безумство. Мы ведь видим, что она — плоская! Этот пример говорит о том, как мало мы понимаем, когда пытаемся верить своим глазам. Как-то так, сын!

Необременительный контроль блокпоста — и мы едем дальше. Афганский военный радушно махнул рукой вслед, натовский военный в непроницаемых солнцезащитных очках неподвижно взирает из глубины блиндажа... Вряд ли ему комфортно здесь. Да и афганцы подустали от «благородной помощи». В вопросе «кого ты ненавидишь?» вторым номером для афганцев, безусловно, идёт «Америка». Но американцы, как известно, хотят быть первыми во всём.

«Мы погибнем от своих добродетелей». Так говорил Заратустра.

Тысячи утопий, добрых и злых дел, инженерных проектов и экономических теорий разбиваются о пресловутый «человеческий фактор». Кто эти люди, мелкостью своей заставляющие обращать в прах усилия титанов истории? Обычные, обычные, обычные люди. И что в них такого обычного? Может, как раз малая величина их устремлений, неспособная потянуть вселенский масштаб? А откуда она берётся? Неужели маленькие люди не хотят нечто большего и лучшего, чем имеют? Не-а. В том то и дело. Не хотят. Может, и хотят, но побаиваются. Побоятся изменить статус-кво или рискнуть тем малым, что имеют... Даже ради себя... Даже ради справедливости. Даже ради своих детей... Так, может быть, наша бытовая мелкая трусость — это и есть самое большое наше преступление над самим собой? Перед собственной личностью и Богом? Да. Трусость — самый страшный грех на свете. Мелкая, внутренняя, целесообразная. Осторожность, превращающаяся в равнодушие. Опровержение самой сущности определения человека. Как отличного от животного. Как чуда. Как души.

Наконец и Мазари-Шариф. «Э-э-э! Сюда смотри, туда не смотри! Покупай шапка!» Мы с Шарафом идём по внешнему периметру рынка, чтобы купить сладостей, пару платков, пакуль (шапокнушников), чёток и ещё чего-нибудь красивого мне на память... Как получится...

«Ит чандэ?» — в очередной раз спрашивает Шараф. «Двесат!» — отвечает торговец.

«А-а-а, герун, почему такой... заколебали, блиать... и т.д.» — взрывается Шараф. Я так понял, что дорого, и именно потому, что в нас видят «заезжих». А ведь Шараф живёт здесь уже шесть лет... На незнакомом мне языке Шараф произносит выдающуюся, видимо, речь, ибо заставляет проходящих мимо оглянуться... Прекрасная речь. Может, на фарси-дари, может, на языке торговли... Не знаю. Оба этих языка для меня так и остались непостижимы.

«Да ладно. Берём. Ит чандэ?» — обращаюсь я к торговцу. Отсчитав нужное количество афгани, кладу на прилавок. Делаю шаг, но, вспомнив нечто, ставлю рюкзак на кирпичный пол и достаю свёрток хлопковой нити. «На, это тебе», — по-русски говорю продавцу. Уходим. Этот вечный спектакль пора заканчивать, а эта нить никуда меня не ведёт. Дарённое всегда обходится дороже купленного... Уходим.

Жизнь — может, это и есть игра? «Я бы поверил в того бога, который бы умел танцевать», — так говорил Заратустра... Играть, удивляться, ошибаться, радоваться, разрешать задачи... Интересно. Жизнь ведь и является жизнью, ровно пока она интересна. А за этой гранью превращается в простое существование, пустое и бессмысленное. Интерес, возможность и надежда — вот, что на самом деле заставляет жить всё вокруг.

Мы с Шарафом выходим из рыночного переулочка. Я вижу сотни белых голубей. Площадь, люди. Прямо перед нами открывается величественная Розы Шариф — Голубая мечеть. И откуда-то сзади, издали: «Э-э-э! Шурави! Шумо мехират..Шумо!» Говорят, кто любит чабана, должен полюбить и его собаку... Нас догонял рыночный торговец. В руке у него был рыжий шерстяной клубок... «Шумо! Ба», — заключил он.

Балх — один из древнейших городов мира. Но городом его уже не назовёшь. Торговая улочка вокруг мазара некоего «хаджи», то есть святого. Глиняный квартал, уходящий в никуда... Дыни, орехи, воробьи... Маленькая «мечеть девяти куполов», как говорят, девятого века, тоже святое место... Заратустра родился здесь, наверное, веков тридцать назад. С тех пор, кажется, ни дома, ни дороги не латали... Мы некоторое время едем по глиняным кварталам плоского одноэтажного города, когда вдруг выезжаем к холмистой возвышенности, на которой широко накинаны громадные и бесформенные, оплывшие от дождей и эрозии крепостные стены. Величественные и такие древние, что, казалось бы, являются частью природного, а не рукотворного ландшафта. Уже и непонятно — из глины, кирпичей или земли созданы они. Ни травинки. Будто ты на луне. Инстинктивно я ищу самое высокое место и, взобравшись, долго сижу, наблюдая открывшуюся панораму. В руках — моток шерсти. Нужен ли он мне? И как это глиняное плато может относиться к поискам моего Озера? Невдалеке Тимур вместе с афганским мальчишкой, сыном водителя, наковыряли уже где-то древних маленьких кирпичиков и несколько чешуек керамики. Бегут радостные. Из русскоязычного контента издаваемого ими шума можно разобрать, что в далёком Калининграде дворовым пацанам перепадёт сувениров. А какой сувенир унесу отсюда в своём сердце я? Что мне скажет Авеста?

«Мало ценности в том, что имеет цену». Это слова из Авесты.

«Шта ит? Сунна?» — спрашиваю я у водителя, показывая на надпись *تقاربل* на крыле автомобиля. Где-то я такую уже видел...

«Наэ. Бурак».

«Что?»

«Бурак», — подтверждает Юнус, отхлебнув воды и протягивая открытую бутылку мне... Сознание туманится, уже взявшие бутылку пальцы разжимаются, и, как в замедленном кино, я вижу, как она устремляется к земле, выскользнув из рук...

Миг или вечность... Секунда или вся жизнь? Что-то неудержимо перевернулось внутри и будто вылило меня из сосуда тела в какую-то тёплую мглу... Забытьё... Обнаруживаю себя вдруг на переднем сиденье какого-то древнего авто, пылящего по шоссе. Видимо, придремал... Оглядевшись, вижу спящую семью и узнаю водителя. Тачка — древний «Пежо», каких много в Иране и Северной Африке. Понимаю, что это только что нанятый нами частник, «савари», как здесь говорят, милый и

простой увалень Джебраил, а едем мы где-то по провинции Фарс. Иран... Вроде бы ехать ещё около трёхсот километров, а впереди — будто бесконечность. Впереди — целая жизнь.

«Куда мы?» — спрашиваю я. «Куджа мо?» — поднимает брови Джебраил... По его мимике видно, что вроде бы я сам должен знать, куда мы едем. «Намедона», — пожав плечами бормочет он... На панели приборов помаргивает красная лампочка. Я вопросительно указываю на неё... «Ништа олия», — заключает тот... Надо же, вроде он произнёс фразу на родном языке, но это абсолютно то же самое на сербском... Или на хорватском, боснийском, а может, и ещё на каком... Кто мы? Какой временной промежуток разделил нас, человечество? Какую вспышку времени мы существуем здесь, в мироздании, чтобы позволять себе не понимать друг друга на этой маленькой планете? Кто ты, Джебраил? И кто я?

С зеркала заднего вида свисает матерчатый флажок с надписью. «Хадис?» — спрашиваю я. «На. Бурак», — с улыбкой отвечает он. «Бурак?» — думаю я. Бурак? Коджа мо? Джебраил, оторвавшись от дороги, смотрит мне в глаза... Тёмные-тёмные зрачки, бездонные, как сам Космос. «Намедона, намедона, наведома, неведомо, неведомо», — доносится до меня... Я проваливаюсь в эту тьму.

Темнота. Грубая глинобитная комната и горящий очаг. Я сижу на коленях перед огнём, и ноги мои порядком уже затекли. Юная девочка с точкой на лбу стоит передо мной, вопросительно смотря.

«Бинди? Где я?» — имея в виду точку на лбу, удивляюсь я. «Тика», — качнув головой, говорит она. Это значит, что мы сейчас где-то в северной Индии, а может, и в Непале. Только здесь так называют рисованную точку, тилак, обозначающую третий глаз. «Где мы?» — спрашиваю я. «Кайлаш. Мата», — говорит она мне, протягивая руку...

Надо мной нет потолка, но вместо него во тьму простирается как будто бы полупрозрачная гладь воды. Подрагивающая, шевелящаяся. Какие-то отражения или картины возникают и исчезают в её глубине, устремлённой вверх. В некоторых я узнаю себя... «Ни ачи. Ити», — говорит мне девочка и тянет рукой к выходу. Абсолютная тьма. Я делаю шаг то ли в тёмный проход, то ли в бездну, и уже не вижу ничего впереди и не чувствую никого за собой...

Тьма тает, и постепенно становятся различимы какие-то светлые горошины, рассыпанные в беспорядке на полу. Зёрна нута. Их десять. Я приседаю, собираю их в ладонь, выбираю одну и кладу перед собой, любясь на тусклое свечение. Один. Причина и начало. Единение. Треугольником кладу ещё два. Два — раздвоение и диалектика. Основание Сущего, как борьбы противоположностей. Всё вместе это составляет три. Множество. Выкладываю в основание ещё три. Красиво. Равносторонний треугольник, совершенный в своей простоте... Оставшиеся в моих руках четыре — это корень, источник всего числа. Выкладываю их в основание. Треугольник, в сумме дающий десять. Фигурное число. Пифагорейство. Улыбаясь, кладу в светящуюся фигуру ладони и вижу, как свет начинает сочиться через мои пальцы. Их тоже десять. Человек. Свет наполняет всё вокруг...

«Пирог с бураком не хотите? — окликивает хозяйка, у которой я только что купил грубый шерстяной свитер, — дорога-то, я смотрю, у вас дальняя!» Щурясь от яркого света, вырываю сознание из дремоты... Верхняя Балкария, Кавказ. Здесь, вероятно, из-за отсутствия овощей, люди уже сотни лет употребляют в пищу бурак — стебли и листья неприхотливой свёклы. Это уже давно превратилось в фирменное блюдо дигорцев, иронцев и малакар... Ветерок треплет мои волосы, нежное солнце мягко прогревает продрогшие кости. Сидя на лавке и откинувшись на каменную стену, подношу к губам большую кружку густого местного травяного чая... Травинки в его коричневой тьме выглядят, как звёзды, а водовороты — как галактики. Может ли внутри этой кружки существовать свой Космос? Бесконечный и живой? За гранью наших размерностей, внутри силовых полей бозонов и кварков? На орбитах ли электронов? Можно ли шар, выглядящий цельным, с какой-либо стороны увидеть вывернутым наоборот? И не внутри ли мельчайшего шара мы сами?

Бесконечности, которые однозначно больше каких-либо других бесконечностей... И даже бесконечности, вмещающие в себя бесконечное число бесконечностей. Это очень просто. Как меньше бесконечное число простых чисел бесконечной массы вообще чисел всех. Как множество бесконечностей нашего мира, вмещённых в наш бесконечно огромный мир. В котором на каких-то орбитах внутри какой-то движущейся спирали где-то сейчас лечу я...

Теснина стен и жесточайшее давление извне. Вырваться! Темница. Давление. Я, скручиваясь, превращаюсь в ничто, отдавая и отдавая в пустоту частицы «я». На каждую пульсацию я выдаю их

вдвойне и даже более, но с ужасом вижу, что все мои ставки оказываются перевёрнутыми, как будто бы в знаменателе: один — два, два — к трём, три — пять, четыре — на восемь, пять — на тринадцать... Сходимость. Бесконечное стремление результата к нулю... Критерий Коши... Ноль — моя неизбежность? Только вырваться, только извернуться собой, только найти иные ориентиры... Можно ли найти нечто сущее в ничто? Ноль — это ли не равновесие? Тождество. Сумма двух противоположностей? Отдаюсь этому течению и, сворачиваясь в точку, устремляюсь в самый центр себя, чтобы исчезнуть в этой теснине.. Но вдруг выворачиваюсь вовне, выныривая с внешней стороны этого замкнутого мира... Вижу его. Он прекрасен, близок и далёк, мал и объясним... А я отрицателен. Внутри шара — синее свечение самых удалённых звёзд, вероятно, видимых с той стороны красным смещением... Где-то там, внутри — я. Мир наоборот. Прошлое вот-вот достижимо, а будущее давно уже прошло... Только не смотреть назад! Только не смотреть!.. Не выдерживая, оборачиваюсь...

«Надя, вынеси бурак с нитью», — слышу я голос старухи. Бурак — русский самодельный сосуд из берёсты. Село Фиолетово, молокане. «Путь-то у вас дальний! Но надеждой и моря покоряют... А сколько верёвочке ни виться, конец-то будет! Правда, Надежда?..»

Воображение всё больше закручивается в воронку, превращаясь в сияющую трубу, в некий коридор. Красно-белое марево и зеркальные блики. Боль. Меня тянет, мне хочется туда... Раз за разом я напрягаюсь и, наконец, прорываюсь в этот тоннель... Я родился.

Бессловесные, но яркие образы проплывают мимо — горизонтальные кроны деревьев, перевёрнутые лица людей, прутья клетки детской кровати и яркий сосуд, в который помещены целиком живые человечки — телевизор. Где-то над этим — голос матери, читающий мне, ребёнку, сказку: «...бросил Иван клубок на землю, покатился клубок, а Иван за ним. Дошёл до Кощея бессмертного, потребовал Иван у него Василису. Повёл Кощей Ивана в подземелье, показал там три темницы...»

Тьма. Долгая томная тьма... Постепенно в ней вырисовывается приближающийся ко мне тоннель... Становится различим человеческий силуэт в лёгких одеждах, ожидающий моего самопроизвольного приближения. И вот совсем близко... Так близко, что слышу топот собственного тела, бегущего по шпалам где-то глубоко под этим сияющим коридором... Улыбнувшись и отрицательно качнув головой, клубок красноватой шерсти передаёт мне, выйдя из тьмы, Тесей... Пустота.

«Вначале был Логос. И Логос был с Богом. И Логосом был Бог». Не вижу ничего вокруг...

«А!» — произношу я. Как рассыпавшееся зеркало, всё окружающее распадается вдруг на нечто противоположное, как бы на -1 и 1 , на вывернутое и наружное, на свет и тьму, вдруг начиная множиться и превращаясь в структуры... Мир создаем, бесконечен и всемогущ. Мир возникает сам.

В этой новой яви, возникшей предо мной, вижу в пустоте ребёнка, непринуждённо сидящего на ярком пятне и лепящего нечто из глины... Может, предмет, может, и человечка.. Что-то должно получиться... Озадаченная и напряжённая мимика детского лица иногда озаряется блеском радостных глаз. Ему нравится. Ему интересно. Творя, он играет... Не это ли персонализация мироздания? Не это ли Бог? Ведь лишь у Бога не может быть потребности, он есть всё... А если нет потребности, значит созидать возможно лишь из интереса? Интерес, игра! Не игра ли весь мир? А если так, то разве может быть в нём хоть какая-либо цель?

Яркость тускнеет, проявляются очертания, вырисовываются новые образы, и в играющемся дитя я вдруг обнаруживаю себя... Запах скошенного сена и деревянного пола... «Дай помогу», — тихо говорит дедушка. В его грубых руках глина покорно превращается во что угодно. Голова фигурки вытягивается, конечности утончаются, проявляются крылья... «Это крылатый конь. Им полны сказки всяких народов. И русских, и персидских, и кавказских. Греки называли его Пегас, а наши друзья башкиры, да и казахи тоже — Тулпар. Он всегда приходит на помощь настоящим героям. Перенесёт тебя по ветру в любое место, да так быстро, что ещё и мысль додумать не успеешь. Вот так. Сделаем фигурку, ты будешь смотреть на него, разговаривать, и он услышит. И если ты станешь героем, защитником добра, то когда-нибудь он поможет и тебе... В какой цвет красить, я и не знаю. Его уже давно не видали... Последним из людей его видел Мехмед — пророк мусульманский. Говорят, к нему явился Гавриил-архангел и позвал в путешествие к самому Господу на летающем коне... Тот так торопился, что опрокинул кувшин с водой... Крылатый конь отнёс его сначала в Ерусалим, а потом и в рай небесный, а там до самого Господа. Да так быстро, что, вернувшись, Мехмед успел ещё подхватить опрокинутый кувшин... Так вот говорят. Мусульмане называют этого небесного коня Бурак».

Ударившись коленом о землю, я вдруг очнулся. Пойманная бутылка подрагивала водой в руке... «Проблем?» — спрашивает Юнус. «На проблем. Мираж», — отвечаю я. «Мирадж?» — удивившись, переспрашивает он... Лишь позже я узнал, что значит для мусульман это слово.

Оплывший песчаный ландшафт, глинобитные строения вдалеке. Стены древнего Балха... «Это и есть Бурак?» — оправившись, спрашиваю я, указывая на автомобиль. «Бале», — подтверждает Юнус и, прищурившись, смотрит вдаль...

«Всё есть одно, ибо всё бесконечно», — когда-то звучало над этим всем. Это земля Авесты.

Глубоко погрузившись в свои мысли, не хочется ничего говорить. Усталость. Раздражение. Иллюзии. Бред наяву. Как я до такого дошёл? Мы едем назад, в Мазари-Шариф. Считается, что здесь, в Голубой мечети, покоится последний праведный халиф ислама — зять Мухаммеда имам Али. Слово «мазар» на Востоке означает место захоронения святого, место поклонения, «шариф» — главный, благородный. Говоря по-русски, это — Великий Мазар. Нечто более великое здесь вряд ли найдёшь... Но мне уже не хочется ни у кого ничего спрашивать. Довольно загадок. Всё перестало иметь значение. Сегодня последний вечер нашего Афганистана. Завтра я решил выдвигаться в Термез, а ещё чуть более чем через сутки серебристый самолёт должен унести меня на далёкую родину... Моё Озеро так и не открылось мне, не открылся ему и я... Никогда желаемое не приходит к нам так, как этого ожидаем мы...

За окном всё новые и новые пейзажи, которые, впрочем, отличаются от предыдущих лишь оттенком коричневоности. Древняя Бактрия. Огромная плоская равнина, на которую ветер приносит иногда жарковатый пустынный воздух. Тысячи лет. Я чертовски устал. Мы просто идём и идём в никуда. Хотя, вероятно, как и всё человечество... Но столько дней... И где смысл? Сегодня предпоследний день праздничной недели Навруз. И вроде праздник, но мысли тревожны — дни неумолимо идут. Может быть, не стоило расплыться на праздные посещения всего вокруг, да и вообще полагаться на завышенные ожидания, что так свойственно нашей человеческой природе? Слишком бурный поток. Разве такие хоть когда-нибудь достигают морей?

Я схожу с грунтовок, снимаю рюкзак и сажусь на обочину перешнуроваться. Мы уже не спешим... Зачёрпываю сухого мелкого песка, обтираю им руки и долго смотрю на тонкую струйку, скатывающуюся с ладоней... Он будто вечен. Чем он был миллионы лет назад? Горой, камнем, дном океана? А ведь ещё ранее атомы вещества, из которого он состоит (кислорода и кремния), были сформированы в недрах звёзд, как и вообще всё вещество Вселенной, кроме водорода и гелия... Камни, горы, моря и мы сами — всё, из чего мы состоим, было когда-то рождено в звёздах. Мы несём их осколки в себе...

Песок красив. Кристалл к кристаллу, крошечный, но невероятное количество... Ещё горсть... Из какой древности он шлёт нам послание? Сколько его? Он настолько вездесущ, вечен и бесчислен, что будто заполняет не только Вселенную, но и само Время. Не имея ни начала, ни конца...

Мы, наши мысли, звёзды и действительность — как песок — бесконечны.

Про эту страну говорят, что посещая её впервые, сразу же начинаешь ненавидеть, а покидая, уже любишь всем сердцем... Отчасти это так. Слишком резок контраст... Навруз. Сегодня у каждого здесь накрыт по всем правилам стол, чтобы ангелы не прошли мимо его дома... И хотя выходной, но возле арыков множество селян, сажающих в землю ростки... В Афганистане принято всю праздничную неделю не только принимать гостей, но и сажать фруктовые деревья, начинать сельскохозяйственные работы... Начинать нечто новое... А что предложить своим ангелам мне? Кто они? Может, наши ангелы — это редкие цельные мысли, своевольно появляющиеся в голове и так же свободно из неё исчезающие? Или мечты? Ведь только мечты имеют крылья?

Навруз в этой стране называется руз дехкан — «день крестьянина», а также «день саженцев». Самый уважаемый человек селения проводит первую борозду... Также здесь часто говорят: «Новруз — день добрых мыслей». Это имеет свои основания. Вопиюще очевидно, насколько мы в своём современном мире не понимаем всю глубину слова «сеять».

Пора уезжать отсюда. Мы опять движемся в никуда. Прямо завтра. Пора. Эта земля всё превращает в пыль. Планы, армии, достижения, договорённости и само время. Остаётся лишь пыль... Пыль, пыль и жёлтый туман — вот что поражает в Афганистане больше всего... Хотя сейчас влажный сезон, и стоит подняться небольшому ветерку, как он превращается в вихреватый суховей, мелко метущий, мешающий глазам и создающий вокруг сюрреалистический пейзаж. Жёлтый ту-

ман, из которого выплывают причудливые картины и тонут проходящие мимо события — битком гружёный детьми открытый грузовик, мотоколяски с укутанными женщинами в кузовах, ослики с хворостом, пикап обувщика, до трёхметровой высоты нагруженный стоптанными штиблетами... Нереальность. Люди активно заматываются в ткань, животные стараются держаться группами, солдаты возле дорог приседают на одно колено и молча терпят, опустив голову. Туман, который именно и образуется оттого, что на этой, и так безжизненной, земле, всё зелёное съедается, а всё сухое вырывается на топливо. И так — сотню лет, а может, и больше... Извечный мираж... За тысячи лет народ выдернул из земли, да и из самих себя, всё то бедное, что смогло размножиться, жить, цвести, засохнуть и гореть. Сухой земле уже не за что зацепиться. Ветер, ветер, ветер, лишь только ветер стал её властелином. Кажется, и сам народ выдернул свои корни...

«Ха-ха! Ну что, начнём?» — радостно вырывает меня из задумчивости Шараф... Мы уже прибыли на место, и все уже сидят вокруг дастархана... Как и многие другие жители страны, в этот день наши новые друзья запланировали пикник на открытом воздухе. Здесь уже знакомые нам Ариан и Юнус, а также несколько мужчин различного возраста, в том числе и совсем старый дедушка в белой чалме... Настроение Шарафа прекрасно: «Ну, мубарак дустони азиз, с праздником, дорогие! Какой стол! Какая представительная компания! Богатство порождает церемонии, ха-ха... Так что первый кусок тебе, Женя!»

Отрываю кусочек лепёшки... Чуть слышно бормотнув молитву, остальные также приступают к еде.

День добрых мыслей... Почему бы каждому дню каждого человека не быть таковым? Это невозможно?

«Это и есть счастье. То, что ты имеешь сейчас. Вот этот хлеб. Хвала Аллаху!» — слышу я.

«Счастье, когда к этому столу прилагается ещё и хотя бы по паре мешков риса дома! Тогда счастья хватает надолго», — подшучивает кто-то... «Не эта лепёшка и не ваши запасы в доме являются счастьем, — вставляет своё слово старик. — Это всё временно. Вон, видишь дехканина в поле? У него счастье. Видишь, сколько детей? Видишь повозку рассады? Аллах не даёт готовое счастье. Аллах может дать лишь ростки. Счастье нужно посеять!»

Мне кажется, что я вполне понимаю этих людей, хотя, справедливости ради, надо заметить, что окружающие из вежливости стараются говорить на понятном мне языке. Вставляя, как умеют, английские, русские, а то и тюркские слова. Шараф аккуратно уточняет смыслы... С сыном Юнуса во что-то играет Тимур. Им переводчики вообще не нужны... В конечном счёте, всё есть одно... Слова — лишь форма выражения чувств — того, что есть общего в человечестве. Не так уж и много нужно людям для того, чтобы быть понятыми. Нужна лишь потребность противоположной стороны. По сути, мы все — коты в шкафу... Вообще, чтоб быть понятым, главное — быть услышанным. И всё. В общении люди ищут не информацию, а друг друга. В этом вся суть человеческого общения.

«Слово от сердца всегда попадает в чужое сердце, лишь брошенное с языка — парируется языком!» — провозглашает Шараф, заключая, конечно же, какую-то мысль предыдущего разговора...

Пыль... Женщины, идущие с пластиковыми канистрами за водой... Остовы сгоревших бензовозов... Что можно найти в этой стране? Ничто — это и есть всё, а всё = ничто. Этот суфийский парадокс, кажущийся неочевидным, всё отчётливее и отчётливее прорастает в осознании, подавляя своим массивом... Всё есть одно, ибо всё бесконечно... Всё и ничто. Ничто и всё. Различные проявления одного и того же.

«Время, Женя... Время тебя съедает... Вот ака говорит, что нервничаешь ты, всё ждёшь чего-то, раздумываешь, секунды тебя точат, как ржавчина... Весь ваш мир на этом построен — бежать, не зная куда, — говорит Шараф. — Ака сказал, что тебе бы принять время по-другому... Послушай старика, он ещё Ною на ковчег доски подавал...»

«То есть? Остановить? Поплыть по течению?» — спрашиваю я.

«Нет, не так и не так. Он говорит, время — не птица, чтобы схватить за хвост, и не река... Время никуда не идёт».

«И как же это?»

«Старик говорит, время — это просто судья».

Мы говорим «время бежит». Время судит. А бежим мы.

Бежим, не зная куда? Я устал. Все последние дни я практически не сплю. Ворочаясь каждую ночь, я понимаю, что мы не достигаем цели, но каждая следующая секунда обходится всё дороже. Опасно. Жизнь и «калаши» в Афгане стоят дёшево, богатство и безопасность — очень дорого. Дружба и бескорыстие, пометавшись между «бесплатно» и «бесценно», почти выпали из оборота национальной культуры, так не найдя подходящего ценника. Опасно, слишком опасно. Сама афганская армия с наступлением темноты баррикадируется в неприступных фортах до рассвета, а мы коротаем ночи в отелях без дверей... Озеро Забвений уже настолько завладело моим воображением, что по ночам я, кажется, пытаюсь уговорить его открыться, но бесконечно испытывать судьбу чревато... «Беспечный и мёртвый — одно и то же», — соглашается Шараф.

Мы бежим всегда. Бежим от своих страхов...

От непривычки сидения на земле ноги быстро затекают, и я уже лежу перед дастарханом, оперевшись на левый локоть, вытянув, впрочем, ноги в противоположном направлении от сидящих. Прямо подо мной, на жёлтом стебельке, в поисках верного пути мечется маленький чёрный муравей с белой личинкой, выгнанный, наверное, нашим тяжёлым присутствием из-под скатерти... Забавное маленькое существо, имеющее свою проблему, драму, цель и судьбу. Как и все мы.

Бегущие от своего настоящего...

Над Мазари-Шарифом на огромной высоте висит дирижабль. Экзотика! Так американская разведка «пасёт» расстояние на несколько десятков километров вокруг... Под ним мальчишки пасут овец и местных длинноухих коз в бескрайнем каменистом поле. Над всем этим белые облака-барашки гонит по небу Великий Пастух... Пастыри не всегда ведают о своих пастухах... Всё превратно... «И агнец будет пастырем их...» — всплывают в голове строки Откровения Иоанна. Будет ли?

Завтра в десяти-пятнадцати километрах отсюда пройдут манёвры с вялой стрельбой. Потом в горы полетят вертолёты, прочёсывая местность, и скинут моджахедам... нет, не бомбы, а снаряжение и кое-какие медикаменты. Чтобы по приказу повторить игру вновь. Утром контингент НАТО вновь развезёт афганцев по постам, наблюдая за происходящем из блиндажей. А вечером опять соберёт их в свои крепости, как будто и не касаясь местного уклада.

«Нет, при русских такого не было», — говорит старик.

«А как было?»

«Гаяра. Уважений, dust. Уважений».

«А вообще, ака, когда-нибудь здесь будет мир?»

«Иншалла», — вздыхает старик, что значит «как будет угодно Аллаху».

На Востоке эта фраза обычно означает «никогда».

Мы бежим от правды.

Мир вокруг, вещество, материя, люди, числа, события, мы сами и само настоящее время — это всегда итог неких противоречий. То есть — явленный их результат. И ничего больше.

Бежим от своих противоречий. Вне которых нас нет.

Муравей, копошащийся подо мной, относится к наиболее эволюционно продвинутому семейству насекомых. Сложные социальные группы, преобразование окружающей среды, разделение труда, системы коммуникации и организации, позволяющие иметь коллективное разветвлённое управление. Непонятно, что является самостоятельным живым существом — отдельный муравей или его коммуна? Некоторые виды муравьёв обладают развитым «языком» и способны передавать сложную информацию. Кроме того, они выстраивают своеобразные «отношения» с грибами, бактериями, растениями и другими насекомыми, то есть попросту выращивают их себе на пропитание. Муравьи есть везде, кроме Антарктиды и некоторых удалённых островов, и составляют от десяти до двадцати пяти процентов земной биомассы животного мира. Невероятно! Целая цивилизация! Интересно, определяет ли муравей меня, как действующее лицо природы, или просто не замечает? Так же, как огромный мир бактерий не замечает его, пользующегося их плодами... А всё ли осознаю я?

Бежим. От собственного незнания. От неизвестности к самообману.

«Ака, — продолжаю я спрашивать старика, — а когда американцы уйдут, что будет?»

«Когда бык падает, над ним поднимается много ножей... Будет большая война», — отвечает он.

Он знает, о чём говорит. Как и сто лет назад, прежде чем последний солдат иностранного контингента покинет место дислокации, за его спиной уже начнутся бои — пуштунов с дари, хазарейцев с пуштунами, тюркоязычных с хазарейцами, светских с талибами, талибов — со всеми вокруг, местных смотрящих — со своим начальством, официальной власти с военными, всех против официальной власти и с талибами против всех. Сто друзей — мало, но один враг — много. Замысловатые союзы, где договорённости имеют смысл только да захода солнца. Война всех против всех. Экспансия. Конкуренция. Ограниченность ресурсов. Внутри собственной цивилизации мы не готовы терпеть даже друг друга.

Ты бежишь. От своего страха к своему временному спасению. Но не к бесстрашию.

Нужно быть морем, чтоб принять в себя грязный поток и не сделаться нечистым... Люди Афганистана несут на себе печать страданий этой земли. Говорят, моральные устои здесь сильно пошатнулись... Но кого в этом винить? Люди, судьбы, народы... Всё это катится здесь тысячи лет, разбиваясь в куски и снова сплетаясь в причудливые союзы. Казалось бы, без всякой логики и закономерности. Как нечто стихийное, невозможное и непредсказуемое... Подбитая техника. Вздрыбленная земная кора. Самолёты без крыльев... «Афган — хараб. Афган — хараб», — слышу я здесь ото всюду. Что здесь можно понять? Разбитые танки. Разбитые судьбы. Опровергнутые предсказания... Афганистан хоронят уже давно. Во все времена. Но из века в век эта земля возрождается вновь. Будто бы избавляясь от чего-то наносного, чужого или невечного... Возродится ли он и теперь? Неизвестно, но... Большие камни катятся дальше...

Ты бежишь. От неопределённости к неизвестности.

В масштабах муравья мы просто боги, потрясающие своей всеильностью над его судьбой. Поразительно, насколько ему далеко до понимания нашего над ним всемогущества... Ради интереса я заламываю стебель и зацепляю метёлку колоса чуть выше надлома, создав, таким образом, горизонтальное кольцо. Как и предполагал, муравей избирает движение по верхней стороне кольца и, немного помучившись на колоске, вновь выбирает движение по этому же кругу. Боги сегодня избрали ему этот путь.

Бежать. От вынужденности к неизбежности.

Будет ли тень прямой, если ствол кривой? Мои сегодняшние собеседники считают, что народ, ставший жертвой большой геополитической игры, уже отвернулся от последнего, что могло скрасить его возможный уход в страну звёзд — от Аллаха. «Мы это заслужили. Аллах просто потерял к нам интерес», — говорит кто-то. «Потерялись», — дополняет другой, образно показывая, как нечто закатывается под скатерть.

Ты бежишь. От своих разочарований. Надеюсь успеть первым выбрать свой единственный «правильный» путь. Которого нет.

«А как же Пуштунвали?» — спрашиваю я. Все, улыбнувшись, согласно цокают... Пуштунвали — традиционный кодекс чести пуштунов. Мы, в своей цивилизации потребления, даже понимая, что человеческое счастье состоит далеко не только в возможности наибольшего обладания чем-либо, всё же концентрируем свои цели в основном на деньгах, полагая их инструментом достижения всего. Согласно Пуштунвали, наивысшими ценностями являются самоуважение, независимость, справедливость, гостеприимство, любовь, прощение, терпимость и месть... Довольно сбалансированная шкала, отшлифованная тысячелетиями... Инструментами достижения Пуштунвали являются «имандари» — преданность истине вне зависимости от последствий, «гаяра» — честь, и «бадал» — бесстрашие. Очень мощный набор, если задуматься... Действие кодекса настолько сильно, что известно множество случаев, когда раненные солдаты советского или натовского контингента, добываясь до афганского кишлака, были приняты, вылечены, а после — отправлены домой. Потому что оказать помощь терпящему — честь. Однако, конечно, есть и множество противоположных примеров... Но совершенно точно месть, справедливость, воздаяние и честь здесь могут длиться долгие годы, пока не будут исполнены так, как задуманы.

Бежим к самоуважению.

«Ну, ты только сильно не романтизируй, Женя. Реальность не так идеальна. Разочарование бывает сокрушительным», — говорит Шараф.

«Для меня Афганистан — это ты», — отвечаю я.

«Ну-у-у... Одна роза — это ещё не весна», — улыбнувшись, парирует он.

Не в силах противостоять реальности, ты бежишь от очевидного.

Усталость накачивает всё сильнее, заставляя периодически выпадать из понимания окружающей беседы. Зевая, ловлю себя на мысли о том, что всё менее различаю реальность от картин собственного воображения, возникающих в голове...

Мы бежим к слабости.

«А вы знаете, что здесь, в Гиндукуше, в 1938 году работала экспедиция «Аненэробэ», посланная Гитлером искать некие арийские тайны? — спрашивает Ариан. — Это говорится, что экспедиция исследовала только Тибет, но на самом деле была и другая группа, которая двигалась сухопутно из Ирана, по пути посещая все запланированные места, работала здесь долгое время, собирая материалы».

«И что говорят? Нашли что-нибудь?»

«Нашли какие-то знания, связанные с возможностью летать. Но не то, что искали».

«А что искали?»

«Вечный Лёд».

Безумство. Именно эта черта наряду с катастрофами дарит человечеству невероятные достижения.

Бежишь, гонимый личным сумасшествием.

Марафон маленького насекомого продолжается... Муравей принадлежит к рабочему классу своего социума и, как и у миллионов его собратьев по несчастью другого вида живых существ, вся его жизнь и представляет из себя стремительную гонку к полной выжимке жизненных сил, положенных на чужие цели. Он и заметить не успеет, как израсходуется, отгоняя от себя мысли о смысле и достоинстве... Только вперед. Откуда такое упорство? Может быть, муравей идёт по запаху собственных феромонов, и у него создается убеждение, что он на верном пути, проторенном соплеменниками? Безусловно. На пути, полном смысла...

Бежишь от собственных вопросов. Полагая, что так легче...

Что есть подлинное и беспристрастное восприятие действительности? Не больны ли мы все? Ведь каждый из нас живёт в своей собственной реальности, ревностно отвергая факты, противоречащие ей. Мозг человека, да и муравья — это просто такой же инструмент выживания, как когти и зубы, помогающий наиболее полно приспособиться к окружающей среде. Наше сознание — это и есть наша главная тюрьма.

Бежишь от реальности.

«Тимур сказал, что вы объехали всю Среднюю Азию, чтобы посмотреть на каждое озеро... И приехали в страну, где нет ни одного, ха-ха! У тебя в этом какой-то смысл?»

«Да. Был... Было интересно».

«Ну, вообще-то здесь, в Афганистане есть самое красивое место на планете, — говорит Шараф. — Такое красивое, что когда стоишь там, наверху, кажется, что уже был здесь когда-то... В снах или в прошлой жизни, но был... Одновременно снег и жаркое солнце, пышная растительность и абсолютно голые обрывистые склоны... Незабываемо».

«И что это за горы?» — спрашиваю я.

«Это не горы... — отвечает Шараф. — Это как раз озеро, вернее, цепочка из семи горных озёр. Шесть из них все знают, а одно недоступно. Называются они Банде-Амир, это в Бамиане, не так уж и далеко... Имам Али молился возле них Аллаху. Они созданы не природой, а неземной волей. Очень красивы. Вода в них такая синяя, что, говорят, само небо завидует и висит над ним постоянно, состояясь в синеве. А склоны там такие крутые, что, говорят, горные козлы, которых там много, боятся посмотреть на своё отражение в воде, чтоб не сорваться...»

«Завтра мы уезжаем. Уезжаем в другую страну, Шараф».

«А ты будешь сожалеть о том, что не смог там побывать?»

«Да, наверное».

«Так зачем ты ищешь причину? Ищи возможность».

Бежишь от возможностей к оправданию.

Мой маленький перепончатокрылый герой... Подобно древнему Гильгамешу, отправившемуся в бесконечное путешествие в поисках бессмертия, мой муравей проходит очередной виток, пола-

гая, что движется вперёд. Аккадский эпос, превративший легендарного героя в философский миф, раскрыл в своей поэтичной форме драму стремлений личности. Гильгамеш, муравей, я, ты и любое другое живое существо — мы не можем преодолеть рамок своего существования, перейти на иной уровень и поэтому, двигаясь вперёд, всегда оказываемся движущимися по кругу... Превращая в конечном счёте свой бег в движение по кольцу Зодиака, то есть по времени.

Бег вне понятий целесообразности. Как и всё вообще.

«Судьба — шутница, Жень. Будто играет. Никогда не узнаешь, что она нам готовит... Вот, не буду показывать пальцем, но среди нас сидит легендарный в Афганистане человек, никогда не убежавший от врага, но тем не менее, имеющий единственное ранение — прямо в задницу. Ха-ха-ха. Никогда нам не предугадать превратностей судьбы... Он то и саму мысль о беге когда-то считал постыдной. Карающий меч Пророка! Ха-ха-ха! Правда, Зульфикар?»

Тот, к кому обращался Шараф, криво улыбнувшись, нехотя поёжился.

«Ном Зульфикар? Йоур нэйм?» — переспрашиваю я.

«Бале», — кивает Шараф. «Зато он теперь живой и среди нас, ха-ха! Если есть надежда — нужно бежать. Убегая или догоняя, всё равно... Что впереди — не нам судить, мы слишком малы. Букашки просто. Если Бог увидит наше упорство, он сам даст нам награду в конце этого марафона. И всё обретёт смысл. Но когда приходит новый рассвет, нужно бежать».

Задумавшись, я ищу глазами своего маленького бегуна... Крошечный муравей подо мной проходит очередной бессмысленный цикл.

Бежишь от действительности.

«Новый рассвет» — именно этот смысл и несёт в себе название праздника Навруз. Как и многие древние культуры, персы, афганцы и дари отмечают его в день весеннего равноденствия. Наступление нового тепла, новой весны, нового круга жизни. Новый год. Мусульмане признают его доисламские языческие корни. На скатерти — крашеные яйца, прямо как на моей далёкой Родине в день Пасхи. Яйцо — символ животворящего начала. Древняя языческая традиция. Мир произошёл из яйца.

Нет начала и нет конца. Есть только бег.

Мой Гильгамеш несёт своё бессмертие, даже не догадываясь об этом. Держа в руках личинку, как своё яйцо жизни, муравей неумолимо движется по кругу. Как ему кажется — к цели. Какая сила гонит его вперёд? Человек бы мог остановиться, но это существо идёт и идёт... Неумолимое требование жить, само по себе являющееся смыслом — вот что заставляет его двигаться независимо от того, есть приз в этом беге или нет.

Ты бежишь. От прошлого к своему туманному будущему. Готовый на всё в этой гонке.

«Вот вы, русские, запускаете ракеты в космос, — говорит старик. — Увидели небесное устройство, а Аллаха не увидели. Почему?»

«Наверное, его там нет».

«Почему так говоришь?! Просто Бог не открывается каждому! Не увидели ещё! Вот даже планеты вращаются не по кругу, а по овалу. Но ведь у эллипса два центра! Первый — это Солнце, а второй? Он ведь должен быть такой же весомый? А ты говоришь — нет».

Бежишь от понимания к объяснению.

Ничто — вот что породило всё. Пустота при наличии времени является нестабильной и вынуждена распадаться на нечто сущее и его противоположности. Двойственность природы времени. Замкнутость нашего пространственно-временного континуума. Равновесие. Уравнение. Нулевая сумма. Ничто.

Ты бежишь от «ничто». Боясь его. Бежишь к нему. Очередной виток.

«Искать Аллаха среди планет? Тоже смешно... Все эти центры — это всего лишь его перст, на котором он вращает мир. Пророк сказал, что Аллах ближе, чем собственная яремная вена. Ближе, чем собственное тело. Вот. Везде. Здесь».

Бежишь от себя, полагая, что «к себе».

Я и не заметил, как лёгкое дуновение воздуха смахнуло моего героя на землю... Теперь он ищет новый путь к своей цели, наверняка находясь в замешательстве. Куда подевались феромоны? Недолгое хаотичное движение — и новый маршрут наугад... Ну, что ж, любой путь — это всё-таки

путь. Лучше, чем замешательство. Пусть бежит, сегодняшний Бог потерял к нему интерес... Букашка и не знает, что его шансы найти дом только что многократно возросли. Простой ветер, пошатнувший равновесие. Случайность, испортившая забаву демиурга... Бури. Они причиняют неудобство, но редко мы способны увидеть, насколько они иногда полезны.

Бежим в страхе от бурь. Ища стены, а не паруса.

«Я знаю, что ты что-то ищешь, но не знаю что. Думаю, ты хороший человек, поэтому я хочу помолиться за тебя, — мягко говорит старик. — Не улыбайся так... Зря ты этим пренебрегаешь. Я часто молюсь и вижу, как это помогает. Но, наверное, вы этого и не умеете. Аллах вас не слышит. Сделаю сам. Вдруг Аллах принимает просьбы только на пушту?»

Мы забыли всё. Потому что бежим.

Невдалеке мальчишки запускают воздушных змеев, стоя на плоских крышах строений.

«Агнец будет пастырем их...» Господи, как же красиво!

Закатное солнце чётко очерчивает их силуэты, играя бликами на полиэтиленовых складках самодельных конструкций. Трепещущие, ранимые, тянущиеся ввысь — эти воздушные змеи, да и сами мальчишки, олицетворяют весь образ юности и детства. Хрупкое — это и есть жизнь. Твёрдое — лишь мёртвое. Человек приходит в этот мир чистым и открытым, вбирая в себя всё. Постепенно мертвея.

Щурясь от заходящих лучей, я закрываю глаза, и мне видится, будто не ветер, а я сам бегу сквозь эти лучи к большому близкому солнцу...

«Когда бежишь «от», всегда бежишь и «к» — в этом и есть вся суть», — уже в полусне слышу я слова Зульфикара...

Утренняя прохлада, шипение чайника, щёлканье дрозда. Пробуждение... Новый рассвет...

Сын уже встал.

«Зачем это нам?» — играясь отскакивающим от стены мягким клубком, спрашивает Тимур. «Низачем», — отвечаю я.

Почувствовав вседозволенность в отношении ненужного клубка шерсти, Тимур бросает его на пол в направлении открытой двери. Разматывая рыжую нить, шарик преодолевает порог и скрывается с глаз...

Выбегая за ним, сын останавливается в проёме двери: «Пап, водитель приехал!»

Во дворе, прислонясь к автомобилю, улыбаясь, стоял Юнус...

«Не Термез, Чженя. Хейрабат, Хейратан нот вэй. Ю эс арми. Таргет практик. Харам. Нот вэй. Доктор Низом шумо кумак. На чи мехмун, аммо чи баратар. Мо Кабул мерават. Двесат доллар, вай ту дар Баку туморро. Туморро Азербайджан. Руссия карашо. Кабул карашо. Банде-Амир карашо. Шараф ва Ариан нау хир».

Мы не едем в Термез. Ветры дуют не так, как хотят корабли.

«Такие дела, Женя. Манёвры. По телеку говорят, на два дня. Не проедешь ты через Хейрабад сегодня. Доктор Низом попросил нас постараться, чтобы ты не пожалел о случившемся, а наоборот, только выиграл. Ну, мы и придумали: те же деньги, и ты завтра в Баку. И зачем тебе Ташкент?!» — с ходу заявили подошедшие Ариан и Шараф. «Так что пора ехать! Когда Аллах закрывает одну дверь, он открывает тысячу других! Банде-Амир, Женя! И заодно Банде-Амир!»

Чувствую себя на удивление прекрасно. Вполне выспался, провалившись без чувств вчера в разверзшуюся воронку сна. Даже и не помню, как дошёл до матраца... Молодой жеребёнок, рвущийся на простор. Прилив сил прямо требует бежать навстречу нежным лучам утреннего солнца. Бежать... К новой надежде. К будущему. К возможности.

Новый день, новый путь, новая жизнь. Мы едем. Снова едем по этой глиняной пустоте... В руках — шерстяной клубок. Приведёт ли он когда-нибудь к цели..? Снежные горы, каменистые сухие склоны... Посеял ли я что-нибудь в своей жизни? А что взрастил? Немного, если признаться. Говорят, и одна крошка — это тоже хлеб... Пыль, пыль, пыль... Дехканин на корове пашет глину... Бежать к корням. К истокам.

Скалы. Обломки. Тучи... Столкнувшиеся континенты, нации, планы и армии. Столкнувшиеся истины... Бежать. Бежать к простоте. Изо всех сил.

Мы близко. Я это знаю.

Чувства переполняют меня. Все эти фрагменты — события, картины, чувства и даже годы — сливаются во что-то большое и цельное внутри меня. Готовое излиться вдруг в огромную форму, в целый океан... Может, это и есть моё Озеро, которого я долго не замечал? Внутри меня, здесь.

Кто эти люди, в простоте своей отпускающие за меня молитву Аллаху? «А вдруг Бог принимает просьбы только на пушту?..» Я не могу в это поверить.

Все слова, мысли и переживания, будто карабкаясь по солнечным лучам, вдруг взмывают над вечностью. Они вокруг. В шуршании колёс, в плеске воды, в крике птиц.

К свету. К солнцу. К истине. Везде.

Мы близко. Это очевидно...

Бежать.

К счастью. К радости. К простоте. К смирению. К надежде. К искренности. К равнодушию. К любви. К бесстрашию. К прощению. К хрупкости. К правде. Бежать.

«Имандари. В этом вся суть», — улыбнувшись, задумчиво говорит Шараф.

«Божественное ближе к тебе, чем собственная кожа...» Близко. Ближе, чем собственная кожа. «А вдруг Бог принимает просьбы только на пушту?..» Роднее, чем собственное дыхание. Здесь.

Бежать.

«Господи! Как же красиво! Смотри, Тимур! Вот это да!»

Прямо над дорогой весенние воды ручья, падающие с небольшого утёса, образуют облако искрящейся водяной взвеси, прорезанное яркими солнечными лучами. В нём, переливаясь, блистая всеми цветами, сияет ослепительная радуга... Безумная игра красок, возникшая в прозрачной бесцветной пустоте... Мерцающая и манящая нас, несущихся навстречу...

«Семь цветов. Семь озёр. Просто невероятно», — произносит Шараф.

«Вот это да! Тимур! Ты что, спишь, Тимур?»

Юнус, оторвавшись от дороги, глянул на меня, на Тимура, спящего на заднем сиденье, и потом вперёд, подмигнул обоими глазами и задумчиво улыбнулся... Трогательный прекрасный миг... Счастье?..

А что же такое «счастье»? Знает ли кто-либо из нас? Ведь каждый скажет, что знает... Ну, так что же это? Может быть, осуществление самой заветной мечты, исполнение желаний? Или замещение нейромедиатора дофамина серотонином? Или улыбка старца, адресованная беззаботной юности? Или сухая предопределённость алгебры нашей жизни, играючи и обоснованно закономерно вырвавшейся из всех передряг? Или — доза?

Нет. Счастье — это ощущение достаточности в точке времени. Всё! Мы, люди, всегда желаем «ещё чего-нибудь» или «ещё побольше», но счастье — это испытание ощущения, когда «ничего не надо». Сам факт временной обусловленности говорит о том, что счастье не бесконечно. Жизнь — это стремление к созданию такого ощущения.

Почерк Бога виден лишь умеющему читать. Озеро близко. Здесь. Я близко. Близка надежда. Близок астероид Гектор. И уж, тем более, комета Галлея... Континенты, пароходы, люди и космические корабли... Всё это здесь. Электроны, лептоны и кварки... Близко. Близко дом, и совсем рядом, в самом сердце, Любимая. А Тимур вообще — вот он, спит... И во всём этом — чудо! Во всём! Божественное! Здесь!

«Перевал Искандер», — произнёс Юнус.

Какой Искандер? Почему? Македонский где только не был, и всё пытался назвать своим именем...

«...Кхоламан. Камбар. Хайбат. Пудина. Панир. Зульфикар. Сирри... — прошептал Ариан. — Анвеливебол... Бьютифул...»

«Что? Что, Ариан? Что ты сказал?» — я повернул голову...

Из-за гор показалось открытое пространство — как будто бы воздушные провалы в непрерывной смене долин, взгорий и плато. И вдруг в этих провалах я УВИДЕЛ ВЗГЛЯД.

Именно взгляд. Самой Земли. Всё, что я проехал и видел до этого, оказалось пустым, поверхностным и бессмысленным. Сейчас, здесь, я увидел вдруг, как моя планета своими прекрасными глазами, улыбаясь, смотрит на меня. Господи, у неё есть ГЛАЗА! Господи, вот же они! Какие же мы крохотные под этим огромным безмятежным небом! Она живая! Господи! Так маленькие дети с удивлением понимают — «живое!» — когда видят у пушистого комочка котёнка жи-

вые внимательные глаза, и пытаются общаться, заглядывая в мордашки... Я глядел в неё... Она ЖИВАЯ!

Что-то происходило вокруг... Дёргая ручку двери, я, как в замедленной съёмке, видел и ощущал происходящее, не осознавая его полностью: озабоченный взгляд Юнуса, с водительского места что-то кричавшего мне, Шарафа, тянущего меня за плечи, и округлённые глаза маленького испуганного Ариана, но не слышал их голосов. Синева всех женских глаз моих прародительниц смотрела на меня сейчас...

Наконец, я распахнул дверь и побежал... Что такое счастье? Я испытывал его, но никогда это не было продолжительным... Наверное — это когда не желаешь проснуться, чувствуя запах любимого тела. Или счастье — это держать за руку маленького сына и молча смотреть вперёд, напрямиком в будущее. Это грудь матери и погружение в сладкий сон в смутном тумане детства. Но никогда не было такого, чтобы для счастья нужны были бы какие-то слова... В счастье нет слов. Счастье — это, сидя на берегу, молча бросить камень в волну. И улыбнуться... Вот что это такое... Я бежал. Может быть, тысячи лет, может, мгновений. Я бежал и смеялся. Бездна глубокой синевы смотрела мне в лицо. Остановился ли я? Наверное... Помню лишь оглушительную тишину. Посмотрев назад, видел, как сзади, в дымке, все они смотрят на меня — все мои личные пророки — Шараф, Андрей, Искандер, Ежи, мой дедуля, трое безымянных братков, Гейн, Саня Муравей, Валера, мой отец, держащий за плечи улыбающегося Тимура, а также маленький испуганный Ариан... Они, может, меня и не видели, но я всё равно улыбнулся им и махнул рукой...

Я повернулся к своей синеве. Какая она красивая! Какая глупость — бросить камень! Безумство — коснуться воды. Всё, что я видел перед собой, было священным... Я бежал. Смеялся, плакал, падал, вставал, ошибался, снова бежал, летел, любил, искал.

Жил.

Проза

Сергей Пылёв

Сергей Прокофьевич Пылёв родился 7 февраля 1948 года в городе Коростене Житомирской области (Украина). В 1972 окончил ВГУ (журналистика). Служил в Советской Армии, работал сторожем, электриком, грузчиком, сборщиком большегрузных шин, а также трудился в различных СМИ Воронежа, в том числе в журнале «Подъём». С 2003-го по 2009-й годы — главный редактор журнала «Воронеж». В настоящее время — редактор газеты Воронежского аграрного университета им. императора Петра I. Член Союза писателей СССР (ныне России) с 1984 года, прозаик, автор 9 книг рассказов и повестей, вышедших в Воронеже и Москве.

Гололёд среди лета

Повесть

Окончание. Начало в №5(17)–2016

10

Деньги на поездку я изыскал. Правда, не сразу. Скажем, опыт займа в банках у меня был, но теперь я уже вступил в другую пору — стал зрелым пенсионером. К тому же деньги мне были нужны не для ремонта, замены холодильника или покупки стиральной машины, а на поездку за границу с возможной перспективой остаться там навсегда. Так что банкиры вдумчиво отказали мне, даже не прибегая к проверке моей личности через их таинственную службу безопасности.

Помог армейский друг, бывший сапожник нашего хоззвода ефрейтор Лёнька с пророческой фамилией Скоробогатов. И не менее пророческим прозвищем «Бендер». Я был тогда полковым библиотекарем и реально знал, что у этого веснушчатого, кривоногого увальня от призыва до дембеля всегда был с собой роман «Двенадцать стульев»: днём — под гимнастёркой, ночью — под подушкой. Как Библия у воцерковлённого мирянина. «Великий комбинатор», «идейный борец за денежные знаки», знавший «четыреста сравнительно честных способов отъёма (увода) денег» Остап-Сулейман— Берта-Мария-Бендер-бей, он же Бендер-Задунайский задолго до эпохи олигархов отечественного разлива стал фатальной идеей фикс Леонида Скоробогатова. В девяностые он отчаянно ввязался в бизнес. Продав квартиру и перебравшись жить в подвал вместе с крысами и бездомными котами, начал с придорожной торговли дешёвым, непонятого происхождения бензином из выдавшей вида цистерны, а за последние годы агрессивно раскинул по Воронежу уже целую сеть АЗС «Козлевич». На каждой заправочной станции у него как фишка фирменного стиля стоял бронзовый памятник бессмертному водителю «Антилопы-Гну». Адам Казимирович, бывший вор, вставший на путь исправления, незадачливо улыбался, словно вот-вот с его губ должен был слететь всемирно известный слоган: «Эх, прокачу!» Кстати, Лёня теперь ездил на восстановленном французском автомобиле «Лорен-Дитрих» образца 1935 года, который обошёлся ему дороже по-королевски импозантного «Бентли» ручной сборки.

— Лёня... — сказал я ему с унылой задумчивостью, — мне очень нужна работа.

В эту минуту я чем-то напоминал Адама Казимировича, обречённо ищущего клиентов для своей «Антилопы-Гну», которые хотя бы не будут голыми танцевать при Луне.

— Что так? Материал решил подсобрать для романа о днях сегодняшних?

— В Литву мне надо срочно поехать. Я с женщиной из Клайпеды познакомился...

— Понятно. Да, я слышал, что у тебя жена умерла... Прими запоздалые соболезнования.
Я угрюмо кивнул.

— Ты прав! Бытие одинокого вдовца — жалкое и сирое. Дерзай, Серёга! Но вот кем тебя взять? Ума не приложу... Ты же у нас выдающийся писатель! Я горжусь, что я твой современник! — он потряс над собой сжатыми кулаками, словно для демонстрации надетых по древнеримской моде на каждый палец по несколько штук разнокалиберных колец, перстней и печаток. — Разве что напиши книгу о моём стремительном обогащении. Очень нормально заплачу. Я сейчас не намного бедней Абрамовича! Перед тобой сидит правильный пацан, у которого судьба — авантюрный роман с элементами безмозглого китча и сопливой мелодрамы.

— Сделаю, Лёня. Как-нибудь. Хоть эпос о тебе. Скажем, «Одиссея Скоробогатова»... Но сейчас деньги нужны мне срочно.

— Сколько?

— Тридцать тысяч. В рублях, само собой.

— Хорошо, я тебе сотку авансом выдам. Идёт?

В начале февраля, накануне Нового года по восточному календарю — то ли Кота, то ли Кролика — я был готов ехать в Литву: вызов получил, визу оформил. Юпитер начал новый круг по Зодиаку.

Карандашик скайпа теперь работал у нас беспеременно. Мы с Ирой общались как муж и жена с солидным стажем семейной жизни.

«Ируша!!! Через час еду за билетом!!! Я тебе по электронке напишу, на какой день взял. Выйду в Вильнюсе. Остановка автобуса до Клайпеды там далеко?»

«Совсем рядом. Выйдешь на привокзальную площадь, а напротив — автовокзал».

«Ясно. Кстати, твоих кофточек, штанов и бриджей у меня целая гора осталась. Что привезти?»

«Ничего! Я у вас жутко растолстела! Ты меня закармлил российскими деликатесами типа макарон по-флотски и жареной картошки. Чтобы хоть немного растряситься, я сейчас по два раза в день кручу велосипедные педали».

«Хорошего человека должно быть много!»

«Ничего, я тебе здесь отомщу картофельными цеппелинами и литовской домашней колбасой. Я её хорошенько обжарю на решётке!»

«Пожалуйста, напиши мне слово «милый». Это будет мой талисман в дороге».

«Милый! Милый!! Милый!!!»

«Вижу!!!.. Да, чуть не забыл! Код подъезда сообщу».

«358. А ты что, думаешь, я буду спать?! Я на улицу выйду в любом случае или на вокзале встречу. Серёжа, неужели ты реально приедешь? Неужели я тебя вновь увижу... Вживую... Всё будет супер! Я это знаю, ведь ты так умеешь ласкать, целовать, обнимать... Я хочу, чтобы ты был со мной всегда-всегда!!! А пока внимательно собирайся. Только не перегружай себя. Если какие-то вещи будут грязные, но хочешь их взять, привози, здесь постираю».

«Прямо сейчас над Воронежем прогремел гром! И это среди зимы!!! Торжественный. Слово в нашу честь!!!»

«Всё будет ОК! Главное, есть желание. Лю-би-мый!!! Ох, слушай, тебе ещё еды в дорогу надо купить. Хлеб, сыр, колбаса, чай в пакетиках, печенье какое-то, подумай. Двое суток будешь ехать. Деньги-то хоть есть?»

«Всё нормально».

«Мой любимый мужчина! Вот что ты должен знать и обязательно выполнять. Тебе у нас лучше не попадать ни в какие проблемные ситуации. Депортируют в два счёта. После того как ваши псковские десантники в девяносто первом захватили Вильнюсский телецентр, у нас аббревиатура ВДВ стала ненавидима!»

«Что-то слышал подобное...»

«Отнесись серьёзно к моим словам. И ещё хочу тебя заранее предупредить: если будешь здесь открыто отрицать агрессию СССР против Литвы 13 января 91-го, мы с тобой можем больше никогда не увидеться. Будь ты мне хоть трижды муж. 13 января у нас повсюду на подоконниках горят поминальные свечи, люди надевают шарфы и шапочки цветов литовского флага. Все празднуют день победы над русским монстром. А наши политики озабочены тем, что вы отмечаете со своим

куражистым размахом Старый Новый год, в то время как вся Литва скорбит! У нас даже есть Музей советского геноцида... В литовском парламенте не так давно озвучили размер долга России за былую оккупацию нашей республики — 834 миллиарда долларов. Целую!!! Пока».

Дорога в Клайпеду не отяготила меня. Может быть, потому, что ехал в «народном», плацкартном вагоне: пока выслушаешь все исповедальные истории попутчиков, уже выходить пора. Да я их толком и не воспринимал. Не до того было. Так что никаких дорожных впечатлений. Разве что в Смоленске, где стояли почти два часа, запомнилась у вокзала кряжистая, богатырского облика тысячелетняя церковь Петра и Павла. Её возвели как загородный храм уединённого размышления для благоверного князя Ростислава Мстиславича. Со временем он сядет на киевский престол. А вот о его жёнах ничего доподлинно не известно: кто они, откуда? Зато сохранились свидетельства, что первой женой его деда Владимира Мономаха была английская принцесса Гита. Их старший сын Мстислав заключил брак с Христиной, дочерью шведского короля Инга Стейнкельса. В общем, цвела и пахла эпоха интернациональных браков. А Ира и я — её нынешние продолжатели? За успех наших благих намерений (надеюсь, не теми, коими устлана дорога в Ад) самое оно было поставить свечу именно в этом храме.

Я пробился к его воротам через размашистые сугробы; в лицо хлестал жёсткий, колкий снег — о мощные, прямо-таки крепостные стены храма судорожно билась вьюга.

Войдя, я оробел от здешней густой, строгой намоленности. Словно страдающие о Земле Русской, стоны всё ещё мучительно витали под куполом, похожим на железный воинский шлем. Неловко мне стало здесь за своё дерзкое намерение.

Я купил свечи, но зажигать их не стал; пусть церковные служки сами распорядятся ими.

Ира встретила меня на клайпедском автовокзале, как и в день своего приезда в Воронеж, вся в белом. Только на этот раз из-за снега, облепившего шубку.

— Господи, как ты хороша... — тихо сказал я, бережно прижав ладони к её студёным мокрым щекам.

Мы обнялись. Мне было немного неловко. Первый раз я в моём возрасте проявлял нежность к женщине на глазах у всех, да ещё и в другом государстве. Однако ничто не помешало нам поцеловаться. Само собой, не один раз.

— Берём такси? — выдохнул я.

— Мой дом рядом.

Мы шли к нему через их знаменитый серо-серебристого металла мост с подогревом. Его дизайн действительно был на уровне. Более чем. И снег на мосту истаявал на глазах. Как бы то ни было, мы раз за разом поскальзывались — лужицы успевали подмёрзнуть на хлётком ветру.

С высоты моста, даже сквозь вёрткую метель, виден был почти весь центр левобережного Старого города. С каким-то странным чувством я отметил: ни одного здания, ни одной улицы, хоть отдалённо напоминающих российские городские пейзажи. Это особенно подчёркивали строго-мрачные каменные сталактиты здешних костёлов.

В какой стороне Россия? Я так тогда определиться и не смог. Мело, мело, мело...

Клайпедские облака, какие-то непривычно рваные, клокастые, просто-таки дикие с виду катились на нас со стороны Балтики, как с горы каменные глыбы. Наперерез им, на других ветрах тяжело восходила размашистая взъерошенная туча, огрузлая новой порцией снега.

Пётр Иванович встретить нас вышел на площадку. Смотрелся он бывалым полковником, котрый все военные годы дрался с врагом на передовой: крепкая осанка с чуть выдающейся вперёд грудью и слегка оттянутыми назад плечами, уверенный, хваткий взгляд. Только трость, за ручку которой он держался с заметной напряжённостью, напоминала о его девяноста годах.

— Прибыл?! — строго улыбнулся Пётр Иванович.

— Так точно! — по-армейски бодро ответил я.

Когда вошли, Ира привстала на цыпочки:

— Серёжа, Серёжа, — шепнула она. — Как хорошо, что ты есть в моей жизни...

— Ты уже когда-то писала эти слова одному воронежцу, — улыбнулся я.

Обедали празднично, с пятизвёздочным «Араратом». Пётр Иванович против всяких литовских и российско-литовских табу выпил не одну, не три, а целых четыре рюмки. Само собой, с каждой из них наш разговор бодрел, становился душевнее. А тут ещё выяснилось, что до войны старший брат Петра Ивановича жил в Воронеже, а сам он не раз гостил у него. Дальше уже никак было не обойтись без темы Великой Отечественной. Само собой, вспомнил Пётр Иванович свой первый день на передовой: тогда его, миномётчика, назначили командиром пехотного взвода. Мол, царица полей несёт каждый день большие потери, которые надо восполнять без промедления, а миномётчики на передовой живут гораздо дольше. Поэтому и потребность в них меньше. Перед пятой, так и не выпитой им, рюмкой, сурово вспомнил полковник про своего первого убитого немца. Как он с разбега всадил штык в грудь этого фашиста. Только со слезами вспомнил...

Было видно, что Ира с нетерпением ждёт, когда «дедушка» выговорится и уйдёт к себе. Не знаю, заметил ли он её нервозность, но ждать себя не заставил. Ещё слово-другое, и он ушёл строгой, чёткой походкой кадрового военного.

В Ириной комнате я первым делом сел к её компьютеру, благодарно погладил монитор и přátельски подмигнул зелёному значку скайпа.

— Отсюда ты со мной общалась? — улыбнулся я.

— Откуда же ещё?!..

— Когда-нибудь на этом месте появится мемориальная доска: «Здесь был командный пункт ВсеВселенской любви».

— Лучше бы появился новый монитор. Этот почти накрылся.

Вздыхнув очень даже понятно, я взволнованно скользнул руками по Ириной талии.

— погоди, милый. Через пять минут папа, согласно его личному расписанию дня, придёт пожелать мне, то есть теперь нам, спокойной ночи...

Минута в минуту аккуратно приоткрылась дверь, и в ней объявилась бодрая, заботливо-ласковая улыбка Петра Ивановича.

— Спокойной ночи, ребята...

— Пока! — достаточно жёстко вырвалось у Иры. Она нервно закрыла дверь за «дедушкой» на ключ, железно-грубо проскрежетавший в сердечнике.

Молча налила нам вина.

Строгая, взволнованная, покорная...

Шепнула сосредоточенно:

— Не перестаю благодарить Бога за встречу с тобой... Хочу тебя просто до изнеможения! Закрываю глаза и теперь вся сосредоточена ТАМ! Я боюсь потерять сознание, так мне хорошо! Не медли...

Утром Ира своим красивым, чётким почерком деловито составила для меня программу так называемых культпоходов. За несколько недель мы много где побывали. Само собой, православные храмы, костёлы, Парк скульптур, университет, в котором раньше располагался штаб советской танковой армии. Наконец, под суровый острый крик морских чаек переплыли в солидно неторопливом пароме через пролив на знаменитую Куршскую косу.

По дороге к заснеженным дюнам нам встретился Танцующий лес с его причудливо витыми соновыми стволами, порой даже скрученными в кольца и спирали (литовцы уверены, что не без помощи инопланетян). Деревья будто корёжила какая-то неведомая, невыносимая боль.

Мы невольно прибавили шаг. Согласно поверью, это было нехорошее место.

Ира вела меня скользкими заснеженными тропинками к священной у древних куршей Горе ведьм. Когда-то на ней в чародейскую Вальпургиеву ночь собирались на торжественный шабаш колдуньи всей Европы; здесь по преданию на её вершину в годы глубокой древности опустился огненный шар, и высокие люди, вышедшие из него, принесли куршам первые понятия о цивилизации.

Дорогой Ира устала. Я уже один взобрался на сорокаметровую дюну, и там мне вдруг стало не по себе. Будто бы именно сейчас здесь вновь ожидалось ведьмино пиршество: взвихренные жёстким ветром взъерошенной, штормящей Балтики низкие снежные облака так и целились протаранить меня, незваного чужака, чтобы сбросить кубарем вниз, к подножью. Приглядевшись, я вдруг увидел на них, словно кипящие, клокочущие тени, сонмища ведьм и ведьмаков с вилами и мётлами. Они

сладострастно спешили на зов Хозяина, оседлав взбесившихся свиней, козлов и собак. Дымились глухие демонические факелы; зимние молнии тревожно мерцали в облаках.

Скользя вниз, я безотчётно осенил себя крестным знаменем.

И всё-таки мы вернулись в Клайпеду с хорошим настроением. Его нам подняли в заснеженном Королевском бору озорные, весело хрюкавшие поросята-полосатики с их клыкастой седой кабанихой-мамой, нагулявшей к марту немалые шесть пудов. Иру несколько не испугало это семейство, в отличие от свадебной стаи наших бродячих собак. Мы кормили с рук диких свинок бананами и сыром. К вечеру нас ждал весёлый, с песнями, ужин в рыбацьем посёлке. Под густое пиво мы ели копчёного морского угря, сегодня утром пойманного в Куршском заливе. Остроголовый, килограмма на три, был он густого красновато-янтарного отлива, фаршированный луговыми шампиньонами и галантином — заливным из телячьей морды. Полутораметровый угорь млея в матовом блеске ещё горячего текучего жира — эту аппетитную рыбу-змею только что приготовили на душистых углях от яростно испывавших шишек со здешних вековых забронзовевших сосен.

На другой день Ира повела меня в Музей часового дела. По дороге я «отфоткал» здешний драмтеатр. На съёмку потратил почти час. При всей цивилизованности обустроенности Клайпеды это место удивило меня особой изысканностью: Театральная площадь с памятником-фонтаном из лучших сортов мрамора выглядела со средневековой романтичностью — её тщательно очищенный от снега бульжничек поблёскивал точно латы рыцаря Круглого стола. Старинное здание драмтеатра, несмотря на свою строгую античность, смотрелось поэтично.

— В советское время в нём был городской отдел КГБ... — напряжённо улыбнулась Ира. — А балкон театра у тебя попал в кадр?

На всякий случай я прокрутил снимки.

— Да. А почему ты уточнила?

— С этого балкона в тридцать девятом выступал Адольф Гитлер. Пообещал, что Клайпеда, тогдашний Мемель, навсегда войдёт в состав Третьего рейха. Потом принял на Театральной площади военный парад. Вот такие дела.

— Какой повод для парадоксальных размышлизмов! — в тему театрально воскликнул я. — Будьте любезны объяснить провинциальному воронежцу, почему у этого места такой исключительный европейский шарм: из почтения к КГБ или к гитлеровскому балкону?

— Не юродствуй... — вздохнула Ира. — Нам ли с тобой о политике думать, муж? Лучше пойдём в кафе, и я угощу тебя самым знаменитым литовским блюдом!

— В принципе, я достаточно голоден! — откровенно заговорил во мне вовсе не гурманский, а самый настоящий крестьянский трудовой аппетит. — Только сомневаюсь, смогу ли я утешить себя вашей европейски утончённой снедью.

Ира привстала на цыпочки и поцеловала меня в щёку.

— Не переживай! Наша кухня очень сытная. Я закажу картофельный цеппелинай по-жемайтийски! С мясным фаршем и деревенским копчёным салом.

— Впечатляет! Даже жаль, что сейчас со мной нет вдохновенного «Доктора Столетова»!

— Не горюй. Твоего сорокаградусного Айболита мы без потерь заменим пятидесятиградусной медовой настойкой «Три девятки».

— А что скрывается за этим «карточными» названием?! — бодро поинтересовался я.

— Двадцать семь разных листьев, плодов и корней.

— Пророческая кабастика... Какие тайны мироздания скрываются за ней? — я почувствовал, что меня в предвкушении эксклюзивных пятидесяти градусов азартно потянуло на застольный спич. — Ох, эта «Пиковая дама», ах, этот Пушкин... Уж Герман близится, а полночи всё нет... Бедный инженеришка... Пролетел как фанера над Парижем с тайной трёх карт. Обломилось ему выведать её. Ждёт ли меня та же роковая ошибка с «Тремя девятками»?

— Не волнуйся, Серёженька, — прижалась ко мне Ирина. — Я же не старая графиня...

— Клеопатра завидует тебе с небес.

— Мой милый страдающий Цезарь... Не мучайся. И не хватайся за пистолет, которого у тебя нет. Я на ушко открою тебе тайну трёх карт — тройка, семёрка, десятка. Чмоки, чмоки! — Ира игриво поцеловала меня в мою седую бороду.

— Подарок богов. Вернее, богини... — вздохнул я.

- Моё лобызание или ключ графини?
- И то, и другое. Мне только что был голос моего альтер эго. С третьей рюмки медовая настойка поможет исполнению моих самых сокровенных желаний. Я смогу управлять всем сущим.
- Третью в Литве пьют за тех, кого с нами нет.
- Тогда откровение грянет после четвёртой.
- Постарайся его не забыть, милый. Я попыталась записать за тобой тосты, но сбилась со счёта.

12

Как бы там ни было, с этого дня наша культурно-познавательная программа стала менее напряжённой, а вскоре и вовсе сошла на нет. Влияние «карточной» настойки я исключал. Это оказался умный, добрый напиток без суровых последствий. К тому же мы успели посмотреть далеко не все достопримечательности Клайпеды. Не сходили в Дельфинарий, не отметились в массе музеев: Морском, Малой Литвы, Магистрата, кузнечного дела... А картинные галереи? Не поднялся я и на борт трёхмачтового парусника «Меридианис» — визитной карточки города. Не успел традиционно потереть (ради скорого возвращения в Литву) членик бронзового мальчугана на площади у реки Дане, не подёргал на удачу счастливую пуговицу железного трубочиста. А разве можно не побывать возле памятника на пристани? Там с каменного постамента машет рукой кого-то провожающий мальчик. У его ног, точно для нас с Ирой, высечена надпись «Люби, верь, жди...» Каждый день собирались кормить лебедей на озере, за школой. Кстати, Ира с некоторых пор невзлюбила этих «больших толстых гусей». Во-первых, из-за их наглой самовлюблённости. Во-вторых, прошлым летом был с ней случай, когда самец, воинственно раскинув тяжёлые и мощные крылья, прытко рванулся к ней и до крови цапнул острыми зубками её руку с дружелюбно протянутым хлебом.

В общем, посмотреть было что.

Только я отставил всё: меня потянуло работать. Впервые после смерти Марины. Само собой, это не был импульс заняться генеральной уборкой. Я сосредоточенно начал повесть с многозначительным для меня названием «Ожившие». О вымирающем стариковском селе с красивым именем Милавка. Его последние жители, чтобы хоть как-то облегчить бремя всяких разных платежей, смертельных для их куцых пенсий, хитроумно обзавелись справками о собственной смерти. Когда-то Марине и моему редактору сюжет понравился. Но всё остановил её тромб...

Непреодолимая тяга сесть за письменный стол (ныне — компьютерный) — это что-то вроде психоза, спровоцированного моим изголодавшимся по самореализации альтер эго. Но психоза не маниакального или депрессивного, а в чистом виде профессионального. Того, купировать который невозможно, даже горстями заглывая аминазин или галоперидол. Добротная смирительная рубашка тоже не способна остановить приступ творческой эйфории, потому что писать можно и в голове.

В каких только местах мне не приходилось заниматься своим ремеслом: дома, на даче, в гостинице, поезде и даже в туристической палатке. Однажды написал рассказ, гостя в деревне у староверов.

Как бы там ни было, но здесь, в Клайпедке, я, настучав бодро рабочий заголовок повести, дальше не продвинулся — какая-то скованность упорно тормозила меня.

Возможно, это было связано с тем, что я впервые сел работать в чужой стране. За окном другие облака, другая, непонятная речь. Даже деревья здесь выглядят иначе. Клайпедские сосны кряжистей и рослей, берёзы невзрачней. Но совсем непривычно было видеть за городом вместо наших сёл и деревень сиротливо одинокие хутора, словно просевшие в землю. Она, матушка, у них подзолистой почвой называется и своим плодородием заметно хилей воронежского, густого замеса славного животворного чернозёма.

Словно подчёркивая моё ИНО-СТРАННОЕ бытие, во дворе наш сосед-литовец Азуолас, бодрый хмельной старик, воодушевлённо взрыкивал на своём языке под истерзанную гитару с трудом узнаваемую песню «Вечерний звон». Однако её припев, это тяжёлое, как с колокольни падающее, «бом, бом» звучало у него вполне интернационально. Песня была для меня сейчас просто «в жилу». Однако к раскованному творчеству никак не располагала. Даже напротив.

Вечерний звон, вечерний звон!
 Как много дум наводит он
 О юных днях в краю родном,
 Где я любил, где отчий дом.
 И как я, с ним навек простясь,
 Там слушал звон в последний раз!
 Уже не зреть мне светлых дней
 Весны обманчивой моей...

Шли дни, но дальше заголовка я не продвинулся. Вернее, так: сегодня вкривь-вкось писал с надрывной настырностью пробуксовывающего на одичавшей целине трактора, завтра раздражённо удалял всё тем же трактором, только вместо плуга волокущим за собой лязгающую на вывороченных глыбах борону безжалостной правки.

Каждый раз, проходя мимо компьютерного стола, Ира бережно говорила:

— Твори, твори... Я не смотрю...

— Смотреть нечего... — самоуничижительно отвечал я.

Однажды она всё же не сдержалась:

— Ты работаешь над путевыми заметками?

— Я ещё мало знаю вашу страну... Так что копаю тему сугубо российскую.

— Ты заскучал по дому?.. — тихо спросила Ира. — Серёжа! Уже какой день взгляд у тебя безрадостный. И «того» у нас с тобой давно не было...

— Муки творчества.

— А что ты есть стал меньше? Это даже папа заметил. Я плохо готовлю?

— Всё отлично, Ируша!.. Сегодня же за обедом продемонстрирую тебе зверскую силу своего аппетита! — с фальшивой бодростью отозвался я.

— Ловлю на слове! Можно, я угощу тебя свиным желудком, фаршированным картофелем со шкварками? — оживилась Ирина, но как-то так, что мне показалось, будто она сейчас возьмёт и заплачет.

Но до слёз не дошло — в дверь позвонили.

Отец Иры, прихрамывая, как всегда, опередил свою дочь.

— Господи! Иваныч! Ируша! — ввалилась в комнату резвая соседка-старушка Полина Митрофановна, русская жена вновь «бом-бомбившего» под окнами соседней своим яростным корявым голосом Азуоласа. — Вы видели, какие ужасные облака с самого утра замуровали наш город?!

В самом деле, по всему горизонту вокруг Клайпеды непоколебимо стояла невиданной формы высокая туча-стена густого кирпичного цвета. Мы сейчас точно находились внутри какой-то осаждённой крепости.

— Свят, свят, свят... — нервно перекрестилась Полина Митрофановна, но как-то непривычно, словно опрокидывая крест на себя. — А вдруг это русские испытывают на нас какое-нибудь новое оружие?!.. Я заметила: с утра хотя бы один самолёт НАТО пролетел! Неужели и они боятся этого зловещего облака?

Ира строго посмотрела на меня.

— Успокойтесь, уважаемые женщины... — ласково-командирски встрял Пётр Иванович. — Какие только метеорологические казусы не случаются в природе! Когда-то я перед началом сражения на Курской дуге вместе с бойцами видел на облаках лик Казанской Божьей Матери...

Всматриваясь в глухую небесную стену, я вдруг невольно вспомнил чьи-то строки:

На родине другие облака...
 Офорт небесный каждый миг иной:
 то явится широкая река,
 то лес встает темнеющей стеной,
 чудной, непостижимый, необъятный...
 Чем ближе ночь, тем речь его невнятной...
 А мирное течение тепла
 вдруг воплотилось в истинное пламя...
 Дорога, что на родину влекла,
 к закату ближе превратилась в память!

Стихотворение вспомнить вспомнил, автора — нет. Стопроцентно забыл. Вообще, стал всё чаще ловить себя на том, что русские слова вдруг вылетают у меня из памяти. Нет, не литовскими замещаются. Просто исчезают. Словно в какое-то наказание мне. Так чьи ж это строки?.. Вероника Тушнова? Наша воронежская Зоя Колесникова?..

На родине другие облака... Да только ли облака здесь не мои, не российские? Гигантские дюны... Страдающий ломкой Танцующий лес... Мост с подогревом... Натовские истребители над головой... Бомжи, культурно одетые и тщательно выбритые... Бродячих собак ни разу не видел... Но «Доктора Столетова» я без раздумий предпочёл бы здешним медово-травяным настойкам. Наша жаренная на сале с любовчинкой румяная картошка мне вкусней крахмально-белых цеппелинов. А в знаменитый литовский холодный борщ (шалтибаршчай) вместо кефира я бы непременно залил пенистый ржаной квас с прохладно-горьковатым духом мяты, весёлым изюмчиком и освежающе душистыми листьями чёрной смородины. К пиву здесь любят подавать поджаренный хлеб, смачно натёртый чесноком, но я без раздумий предпочёл бы матовую от соли жёсткую астраханскую воблу.

И тут над Клайпедой, как дух, мистически вызванный растревоженной Полиной Митрофановой, раскидисто прогрохотал самый что ни на есть реальный патрульный натовский «Мираж». Всепогодный перехватчик с грозной неторопливостью проскользил над Клайпедой и вдруг, включив форсаж, с трескучим рёвом, словно разрывая в клочья небесную твердь, рванулся в сторону российской границы. Как цель там вдруг обнаружил. Этот ударный истребитель вполне мог нести ядерную бомбу, тактическую, эдак на две-три килотонны — треть апокалиптической силы хиросимского «Мальша».

— Кажется, ты насчёт моей хандры не ошиблась... — аккуратно сказал я Ире, когда притих разъярённый французский двигатель повышенной тяги. — Не на пустом же месте появилась поговорка «От Родины уехать можно — душу увезти нельзя».

— Милый мой муж... — обняла она меня. — Конечно, я не ошиблась. Сама недавно прошла через всё такое... Тоска по Литве накрыла меня в Воронеже уже через неделю! «Доктор Столетов» нежно убаюкивал тебя, а я по ночам часами лежала без сна... Чувствовала себя как балтийская чайка, оказавшаяся одна-одинёшенька в безбрежных просторах русских степей. Прости, в один момент всё в России стало казаться мне чуждым, нелепым, агрессивным... Вот что! А познакомлю я тебя с одним очень интересным человеком. Это Анатолий Григорьевич Лавритов, председатель Клайпедской ассоциации российских граждан. Вдруг он поможет тебе выбраться из твоего нового Сумрака?

Через двадцать минут Лавритов был у нас. Рукопожатие крепкое, как у штангиста или метателя молота. Розовощёк, плечист, быстр в движениях и задорен в каждом слове. Седина Анатолия Григорьевича словно была его сияющим нимбом.

Встряхнув меня за плечи, Лавритов весело сощурился:

— Гарный хлопец!

Ни дать, ни взять эдакий дядька Черномор, правда, с академической бородкой. Она точно жила сама по себе, вглядываясь и вслушиваясь во всё вокруг.

— Что нос уронил? Ностальгию подхватил? Это, братец, серьёзный недуг. Мне ли его не знать... — с бодрой печалью объявил Анатолий Григорьевич. — Я с середины прошлого века связан по жизни с Прибалтикой. После объявления Литвой независимости места себе не находил. Мы, русские в Литве, были жестоко травмированы отсечением от России. А если в человеке угнездится тоска по родной земле, он становится душевнобольным! Я такого здесь насмотрелся... Через одного — депрессия, ни одной мысли в голове, еда в рот не лезет... Были и самоубийства на этой почве, и нелепые преступления. А лично меня спасла общественная деятельность! Может быть, и ты найдёшь себя в ней? Нам нужен приток свежих сил!

Мы бодро прошли в зал к столу. На нём нас многообещающе ждал пятитрёхзвёздочный армянский коньяк. Его дополняли итальянские лимоны и яично-сахарные бисквиты «Шакотис», похожие на лохматые сталактитовые рога — гордость литовского кондитерского искусства. За компанию со всем этим на деревянном блюде вальяжно нежилась среди густого огненного пюре розово-красный окорок «Воронежский». Его густая сочность и мраморность шпика явно свидетельствовали, что это произведение ещё недавно варили и коптили, добавляя в отяжелевший дымом огонь ягоды можжевельника. В Воронеже я не видел в продаже окорок «Воронежский» лет тридцать.

Пётр Иванович с гостеприимным вдохновением молодецкато наполнил рюмки.

Обняв боевого полковника, как на миг поглотив его, Лавритов предложил тост:

— Сейчас у Литвы немало претензий к нашей Родине! И финансовых, и нравственных. Я же считаю, что России не за что извиняться перед ней! А тем более, раскошелиться за несуществующие грехи...

Я выпил рюмку с полным почтением к славному бренду «Арагат» и его изысканно-строгому дубовому послевкусию; Пётр Иванович аккуратно пригубил.

Анатолий Григорьевич и вовсе воздержался, чтобы не прерывать мысль:

— Русскоязычная диаспора в годы СССР конкретными делами поддерживала развитие литовского народа. А в новых политических реалиях оказалась на обочине общественного процесса.

С каждым новым тезисом Лавритова я всё яснее понимал, что вряд ли обрету себя в борьбе за права живущих в Литве российских соотечественников. Я здесь посторонний. ЧУЖАК...

— Нам нельзя проявлять удовлетворение своей деятельностью! — радостно постановил Анатолий Григорьевич. — Самодовольство — бич успеха. Главное сейчас — создать портал и электронную версию газеты «Причал-Клайпеда». Кстати, мы очень надеемся, что Ирина согласится сотрудничать с нами. Она талантливый журналист, и у нас с ней уже есть опыт совместной работы в СМИ! К сожалению, сейчас политическая обстановка в Литовской республике не совсем способствует появлению нового печатного издания на русском языке.

Анатолий Григорьевич быстро, дробно простучал пальцами по столу, точно телеграфировал кому-то эту свою тревожную мысль.

Уходя, он на прощание с деловитой радостью оглядел меня:

— Надеюсь, мы обязательно найдем общие идейные точки!

Анатолий Григорьевич порылся в папке и достал здешнюю русскоязычную газету «Клайпеда»:

— Здесь есть статья Насти Кунцовой о Литве и России. Не поленитесь, прочитайте. Автор молодой, но написано искренне, умно.

Когда мы расстались, Ира печально обняла меня:

— Серёжа, догадайся, почему Лавритов почти каждый день, как на работу, ходит в Генеральное консульство России?

— Труба зовёт.

— Родина зовёт, милый... Территория Консульства — это островок России в Клайпеде. Вот он и частит туда — вдохнуть «дым отечества»...

Читать юную Кунцову я начал с редакторской предвзятостью, но вскоре живо увлёкся:

«Родина — слово прекрасное во всех смыслах. Для каждого она своя. Человек, появляясь на белый свет, вдыхает воздух, несущий в себе её частицы, её запах. Куда бы он ни уехал, душа всё равно рано или поздно станет рваться обратно, в родные края... Сердце будет обливаться кровью, на глазах проступят слезинки, и, тяжело вздохнув, человек скажет: «Я люблю свою Родину...» Между нами, Россией и Литвой, существуют визы, границы, политические распри, но в душах наших нет границ. Любите свою Родину так, чтобы сердце сжималось, и дышать становилось тяжело, когда произносите это священное слово...»

Удружил мне Лавритов, одним словом, с этой статьёй. Облегчил душу...

С тех пор начались уже мои бессонные ночи. Только, в отличие от Иры, я не чувствовал себя балтийской чайкой, оказавшейся одна-одинёшенька в безбрежных просторах русских степей. Ко мне раз от раза возвращался из прошлого навязчивый сон, будто я заблудился во мраке катакомбных галерей и безнадежно пытаюсь нащупать выход.

Только теперь меня бережно будила Ира и тревожно шептала слово в слово, как когда-то Марина: «Проснись, Серёженька, что ты плачешь, милый?..»

А мой альтер эго так и вовсе брезгливо, точно для него не существовали никакие понятия о субординации, объявил мне, что я стал похож на залежавшийся в сыром подвале картофель. Такой же вялый, уже местами с гнильцой, весь оплетённый мертвенно-матовыми шупальцами ростков.

...Начатая повесть, увы, стояла на месте, проблемы российских граждан Литвы энтузиазма во мне не пробудили. Нужна была другая точка опоры.

И я нашёл её. Ею стала клайпедская весна. Если в Воронеже её объявляют бодрые скворцы, здесь это сделали озорные хохлатые свиристели с крыльями, похожими на ажурные веера. Кста-

ти, стойкая литовская трезвость им нипочём. Осенью, когда ягода на рябине забродит, они клюют её допьяна и задиристо бросаются на прохожих, буянят между собой или мертвецки валяются на асфальте.

Мы с Ирой сели на велосипеды. Её pedalную машину я достал из подвала, себе взял напрокат — здесь такие услуги на каждом шагу.

Теперь каждый день мы ездили на прогулки до курортного посёлка Гируляй через просторный светлый лес: по пути (семь километров туда и семь — обратно) кормили резвых белок, дородных лесных голубей-вахирей и часами с высокого взморья смотрели, как атакуют побережье гривастые волны, словно это шла на рысях, накатом, морская кавалерия Нептуна. Правда, вскоре нам пришлось прекратить эту медитацию. На пляже, выброшенные волнами, всюду лежали десятки тонн мёртвых майских жуков-хрущей, похожих на рассыпанные шоколадные финики, правда, усатые. Вчерашним ветром этих неуклюжих насекомых унесло в море — ослабленные любовными играми, они не смогли ему сопротивляться. Кстати, французские гурманы охотно едят майских жуков: кто жарит, кто суп варит. Но нас запах разлагавшихся хрущей отогнал подальше в лес.

Там я и сделал Ире предложение. Лучшей минуты нельзя было придумать. Мы романтично стояли в зыбкой тени тонкой трепетной берёзки.

— Ира, давай поженимся... — тихо сказал я. — Это вполне логично для нас с тобой.

— Милый Серёженька... — Всхлип, другой... — Это просто невозможно... ЗАГС назначит нам месячный срок для размышлений. А у тебя через неделю заканчивается виза!

Это была страшная тема. Я уже давно считал и пересчитывал свои дни до отъезда. Считал угрюмо, почти обречённо.

— Запомятовал? Ни секунды. Но если ты согласишься, у меня будет веская причина просить ваш департамент миграции продлить мою визу, а ваш ЗАГС — не обременять нас сроком для углублённых размышлений над тем, что мы уже выстрадали.

Ира прижалась ко мне.

— В Литве чиновники не такие высокомерные, как в России, но весьма законопослушные.

— Тогда есть другой выход: мы обвенчаемся.

— Извини, в храме нам откажут. Нужен штамп в паспортах. О браке.

— Куда ни кинь — всюду клин?

— Давай не спешить, Серёжа, — спокойно проговорила Ира. — Может быть, тебя Ангел-хранитель удерживает от брака со мной? Или Марина с небес... Ты же ни строчки не написал здесь. Не получается. А это ведь твоё призвание.

— Не понял... — дёрнулся я. — Посмотри мне в лицо! Слёзы сморгни! И никогда больше так не говори!

— Небезызвестный тебе Лавритов когда-то писал стихи... — вздохнула Ира. — И очень даже неплохие. А как стал в девяносто первом эмигрантом — всё словно отрезало.

— Не пример! Русский француз Бунин, наш воронежский, весьма успешно творил за границей!

— Ты ещё вспомни про Набокова. Как он стал классиком американской литературы. Всё так, Серёжа. Только мы с тобой родились в СССР. И у нашего поколения другое отношение к Родине...

Я обнял Иру; мы замерли.

— Никуда я не уеду, милая... Бог с ней, с этой визой. Стану отшельником! Вон какие тут у вас кругом чащобы. Спрячусь в них как партизан. Или в дюнах устрою нору... На Ведьминой горе!

И всё-таки я сходил в здешний департамент миграции. В полупустых, тихих коридорах никаких толп гастарбайтеров, никаких шустрых модных девочек, которые энергично водят их из кабинета в кабинет. Меня приняли по записи минута в минуту, говорили вежливо, сочувственно. Даже на сносном русском. Ко всему не потребовали (по российской миграционной традиции) анализы крови, слюны, мочи и далее до бесконечности всех выделений человеческих органов и желёз.

И выход нашёлся.

Уже завтра мы с Ирой были в ЗАГСе — полюбовались на весёлых, задорных клайпедских молодожёнов, ничем не отличающихся от воронежских, и, приободрённые, подали заявление.

Это событие мы отметили в кафе «Аллея». Уютный полуподвал с модным сдержанным хайтеком, сочинённым лунными бликами света на чёрном стекле, элегантным блеском хрома и нержавеющей стали. А вот еда в этом современном космическом заведении оказалась столь обильна, точно хозяева ждали к трапезе средневековых обжор Гаргантюа и Пантагрюэля.

Но самое удачное для меня было то, что эта «Аллея» располагалась на аллее имени литовского первопечатника и писателя Мартинаса Мажвидаса, кстати, современника Франсуа Рабле. Именно на ней стоял тот самый популярный бронзовый мальчуган, который бесплатно исполнял просьбы всех желающих ещё раз побывать в Клайпеде. Мне теперь, после ЗАГСА, это было крайне необходимо. По совету, который я получил в департаменте миграции, ровно через месяц я мог с новой визой смело ехать сюда. Чтобы полноправно выслушать торжественный марш Мендельсона.

Так что я более чем старательно тёр бодро торчавший острый отросточек металлического мальчугана, и без того серебристо сиявший как пятиалтынный. Видно, многие мечтали вновь оказаться здесь.

Ели рагоуляй со шкварками — что-то вроде наших гречневых блинов с капустной подливкой, а ещё кумпис, варёный окорок, обсыпанный сахарной пудрой с корицей и бережно подрумяненный в духовке. Само собой, подали нам и по стопке зелени. Без неё здесь за стол не садятся. Пили... Пили что-то очень хорошее, а что конкретно — вылетело из памяти. Значит, напиток оказался реально достойным.

И всё-таки расставание есть расставание.

Утром в день отъезда я собирал чемодан с таким раздражением, словно вымещал на нём всю свою злость — вещи не укладывал, а швырял в его чрево. Трамбовал — ногой. Ира недолго терпела такое. Она всё вытряхнула и сложила вновь. Слёзы не помешали ей аккуратно заполнить чемодан. Была у неё такая черта — всё делать чётко. Особенно ей нравилось работать с документами, заполнять разные сложные бумаги. Очень нужная черта, если собираешься жить в России.

И насчёт моей дорожной снеди Ира предусмотрительно распорядилась. На сегодняшний ужин — горячие колдунаи в горшочке, как бы наши пельмени, но в Литве их до варки обжаривают на сковороде, а в фарш непременно добавляют майоран — пряно-цветочную жгучую колбасную травку. Ассортимент остальной еды составлялся из тех соображений, что в поезде нет холодильника: жемайчу блинай из картофельного пюре с тушёной в овощах телятиной, бочок свиной копчёный, а к чаю — домашние весёлые оладушки. Чтобы заполнить паузы между едой, Ира положила мне вместо традиционных на такой случай семечек варёных рогатых улиток. Называются они виноградными, но встречаются в литовских лесах повсюду. Улиток собирают вёдрами, аппетитно едят или несут на приёмные пункты — неплохая подработка для нищих и пенсионеров. Больше всего улиток в «проклятом» Панеряйском лесу — здешнем Бабьем Яре, где фашисты в первые дни после захвата Литвы расстреляли десятки тысяч евреев.

Для доброго сна Пётр Иванович вручил мне аккуратный бочонок тёмного бальзама «Суктинис» с мёдом, гвоздикой, почками тополя, желудями, ягодами можжевельника, черники, смородины и Бог знает чего ещё.

Мой обратный билет был на литовском. Ира старательно перевела его на русский язык и подробно объяснила всё до мелочей: время отправления из Вильнюса и прибытия в Воронеж, номер вагона и моего места.

Чтобы проводить меня, Пётр Иванович надел парадный китель с впечатляюще сиявшими полковничьими погонами. Китель торжественно переливался гордым блеском боевых орденов и медалей, по которым вполне можно было изучать историю решающих сражений Великой Отечественной.

На прощание будущий свёкор подарил мне свой фронтальной бинокль.

— Смотри в оба!.. — усмехнулся он и судорожно вздохнул — слёзы так перекрыл.

Ире этого сделать не удалось. Да и мне пришлось зажмуриться, запечатав веками вдруг взмокшие глаза.

Хотя до вокзала идти было всего ничего, Пётр Иванович предусмотрительно вызвал такси. Иначе бы вся Старая Клайпеда поплыла слезами при виде наших мокрых унылых физиономий.

— Не вздумай реветь... — командирски предупредил Иру Пётр Иванович.

Ехали, жмурясь от солнца. Прощались под майским дождём. Весна делает всех нас немного язычниками... Дождь казался мне по-человечески озорным и пах здешней сиренью.

На перроне Пётр Иванович зажал между колен свой выдавший виды бадик, «ярмо» по-воронежски, и мы обнялись.

При отце Ира постеснялась целоваться со мной так, как это не раз бывало у нас в ночи, — мы лишь безгрешно касались друг друга сомкнутыми губами. Зато почти безостановочно. Пока проводница не приложила свой красный флажок к моему плечу: бережно, но и как бы несколько ревниво.

Если боги в самом деле есть, они в тот момент отставили свои небесные дела и притихли.

Войдя в вагон, я с первых шагов оказался в суетной железнодорожной жизни по-русски: здешний народ, в основном бодро настроенный на заветный южный отдых в Адлере, вдохновенно жевал традиционных варёных кур, с надрывной радостью открывал попутчикам свои личные тайны или раскрепощённо, свободолобиво решал наотмашь мировые проблемы. Видимо, всему этому каким-то образом способствовало витавшее над ними пряно-горькое туалетное амбре. У его ауры был явно желтоватый, соломенный цвет. Эдакий железнодорожный вариант Океана из «Соляриса» Лема, рождавший подсознательные образы и переживания. Как бы там ни было, мой альтер эго с первых шагов почувствовал себя достаточно неудобно.

Старательно ныряя под торчавшие со вторых полок разноразмерные ступни запашистых ног, босых или обтянутых не менее ароматными носками, не всегда целыми, я долго искал своё место. Голова плохо соображала. Как после наркоза в операционной. Словно нас с Ирой только что разрезали пополам.

Присев на краю моей полки, я надолго оцепенел.

Собирая билеты, мой проводница почему-то долго вертела в руках. Молоденькая, любопытная... С типичной внешностью энергичной, дерзко деловитой, себе на уме проводницы: белокурая, курносая и с красивой вальжной грудью. Я не мог не заметить, что мои попутчики-кавказцы уже ласкаются к ней вдохновенно-яркими взглядами.

Напряжённо взирая на свой билет в чужих руках, я настороженно подумал, что меня могут сейчас ссадить. Скажем, для разбирательства. Как-никак я еду из страны, входящей в НАТО. Вдруг меня там завербовали на старости лет?

— Билет у Вас необычный... — наконец заговорила проводница. И добавила очень даже вежливо: — Культурный такой... Где брали, мужчина?

— В Клайпедде... — отозвался я каким-то неожиданно стариковским голосом.

— О, Европа!

— Вроде того...

— Вам чайку принести? Для вас я и лимон найду!

— Попозже, ладно?..

Уходя, проводница тихо сказала:

— А что Вы такой смурной?.. Не заболели?

Я ничего не ответил. Только плечами невнятно пожал.

Спать лёг первым, но сон мой был дробным. Ночью в поезде началось нечто вроде шабаша на клайпедской Горе ведьм: как на помеле, туда-сюда заволошно летала наша симпатия-проводница, каждый раз бережно притормаживая возле меня; какие-то стремительные, азартные люди то и дело проскакивали через полутьму вагона, будто колдовские козлища; меланхолично барражировали слегка пьяные полицейские... Несколько раз на всю яркость включался свет, точно нам предстоял допрос с пристрастием — это нас навещали строго-вежливые, подтянутые и всевидящие литовские, белорусские и, наконец, наши родные погранцы с умными, вёрткими собачками-нюхачами. Эти ребята были весьма и весьма внимательны и к тому, что у нас под полками, и к тому, что у нас в сумках, бдительно сличали наши физиономии с фотографиями в паспортах, тщательно, аналитично внимали каждому сказанному пассажирами слову. Мы вполне понимали их. Даже тогда, когда они пригласили с собой для выяснения каких-то обстоятельств моих вполне мирно спавших кавказских попутчиков.

Под утро, когда меня начали традиционно доставать мои отчаянные блуждания по погребальным лабиринтам, их вовремя прервал голос моего нового соседа.

Этот маломерный розовощёкий старик с мощной ярко-белой бородой, которую в мороз хоть за пазуху для тепла заправляй, вдруг торопливо прижался ухом к оконному стеклу.

— Никак оно?!.. — крепко ахнул он на весь вагон. — Ишь!.. Гудит! По всему — оно...

— Что гудит, дедушка?.. — вяло встревожилась истомлённая ночным бдением проводница — она по своей инициативе только что принесла мне утренний чай с двойной порцией распухших «утопленников», шепнула: — Сергей Владимирович, Вы так кричали этой ночью... Я даже плакала, дурочка...

— Оно, слышу! — откинул голову старик, закрывшись своей самодостаточной бородой как живым щитом. — Русское небо над нами, братцы! Наконец! Русское, слава Богу...

— А разве такое бывает? — проводница поглядела на меня, будто ища поддержки. — Небо на всех одно, дедушка!

— Нет! — он сурово тряхнул бородой из стороны в сторону, так что меня бодро овеял ветерок. — Эх, дева, сколь ездешь, а не распознала... Русское небо — гулкое! Как Благовест колокольный! И облака над родной землицей вовсе другие!

Пока я рассчитывался за чай, старик куда-то делся. Я долго ждал его. Мне почему-то так хотелось его ещё послушать. Но он, к моему огорчению, больше не вернулся.

Я окликнул проводницу, когда она в очередной раз шмыгнула мимо, мужественно сжимая в каждой руке по три подстаканника, словно связки гранат.

— А куда мой новый сосед делся?

— Никого я к Вам не подсаживала... — озадачилась она. — Как кавказцев увели, так Вы и едете с тех пор один.

— Он ещё Вам про русское небо говорил, про облака.

— Вы что-то путаете. Может, Вам спросонья показалось?

Мне ничего не оставалось делать, как согласиться. Потом же не исключено, что весь этот спектакль мог разыграть мой альтер эго. Совсем, понимаешь, распоясался в последнее время. Уже и такие вот эксперименты надо мной начал ставить.

Как бы там ни было, к вечеру, ещё не веря самому себе, я разложил перед собой изысканно-белоснежные салфетки и под напористый перестук колёс осторожно начал повесть «Ожившие». Ту самую, на которой меня заклинило в Литве. Когда я исписал всю имевшуюся у меня в запасе бумагу, включая клайпедский журнал «Пенсионер», наш поезд догнала в предворонежской ночи эсэмэска из Клайпеды: «Душа моя горько плачет!»

Я несколько раз пытался ответить, но мобильный под разными предложениями отказывался видеть Ирин номер.

Воронеж принял наш состав на самый дальний путь, и пришлось долго идти по крутому мосту в сизой, унылой утренней полутьме.

На привокзальной площади у меня сложилось впечатление, что я по ошибке вышел в каком-то другом городе. Облагороженная за время моего отсутствия площадь была обнесена ажурной кованой оградой и ажурно устлана плиточной чешуёй. Так что я испытал что-то вроде приступа дежавю. Словно пространство и время закольцевались, и я вернулся обратно в уютную, ухоженную Литву.

Наши таксисты тотчас вернули меня к реальности.

— За сколько до Берёзовой рощи довезёте?

— Триста...

— Совсем недавно брали на сотню меньше.

— Топай отсюда, батя. Не мешай работать! Типа хитрозадый интеллигент...

— Почему же?.. Такой же воронежский жлоб, как и Вы, — покаялся я.

— Ну, ты даёшь стране угля! Ладно, полтинник сбрось. Сейчас такие «пробки» будут!

— В эту-то рань?

«Пробок» действительно не оказалось. В итоге я доехал даже за двести рублей. Расплачиваясь, бессознательно перевёл их на литовские дензнаки. Получилось ровно шестнадцать литов.

Дома после вокзального эффекта «дежавю» меня встряхнул его не менее заковыристый антипод. Это было в чистом виде *jamais vu*, жамевю, попросту — никогда не виденное, неизвестное.

Войдя в квартиру, я был шокирован странным ощущением, словно я здесь впервые: искал выключатели там, где они стояли у Иры, не сразу попал в ванную комнату, потому что и она находилась у меня в другом месте; хотел открыть кран с горячей водой, но пустил во весь напор холодную. Минуты две настырно пытался включить газовую плиту электророзжигом, как у Иры, пока не опомнился, что мне для этого теперь нужны обыкновенные спички.

Кроме всего этого, после продвинутого компьютера Иры я со своего одноядерного мастодонта не сразу смог протиснуться в Интернет и заставить позеленеть в рабочем режиме глазок скайпа.

Только через час кое-как получилось.

«Привет, Ируша! Я, наконец, дома. Всё нормально, но только моя квартира вдруг стала чужой мне. А чем вызвана твоя печальная эсэмэска о горько плачущей душе?»

Ира отозвалась сразу, словно днями и ночами тревожно сторожила моё появление. У меня даже создалось впечатление, что текст для Воронежа она на этот раз не писала, как обычно («в режиме онлайн»), а он у неё был приготовлен заранее.

«Серёженька, милый, я до сих переживаю, вспоминая как ты не мог у меня ни строчки написать... Это же катастрофа для тебя! Я горюю от мысли, что могу сломать твою жизнь... Чем ты в Клайпедзе занимаешься, достойным твоего таланта? И ещё (это, кстати, самое главное!): я заметила, не слепая, что тебе не нравится, когда у тебя над головой пролетают истребители НАТО... А в Воронеже ты в своей стихии... Сумбурно написала? Зато искренне!»

На этот раз ответ мне почему-то дался особенно нелегко. И выдал я из себя всего несколько строк. При этом альтер эго не упустил возможность поёрничать: «Фальшивишь, батенька!» Пришлось цыкнуть на него.

«Почему-то чувствовал, что ты примерно так и напишешь мне. Уверен, что с тобой я определюсь, найду точку опоры и смогу жить интересно, насыщенно: что на Ведьминой горе, что в Бермудском треугольнике. Даже на Луне, Марсе или Сириусе».

«Милый мой фантазёр!!! Такое впечатление, что ты не землянин, а какой-то инопланетянин! Широтой своей души ты вынуждаешь меня страдать...»

«С какой стати? Я просто уверен, что мы с тобой, несмотря ни на что, создадим нормальную семью. Потенциал есть. Ощущение Знакового Судьбоносного События — тоже. Ведь ты — женщина-радость, женщина-счастье, милая и весёлая, таящая в себе бесконечность светлых страстей!»

«Писатель мой дорогой! Всё, что ты мне пишешь, очень внимательно читаю. Да, такие письма, наверное, мало кто из женщин получал. И, вообще, ты мужчина — класс!!! Тебе равных нет! Но это знали только мы... Пока. Кто-то узнает ещё? Нет. Таким, каким ты был со мной, и какой была я... другим знать не дано... ПРОСТИ!!! Я снова плачу! Потому что обязана сказать тебе горькую правду. Кстати, обрести решимость для этого мне сейчас помогла вторая рюмка французского коньяка «Камю». Я всю ночь думала, думала... и пришла к однозначному выводу: нельзя, противоестественно, как вызов Богу, жертвовать тебе своей судьбой ради меня!!! Кстати, папа меня в этом всецело поддерживает. И сын так же думает. Наша страна — чужая тебе во всём... А твоя — мне. Любимый, неповторимый мой, умоляю, найди себе в Воронеже нормальную женщину... И жизнь твоя сама собой определится, всё будет хорошо! А я... Я не принесу тебе счастья... Хотя и того, что уже было между нами, мне хватит на всю оставшуюся жизнь! Всё. Пока...»

Я торопливо, молодёжным интернет-сленгом, без всяких знаков препинания настроил в Клайпеду:

«Глупо зря без тебя сгину женщину искать ни хорошую ни плохую не желаю места ей в моей душе нет и не будет наша любовь бессмертна мы никогда не сможем друг без друга».

Глазок Иринога скайпа нервно поблел.

Я долго и напряжённо ждал, что она всё-таки вернётся...

Когда часа через два этого не произошло, альтер эго с аккуратной заботливостью поинтересовался: «А продают ли ещё в Воронеже «Доктора Столетова?»» И уже вовсе предательски подытожил: «Что-нибудь да продают типа того. Скажем, «Медсестру доктора Столетова»... Это будет наш достойный ответ Чемберлену».

Перед тем, как после такого надрывного общения с Ирой уйти в Сумрак, я предусмотрительно

известил о своём приезде Сашу, сватов и брата. Мне хватило сообразительности удержаться от обсуждения Ириного предложения найти себе нормальную воронежскую женщину. Бред. Ещё не всё потеряно! Мало ли что накатило на неё в одиночестве?..

Стеклянные, большие двери «Центрторговского» мини-маркета приятно удивили меня: они вежливо разъехались передо мной. Хоть на чай давай им. Столь предупредительной сенсорной автоматикой их начинили за время моих странствий. Этой своей куртуазной любезностью они напомнили мне о Клайпеде, но... переполненные пёстрым мусором урны возле входа, троица затрапезных дворняг, суетливо ждущих милостивой подачки тотчас вернули меня в родные пенаты. Как утром таксисты у вокзала.

Тем не менее убедиться в стойкой популярности бренда «Доктора Столетова» мне не удалось: тормознул мобильный телефон.

— Сергей Владимирович, это Вы?! Здравствуйте! — вскричал в микрофоне вдруг показавшийся мне таким родным голос бухгалтера нашего Литфонда Риммы Викторовны.

— Лаба дена... — машинального отозвался я по-литовски.

— Что, что?.. Ох, а мы Вас совсем потеряли! Где Вы сейчас? В Клайпеде?

— Извините, добрый день, Римма... В Воронеже я, в Воронеже...

— Очень хорошо!

«Ничего подобного...» — ершисто отреагировал мой альтер эго.

— Можете прийти к нам сейчас? Где находимся, не забыли? Мы сегодня последний день собираем взносы! Двести рублей свободных у Вас найдётся?

Я подзавис с ответом.

«Щас, только карманы выверну!» — опередил меня альтер эго своим хулиганским комментарием.

Его фраза пробулькала в моей голове, как жидкость от «Доктора Столетова», когда я, бывало, щедро наполнял ею свой раритетный гранёный стакан. До своего широко известного в советском фольклоре двухсотлетнего возраста он недотягивал, но его реальное семидесятилетие я почтительно отпраздновал 11 сентября прошлого года. Покойная мама как-то говорила, что наш легендарный «гранчак» сотворён именно в этот осенний день, на заре бабьего лета, в боевом 43-м на Гусь-Хрустальненском стекольном заводе. И будто бы по проекту той самой Веры Мухиной, автора идеологического шедевра «Рабочий и колхозница». А чтобы реальным пролетариям и представителям трудящегося крестьянства, отложив свои молоты и серпы, было чем вдохновенно заняться в часы честно заработанного отдыха, она создала шедевр народного посудного искусства — классово безупречный рабоче-крестьянский «гранчак» вкуче с лихо-весёлой бокастой пивной кружкой.

Одноэтажный, старчески оседающий в одряхлевшую землю Дом литератора на Никитинской улице даже в далеко не столичном Воронеже смотрелся провинциально и простодушно. Как бы в соответствии с нынешним материальным положением писателей его неказистое здание официально числилось среди объектов архитектурного наследия города как образец небогатого жилого дома XIX века. Как бы там ни было, место для сообщества нынешних литераторов власть предержавшие угадали эзотерически знаково. В нём некогда жила Аннушка Тюрина, сестрица двоюродная и заботница светлая знаменитого поэта Ивана Никитина. Сам же вдохновенный самородок (по списку язвителей — «поэт-дворник») нелюдимо и одиноко обретался напротив, в пенатах постоянного двора, у азартно и буйно пьянствующего отца Саввы Евтихиевича — мещанина, предприимчиво торговавшего свечами и, ко всему, первого из всех кулачных бойцов на Воронеже. Запила с годами и кроткая, богомольная матушка нашего народного поэта Прасковья Ивановна. А тот, надорванный горько-неудачной любовью, медленно убивал себя тогдашним брендовым наркотиком, салохуанной...

И писал, писал...

Вырыта заступом яма глубокая.
Жизнь невесёлая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая, —
Горько она, моя бедная, шла
И, как степной огонёк, замерла...

Я аккуратно заступил порог литературной усадьбы. В здешнем дворике, запечатанном высокой каменной стеной, печально помнившей милую озорную Аннушку, стояли, словно многочисленные памятники в клайпедском Парке скульптур, монументальные писательские фигуры.

Должников у воронежского отделения Литфонда наплодилось немало. С полсотни глаз, благородно утомлённых бременем таланта, с удивлением оглядели меня. Так разве что смотрят на человека, чудом вернувшегося с того света. Мало кто не знал о моей литовской любви. Однако я не собирался ни с кем обсуждать эту тему. Особенно после отчаянного требования Иры не сметь жертвовать ради неё своим талантом и найти себе в Воронеже нормальную женщину.

Приветствуя всех, я поднял над собой сомкнутые руки и, как можно скорее, переместился в кабинет Риммы Викторовны.

— Как Вы похудели!.. — участливо вскрикнула она. — Вот что значит по-настоящему влюбиться! Вы надолго к нам из Европы?

— А разве Воронеж находится в Азии? — уклончиво заметил я, неуклюже улыбнулся и поспешил поскорей расстаться с парой «лишних» сотен.

В коридоре председатель правления Жихарев со свойственной большим, сильным людям бережностью приобнял меня:

— Молодец, что зашёл! Бывай почаще у нас.

— Спасибо, Виталий Иванович. Всенепременно.

— А когда приедет твоя...

— Ира... — вздохнул я.

— ...Приходи к нам с Ирой, господин эмигрант Большой Любви. Я хочу откровенно объяснить ей: берегите нашего Серёгу, он нам очень нужен!

«Знали бы Вы, как успешно она это сейчас делает!!!» — взвизгнул альтер эго. Он явно работал на публику. То есть на меня.

На прощание Виталий Иванович улыбнулся и пожал мне руку с многозначительной аккуратностью, как бы дав понять, что он, в силу своих обязанностей, обо всём в моей жизни осведомлён более меня самого. Даже её будущие перипетии, пока лишь смутно витавшие во мне, для него открытая книга. Только свою дорогу я-то должен пройти сам.

В уже опустевшем писательском дворике кто-то вдруг тихо, потаённо окликнул меня из дальнего угла, затемнённого нависшими янтарно-изумрудными волнами дикого винограда:

— Сергей Владимирович...

Там, молодецкато заложив руки за спину, стоял наш патриарх Максим Михайлович Подобедов, возглавлявший в своё время Ассоциацию пролетарских писателей. Он глядел на меня таким же пристальным, идеологически правильным взглядом, какой был у него на фотографии с Первого съезда советских писателей. Там он, плечистый, коренастый силач, взволнованно гордо тянет шею рядом с Горьким и Серафимовичем.

Но не могла не броситься мне в глаза одна странность: почему-то в руках у Максима Михайловича были десятикилограммовые гантели, с которыми он, как поговаривали, ежеутренне любил порезвиться. Даже в командировках не расставался с этими оздоровляющими тело и дух «отягощениями». Конечно, нелепо, что меня удивили гантели Максима Михайловича, а про то, что этого человека мы двадцать лет назад похоронили на Аллее Славы главного городского Коминтерновского кладбища, я будто бы забыл.

После того как Ира написала по скайпу о том, что «не принесёт мне счастья», никакая неожиданность, дикая чушь или фантазмагория уже не могли шокировать меня.

Одним словом, повторяюсь, Максим Михайлович смотрел в мои глаза с взыскательной прямоотой твёрдой рабоче-крестьянской бдительности. Как и полагается человеку с литературным псевдонимом Суровый.

— Здравствуй, Серёжа.

— Да, да... И Вы... это, тоже... — тупо замялся я.

— Я хорошо помню: ты семь лет руководил воронежскими писателями-коммунистами. Зарекомендовал себя как идейно грамотный секретарь партбюро. Линию партии проводил принципиально, несмотря на ревизионистские шатания подкупленных Западом «перестройщиков». Но каким я вижу тебя сейчас? Перерожденцем! Серёжа, как ты мог утратить классовое чутьё и полюбить женщину,

страна которой входит в империалистический блок НАТО? Не боишься, что твою литературную карьеру из-за литовской любви ждёт полный крах?

— Примерно это мне уже писала моя Ира.

— Значит, у твоей бабы, в отличие от тебя, есть голова на плечах. Думай, товарищ!

Максим Михайлович отбросил свои увесистые шароголовые гантели и взлетел над Домом литератора как воздушный шар, наконец расставшийся с якорным грузом.

— Пока, молодой человек! — с суровой большевистской назидательностью крикнул он и куда-то вёртко понёсся. Мне почему-то показалось, что как раз в ту сторону, где была Литва, Клайпеда. И, между прочим, та самая Гора ведьм...

15

Дома я опять не сразу смог войти в Интернет, который раз за разом упорно не хотел пускать меня в своё киберпространство. Оно словно было кем-то объявлено для меня потерянным Раем. Вернее, Раем, с циничной извращённостью ставшим с некоторых пор Адом. Я с недавних пор заметил, что мой комп тормозится и отказывается чётко работать, когда я чем-то взволнован, обеспокоен или тороплюсь куда-то. Так начинает нервничать собака, если хозяин вдруг засуетится. Понял это по Аманде.

Наконец-таки, достигнув nirваны контакта, я огорчённо увидел, что Иры нет в скайпе. Вернее, она присутствовала в нём, но оранжевый глазок строго информировал меня о её сетевом статусе — «Нет на месте».

«Вернётся же когда-нибудь!» — с фальшивым энтузиазмом заключил альтер эго.

Не теряя времени, я отчитался перед Клайпедой об уплате членских взносов в Литфонд и завуалировано рассказал о встрече с Подобедовым. Само собой, на всякий случай опустил его давнишнее отсутствие среди клана живых и потрясающие летательные способности. Решил на всякий случай быть посдержанней. Как сумасшедший, который какой-то ещё живой частью своего воспалённого мозга прощально сознаёт, что у него, кажется, не все дома.

Первым моё возвращение из Литвы обнаружил сосед Паша. Но только не благодаря своим международному уровню экстрасенсорным способностям. Мой ключ, открывая дверь, проворачивается с такими громкими клацающими щелчками, что о моём уходе или приходе тотчас узнаёт в режиме онлайн весь подъезд.

— Сергей Владимирович! Какая радость! — щедро озаряя меня энергетикой своей роскошно-золотистой ауры, Паша раскинул руки. В них, вероятно, для усиления его экстрасенсорного дара, были зажаты бутылки с «Доктором Столетовым». — Надеюсь, ты с нами отныне и навсегда?

— А как тебе удобней? — почти дерзко проговорил я.

— Ты, кажется, уже принял?! — просиял Паша.

— Алкоголь — это средство перевода душевной боли в головную, — процитировал я старую народную мудрость.

Паша сразу понял, что я сказал это не просто так, а с выстраданной убеждённостию.

— Ты что, в самом деле? Того?..

— Того, Паша, того. В завязке я.

— И давно это с тобой?

— Только что озарило. Когда шёл открывать тебе. Силой твоей чудоносной проникся по самое не балуй.

— Извини, я тут ни при чём! У меня совесть есть... — поморщился он. — Это вас, сэр, безжалостно испортила Европа! Мало им, извращенцам, однополых браков! А я так хотел с тобой от души посидеть. Да как разговоримся — выдать своим тяжёлым баритоном один актуальный для тебя куплет...

Паша торжественно освежил себя глотком «докторской»:

— Летят перелётные птицы ушедшее лето искать,
Летят они в жаркие страны, а я не хочу улетать.
А я остаюсь с тобою, родная моя сторона,
Не нужно мне солнце чужое, чужая земля не нужна!

Да, сосед... Как тут не воскликнуть вслед за Сатиным: «Эх... испортил песню... дурак». Ладно, герай, ики...

— Ничего себе! Откуда у тебя такие познания литовского?! — сказал я, вдруг почувствовав неожиданную радость оттого, что услышал слова, с которыми успел почти сродниться в Клайпеде. — Ики пасиматимо...

— Знаю? Ты мне льстишь... — посерьёзней Паша. — Просто мой прапрадед, Евстафий Калиский, был протоиереем Воскресенского храма в Каунасе. Да кем он только ни был за свои девяносто лет! Мы с отцом не раз ездили в Литву на могилку нашего знаменитого родственника.

— В Каунасе родилась Ира... — страдательно тоскливо отметил я.

— Ты не знал, что мир тесен? — снисходительно приобнял меня Паша. — Не парься, старик. Лучше проверь почту. Твоя Ира уже наверняка что-нибудь написала. Я это чувствую. Кончиками пальцев. Тебя зовут!

Мой комп в самом деле поймал ответное письмо из Клайпеды и теперь, благодаря электронным талантам Паши, настойчиво поскуливал голосом Аманды. Именно так преумнейшая сенбернариха порой пытается привлечь моё внимание.

«Серёжа, привет! Молодец, что сходил в Дом литератора. Тебе это просто необходимо! Я слишком много забрала на себя твоего внимания... Ты обязан прежде всего заниматься творчеством, это твоё призвание, твоя настоящая жизнь. От качества её напрямую зависит и твоё хорошее настроение (даже аппетит!), и соответствующая самооценка. Надеюсь, скоро с головой окунёшься в работу! Это ли не радость? Представляю, как сейчас сияют твои глаза!»

Я автоматически посмотрел в зеркало, но там не отразилось ничего хорошего. Лишь занудно-кислая физиономия человека, которому любимая женщина впервые прислала письмо, в котором в помине нет таких слов, как «милый», «скучаю», «чудный» или, на худой конец, «самый лучший в мире!»

Кажется, у меня начала развиваться стойкая идиосинкразия на отсутствие у Иры лексических терминов из разряда так называемых «телячьих нежностей». Как бы там ни было, налицо грустное предвещание смены моей важнейшей жизненной парадигмы? Парадигмы нашей любви...

«Истемнело на Воронеже, — грустно написал я. — Серое с проголубизной предвечерье. Вороньи густые стаи на бреющем полёте пронесли на ночлег, будто чёрным пеплом запорошило половину неба. Любовь моя к тебе, Ира, живая и радостно-печальная. Милая, вдохновенная женщина! Данте и Петрарка с их великими Дамами сердца отдыхают».

«Писатель ты мой чудный! Можно, я газетку дочитаю?.. А ещё кашку сварила себе из четырёх круп, сейчас поем с мёдом. Такая вот проза жизни. В скайп вернусь попозже».

«Гурманка-единоличница! — прореагировал я с невидимыми Ире, да и мне самому глубинными слезами. — Ещё совсем недавно мы жили на улице Кретингос как семья — ели-спали вместе, разные там в «Студланде» да «Акрополисе» пледы покупали, сковородки, скороварки. А ныне ты с рациональной убеждённостью предложила мне забыть тебя и найти нормальную воронежскую женщину. Будто бы это спасёт меня как художника и наставит на прямой путь ни больше, ни меньше как к Нобелевской премии. Только я уверен — для меня это путь назад, в Сумрак. Жутко сознавать, что до конца дней везде и всюду буду один — в постели, на улице, за столом... У меня нет сил распрощаться с лучшей женщиной Метагалактики!!! К чёртовой матери литературу! Никакие мои будущие псевдобестселлеры не стоят улыбки твоей! Мне невыносимо тяжело без тебя».

Карандашик её скайпа резко сделал несколько быстрых росчерков. Она начала письмо... Я как напряжился. И тут по экрану будто судорога пробежала. Ира всё написанное удалила. Минута, другая... Снова что-то пишет. И опять смахивает текст.

Так повторилось несколько раз. Я нервно ждал. И дождался — Ира вдруг вышла из скайпа. Его зелёный семафор исчез. Путь в Клайпеду мне был закрыт.

Я упорно ждал её возвращения. В самом деле, где-то через час она, было, вернулась в сеть, но, как спохватившись, вновь отключилась...

Она написала мне в четвёртом часу утра:

«Что делать нам с любовью нашей?»

«Пусть живёт своей собственной жизнью!!! — вскричал я. — Давай быть бережными с ней. А

пока я завтра, то есть сегодня, позвоню в Москву в ваше посольство и уточню, заработала моя виза после пересечения границы или ещё нет. Хочу немедленно приехать к тебе, в Литву!»

«Не совершай ошибку», — строго ответила Ира.

И больше ни слова.

Я теперь в одностороннем порядке забивал скайп письмами. Час от часу всё более тревожными. Некоторые из них можно было назвать даже апокалипсическими. В локальном смысле, конечно.

Она никогда не исчезала так надолго.

...Её не было в скайпе неделю.

«Не убий!» — покаянно писал я день ото дня.

«Будешь и дальше молчать, мне хандец».

«Дышать не могу без тебя. По ночам физически чувствую, что ты — рядом. Жутко реально чувствую».

«Подари мне хотя бы минуту общения!»

«Ты перестала писать мне, но ведь я ничем не обидел тебя. Тупею. Зачем ты так? Милая моя, небесная девочка. Нет, никакие мои слова на тебя не действуют...»

«Ты оставила меня во имя меня? Патология какая-то!!!»

«Где ты, Ируша?.. Где? Как тяжело...»

«Без тебя молчу дома, молчу в транспорте, молчу с соседями... Невольно скудеет мой словарный запас, путается логика, тускнеют эмоции. Душа без тебя деградирует. Ложась спать, я физически слышу твои шаги и смутно жду, что ты вот-вот юркнешь ко мне под одеяло. Иногда мне слышится твой голос, и я машинально отвечаю. Но тотчас спохватываюсь, что заговорил с пустотой... Если куда-то по необходимости иду из дома, стараюсь обязательно пройти тем местом, где мы когда-то были вдвоём. Это как талисман на удачу. Друзей избегаю, чтобы не портить им настроение своей Великой Хандрой. Сплю мало — большая часть ночи уходит на мысли о тебе. Твоё предложение забыть друг друга — это вовсе не спасение меня ради моего псевдотворчества, а реальная изощрённая казнь».

«Мне кажется, что проще достучаться до небес, чем до тебя. Чего молчишь? Яростно страдаю. Слушаю моцартовский «Реквием».

И как последний вздох:

«Замолкаю... Истерзал? Прости. Любое твоё решение приму с покорностью».

И тут скайп Иры вдруг изумрудно воссиял.

Для меня это было как вспышка Сверхновой в глубинах Галактики. «Привет, Серёжа. Очень много думала, очень много сомневалась, правильно ли я поступаю... Но надо принимать решение... Ты ещё не передумал возвратиться в Литву?»

«Здравствуй, Ира! Сажу на чемоданах!!!»

«Сейчас схожу в магазин за сигаретами. Вернусь, немного поговорим».

«Только не пропадай опять с концами. И комп не выключай! Тебя не видел, не слышал больше недели! Это вешалка для меня».

Она вернулась почти через час. Что-то начала писать. Я был готов ко всему. Как загипнотизированный отслеживал прыжки карандашика.

Между нами с Ирой 2000 километров...

Принятое сообщение конвульсивно выстроилось в строчки.

«Серёжа, ты объективно всё изложил про свои мучения. Только не забывай, мы страдаем оба! Я тоже вся извелась. И мне очень больно. Уже в зеркало на себя смотреть боюсь, подурнела, часто плачу... Что тебе ответить? Надо всё закончить. Я остаюсь при своём прежнем мнении — жить вместе мы не сможем ни в России, ни в Литве. Не хочу повторяться о причинах. Поэтому давай больше не испытывать друг друга».

«Я сейчас же еду за билетом!!! Привет, Клайпеда!»

«Не вздумай!»

«Где ВДВ — там победа!»

«Началось! Не валяй дурака! Ты выпил?»

«Само собой».

«На этот раз, может быть, оно и к лучшему! Можешь ещё добавить стакан-другой... А потом

прочитай, что я напишу тебе дальше, и выключи меня из своей жизни. Я тебе только страдания приношу, забудь обо мне, пожалуйста».

«Виг вам, как говорили мудрые краснокожие братья. Ира, несмотря ни на что, я люблю тебя! Без претензий и обвинений. Я выговорился. Осталась любовь в чистом виде, всё остальное выпало в осадок».

«Это удивительно, я встретила с тобой в зрелом возрасте, а такое чувство, что ты ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА в моей жизни... Я тоже не хочу тебя терять... Вот ведь в чём ужас весь, солнце моё...»

Кажется, она вернулась в пространство утраченной парадигмы любви.

«Ты мне будешь дорог всегда. Прости за банальность — голубь мой сизокрылый! Таких мужчин, как ты, вообще больше нет! Ты один! И ты — прекрасен! Сильный, мужественный! Так и дальше держи!»

«Ты — прелесть небесная!»

«Эх, Серёжа, эта так называемая прелесть совершила один гадкий, но необходимый поступок. После него наша встреча уже будет невозможна никогда... Я вернулась к своему бывшему мужу... Что ты ещё хочешь от меня услышать в связи с этим? Люблю ли я тебя? Да, люблю!!! Прости... прости... прости... прощай, мой милый... прощай!..»

Экран начал блёкнуть.

Ира что-то писала ещё. Я успел рассмотреть:

«Что я натворила в наших жизнях??? Ты можешь мне ответить? Муж мой!!! А Я КТО-О-О???? Я потерялась в этой жизни...»

Какой-то зыбкий золотистый комок, похожий на солнечную слезинку, разгораясь всё ярче, вошёл в пространство между мной и экраном. Словно по комнате с неким досмотром блуждала шаровая молния.

Как живая, она внимательно присмотрелась ко мне, раздумчиво пошевеливая колкими лучами. Душу диагностировала. И то ли что-то ей не понравилось во мне, то ли просто пора приспела, только молния вдруг трепетно замерцала и оглушительно взорвалась.

Лихорадочный жёлтый блеск застил всё...

16

И был вечер. Пахнувший травами мерцающий пар поднимался с земли и орошал всё вокруг. Мы с Мариной сидели в каком-то одичавшем, словно брошенном на произвол, саду под старой кряжистой яблоней. Её ветви, искорёженно перевитые, как у сосен в Танцующем лесу на Куршской косе, отяжелели аспидно-чёрными, словно ядовитыми, плодами.

— Странный сорт... — глухо сказал я. — Никогда не видел яблочка такого неприятного цвета.

— Когда-то они были румяные, весёлые... — вздохнула Марина. — А потемнели от наших грехов... Это Древо познания добра и зла. То самое, запретное...

— Так мы с тобой что, в Раю?.. — дёрнулся я.

— Вроде того.

— А что тут вокруг такая запущенность? Даже лопухи и крапива выше нас с тобой!

— С тех пор как Адама изгнали, всё пошло прахом. Ухаживать некому. Только Господь другого садовника никак не желает...

Марина закурила. Её сигарета ритмично замерцала как бы живым глазастым огоньком, но почему-то не дымилась.

— Так я умер?

— Пока нет. Просто у тебя резко упало давление, и ты потерял сознание. Хорошо, что Саша как раз в это время пришёл проведать своего заблудшего папашу и вызвал «скорую». В больнице у тебя остановилось сердце. Сейчас врачи борются за тебя.

— А Бога я увижу? Маму? Отца?

— В этот раз лучше не надо. А пока Ангелы на всякий случай чистят тебя от грехов. Как компьютер от вирусов.

— Да уж, в грехах я, как в шелках.

— Нахватался ты их прилично... — снисходительно усмехнулась Марина. — Особенно благодаря «Доктору Столетову». Я еле остановила в тебе эту дурацкую распушенность!

— Благодарю. Так ты можешь отсюда на меня как-то влиять?

— В пределах разумного. И только под патронажем твоего Ангела-хранителя. Я ведь здесь ещё толком не освоилась.

— А чёрные мухи, облепившие окно перед приездом Иры, тоже твоих рук дело?

— Считай, что так. Пыталась предупредить тебя, что вам не удастся жить счастливо и безмятежно. Над каждым из вас своё небо, своё Солнце.

— Так это ты нас сейчас разводишь?..

— Зачем так грубо, Серёжа. Тысячу раз — нет! Кстати, знай. Ни к какому прежнему мужу она не вернулась. Эти её слова — уловка. Во твоё спасение. Она реально любит тебя.

— Спасибо, Мариночка! Ты меня вдохновила! Вернусь — и тотчас в Клайпеду!

— Не рвись, неугомный... Такой упёртой напористостью сделаешь её несчастной. И себя. Оно надо тебе?

— Прости... Господи, как я виноват перед тобой... Как виноват! — я хлёстко ударил себя по лбу костяшками пальцев.

Марина аккуратно улыбнулась:

— Знакомый мне жест... Немного театральный, но на дамочек, наверное, впечатление производит.

— Каких, к чёрту, дамочек?! — судорожно дёрнулся я.

Марина потянулась ко мне рукой, но не коснулась.

— Ты хоть понимаешь, ГДЕ произносишь это мерзкое имя?

— Извини. Сорвалось...

— Ладно, не перенапрягайся. Ты скоро забудешь этот разговор. И всё же я скажу тебе: я очень благодарна Ире. Без неё ты бы погиб. И мне она помогла. Твои слёзы меня здесь уже по горло залили...

Марина внимательно поглядела в глубину сада.

— Тебе скоро назад... — сказала тревожно, заботливо, но всё-таки с облегчением. — Вернёшься, закажи по мне сорокоуст.

— А можно тебя на прощание поцеловать?..

— Нельзя поцеловать то, чего нет. Я сейчас просто объёмный фантом...

Марина глубоко вздохнула, и это словно забрало все остатки её энергии соприсутствия. Она начала нежно пригасать...

И тут я почувствовал: меня хлёстко бьют по щекам.

— Да очнись же ты, сволочь!!! Дед, живи!!! — разъярённо, с профессиональным вдохновением кричал надо мой раскрасневшийся, вспотевший реаниматор.

Через неделю меня выписали. Марина то ли ошиблась, то ли что, но разговор наш я нисколько не забыл. Мне даже открылись какие-то новые детали того мира, где я будто бы побывал. Припомнилось, что там не было привычной синевы над головой, а словно бы над нами торопливо нёсся беспокойным потоком жёлто-серый клокастый туман... Лёгкий предвечерний свет истекал, как зыбкое испарение, от травы, от деревьев, от нас самих... И ещё врезались мне в память чьи-то заботливые и осторожные шаги за деревьями: там словно КТО-ТО взволнованно ходил туда-сюда. Даже, казалось, этот «КТО-ТО», смущённо покашливая, неумело пытается сдерживать свои печальные вздохи...

Скайп встретил меня тревожными словами:

«Где ты, Серёженька? Что с тобой, милый?.. Неужели так глубоко застрял в своём Сумраке имени Доктора Столетова?»

«Привет, Ируша! — откликнулся я. — Отныне трезвость — норма жизни. А был, понимаешь, в кратковременной дипломатической командировке. Не падай в обморок — в Раю...»

«С Мариной виделся?..» — как игру приняла Ира мои слова.

«А то...»

«Рада нашему расставанию?»

«Нисколько. Она благодарна тебе за моё спасение. И вообще, я снова предлагаю дать задний ход твоему самопожертвованию. Нам обоим будет трудно забыть друг друга».

«Забыть... Забыть не получится. Такое, Серёженька, не забывается. Могу ТОЧНО сказать, что мужик ты НАСТОЯЩИЙ во всех смыслах! Повезёт той женщине, которая будет с тобой. И ласки от тебя достанется, и любви. Глаза твои сейчас вспомнила, руки нежные... Прости меня, я так много принесла тебе страданий... Молиться буду за тебя всю жизнь оставшуюся... Коротко насчёт моего нынешнего бытия без тебя. Внешне нормально, но хочется застрелиться. А теперь всё, Серёжа, расстаёмся окончательно!!! Я уже не могу так, у меня нервы не выдерживают. Я постоянно о тебе думаю. Надо влюблённой старухе всё выбросить из головы и жить спокойно. Всё!!!»

Скайп как умер — Ира одним кликом судорожно удалила меня из списка контактов. Я попытался связаться с ней «по мылу», но она сменила адрес электронной почты. Мобильный молчал. На телефонные звонки отвечал только Пётр Иванович, и каждый раз оказывалось, что Иры будто бы нет дома.

— Я скажу ей, что Вы звонили. Она Вас обязательно наберёт... — раз от раза с потаённой грустью пытался приободрить меня боевой полковник.

17

Лишь где-то через месяц у нас с Ирой общение возобновилось. Правда, несколько странное. Казалось бы, для человека, недавно общавшегося во дворике Дома литератора с покойным пролетарским писателем, такие разговоры с Ирой в порядке вещей. Но была в этом одна заковыка. Явление Максима Михайловича было явно смоделировано моим распоясовшимся альтер эго.

Первым из соседей на моё обретение Иры отреагировал Паша. То ли вспыхнул в нём дух соседского братства, то ли профессионально встревожился экстрасенс международного класса. Только когда мы сегодня сошлись с ним в подъезде, а я даже не поздоровался, потому что был занят обсуждением с Ирой нынешнего удивительного для конца лета широкого тепла, Паша твёрдо ухватил меня за руку. Я чуть было не поскользнулся, точно на гололёд нарвался.

— День добрый, Сергей Владимирович, — каким-то новым, суровым и испытующим голосом произнёс Паша.

Он будто тестировал меня.

Я мутно видел его, словно через тот райский пар, блаженно сочившийся недавно вокруг нас с Мариной из святой эдемской земли.

— Да-да, привет...

— Насчёт «привета» ты, по-моему, в точку попал. За версту видно, что ты мой созревший клиент. Или предпочитаешь аминазиновую палату со смирительной рубашкой?

— Ты хочешь лишить меня Иры?! — уныло огрызнулся я.

— Хочу вернуть вас друг другу.

— Купишь мне билет в Клайпеду? Так у меня виза истекла.

— Лечиться надо, дорогой товарищ.

— Опять станешь завораживающие пассы рисовать надо мной?

— Тебе срочно надо закрыть незавершённый гештальт.

— Гештальт? Это что, современный вариант гильотины? — хмыкнул я.

— Не ёрничай... — строго вздохнул Паша. — Для заложников интернациональной любви популярно объясняю — это свеженькое направление экзистенциальной психотерапии.

— Знакомый термин... К экзистенциализму, если память не изменяет, были близки из писателей Хемингуэй, Беккет, Сент-Экзюпери, Камю, Сартр. Ты решил заняться литературой?

— Что-то в этом роде. Хочу поставить один свой сценарий. На природе. А актёрами будем мы с тобой и наши друзья.

Отрадным августовским днём раздолбанный «пазик» с облезлой чёрной полосой, нагло намекавшей на то, что эта угробленная воронежскими дорогами машина всё-таки катафалк, приволок нас на кладбище. В Клайпедке любой последний приют смотрелся изысканным ансамблем. Он был как моцартовский «Реквием», воплощённый в печальной гармонии мрамора, зелени и геометрии чёткого распаханного пространства. Правда, Паша среди всех воронежских кладбищ выбрал далеко не худшее. Даже, можно сказать, самое центральное, самое большое. То есть Юго-Западное. Но и здесь

почти всё выглядело по нашему незыблемому принципу: как вы жили на земле, так и истлевайте в ней. Я невольно вспомнил лозунг из давнишней повести нашего писателя Валерия Баранова: «Лучшим людям города — лучшие могилы!»

Одним словом, на ста гектарах я увидел грустный хаос от усыпальниц по-фараоновски роскошных до убогих, скромных или вовсе дохлых, расплюснутых временем безвестных холмиков среди одичавших кустов сирени, сквозь которые и спецназ-то не пробьётся.

— Стоп! — вдруг строго крикнул Паша.

Мы выходили, вернее, выползли из автобуса, как с корабля на берег неуклюже сползает его команда, основательно потрёпанная только что пережитым штормом.

Паша организовал для завершения гештальта достаточно серьёзную публику. Были: два торжественно суровых журналиста из местных «жёлтых» газет; тройка резвых, вёртких телевизионщиков; двойня молодых воронежских поэтов с горячечными и умными глазами; кларнетист и скрипач из оркестра Дворца животноводов с мертвенными (постпохмельный синдром) лицами непризнанных гениев; мой снисходительно-недоумевающий сват и хмуро-сосредоточенный Саша, сын.

— Мужики... — настороженно заговорил мучительно трезвый, истерзанный лохматой жизнью водитель с удивительно честными, совестливыми голубыми глазами. — А где могила? Покойник где? Что за такие похороны? Не въеду...

Паша предъявил ему тусклую лакированную шкатулку из орехового дерева с блёклой янтарной инкрустацией. Она явно досталась ему в наследство от каунасского прапрадеда.

— Вы чё, ребята... — вздёрнулся водитель. — Какого-нибудь хомячка закопать здесь собрались? Не положено. Тут люди лежат!!!

Паша приобнял его, но не очень тесно. Куртка на мужике была бомжеватая, в которой тот не раз в воронежской сочно-чернозёмной грязи лежал под своим убитым «пазиком», по-кулибински пытаясь оживить его хотя бы на час.

— Видишь этого молодого старика?! — Паша ленинским жестом указал на меня.

Мне стало не по себе. Вообще, вся эта затея мне не очень нравилась. Но в аминазиновую палату однозначно не хотелось. Я из последних сил заставлял себя верить экстрасенсу международного класса.

— Ну...

— Он недавно навсегда расстался со своей женщиной из Литвы. Их любовь, можно сказать, умерла. А что делают с покойниками в цивилизованном, да ещё демократическом обществе? Хоронят. Вот мы сегодня эту любовь и предаём земле со всеми полагающимися почестями. Учти, такое событие происходит впервые в мире! Выше голову, водитель!

— Предъявите... — глухо сказал наш Харон и раздражённо потёр щёку, точно комар её с лёту внезапно пронзил. — Чего там у вас в шкатулке? Может, ядерные отходы?

Паша печально приподнял полуовальную крышку. Внутри шкатулки аккуратно лежало дерзко-красное шёлковое сердечко. Из тех, которые тинейджеры дарят друг другу на День святого Валентина.

— Тьфу! — сплюнул мужик. — Срам какой! Вам бы мои проблемы... Ладно. Быстрей закапывайте!

Он отошёл в сторону и сердито закурил привычную ему народную термоядерную «памирину» эпохи развитого социализма.

Кларнетист и скрипач, оба уже подшофе, в связи с чем их мертвенные лица приобрели более живое, даже нежное выражение, трепетно и ласково повели «шарманную сиротливую».

Паша запел хорошим, по-мальчишески плачущим дискантом, словно о выстрадавшем им лично. Кроме экстрасенса и хакера он, оказывается, был реально артистичен. Как бы там ни было, я заплакал, ломая губы всё заметней, судорожней.

Разлука, ты, разлука,
Чужая сторона,
Никто нас не разлучит,
Лишь мать сыра земля.
Всегда, всегда навеки
Так жалобно пою,

И нас с тобою милой
Разлуке предаю.
Зачем нам разлучаться,
Зачем в разлуке жить,
Не лучше ль повенчаться
И жить, да не тужить...

Предав Любовь земле в суровом, философском молчании, публика, как водится, на том же гробовом «пазике» покатила ко мне поминать почившую в Бозе... На этот раз водитель вёл машину на удивление аккуратно. Кажется, его тоже коснулось каким-то образом Пашино вдохновенное завершение гештальта. Любовь — она и в Африке любовь. Само собой, в России и Литве — тоже.

На моём столе русскую сторону представляли водка «Доктор Столетов», дорогие пельмени «Цезарь» и наш знаменитый всепраздничный салат «Оливье». С литовской Паша обеспечил селёдку с овощами, цеппелинаи по-жемайтйски и вовсе удивил меня семидесятипятиградусной настойкой убойной силы «Жальгирис».

Когда все разошлись, я как сомнамбула побрёл к своему компу. Как на казнь. Он открывался странно долго. Просто изошрённо, издевательски тормозил. Мне показалось, что компьютер в результате нашего с ним напряжённого общения, наконец, обрёл разумность и теперь пытается мной руководить. Как некогда Аманда, когда была щенком, пыталась навязать мне свои щенячьи правила жизни — жрать и гулять по её хотению, писать, где попало, и безнаказанно жрать мою обувь. Предпочитала импортную.

На электронной почте меня ждало некое безадресное письмо. Это явно было нечто уникальное даже для меня, тёртого калача расхлюстанной и непредсказуемой интернетовской жизни. Я открыл его с той бережной осторожностью, с какой матёрый лепидоптерист, затаив дыхание, собирается решительно накрыть сачком неведомый до сих пор миру летающий роскошный цветок бабочки.

Текст взрывчато распахнулся:

Мы любовь свою схоронили
Крест поставили на могиле.
«Слава Богу!» — сказали оба...
Только встала ЛЮБОВЬ из гроба,
Укоризненно нам кивая:
— Что ж вы сделали? Я живая!..

Не Марина ли мне из Эдемского сада прислала эти пронзительные строки Юлии Друниной?

Как бы там ни было, я воспринял их как глас свыше и одним кликом вошёл в скайп.

Ярко-зелёный глазок фасолиной нависал над аватаром Балтийского побережья, словно недавно открытая во мраке Вселенной, небывалая по цвету малахитовая галактика J2240. До неё четыре миллиарда световых лет. Расстояние почти как между Воронежем и Клайпедой. Случайно обнаруживший этот изысканный изумруд в короне Метагалактики везунчик астроном Миши Ширмер потрясённо остолбенел от радостного изумления. Что-то подобное произошло и со мной.

Ира в скайпе.

Мы оба в сети.

Оба видим это.

Аманда положила мне на колени свои тяжёлые лапы, горячо и тревожно задышав. Понятливая дама, ничего не скажешь.

Я взял в руки яблоко. Обычный воронежский синап. Однако я взял его в руки как райский талисман. Если все мы дети Адама и Евы, то и все яблоки — прямая родня Эдемского древа познания добра и зла.

Динамики моего компа неожиданно затрещали, словно уловив какую-то новую волну. И я вдруг отчётливо услышал... Это были уже знакомые мне звуки. Точно в глубине туманного Райского сада вновь КТО-ТО взволнованно ходит туда-сюда. И этот «КТО-ТО», смущённо покашливая, пытается сдержать свои печальные вздохи...

Марина, что дальше?..

Проза

Александр Гахов

Александр Константинович Гахов родился в феврале 1952 года в Курской области, окончил Тамбовское военное авиационно-техническое училище им. Ф. Э. Дзержинского. Член Союза писателей России, МАПП (Международной ассоциации писателей и публицистов), член-корреспондент Академии поэзии (Москва). «Жизнь — штука интересная и презабавная, — говорит Александр. — Что-то, важное для меня, для кого-то может показаться пустым звуком. Ценность заключена во взгляде на вещь или ситуацию. В своих размышлениях я преклоняюсь перед тремя святыми: Надеждой, Верой и Любовью, которым всегда суждено тревожить человеческую мысль»

Южная ночь

Рассказ

Когда Алексей Николаевич Березин вышел из аэропорта, стояло южное утро, если можно было так назвать непроглядную темень. Электричка отходила через три часа, и до места отдыха он решил добраться на такси.

— Поедем по серпантину, — предупредил водитель, заламывая цену.

С непривычки горная дорога укачивала. Узкая, извилистая. На ней едва можно было разминуться со встречным транспортом. Дорога то мягко вкручивалась в провалы, то начинала вить спирали, поднимаясь в горы.

В приёмной санатория его оформили быстро, и он направился в жилой корпус. Разложив свои вещи в номере и приняв с дороги душ, Алексей Николаевич вышел на улицу. Солнце только что поднялось из-за гор, на улице было свежо.

До завтрака оставалось время, и он решил оглядеться.

После душного города и накопившейся усталости от трудовых будней место показалось ему райским уголком. Жилые корпуса санатория располагались на территории большого парка с экзотическими породами деревьев. В пальмовых и магнолиевых аллеях в этот час было безлюдно, пели птицы, дышалось легко и свободно. Немного побродив, Березин почувствовал усталость. Он присел на скамейку, расположенную среди пышных кустов роз. Откинувшись на спинку, Алексей Николаевич расслабился. Работая следователем в прокуратуре, в отпуске он всегда с трудом переключался на отдых. Ему сложно было отодвинуть на второй план мысли о работе.

На аллее появились первые отдыхающие, которые неспешно шли в сторону столовой, и он направился следом.

Администратор проводила его до столика, за которым уже сидела женщина.

На вид Березин дал бы ей лет сорок. Женский возраст определить всегда сложно. Всё зависит от того, на сколько лет чувствует себя сама женщина.

— Приятного аппетита! — присаживаясь, приветливо сказал он.

— Спасибо, — без всякой интонации ответила незнакомка.

Соседка по столу сидела молча, ожидая официантку, и Березин, быстро управившись с закуской, стал незаметно разглядывать её, что сделал бы любой мужчина, оказавшийся на его месте. Красивая, с копной пышных светлых волос и гордой осанкой, она, казалось, не сидела, а царила за столом. Надменное выражение её лица создавало впечатление неприступности и, вместе с тем, некую загадочность.

Березин решил нарушить молчание.

— Давно Вы прибыли в эти края обетованные? — спросил он.

— Три дня назад, — прежним монотонным голосом ответила женщина.

— Ну, если уж нам выпало счастье коротать вместе время за этим столиком, то не лишним будет познакомиться. Алексей Николаевич, — и тут же Березин поймал себя на мысли, что отчество произносить было необязательно. Но так уж он привык по роду своей деятельности.

Соседка соизволила окинуть его взглядом, после чего сухо ответила: «Наталья», — и принялась за второе блюдо, к этому времени принесённое официанткой. Березину было достаточно одного её взгляда, чтобы понять: его благородные, рано приобретённые седины не вызвали у неё никакого интереса, и к общению с ним она вовсе не расположена. «Серьёзное создание», — подумал он.

Когда, позавтракав, Наталья пошла к выходу, Алексей машинально посмотрел ей вслед, отметив, что соседка по столу, действительно, была недурна собой.

После завтрака, как и положено вновь прибывшим, Березин посетил терапевта. Врач, пожилая женщина, пролиставла санаторную книжку и, взглянув на него, сказала:

— Сорок восемь, а уже седой.

— Работа такая, — сухо отозвался он.

— Давайте-ка, Алексей Николаевич, измерим давление. Жалобы есть? — готовя прибор, поинтересовалась она.

Когда-то Березин читал Канта и знал, что по своей природе философ был человеком хилым и чрезвычайно расстраивался по этому поводу. Но однажды философу пришла в голову занимательная мысль: считать свои недомогания нормальным состоянием здоровья. Вспомнив это, Алексей Николаевич, машинально считая свой пульс, ответил:

— Жалоб нет, доктор.

— Кардиограмму надо снять, — откладывая прибор, взглянула на него терапевт, — у нас так принято. Может, какие-то процедуры желаете попринимать, ванночки, например?

— Спасибо, — отклонил он предложение, — здесь всё же юг, а ванночки, если прижмёт, я и дома попринимаю.

— Ну, как хотите, — внимательно посмотрев на необычного пациента, согласилась терапевт, — тогда солнце, воздух и побольше положительных эмоций. В море купаться не советую — вода холодная. Местные уже не купаются.

— Доктор, — непроизвольно усмехнулся Березин, — двадцать градусов в воде — это кипятки для приезжих с северных широт.

* * *

В природе стояло межсезонье, но пляж сразу же после завтрака заполняли отдыхающие, наслаждаясь прелестью бархатного сезона.

Результат двух дней, проведённых на берегу моря, Березин заметил утром третьего дня, когда после душа взглянул на себя в зеркало: его тело безболезненно приобрело цвет благородной бронзы.

Побрившись, Алексей Николаевич пошёл на завтрак. За два дня к ним с его неразговорчивой соседкой никого не посадили. Порой ему хотелось поболтать с ней, но их разговоры не шли дальше пожеланий приятного аппетита и «спасибо». И вот именно это нежелание общаться и её молчаливость вызывали необъяснимый интерес у Алексея.

Когда Березин вошёл в зал, женщина уже сидела за столом.

— Доброе утро, царица Савская, — усаживаясь за стол, с деланным почтением произнёс он. Она удивлённо вскинула на него большие серые глаза. — Как спалось, как настроение? — продолжал атаку Березин, упиваясь её растерянностью.

Наталья молчала, не зная, что ответить. Но чтобы не выглядеть таким застывшим кроликом, зачем-то потянулась за салфеткой, задела рукой чашку с кофе, и всё содержимое оказалось у неё на брюках. Женщина застыла и попеременно смотрела то на Алексея, то на свои брюки. «Допрыгалась, стрекоза», — мысленно усмехнулся Березин. Откинувшись на спинку стула и изображая равнодушные, он некоторое время с любопытством наблюдал за ней. Эта маленькая неприятность смахнула с лица женщины прежнее выражение надменности. Распахнутые глаза стали влажными, а на щеках

появился румянец. Она была похожа на провинившегося ребёнка. И это заставило мужчину подумать, что Наталья, невзирая на свою манерность и кажущуюся холодность, обычная женщина, нуждающаяся, как и все женщины, в защите и внимании.

— Возьмите, — словно спасительную соломинку, протянул он не решавшейся двинуться с места Наталье свой платок.

Она с молчаливой благодарностью остановила на Алексее Николаевиче свой взгляд, взяла платок и начала приводить себя в порядок. Он в это время налил ей кофе.

— Спасибо, — подобие улыбки скользнуло по её лицу. Березин вяло пошутил:

— Надо возлюбить ближнего в минуты его скорби.

Шутка не задалась, и они молча продолжили завтрак.

— Не переживайте, это всё мелочи. Хотя порой, если на них заикнуться, они всю жизнь могут испортить.

Наталья улыбнулась, а потом ровным, спокойным голосом спросила:

— А почему Вы назвали меня царицей Савской?

— А потому, что вот уже три дня Вы для меня являетесь загадкой, — улыбнулся в ответ Алексей Николаевич, — а я в своей деятельности люблю разгадывать всё необычное и даже на отдыхе, как видите, не могу от этого избавиться.

— Ну-ну... — продолжая улыбаться, сказала Наталья, — мне будет очень интересно наблюдать за Вашей профессиональной деятельностью. — Да, — продолжила она разговор, позавтракав, — я же не ответила на Ваши вопросы. Итак: спала хорошо, настроение бодрое.

После этих слов женщина быстро поднялась из-за стола и направилась к выходу, скорее, как решил Березин, не потому, что действительно куда-то спешила, а чтобы не дать ему собраться с мыслями и что-то сказать в ответ.

* * *

На обеде за их стол посадили ещё двух женщин: привлекательную шатенку с карими глазами — Оксану — и даму без возраста, а точнее, в возрасте, но этот самый возраст был украшен так ярко, что вызывал невольную улыбку окружающих.

Белые брюки обтягивали когда-то стройные бёдра, а всех цветов радуги трикотажная майка, если и подчёркивала большую грудь, то не могла скрыть явно не девичьи бока и живот. Солнцезащитные очки, неизвестно с какой целью надетые в столовой, скрывали половину лица, но густая помада не скрывала морщин около рта, а шея, главный возрастной враг женщин, была украшена крупными белыми бусами, которые не столько украшали, сколько привлекали внимание.

Всё одеяние и весь вид говорили о том, что она следовала не моде, а своему стилю и, несмотря на то, что в силу полноты выглядела немного комично, чувствовала себя комфортно и уверенно.

Представившись Эммой Эдуардовной, она сразу же перезнакомилась со всеми сидящими за столом и начала повествовать, что она везде была, всё видела и всё знает, совершенно не беспокоясь о том, интересно это окружающим или нет.

Алексей понял, что теперь им во время трапезы скучать не придётся.

Оксане было лет тридцать. Матовая кожа и естественный цвет волос придавали ей особый шарм и очарование, подаренные самой природой. Во время обеда она бросала на Алексея заинтересованные взгляды, а когда он что-то говорил, переставала есть и внимательно слушала.

— Алексей Николаевич, Вы давно здесь? — как бы между прочим спросила молодая женщина, заполняя паузу между первым и вторым блюдом.

— Третий день пошёл, — отозвался Березин.

Оксана улыбнулась, показав жемчужный ряд зубов. Создавалось впечатление, что её-то заинтересовали его благородные седины.

* * *

Иногда на электричке Березин уезжал в город. Он любил бродить по незнакомым местам. Если не удавалось вернуться к обеду, обедал в кафе, оставаясь наедине со своими мыслями. Мысли то уносили его к незавершённым служебным делам, то вновь возвращали к призрачной лёгкости сегодняшнего бытия.

Но пляж был его любимым местом, где удавалось полностью расслабиться и выпасть из жизненной суеты. В один из дней Алексей Николаевич облюбовал свободный лежак возле самой кромки берега.

Неторопливо раздевшись и расстелив коврик, Березин с наслаждением растянулся на лежаке. Море было спокойным. Его взгляд, лениво скользнув по морской глади, остановился на мостике, выступающем в море, где несколько рыбаков зачарованно глядели на поплавки. Недалеко от них он заметил рыжую кошку, которая сидела и ждала рыбацкой удачи. Когда очередной подарок в прямом смысле слова сваливался на её рыжую голову, она, подхватив ещё трепещущую рыбёшку, неспешно шествовала мимо отдыхающих к своей семье. Жила кошка с большим рыжим котом и пятью такими же рыженькими котятами в нише под возвышающейся железнодорожной насыпью. Пока рыбаки стояли на мостике, она курсировала туда и обратно, вызывая улыбки отдыхающих.

Перевернувшись на живот и положив руки под голову, Березин, как ему показалось, задремал. Но звук гальки, перекатываемой двигающимся лежаком, заставил его поднять голову. Алексей увидел свою новую соседку по столовой. Оксана подвинула лежак и собиралась расположиться рядом с ним. Заметив его взгляд, она весело произнесла:

— Алексей Николаевич, мне скучно одной! Смотрите, Вы тоже скучаете. Не помешала?

— Располага-а-айтесь, — лениво протянул Березин и усмехнулся: может, подвинуться?

Она звонко рассмеялась и, как понял Березин, тоже вспомнила анекдот про Василия Ивановича, сидящего на рельсах.

Устроившись на лежаке, женщина некоторое время молчала. Потом, не поворачивая головы, поинтересовалась:

— Алексей Николаевич, а подруга «дней суровых» не боится Вас одного отпускать?

— А что, я произвожу впечатление ненадёжного? — в тон ей спросил он.

— Ну почему же? Мне кажется, за Вашей спиной вполне можно укрыться от житейских невзгод.

Березин ухмыльнулся:

— Хорошо, что есть женщины, которые это понимают.

— И Ваша жена, конечно же, относится к таким понимающим женщинам, — наступала Оксана.

— Я тоже так думал, пока жизнь не развела, — сухо ответил Алексей.

— Вы не похожи на одинокого, — с безмятежной улыбкой заметила она.

— Я не одинокий, а свободный, — поправил её мужчина.

Оксана повернулась и с нескрываемым любопытством взглянула на него.

Она хотела ещё что-то спросить, но, натолкнувшись на отчуждённый взгляд мужчины, промолчала.

В разговорах Березин всегда старался избегать темы своих отношений с бывшей женой. Всё, что было между ними, касалось только их и никого больше.

Всё у них с женой было хорошо до тех пор, пока не обанкротилось её предприятие, и она не решила заняться собственным бизнесом, обнаружив в этой области незаурядные способности.

У жены появились новые интересы, новый круг друзей и знакомых. Со временем Алексей перестал чувствовать надёжный тыл за своей спиной. Хорошее молчание стало заменять им общение, и постепенно они безболезненно отделились друг от друга. Развод стал делом чисто формальным. Березин всегда был фанатом своей профессии, а после развода с женой и вовсе погрузился в работу, находя в ней весь смысл своей жизни.

И только изредка, когда надо было решить какие-то вопросы, касающиеся дочери, они встречались или звонили друг другу. Но всё общение только этим и ограничивалось.

Коснувшись этой темы, Оксане сложно было переключиться на другую, поэтому она листала какой-то модный журнал, прихваченный с собой на пляж, а Алексей, погрузившись в свои мысли, молча сидел на лежаке.

Изредка поглядывая на мужчину, Оксана заметила, что его взгляд, безразлично блуждающий в морских даях, вдруг приобрёл осмысленность и остановился.

Недалеко от них, у линии прибоя, стояла женщина. Одной рукой она придерживала юбку, и волны касались её обнажённых, стройных ног. Лёгкий ветерок играл густыми распущенными волосами. Проследив за взглядом Алексея, Оксана неожиданно сказала:

— Красивые у Натальи волосы.

Если бы Березин был моложе, то, несомненно, поддался бы наивной женской провокации. Но он был в том возрасте, когда подобное поведение молодой женщины встречал снисходительно.

— Пойдём-ка, Оксанушка, охладимся в волнах, — вставая, добродушно предложил он.

Выбирая удобное место для спуска, они прошли немного вдоль берега, усыпанного крупной галькой. Послеобеденное солнце рассыпало на морской зыби серебристые блики. Когда Березин с Оксаной вошли в воду, набегавшие лёгкие волны словно обняли их. Искупавшись и наплававшись, они направились к пляжным душевым кабинкам.

Подходя к группе загоравших женщин, Березин услышал знакомый голос:

— Этот купальник мне привезли из Америки.

— Эмма Эдуардовна, ну, а почему слитный? В нём же одни плечи загорят! — воскликнула одна из отдыхающих девушек.

— Загар вреден! Какой хотела, такой и привезли, — констатировала женщина. — А что Ваши шнурочки? Сгорите, и не защитят!

— Да они не для защиты, а для нападения, — шутливо заметила другая девушка.

Подойдя ближе, Алексей увидел Эмму Эдуардовну, монументально восседавшую на одном из лежаков и демонстрирующую своим соседкам яркий купальник. Заметив Алексея и Оксану, она приветливо помахала им рукой и спросила:

— Алексей Николаевич, как водичка?

— Знаете ли, сырая, — улыбнулся он в ответ.

— Вы поосторожней, — взглянув на его спутницу, предупредила Эмма Эдуардовна, — в сырой воде может водиться любовный вирус.

— Не переживайте, — немного замешкался Березин, — и рад бы заразиться, но знаю, как трудно потом бывает вылечиться.

— Вау! Эмма Эдуардовна, какой у Вас шикарный купальник! — вмешалась в разговор Оксана, игриво беря Березина под руку и прижимаясь к нему, чем ещё больше смутила мужчину.

— Эх, где мои семнадцать лет! — добродушно сказала толстушка вслед удалявшейся паре.

Выйдя из душа, Березин стал дожидаться Оксану. Его внимание привлекла группа отдыхающих, которые, задрвав голову, смотрели на крышу лечебного пляжа. Там, на самом краю, жалобно мяукал котёнок.

Рыжая кошка, словно статуэтка, сидела внизу возле стены и, не сводя с котёнка глаз, изредка издавала призывные звуки.

Вышла Оксана и весело сказала:

— Ну, вот и я!

— Гляди, куда рыжий чертёнок забрался, — кивнул Алексей в сторону котёнка, — видимо, с рампы свалился.

Оксана ахнула и потянула Березина к группе зевак, наблюдающих за котёнком.

Увидев приближающуюся пару, одна из женщин обратилась к Алексею:

— Мужчина, может, Вы что-нибудь придумаете?

— А что тут думать, крышу трясти надо, — усмехнулся Алексей.

Женщина удивлённо остановила на нём свой взгляд, а Березин тем временем направился к стене, которая немного не доходила до верха строения. Поставив друг на друга несколько лежаков, Алексей с них, подтянувшись, забрался на стену и, пройдя по ней несколько шагов, перебрался на крышу.

— Иди сюда, рыжее чудовище, — беря на руки оторопевшего котёнка, сказал он.

Вниз Березин спустился тем же путём и под возгласы одобрения отпустил котёнка к волнующейся кошке.

По дороге до жилых корпусов Оксана купала Алексея в потоке наивно-взъерошенных комплиментов. Прощаясь до ужина, она сказала:

— А Вы там, на крыше, показались мне мальчишкой, — и, лукаво улыбнувшись, добавила: — верно, не одной девчонке вскружили голову в своё время.

Березин отшутился:

— Ксюш, признаюсь, как на духу: я до сих пор боюсь девчонок.

Переодевшись, Алексей Николаевич отправился на ужин. За столом уже сидела Наталья.

— Добрый вечер, — садясь за стол, сказал Березин.

Наташа многозначительно на него взглянула и протянула небольшой белый конверт.

— Что это? — удивлённо спросил он.

— Вы же у нас Соломон, вот и отгадывайте, — подперев подбородок рукой, с лёгкой иронией сказала Наталья и, улынувшись, добавила: — а по совместительству ещё и отважный спасатель котят.

— И занесло же на крышу этого рыжего, — отрешённо, будто бы про себя, буркнул Березин, вертя в руках запечатанный конверт.

Заметив шествующую к столику Эмму Эдуардовну, он сунул конверт в карман пиджака. Шумно усевшись за стол и поприветствовав сидящих, она торжественно обратилась к Березину:

— Разрешите от имени всех отдыхающих выразить Вам благодарность за спасение представителя нашей фауны. Я видела возвращение блудного сына в кошачье семейство. Вы ошастливили мать! — закончила она свою патетическую речь и улыбнулась.

Березин выслушал этот монолог, а по его завершении, подыгрывая ей и в то же время злясь на такое пристальное внимание со стороны женщин, высокопарно произнёс:

— Эмма Эдуардовна! Я с нетерпением жду медаль.

Неожиданно появившаяся у стола Оксана с ходу выпалила:

— Ой, девочки, что сегодня на пляже было!

Но по наступившей за столом тишине поняла, что всё, что должно быть сказано по этому поводу, уже произнесено до неё.

* * *

В номере Березин открыл конверт и обнаружил в нём новый мужской платок. Вынув платок из конверта, он почти сразу же уловил тонкий аромат духов.

Запахи всегда являются незримым сообщением, в котором скрывается некая мистика. Если от женщины исходит тонкий аромат, вызывающий желание вдохнуть и приостановить дыхание — ею хочется любоваться, как драгоценностью. Другой запах, волнующий, притягивающий, вызывает в мужчинах первородный инстинкт. Аромат, который сейчас шёл от платка, вызывал у Алексея мучительное чувство, сопровождающееся желанием выучить обладательницу этого запаха наизусть, как любовный сонет. От этой мысли ему стало жарко, и, положив платок на столик, Березин вышел на балкон.

Южная ночь раскинула над землёй и морем звёздный шатёр. В непроглядной тьме ярко мерцали звёзды, и Алексей, вглядываясь в звёздное небо, словно пытался расслышать, о чём они шептались между собой. Вот сорвалась звезда и, мчась, падала, соединяя вечный простор с брэнной, короткой, как жизнь, полоской света.

Березину почему-то стало тоскливо. После развода с женой у него были женщины, но ни одна не царапнула его душу и не задержалась в ней надолго. Он легко встречался и легко расставался с ними. А вот сейчас чувствовал, что с ним начинает происходить странная вещь под названием ... «седина в бороду»? До этого времени Алексей думал, что сия чаша минует его. Но глаза Натальи в тот момент, когда он протянул ей платок, преследовали его, и вот... снова... платок с её духами вызвал волну необъяснимых чувств. Мужчина пытался отогнать от себя это наваждение, но оно возвращалось, и он ловил себя на мысли, что ему приятно думать о ней.

Вместе с запахами южной ночи к Алексею пришло некое понимание того, что в этом, может, и есть биение жизни.

* * *

Даже в «ничегонеделанье» время для Березина бежало быстрой горной рекой. В ближайшие дни в санатории намечалась экскурсия в горы. Как объяснила экскурсовод, там были удивительные по красоте места с многочисленными каскадами водопадов.

На одном из ужинов Эмма Эдуардовна громогласно и безапелляционно заявила:

— Завтра все едем на водопады! Я здесь не в первый раз отдыхаю и могу заверить: не пожалеете!

Все переглянулись. Оксана восторженно захлопала в ладоши и обратилась к Березину:
 — Алексей Николаевич, если Вы придёте первым, забронируйте для меня местечко в автобусе.
 Наталья улыбнулась и задержала на Алексее свой взгляд.
 «Ну что, Соломон, — мысленно уколол себя Березин, — не многовато ли сразу двух загадок?»

* * *

Проехав несколько километров по главной трассе, автобус свернул на узкую горную дорогу, ведущую к реке. Доехав до места, с которого открывался великолепный обзор, остановился, и пассажиры вышли из автобуса.

Экскурсовод повела их по извилистой узкой тропе. С одной стороны тропы возвышалась скала, а с другой — начинался крутой склон, у подошвы которого по расщелинам и выступам с шумом неслась горная река. Спустившись по тропинке вниз, приехавшие перешли на другую сторону реки по качающемуся подвесному мосту, и здесь их взору открылся целый каскад водопадов. Зрелище было завораживающим. Отдыхающие, перебираясь с валуна на валун, старались ближе подойти к искрящимся радугой ниспадающим водяным потокам. Шум, создаваемый рекой, заглушал людские голоса, и Березин не мог слышать, как вскрикнула Наталья, соскользнув с влажного валуна. Оксана, стоявшая рядом с ним, заметила это и, махнув рукой в ту сторону, громко сказала:

— Наташа поскользнулась!

Алексей оглянулся и, перепрыгивая с валуна на валун, направился в сторону Натальи. Женщина, опираясь на огромный камень, неловко стояла на одной ноге, держа на весу другую. Молоденькая девушка-экскурсовод, оказавшаяся около неё раньше, спрашивала:

— Сможете идти сами?

— Не знаю, — ответила Наташа, и на красивом её лице, искажённом болью, мелькнуло подобие улыбки.

Березин понял, что без него здесь не обойтись — у него был опыт в подобных ситуациях. Он огляделся в поисках места, куда можно было бы усадить женщину, чтобы осмотреть повреждённую ногу. Невдалеке находилась полянка, оборудованная скамейками.

— Ну, как же Вы так?.. — подойдя к ней, обронил Алексей и серьёзно произнёс: — Иногда и спасатели котов могут пригодиться.

После этих слов он легко подхватил женщину на руки. От неожиданности Наталья негромко вскрикнула и непроизвольно обняла Алексея за шею. Он направился к полянке.

— Давненько я женщин на руках не носил, — улыбнувшись, сказал Березин, выбирая места по ровнее, чтобы не оступиться самому.

Разум Алексея оставался холодным, но близость Натальи, пряди волос, касающиеся его лица, и знакомый аромат духов вызвали в нём неясное, приятное томление.

Добравшись до лавочки, он усадил женщину на скамейку и, присев перед ней на корточки, освободил ногу от обуви. Осмотрев и ощупав ногу, пришёл к выводу, что ничего страшного не произошло, и известным ему движением чуть повернул ступню. Раздался негромкий щелчок. Наташа ойкнула.

— Что ж Вы так кричите? — поморщился Алексей и, движением фокусника сняв с шеи Натальи тонкий шарфик, туго перетянул стопу.

Она молча следила за его движениями широко раскрытыми глазами.

— До свадьбы заживёт, но день-другой придётся похромать, — сказал нежданный спаситель и, взяв женщину под руку, помог встать, — пойдёмте потихоньку к автобусу.

* * *

На другой день, вечером, прогуливаясь по парку, Березин увидел Наташу, сидящую на скамейке.

Подойдя, он присел рядом.

— Наташенька, завтра намечается интересная экскурсия под заманчивым названием «Кавказское застолье». Будет дегустация вин и концерт. Вы поедете?

— Навряд ли, — покачала она головой, — нога ещё беспокоит, — и, лукаво улыбнувшись, сказала: — я бы с удовольствием выпила с вами на брудершафт. Как-никак, а я ваша должница.

После этих слов женщина выжидающе взглянула на Березина.

— А муж разрешает Вам пить с посторонними мужчинами? — поинтересовался Алексей.

— Муж?.. — Наталья на какое-то мгновение задумалась. — Нет мужа. Двадцать лет уже нет!

— Извините, — тихо произнёс Березин.

Молчание длилось недолго.

— Тем рейсом должна была лететь я, а полетел он, — нарушая тишину, монотонно, без всяких эмоций заговорила женщина. — Так получилось. Я ждала ребёнка. Всё произошло на моих глазах. На взлёте, не набрав высоты, самолёт рухнул... Не упал, не спланировал... рухнул... Взрыв... грохот и тишина... Страшная, звенящая, многомесячная тишина...

Наталья замолчала так же внезапно, как и начала свой рассказ. Алексей боялся спугнуть движение женской души. Да и не знал, что надо говорить в такие минуты.

— Родилась дочка, — неторопливо продолжила она, — и я поняла, что надо жить дальше.

Тишина, окружавшая их, словно прислушивалась к голосу женщины.

Алексей не чувствовал боли в её словах. Скорее, это были воспоминания, запрятанные в одном из уголков её души. Березина охватило необъяснимое желание — защитить её, оградить от этого несправедливого мира, в котором всё так зыбко и ненадёжно. Ему захотелось осыпать эту женщину цветами, которые благоухали на клумбе рядом с ними. И только нежелание показаться смешным и непонятым остановило его.

«Нет, здесь явно не только вода заражена вирусом, но и воздух», — мысленно усмехнулся Березин.

От мгновенно нахлынувшей прохлады стало зябко.

— А я живу работой, — поднимаясь со скамейки, сказал Алексей. — Так что в свою холостяцкую берлогу порой и не тянет.

Он взглянул на Наташу и подал ей руку.

— Пойдёмте. Я провожу вас до корпуса.

Они медленно двинулись вдоль засыпающих аллей. Было тихо, и только иногда в кронах деревьев испуганно вскрикивали птицы. Прощаясь, Алексей на какое-то мгновение задержал руку женщины в своей руке.

* * *

Направляясь к автобусу, отъезжающему на экскурсию, Березин издали заметил стоящую у дверей Оксану. Увидев его, она приветливо улыбнулась. В салоне они сели рядом. Автобус тронулся в направлении горного аула. Пассажиры тихо переговаривались, делясь впечатлениями о красоте пейзажей, проплывающих за окном.

— Я вчера случайно видела Вас с Наташей на лавочке, — Оксана мельком взглянула на Березина.

— Понятно, — отозвался он.

— Небось, жалеете, что Наталья не поехала, — вкрадчиво поинтересовалась молодая женщина.

— Не жалею, а сочувствую, — сказал Алексей.

Оксана поняла, что не разговорит Березина на эту тему, и дальнейший их разговор свёлся к обсуждению местных красот и обычаев.

В подвальном помещении, заставленном огромными винными бочками, приезжих усадили на широкие скамейки, и девушки в национальных костюмах начали подносить им в небольших стаканчиках вино, сопровождая свои действия рассказом о каждом сорте.

Букеты вин были превосходны. Дегустация шла по возрастающей шкале градусов. Высшей точкой в логике этой шкалы была проба нескольких видов коньяка и чачи. После этого заметно оживлённых гостей пригласили в соседний зал.

Алексей с Оксаной заняли один из столиков у самой сцены.

— Ты что-нибудь знаешь о кавказском застолье? — улыбнувшись, спросила Оксана.

— Только то, что борща здесь точно не подадут! — констатировал Алексей.

— Конечно, не подадут, — весело заметила она, — будет коньячок под шашлычок и вино под форель. И всё это будет сдобрено звучанием горских напевов, — мечтательно закончила она.

Березин спросил:

— Откуда такие широкие познания?

Оксана кокетливо улыбнулась и призналась:

— Была знакома с одним джигитом.

— Ну, естественно... С такой-то внешностью! — делая ей комплимент, улыбнулся Алексей.

Светильники погасли, и на сцене, освещённой огнями рампы, началось представление. Медленно и плавно вышли женщины в длинных платьях. Следом за ними, воинственно размахивая кинжалами, появились танцоры. На мужчинах были традиционные черкески с газырями, а на ногах мягкие сапоги. Барабанщик задал темп, и под отрывистые звуки мелодии танец начал медленно набирать скорость. Ритм ускорялся до тех пор, пока не приобрёл форму некоего неистовства страстей — разновидностей движений, рождённых сотни лет назад в горских аулах.

После «Лезгинки» на сцену вышла женщина в национальном костюме и начала петь. На призывные звуки песни на сцену выбежал усатый джигит, и они уже вдвоём продолжили действие.

— Ты, понимаешь, о чём она поёт? — наклонившись к Оксане, спросил Березин. Оксана, не понимая ни одного слова, ответила:

— Это язык любви. Чувство переполняет женщину оттого, что возлюбленный находится рядом с ней.

— Счастливый возлюбленный, — улыбнувшись, подыграл Алексей.

Когда музыка и танец оборвались, в зале наступила тишина, а потом раздались аплодисменты.

— Ох, и хороша! — восхищённо воскликнул Березин, на мгновение забыв, что, порой, лучше промолчать.

— Хороша? — вызывающе спросила Оксана, и бесенята забегали в её глазах. Алексей Николаевич ещё раз убедился в женской непредсказуемости, когда она, поднявшись из-за стола, направилась в сторону сцены. Оксана подошла к ведущему и, приветливо улыбаясь, начала что-то говорить. Пообщавшись с женщиной, тамада направился к музыкантам, сказал им несколько слов, а потом объявил: «Сейчас танцует наша гостья!»

Зазвучала восточная мелодия. Ловко сняв туфли, Оксана поймала ритм и пошла по сцене. Словно магнитом, она притягивала к себе взоры собравшихся своими движениями. Алексей видел, как молодая женщина сливается с музыкой. От бесконечно меняющихся интонаций и ритмических чувственных движений её тело наполнялось всё возрастающей безумной страстью. Гибкость танцовщицы завораживала, а при мигающем свете цветных фонарей она была похожа на змею — влекущую и одновременно пугающую. Молодая женщина играла безудержную, неистовую любовь, приближаясь к бурной кульминационной точке.

Вино, музыка и полумрак делали восприятие окружающего обострённым и чувственным. Алексей ловил на себе взгляд Оксаны и, помимо воли, чувствовал растущее возбуждение. Он понимал, что попадает под влияние её чар, но не в силах был оторвать взгляд от магии танца. Казалось, что воздух между ними накалился от напряжения. Верно, танцующая женщина тоже испытывала что-то подобное. Алексей видел затуманенный взгляд, направленный на его руки, которые в этот момент больше всего желали медленно и настойчиво прикоснуться к её гибкому телу...

В автобусе, по дороге в санаторий, они разговаривали мало.

* * *

Южная ночь была наполнена романтической чернотой, вызывающей мистические ощущения.

Когда они вошли в парк, Оксана оживилась.

— Интересно, о чём ты думаешь? — идя под руку с Березиным, спросила она.

— Да вот думаю, не навсегда ли это? — приобнимая её, усмехнулся Алексей, — кажется, так и будем идти, и ничего в жизни уже не случится, кроме этой ночи.

— О-о-о... мне нравится эта ночь, — мечтательно произнесла Оксана и, неожиданно скользнув вперёд, остановилась перед Алексеем и выпалила: «И ты — тоже!»

В её голосе было что-то электризирующее. Обжигающие сознание мысли делали Березина уязвимым. Словно подслушав их, Оксана, склонив голову набок и, сощурившись, хитро спросила:

— Ты что-то сказал?

— Нет, малыш, тебе показалось, — привлекая её к себе, ответил Алексей и с просыпающей нежностью погладил по щеке. Дотронувшись указательным пальцем до кончика её носа, перешёл почти на шёпот:

— Ну что ты со мной делаешь? Я ведь не железный...

— Ну да... Ты белый и пушистый! — игриво отозвалась она.

— Конечно... когда такая женщина рядом... — севшим вдруг голосом произнёс Алексей.

— И эта женщина мёрзнет, — переходя с шуточного на серьёзный тон, тихо обронила Оксана, — и в жизни, и сейчас.

В интонации её голоса Алексей уловил ожидание. Губами он нашёл губы Оксаны... Нежное прикосновение нельзя было назвать поцелуем, скорее это было скрытой благодарностью за то, что она рядом... Алексей прикоснулся к её губам второй раз и задержал поцелуй. Губы женщины ответили ему, чуть дрогнув, словно для вдоха. Он, чувствуя, как внутренний озноб Оксаны начинает постепенно передаваться ему, обнял её сильнее, и они поцеловались долгим, томительным поцелуем. Алексей отпустил её только тогда, когда она начала учащённо дышать. Его руки продолжили крепко обнимать Оксану, потому что оба испытывали лёгкое головокружение. Полуоткрытый рот женщины дразнил, и Алексей вновь приник к живительной нежности губ...

Тишину ночи изредка нарушал лёгкий шелест прибоя. Санаторий засыпал, и только в вышине цвело и плескалось звёздное море.

Оксана отстранилась от Березина и тихо сказала: «Пойдём...»

Он подхватил её на руки и сделал шаг...

* * *

Проснувшись, Алексей осторожно, чтобы не разбудить Оксану, приподнялся и сел на край постели. Включив ночник, огляделся. Женщина лежала рядом, обнажённая и тёплая. Взглянув на загорелые стройные ноги, он прикрыл их одеялом.

Подойдя к окну, Березин распахнул его. Повяло солоноватым дурманом близкой воды, и вся комната наполнилась свежестью, в которую вплетался исконно черноморский запах ожиданий и странствий. Ему уже не хотелось продолжать эту, до угара хмельную, ночь.

После редких встреч с новыми женщинами, Березин задумывался: зачем, для чего они приходят в его жизнь? Сравнивая их, он понимал, что все женщины такие одинаковые и в то же время — разные и неповторимые, но идеал женщины у каждого мужчины свой.

...И вот сейчас... молодая, красивая женщина лежала в его постели, и он думал, как вести себя дальше.

Надышавшись утренней прохладой, Березин лёг.

Почувствовав его близость, Оксана прижалась, положила голову ему на плечо и сонно прошептала:

— Мне хорошо с тобой.

Алексей провёл рукой по её волосам, отчего она окончательно проснулась и, поцеловав его в щёку, с иронией произнесла:

— Может, я покажусь тебе странной, но ты, как честный человек, не обязан на мне жениться.

Алексей невольно рассмеялся, а потом спросил:

— Ксюш, а ты всегда всё сама решаешь?

— Нет, только иногда, когда того требуют обстоятельства, — вздохнув, серьёзно ответила она.

— Ну что ты, малыш?.. — немного удивившись её тягостному вздоху, спросил Алексей. Он с нежностью прижал Оксану к себе. — Ты жалеешь о том, что между нами произошло?

— Такой большой, а глупый, — рассердилась она. — Я сейчас чувствую себя птицей, готовой взлететь! — И, помолчав, продолжила: «Почему люди не летают, как птицы?» А потому, что принятие некоторых решений подрезает им крылья. — В словах женщины была недосказанность, и Алексей заинтересовано спросил:

— Ты о чём?

— О любви... Я знаю, что такое любовь. Любила до безумия!.. Год прожили вместе. А потом я застала его в постели со своей лучшей подругой... Вспоминать не хочется.

— А ты и не вспоминай, — глухо посоветовал Алексей.

— Стараюсь забыть, — вздохнула Оксана, — вот и живу ожиданием чего-то или кого-то.

Они некоторое время лежали молча, думая каждый о своём.

— Как быстро время бежит! — взглянув на часы, заспешила женщина, — надо идти.

Оксана оделась и уже в дверях, обернувшись, тихо сказала:
 — Алексей, одно твоё слово...
 И, не договорив, она вышла.

Стоя под струями душа, Березин пытался трезво осмыслить впечатления минувшей ночи. В голове крутилась последняя фраза, сказанная Оксаной.

«Нет, — наплыло, как будто бы извне, — нет...» Но определённо он не мог понять, к чему относилось это «нет»: к её словам или к ней.

* * *

Березин вышел на улицу. В аллеях было ещё безлюдно. Побродив немного среди экзотических растений, он стал оглядываться, куда бы присесть.

Иногда полезно бывает после бурных эмоций побыть наедине с природой. Только тогда можно понять, что всё в жизни «суета сует», кроме любви, с которой вся эта суета и начинается.

Когда он пришёл на завтрак, за столом уже сидела Эмма Эдуардовна.

— Ну-у-у... как вам вчерашнее застолье? — с любопытством взглянула она на Березина.

Алексей знал, что от её проницательного взгляда ничего не укрылось, но постарался увести разговор в сторону и торжественно ответил:

— Все кавказские традиции были соблюдены в полном объёме!

Соседка на этом не успокоилась и заговорщически сказала:

— Куйте железо, пока горячо!

— Да какой из меня кузнец? — непринуждённо усмехнулся Березин, откидываясь на спинку стула.

— Не прибедняйтесь. Видела я, для кого Оксана танцевала. — И лукаво добавила: — Хотя Наталья станцевала бы для Вас не хуже, если б ногу не подвернула.

— Хм... осталось только мне в пляс пуститься, — рассмеялся Березин.

Они замолчали, заметив, что к столику приближается Наташа. Усаживаясь за стол, она пожелала им приятного аппетита, и, придвигая закуску, сказала: — По телевизору передали, что сегодня в горах возможны ливни. — Окинув взглядом сидящих за столом, она поинтересовалась прошедшей поездкой.

Алексей взглянул на Эмму Эдуардовну, как бы предлагая ей ответить Наталье.

— Дегустация прошла на уровне. Вина прекрасные! Французским не уступят, — энергично сказала Эмма Эдуардовна. — В своё время я пробовала и «Сильванер», и «Мерло». А вино «Вдовушка Клико» было моим любимым. Жалко, Наташенька, что вас не было.

В это время за стол впорхнула Оксана и, поздоровавшись, выпалила первое, что пришло ей в голову:

— Ой, как я проголодалась!

— Ну, ещё бы! После таких танцев... — многозначительно сказала Эмма Эдуардовна.

Завтрак сопровождался разговорами о прошедшей поездке и предстоящих экскурсиях.

Натаалья, как всегда, была немногословна, но от её взгляда не укрылось, что Оксана необычно оживлена, а Березин — немного рассеян и молчалив.

Женская интуиция подсказывала ей, что между ними что-то произошло.

* * *

Время в санатории не шло, оно летело. Жизнь отдыхающих была насыщенной. Они с удовольствием ездили на экскурсии. Алексей пропускал некоторые поездки, ссылаясь на то, что предпочитает провести время у моря.

По вечерам в санатории устраивались дискотеки. На одном из ужинов женщины, шутя и смеясь — как Березин ни сопротивлялся — взяли с него обещание — прийти на дискотеку.

— Наша музыка будет! — подмигнув ему, констатировала Эмма Эдуардовна, — «Дискотека восьмидесятых». Лучшего за последние десятилетия ничего не придумали.

Вечером, приодевшись, Березин пришёл на летнюю танцплощадку.

Тон задавала Эмма Эдуардовна. Её энергии хватало на то, чтобы не пропускать ни одного танца.

Под задорную мелодию песни «Нам бы, нам бы, нам бы всем на дно!» она увлекла Алексея к танцующим. Через некоторое время эта экзотическая пара оказалась в центре круга, и, чтобы не отстать от своей энергичной партнёрши, Алексею пришлось оторваться по полной программе. После этого «отрыва» он был нарасхват. Женщины приглашали его даже тогда, когда ведущая не объявляла «белый танец».

Оксана, танцую с Алексеем, словно растворялась в нём. Казалось, она выпадала из окружающего пространства и, кроме него, для неё никого не существовало.

Наталья на дискотеке вела себя непринуждённо. Алексей наблюдал за ней, когда она танцевала с другими мужчинами. Иногда их взгляды встречались, и тогда он словно спотыкался.

Вечер двигался к завершению. Березин стоял с группой мужчин и разговаривал. В это время в вечернем воздухе зазвучала красивая мелодия. Неожиданно он почувствовал лёгкое прикосновение к своему плечу. Обернувшись, увидел Наталью.

— Я вижу, что Соломон натанцевался и, по-видимому, решил уже все загадки.

Березин поймал её насмешливый взгляд и ответил:

— Нет, не все. Осталась одна, которую ему никогда не разгадать.

Наталья молча положила руки ему на плечи, и они медленно поплыли в танце под чарующие звуки музыки.

В чёрном южном небе висела большая луна. Алексею вдруг показалось, что она смеётся над ними — над людьми, ищущими и не находящими ответов на вечные вопросы. Накатила непонятно откуда взявшаяся грусть, и Наталья, словно почувствовав его состояние, уловила мелодию и пропела:

Ближе и ближе глаза твои верные, —
преданность в них говорит.
Если уйду я, то эти мгновения
сердце навек сохранит.

* * *

...Возвращаясь после дискотеки к себе в номер, Алексей испытывал некое состояние, которое можно назвать душевной распутицей. То ли в этом была виновата мелодия, до сих пор звучащая в сознании, то ли луна, которая, не мигая, глядела сквозь кроны, но он никак не мог избавиться от мыслей о Наталье. Эти мысли были приятными и в то же время терпкими, как хурма, которая ещё не отлежалась и не приобрела своей медовой сладости.

* * *

Иногда вечерами заезжие артисты давали в санатории концерты. Березин не читал афиш, но женщины в столовой ему всегда об этом сообщали.

На концертах Оксана старалась садиться рядом с Алексеем. Они разговаривали о чём угодно, но искусно избегали тем, касающихся их отношений. Вот и сегодня, когда он зашёл в зал, она помахала ему рукой, зовя к себе и показывая на свободное место. Усевшись рядом с Оксаной, он взглянул на неё и, улыбнувшись, сказал:

— Ты, как всегда, неотразима.

— «Для тебя... для тебя... для тебя...» — светясь улыбкой, тихо пропела Оксана слова из старой песни, которую часто исполняли на дискотеке санатория.

Концерт был интересным и затянулся по причине того, что отдыхающие никак не хотели отпустить артистов.

После концерта Березин пошёл провожать Оксану. Непринуждённо разговаривая, они дошли до её корпуса. Прощаясь, женщина вопросительно заглянула ему в глаза. Алексей взял её за плечи, притянул к себе и тихо, но уверенно произнёс:

— Малыш, прости меня. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Но я не смогу дать того, чего ты достойна.

— Я понимаю тебя, — помолчав, обронила Оксана, освобождаясь от его рук, — но напрасно ты так...

Она повернулась и быстро скрылась в фойе.

* * *

Хотя местные жители и говорили о сезонных дождях, которые нередко обрушивались на эти места, но отдыхающим этого заезда повезло на солнечную погоду. Только одну ночь и один день был сильнейший ливень. Природа словно показала, на что она способна. Приближался конец отдыха Березина. Время неумолимо двигалось вперёд...

После ужина Алексей, зайдя в номер, хотел растянуться на диване и застыть перед телевизором. Но вдруг вспомнил, что Наталья за обедом говорила соседкам по столу о своём завтрашнем отъезде.

В какое-то мгновение он остро почувствовал шемящее чувство одиночества. К нему пришло неясное осознание того, что в той жизни, которая его ждёт, ему будет не хватать её голоса, её взгляда, её иронии.

В таком состоянии он вышел из корпуса и медленно двинулся в сторону моря. Море действовало на него успокаивающе. Под мерный плеск волн мысли приобретали лёгкость и возвращали душевное равновесие.

Спустившись по лестничным маршам на берег, он подошёл к самой кромке прибоя. Присев на корточки, мужчина рукой, словно щенка, погладил прибежавшую волну. Шуршание гальки под чьими-то лёгкими шагами заставило Алексея оглянуться. Он выпрямился и увидел Наталью, стоящую невдалеке от него. Это было настолько неожиданно, что ему показалось, будто бы сердце остановилось. «Ну-у-у... прям как пацан! Так и инфаркт заработать недолго» — рассердился на себя Березин и, стараясь выглядеть спокойным, медленно подошёл к Наташе.

На лице женщины отразились радость и удивление, которые она не смогла, а может быть, и не захотела скрывать.

— Ты уже собралась в дорогу? — Алексей неожиданно для себя перешёл с ней на «ты».

— Успею ещё, — ответила Наталья, — самолёт у меня после обеда, — и, немного помолчав, продолжила: — вот... пришла с морем попрощаться. Красивый закат...

— Красивый, — подтвердил Березин и пошутил: — Во время службы в армии мы такие закаты закатывали вручную.

Наталья рассмеялась и весело спросила:

— Как это?

— О-о-о, это надо видеть! — усмехнулся Березин, — а проще... работали, пока солнце не сядет.

Они медленно двинулись вдоль берега. Огненный шар солнца висел у самого горизонта, и его золотистые остывающие лучи мерцали в набегающих волнах. Узкая полоска между морем и солнцем была оранжевого цвета, и редкие облака, плывущие по небу, приобрели тот же оттенок.

— Красивые места, — задумчиво сказала Наталья, — наверное, здесь начинался библейский рай. Да и руно золотое древние греки где-то в этих местах добывали. Многие легенды отсюда берут своё начало.

— А не в этих ли краях зародилась легенда о том, как Зевс разделил человекообразное существо, имеющее два природных начала? И вот теперь ищут они друг друга, скитаясь по белу свету, — вздохнул Алексей.

Наташа усмехнулась и, чуть дрогнувшим голосом, продолжила:

— Но, даже найдя, порой, не могут понять этого. Вот и разлетаются в разные стороны, продолжая дальше искать свою половину.

Алексей промолчал, не зная, что ответить.

Солнце начало медленно опускаться в море. Вода в том месте словно забурлила, и солнечная дорожка, побежавшая к берегу, стала ярко-красной...

Они остановились, зачарованные великолепным зрелищем.

— Я сейчас побегу по этой дорожке за солнцем, и этот день ни-ког-да не закончится! — с какой-то внутренней напряжённостью воскликнула Наталья.

Алексей решительно взял её за плечи и повернул к себе.

— Не о том мы... не о том!.. — вырвалось у него, и, разрушая скорлупу недосказанности, выдохнул: — Я тебя не отпущу, слышишь? Никуда не отпущу!

Он посмотрел на женщину долгим взглядом. Наташа доверчиво уткнулась головой в грудь Алексея и замерла.

Последний луч солнца скользнул по водной глади и погас. Надвигалась чёрная южная ночь...

Поэзия

Николай Зиновьев

Родился 10 апреля 1960 года в г. Кореновске Краснодарского края. После учёбы в Кубанском государственном университете занимался делом, далеким от литературы: работал на стройке, грузчиком, электросварщиком. Начал писать стихи в зрелом возрасте. По словам поэта, его период ученичества прошел быстро и без последствий. Минуя этап подражания высоким образцам поэзии, он сразу доверился собственному видению мира. Автор 24 поэтических сборников, вышедших в Москве, на Кубани, Иркутске, Киеве, Новосибирске, Ростове-на-Дону. Член Союза писателей России с 1993 года. Лауреат многих литературных конкурсов и премий, в том числе и Союза писателей России «Большая литературная премия». Живет на Кубани в городе Кореновске

Хуторок

Не голодный, не богатый,
Но кой-что запасший впрок,
Разбросал сады и хаты
Вдоль речушки хуторок.

Без особых изменений
Жизнь течёт тут без прикрас.
Здесь без всяких извинений
Хлеб привозят в месяц раз.

А ещё привозят творог
Или правильно: творог?
Я не знаю. Но мне дорог
Этот тихий хуторок.

Нет, не тем, что ивы гнутся
Так картинно у пруда.
Дед мой именно сюда
Должен был с войны вернуться...

* * *

Не Сатана ли сам уже
В стране бесчинствует, неистов?
Но тем достойнее душе
В такой грязи остаться чистой.

Держись, родимая, держись.
И не спеши расстаться с телом.
Крепись, душа! В России жизнь
Всегда была нелёгким делом.

* * *

Не понимаю, что творится.
Во имя благостных идей
Ложь торжествует, блуд ярится...
Махнуть рукой, как говорится?
Но как же мне потом креститься
Рукой, махнувшей на людей?..

* * *

Я своего совсем не помню деда,
Но в этом вовсе не моя вина:
Его взяла великая Победа,
А если проще — отняла война.

Мы с братом на него чуть-чуть похожи,
И правнук тоже, хоть ещё малыш.
Совсем не помню деда я, но, Боже,
Кого в России этим удивить?

Благовест

Когда так небо бирюзово,
И так медвяны облака,
Я словно слышу эхо зова
Издалека и свысока.

Чей голос душу мне тревожит?
Откуда он, такой родной?
Не может быть... Или, быть может,
То тихий зов души самой?

Сквозь мрак, рождённый злобным словом,
Сквозь кровь и месть, сквозь ложь и лесть.
Она своим негромким звоном
Благою весть мне шлёт: «Я есть».

* * *

Из всех блаженств мне ближе нищета.
Она со мной и в летний день, и в стужу.
Она тяжка, но тяжестью щита,
Надёжно защищающего душу.

* * *

Что я тебя всё грустью раню?
И помываю, как рабой?
Давай, душа, растопим баню
И всласть попаримся с тобой.

А после сходим к деду Ване,
Пусть он развеет нашу грусть.
Игрой на стареньком баяне,
Пускай порадуетя Русь.

Услышав чистое, родное,
Узнав знакомые черты,
Как будто платье выходное,
Моя душа, наденешь ты.

Подснежник

(Монолог женщины)

Ты опять прошлялся в роще?
Воскресенье? Ну, так что ж?
Посмотри: небритый, тощий,
На кого ты стал похож?

У других мужья как люди,
Выходной так выходной.
Сядут, выпьют — кто ж осудит?
Что ты прячешь за спиной?

Ой! Подснежник! Мне? Откуда?
Как ты мог такое чудо
Отыскать в снегу, зимой?!
Следопыт... колючий... мой...

* * *

У соседки Галины
Сын растёт без отца.
Часто вижу мальчика:

Всё он лепит из глины
Человечков нагих
И в капустные листья
Нежно кутает их.

Я однажды склонился
Над прилежным мальцом:
«Будешь скульптором, Петька?» —
«Нет, — ответил, — отцом».

* * *

Парк. Осень. Клёны. Желтизна.
И дно фонтана в паутине.
И облака, как на картине,
Стоят недвижимо. И сине
С небес нисходит тишина.

Охапку листьев соберу,
Склоняясь в поясных поклонах
Неутомимому Тому,
Кто вновь их вырежет на клёнах.

* * *

Бывают дни, дарованные свыше,
Когда на все гримасы суеты
Глядишь с пренебреженьем, — так на крыши,
Должно быть, птицы смотрят с высоты.

В подхваченные ветром занавески
Небесная сквозит голубизна,
И всё вокруг в каком-то влажном блеске,
Как будто в детстве, после сна...

* * *

Я люблю эти старые хаты
С вечно ржавой пилой под стрехой.
Этот мох на крылечках горбатых
Так и тянет прижаться щекой.

Этих старых церквей полукружья
И калеку на грязном снегу
До рыданий люблю, до удушья.
А за что, объяснить не могу.

* * *

За рекой звонят к вечерне.
Ставят сетку мужики, —
Шнур, натянутый теченьем,
Потопил все поплавки.

У насосной сыч хохочет,
Он нашёл себе приют
Над плотиной, старый плут.
Где-то женщины поют.
Умирать никто не хочет.

* * *

Минуты свободные редки...
А надо минут пятьдесят
Идти до кургана, где предки
Сухою травой шелестят,

Где сойка птенцов своих кормит,
Где крест, так похожий на «плюс»,
Опять ненароком напомнит,
Куда я всю жизнь тороплюсь.

Богатство

Огород к речушке. В хате
Столик с Библией. Скамья.
Полдень... Книга Бытия...
Разве этого не хватит?

* * *

Такое бывает нередко:
Очнёшься от праздных утех
И вздрогнешь невольно, как ветка,
С которой осыпался снег.

И с душевной тоскою подранка
Глядишь, как на мёрзлом окне
Пустая консервная банка
Пылает в закатном огне...

* * *

Или с речки дохнуло прохладой,
Или пряно пахнуло кугой?..
С луговины станичное стадо
Плавно тронулось пыльной рекой.

Видишь, дали дымятся багрово.
Видишь, облако в той стороне,
Как набухшее вымя коровы,
Волочится по тёплой стерне.

Весна

Всё ей радуется. Рада
И себе самой она.
Ей ли, ветреной, преграда
Монастырская стена?

Так её повадки властны,
Так бесстыдны, так грубы,
Что испарина соблазна
Покрывает ежечасно
Молодых монашек лбы.

* * *

Летним днём на завалинке
Видел я старика:
Пнями - пыльные валенки,
Мёртвой веткой - рука.

В щелях взгляда усталого:
Ни тоски, ни слезы.
Будто дерево старое
Ждёт последней грозы.

Где-то есть города большие.
Где-то есть деловой народ.
И заботы у них иные,
И мечтаний невпоровот.

Победители горбят спины.
Кто не с ними, тот вне игры...
Лепит дед из озёрной глины
ЗабавУшки для детворы.

Чудо о хлебах

Не стали жать, не испекли хлебов,
Дорогу к морю напрочь позабыли,
Не видели, как тысячи рабов
С печальных палестинских берегов
В неведомые дали уходили.

А кто-то сжал, испёк хлеба, пришёл,
Уселся на земле и начал слушать
Того, Кто посреди смиренных волн
Стоял в челне... Но вот убогий чёлн
Послушная вода несёт на сушу.

И Он идёт к тому, кто хлеб принёс,
Берёт душистый кус лепёшки хлебной
И преломляет с пением молебным,
От радости не сдерживая слёз.

И каждый ест. И в изумленье тот,
Который сжал, испёк, принёс и отдал.
Наелись все, лишь он один голодный
За Назареем с верою бредёт.

Пролетают гуси

Пролетают гуси над землёю
Низко — снегу быть на Покрова!
Ночью под опавшею листовою
Зябнет потускневшая трава.

В это время, хмурое, глухое,
Хорошо о светлом помечтать.
Не зовите, гуси, за собою,
Не хочу я с вами улетать.

Летнее ещё не позабылось.
Летнее в душе не отцвело.
Но уже с небес, скажи на милость,
Падает прощальное перо.

И октябрь уже стучит в ворота,
Покрывая красным рукавом
Дальние брусничные болота
И луга, где бегал босиком.

Северянам

Нас в городе ничем не удивишь.
Поэтому бегу я без оглядки
В далёкий край надёжных стен и крыш,
Где всё живёт в особенном порядке.

Привет, земляк! Поклон тебе земной!
Давай за встречу, что ли, для настроя.
А после мы пойдём наперебой
Рассказывать былое-небылое.

Что нынче урожай на огурцы.
Чернику аж мешками собирали!
У церковки подгнившие венцы,
Благословясь, наемдн поменяли.

Вот так порой до первых петухов
Течёт беседа наша без заботы.
И посреди вполне обычных слов
Вдруг обретаешь истинное что-то.

И посреди вполне обычных дел,
И посреди людей вполне обычных,
Здесь, вдалеке от суеты столичной,
Я свет рубцовских строк уразумел,

Что за добро расплатятся добром,
Что за любовь расплатятся любовью!
Что ладно всё, когда есть тёплый дом
И в доме том не протекает кровля.

Что ладно всё, когда вокруг родня.
Далёкая иль близкая — не важно!
Ведь каждый здесь такой же, как и я,
На севере родившийся однажды!

Живая поэзия

Печально упало перо соколиное
На воды реки.
Падение стало невольной причиной
Рожденья строки.

По тихой воде небывальными ритмами
Скользили слова.
Наивная ива, прохладой увитая,
Качалась едва.

Вечерняя мгла торопливо развесила
Огни вдалеке.
А я всё смотрел, как живая поэзия
Плыла по реке.

В ожидании весны

Сосед твердит, что жить в России плохо.
А воробей щебечет: «Ничего!»
Кончается суровая эпоха
Морозного и вьюжного всего.

Да не сезон, а целая эпоха!
Ведь столько птахе вытерпеть пришлось...
Сосед канючит: «Ну, послушай, Лёха!
Идёт держава наша вкривь и вкось!»

Сижу, молчу и попусту не спорю.
Гляжу вокруг: всё вроде, как всегда.
Вот рыжий кот пригрелся на заборе.
Вот ребятня играет у пруда.

И бабка Ньюра в дедовой фуфайке
Встречать теплынь выходит на крыльцо...
Не стану слушать про плохое байки,
А повернусь к хорошему лицом.

Другу

Если устанешь от северной ворожбы,
Веток еловых нарви, положи варенье,
Чаю налей, прояви хоть чуть-чуть терпенья
И не пеняй на суровость своей судьбы.

Как поживаю? Развязку не тороплю.
Жизнь изучаю — читаю за словом слово.
Кажется, в книге зачитанной всё не ново,
Но отчего-то по-новому я люблю

Снежень^{1*} сварливый с его ледяной клюкой,
Гомон синичий с утра за моим окошком.
Рады они даже нищенским хлебным крошкам,
Посланным Богом, но данным людской рукой.

Если устанешь от жизненной пустоты,
Запах еловый и приторный вкус варенья
Душу наполнят мгновеньями вдохновенья
Без самомнения, пошлости, суеты.

Принципы наши, что лодки на берегу.
Не угадаешь насколько надёжны в море.
Радость оценит сполна претерпевший горе.
Это, наверное, всё, что сказать могу.

Кукушкины слёзки

Где кукушка вчера куковала,
Отмеряя кому-то годки,
Нынче ты, не спеша, собирала
Неприметные с виду цветки.

В красоте своей тихой, неброской
Зацвели на задворках села
Те цветки — безутешные слёзки,
Что кукушка в ночи пролила.

Не пугайся, не к худу, не к худу
Ты цветы на поляне рвала.
Хоть людские шумят пересуды,
Мало в мире наветного зла.

Уходящей грозы отголоски
Громяхают вдали — ну и пусть!
На окошке кукушкины слёзки,
За окошком кукушкина грусть.

В июльском лесу

Я по лесу бреду. Взгляд мой нынче
не к звёздам — к траве.
Не боюсь ни коряги, ни пня, но всё чаще под ноги
Я смотрю. У забытой делянки, на старой дороге
Молодые грибы в перепрелой таятся листве.

Земляника, черника, морошка спели — бери
Хоть в ладонь, хоть в ведро — изобиле даров
не убудет.
Здесь, на щедрой земле, обитают счастливые люди!
Что за счастье такое? Да просто вокруг посмотри!

На лесном озерце ребятня, наловив окуней,
Искупнётся – и мигом домой, косарям на подмогу.
В праотцовской глуши понимаешь величие Бога
И незримую связь с заповедной сторонкой своей.

¹ Снежень — декабрь.

Берега Новороссии

Владимир Скобцов

Владимир Скобцов — поэт, писатель, журналист, член Союза писателей Донецкой Народной Республики. Родился в 1959 году, живёт в Донецке. Стихотворения вошли в сборник гражданской поэзии Донбасса «Час мужества», выпущенный Фондом «Русский мир» и получивший в 2015 году национальную премию России «Книга года» в номинации «Поэзия». За два года войны автором написан цикл стихотворений, вошедший в книгу «Непокорённый». Юнна Мориц в предисловии к этому изданию назвала автора «легендарным Орфеем Донбасса» и высоко оценила поэзию сопротивления, отражающую волю народа Донбасса, его исторический выбор

Непокорённый

Не надо плакать над судьбой,
Прибереги души чернила,
Она тебе не изменила,
Она по-прежнему с тобой.

Звенит натянутой струной
Судьба, её не выбираем,
Между чистилищем и раем
Скажи спасибо, что живой.

Не надо плакать над страной,
Где слёзы ничего не значат,
Она, поверь мне, не заплачет
Ни над тобой, ни надо мной.

Незванным гостем в дом родной
Уже грядёт иной порядок,
Где человечины вкус сладок,
Скажи спасибо, что живой.

Не надо плакать над собой —
Солдатик, вышедший из комы,
Сказал, что там полно знакомых,
Как будто съездил он домой.

И над твоею головой
Склонился ангел поседевший —
Не ты один осиротевший,
Скажи спасибо, что живой.

Мой рай

Мой рай, мой край. Об этот край суровый
Ломают копья, расшибают лбы.
Я создан из его любви и крови,
Труда и воли, слова и судьбы.

Его судьба — нелёгкая дорога,
По ней он шёл, не полз и не петлял.
В лицо он видел дьявола и Бога,
Пред ними не скулил и не вилял.

Был столько раз оболган, продан, предан...
Лицом к беде, у смерти на краю,
Он никогда не называл соседом
Родную мать и Родину свою.

Он прям, упрям, он твёрд, не терпит лени,
Он бил всегда за подлость по зубам,
Он никого не ставил на колени,
Поскольку никогда не станет сам.

Не измени

В который век в рассветной мгле
Тебя сирены вой разбудит,
Не измени своей земле,
А остальное — будь, что будет.

Когда накроет тьма зенит,
Душа оглохнет от орудий,
Своей земле не измени,
А остальное — будь, что будет.

Когда страна твоя в огне,
И слёзы горя не остудят,
Не измени своей земле,
А остальное — будь, что будет.

Тот, кто останется живой,
Пусть наши судьбы не осудит,
Я буду чист перед тобой,
А остальное — будь, что будет.

Блокадная

Быть могло ли по-другому?
Кто б подумать мог когда-то?
Вышли мальчишки из дому,
Ушли мальчишки в солдаты.

И с девчонками простились,
Пусть по моргам их не ищут,
И зубами в грунт вцепились
За родные пепелища.

Шаг из мальчишек в мужчины,
Дан приказ: «Готовься к бою!»
В облаках шеренгой длинной
Строй с короткою судьбою.

Приползти к тому на паперть,
Кто на небе ставит свечи.
Отмолить бы их, отплакать.
Слёзы выплаканы. Нечем.

Ещё будет, как когда-то,
Если будем ещё целы,
Веселить гроза раскатом,
Плагиатом артобстрела.

Если будет. Я не знаю.
Загадай, пока не поздно.
За окном уже стреляют
В беспилотники и звёзды.

Танго 14-го года

В начале слово,
В конце расстрелы,
Пророку снова
Заводят дело.

Майдан безгрешен,
Но брошен камень,
Майдан кромешен,
Где брат твой, Каин?

Камланье хора,
Глаза пустые,
Прогнали вора,
Позвали Вия.

Горят станицы,
В петле окраин
Хрипит столица:
«Где брат твой, Каин?»

Героям слава,
Как говорится,
Течёт кровава
В реке водица.

В герои, к славе ль
Твой путь закаян,
Где брат твой Авель?
Ответь мне, Каин.

А кровь всё льётся,
Мадонна плачет,
Дурак смеётся,
Иуда скачет.

На гроб уселся
Товарищ Сталин:
«Куда, брат, делся,
Товарищ Каин?»

Тебе б под немцем
Быть вертухаем,
Второй Освенцим
Кричит: «Лехаим!»

Развязка близко,
Исход летален,
Идёт зачистка,
Где брат твой, Каин?

Среди развалин
Белеют кости,
К братишке Каин
Приехал в гости.

Гудит набатом:
«Где брат твой, Каин?» –
В рай со штрафбатом
Зачислен парень.

Братишка

Зарыт своими,
Забьт страной,
Закрыто имя,
Лишь позывной.

Судьбы случился
Бараний рог,
Кто мог, скрутился,
А он не смог.

Ни прыгать с пирса,
Ни жечь причал,
Кто изловчился,
А он не стал.

Те, что пожиже,
Шептали: «Лох»,
Уже в Париже,
А он не смог.

Крысиным ором:
— Твоя ль беда? —
Кричали хором,
А он сюда.

Мать похоронки
Не ждёт, сынок,
Иди сторонкой.
А он не смог.

Ни за медали,
Ни за пятак —
Ему не дали
Вы их и так.

В полнеба пламя,
В полвека смог.
Кто выжил — с нами,
А он не смог.

На место пусто,
Уставом тёрт,
В казарму пустит
Сверхсрочник Пётр.

Дадут бельишко,
И скажет Бог:
— Привет, братишка!
Я б так не смог.

Огонёк

С неба уголёк, не сберечь висок.
Прочь ушла душа, да, видать, не вся.
Заходи, судьба, к нам на огонёк.
Не надолго — так позабавимся.

Что мне амулет, если рикошет,
Ловишь на живца, на себя, глупца?
Эй, таможенник, пропусти рассвет!
Да таможенник не старается.

Хоть на полчаса, на минутку хоть,
Лентам трассеров не видать конца,
Ты на огонёк загляни, Господь!
Ненадолго, так, позабавиться.

Как люблю её, знает Бог один,
Перед нею мне не раскаться.
Как сберечь её, знает чёрт один,
Вот сюда б его! Не является.

То ли волком выть, то ли песню петь,
То ли в небо масть, то ли наземь пасть.
К нам на огонёк заглянула смерть.
Ненадолго, так, позабавилась.

Четвёртый всадник

Ни отпито, ни отпето
За блокпост прорвалось лето
На юга.

К Рождеству пустые ясли,
И что будет, нам не ясно
Ни фига.

Веселится где-то лето,
И смеётся счастье где-то,
Да не здесь.

И не то, чтоб денег нету,
Я вернул судьбе билеты —
Совесть есть.

Над растяжек паутиной
В небе стаей журавлиной
Чей-то вздох.

Если есть ты, то послушай,
Как к тебе зывают души
Наши, Бог.

Море жизни не безбрежно,
То ли праведно, то ль грешно,
Жил не так.

Когда сунут в спину нож мне,
Дам Харону на таможне
Не разменянный пятак.

Позолоченную осень
Мародёр в мешке уносит
В никуда.

Жёлтый лист дрожит в оконце,
Под прицел заходит солнце
Навсегда.

Грянет выстрел в синей выси...
Я искал тебя полжизни,
Да не там.

Ты бежишь ко мне босою,
Бледный всадник за тобою
По пятам.

Разлюбить Украину

Хорошо дураку под звёздами,
Хорошо, когда есть попутчица.
Поумнеть никогда не поздно мне,
Да, видать, уже не получится.

Голова моя несерьёзная,
Висок инеем не остудится.
Повзростеть никогда не поздно мне,
Да, видать, уже не получится.

Нас судьба к Раю гонит розгами,
На ошибках никто не учится.
Уйти прочь никогда не поздно мне,
Да предать, видать, не получится.

Небо звёздное, ГРАДы грозами,
Позабывать бы всё да не мучиться...
Разлюбить Украину поздно мне
И любить уже не получится.

За годами годы
Под звуки трубы.
Знамена свободы
На цинке судьбы.

На песню исхода
Хватает беды.
И гари свободы,
И пепла судьбы.

Рекою без брода
Немые мольбы,
Дороги свободы
Развязкой судьбы.

Дожить до восхода,
Пусть силы слабы,
Душа без свободы
Не стоит судьбы.

Молитва

Крест племени осинового,
Меня не осени!
От счастья крысиного
Меня, Господь, храни!

От страсти лечь под сильного,
От власти шестерни,
От счастья крысиного,
Меня, Господь, храни!

От синевы бессилия,
От желтизны брехни,
От счастья крысиного,
Меня, Господь, храни!

Пока душа не сгнула,
Пока не стынет плоть,
От счастья жёлто-синего
Храни меня, Господь!

Судьба и свобода

Дары ли природы,
Причуды ль волшбы
И лира свободы,
И мера судьбы?

И вешние воды
Невидны из тьмы,
И воздух свободы,
И звёзды судьбы.

Апостол

— Держись, держись, прорвёмся, братик,
Ещё зубами будем рвать их,
Ведь на войне, не на кровати,
Навылет, а не наповал.

Жизнь тяжела, а смерть крылата,
Плевать ей, кто укроп, кто вата,
Кому Россия виновата,
А кто Донбассу задолжал.

Ждут нас небесные альковы,
Да снайперы, видать, хреновы,
И песни пуль для нас не новы,
И мы со смертью не на вы.

Ты покури, а я прикрою,
Смотри: за первую звездой
Гуманитарные конвои
Везут усталые волхвы.

И Ирод цел и жив покуда,
Гешефт свой делает Иуда,
И мы с тобой не верим в чудо,
И на войне, как на войне...

Разорван в клочья мира атом,
Нешадно кроя небо матом,
Апостол в должности медбрата
Мессию тащит на спине.

Берега Новороссии

Валентина Беляева

Валентина Ивановна Беляева — автор книг публицистики, пяти поэтических сборников, а также книг для детей «Лики радужных дождей». Печаталась в Антологии сетевой поэзии, в газете «День литературы», в литературно-художественных журналах «Новый енисейский литератор», «Дальний восток», «Невский альманах», «Новая Немига литературная» (Беларусь), «Подъём», «Родная Ладога», «Берега», «Наши современники», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», альманахе «Академия поэзии». Лауреат газеты «Российский писатель» 2015 г. и литературного конкурса «Кольцовский край» 2016 г. Член СПР. Живёт в Воронеже

Золотое небо Донбасса

Очерк

Это было совсем недавно. И зловеще чёрный дым полыхающего Майдана, и скачущие на площадях молодые недоумки, аки первобытные африканские племена вокруг ритуальных костров, и отвратительные картины огромных толп разъярённых людей в натянутых на лица масках, с бутылками «коктейлей Молотова» в руках, летящих в законных стражей правопорядка украинской столицы. Киев бурлил, горел и неистовствовал в невиданной до тех пор ненависти к России. Всё это останется в нашей памяти, так же как и в летописи нашей общей истории, как бы её ни отрицали нынешние «потомки древних укров».

Желание поехать на Донбасс у меня появилось давно. Форум 22–23 ноября, посвящённый 215-летию великого Владимира Даля, явился событием, которое и привело меня в Луганск.

Я ехала с неотвратимо нарастающей тревогой и заранее боялась ответов на мои непростые вопросы ещё с тех времён, когда Украина открыто явила миру непостижимую сущность своих возведённых в государственную идеологию, взлелеянных за постсоветское время лозунгов и ценностей. Неформальная обстановка, как известно, хорошо способствует свободному общению и, к счастью, после оглашённых докладов в стенах Далевского университета именно такая и представилась.

Как получилось, почему Украина, отвергая, отрицая и проклиная общую историю с Россией, встала на твёрдые позиции откровенно неонацистского толка? Как, почему украинское общество избрало своим главным героем, символом страны Степана Бандеру?

Разве далеко не в одночасье переформатированное массовое сознание в Украине не даёт нам морального права вынести ей единственно возможный вердикт как государству преступному, с вопросами, на которые НИКОГДА не может быть НИКАКИХ вразумительных ответов? Как, почему «Украина — цэ Европа» решилась на убийство своих русских соотечественников? Тех самых, которые восстали против оголтело возрождающихся фашистских идей в стране. Как, почему началась самая настоящая гражданская война...

Почему молодые люди, в основном с запада Украины, никому не нужные подростки сироты — с удовольствием стреляли, поджигали, бомбили? Целенаправленно и без каких-либо признаков сомнения, сострадания или жалости. Всё это объяснимо по отношению к выпущенным из тюрем преступникам — насильникам, грабителям, убийцам. Но чем объяснить то, что эту войну поддерживает абсолютное большинство граждан Украины? Друзья из Киева, прекрасно образованные интеллигенты, писали мне о настроении в их обществе: «ДАУНбасс мы сотрём». Что на это можно было ответить...

Неужели условная и, скажем честно, сомнительная черта на географической карте под названием «государственная граница», которая в своё время щедро и неоднократно рисовалась в пользу «нэзалэжной», важнее человеческих жизней, данных свыше, и потому по всем законам цивилизации имеющих незыблемый статус божественной святости? Откуда эта свобода — убивать созданных Богом?

Но в высшей степени важным, ради чего я ехала на Донбасс, для меня был один вопрос: сожалеют ли сейчас его жители о своём немедленном и жёстком восстании против новоявленных киевских властей, следствием которого и стала эта противоестественная, страшная братоубийственная война. Война, которая унесла многие тысячи жизней, как ополченцев, так и обычных граждан. Война, которая ввергла население региона в пучину невысказанных лишений и страданий, а также исподволь и неумолимо приближающихся признаков гуманитарной катастрофы.

Луганская интеллигенция — профессиональные литераторы, профессора, кандидаты и доктора филологических наук, преподаватели университета, на первый взгляд — обычные люди, казались какими-то другими, не похожими на нас. Их одухотворённые лица дышали спокойствием и достоинством, в них отражалась какая-то волнующая истина, и я облегчённо ощущала, что не заблуждалась в своих предчувствиях

Можем ли мы представить — что это такое — остановить грохочущие «Грады»? Можем ли представить — что это такое — недели в подвалах под завывание летящих бомб, в холоде, без пищи и воды? Тот же, кто выжил с оружием в руках, как и тот, кто вышел из жуткого спасительного подполья, стали другими, теми, кто они теперь. И они уже никогда не пустят на свою землю того, кто заставил их так страдать. И не простят тех, кто огласил с самой высокой украинской трибуны речи о том, что русский язык на Донбассе будет истреблён. Так же, как и сами они — униженные жители Донбасса — «ватники и колорады с ущербными антропологическими данными». И это в наш век!!! И они: вооружённый ополченец и человек, сидевший в подвале под грохот разрывающихся снарядов и душераздирающие крики смертельно раненых, сумели эту свою униженность превратить в то достоинство, которое дало им право сказать всему земному миру: это земля наших предков, а значит — наша, здесь наш родной дом, здесь наш родной язык — великий как никакой другой, и ничего этого мы никому не позволим уничтожить. Они похоронили своих убитых земляков. Они поклонились их могилам и, каким-то господним промыслом сумев не обезуметь от горя, поклялись им, что отстоят их землю для выживших, искалеченных, а также ещё не рождённых потомков. Они пообещали им, что эта земля навечно останется РУССКОЙ.

Я слушала их — вооружённого ополченца, поскольку война не закончилась, и простого жителя Донбасса, поднявшегося из-под земли на её твердь, как на пьедестал.

Дышала вселенская гармония первозданного человеческого духа. В окна заглядывала чистейшая лазурь, переливающаяся лучами предзакатного солнца, и казалась творением совершенным и нежным, монументальным и хрупким и, как ни странно, рукотворным. Это было золотое небо Донбасса. Оно не помнит себя пронзённым взрывами, окутанным дымом, не помнит той смерти, которая падала с его чудовищной утробы, и лишь светло и безмятежно смотрит на выросшие в одночасье поля из холмиков под крестами — большими и маленькими. Каждую ночь оно слышит стрельбу. И чудится она ему каким-то странным чужеродным отголоском забытого, ушедшего, невозвратимого...

И было волнующе явственным ощущение, что люди, живущие здесь, морально возвышаются над нами. Потому что — другие. И совсем не потому, что бомбы могут быть залогом святости земли, куда падают со всей своей звериной жестокостью. Падающие бомбы с чудовищной силой генерируют осознание того, что жизнь может стать исчезнувшим мигом. И потому нынешний Киев уже никогда не будет прощён. И потому свою землю как единственно неповторимую вселенную — Украине Донбасс уже не отдаст. И наш долг перед ним не искуплен...

У них другие глаза, они наполнены каким-то высшим, космическим смыслом печали и надежды, муки и любви. Они завораживают своей глубиной и светом, болью и теплотой. Перед ними невольно склоняешься в чувстве неосознанно саднящего покаяния с его горечью и скорбью, которому, кажется, никогда не суждено стать прощённым. Только для того, чтоб увидеть эти глаза, стоило ехать сюда. Донбасс распахнул для меня нечто непостижимое, какую-то высшую духовность, и оттого цепеняще прекрасную.

И словно провидение!!! Потрясающая гармония впечатлений!!! И такое чувство благодарности писателю Василию Дворцову ... В тот же день читаю его строки: «И вот всё повторяется. Дети под бомбами... Сегодня у женщин Донбасса, у всех — молодых, пожилых — пробивающий иконный, совершенно богородичный взгляд. У них у всех в глазах стоит неизбывная боль за детей — крохотных ли, за сорокалетних, без разницы, это боль матерей, молодых и пожилых. Материнская боль Богородицы».

Берега Новороссии

Елена Заславская

Елена Заславская (1977 г.р.) — донбасский поэт, писатель, журналист. Родилась в Лисичанске. Живет в Луганске, ЛНР. Автор четырех поэтических сборников: «Эпоха моей любви», «Мамині сльози», «Инстинкт свободы», «Бдыць-мен и Ко», «Год войны», а так же публикаций в интернет-изданиях и периодике, в том числе в антологии-энциклопедии «15 веков русской поэзии» и сборниках посвященных войне на Донбассе «Час мужества», «Ожог», «Русская весна», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса». Автор книги для детей «Необыкновенные приключения Чемоданте, Чи-Беретты и Пончика». Лауреат II Корнейчуковского фестиваля детской литературы (гран-при) 2014 года. Лауреат Международной литературной премии им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» 2015 года в номинации «Слово Победы». Лауреат Международной литературной премии им. Павла Беспощадного «Донбасс никто не ставил на колени» 2016 года.

Заславская представляла Донбасс на чтениях Literaturwerkstatt в Берлине (2008 г.), на Лейпцигской книжной ярмарке (2012 г.) и на поэтическом фестивале в Берлине (2014 г., 2016 г.). Стихи переведены на немецкий, испанский, английский, литовский языки и болгарский языки. Редактор газеты «Камертон» Луганской государственной академии культуры и искусств им. М. Матусовского. Официальный сайт: zaslavskaja.com

Чёрный хлеб

Долго не было беды. Долго.
Долго не было войны. Долго.

Успели дети подрасти.
Успели внуки подрасти.

А правнуки пока что не успели.
И сын сказал: «Я ухожу. Прости».
И внук сказал: «Я тоже. Отпусти».
И правнуки заметно повзрослели.

И снова кровь горячая лилась.
И Родина кроилась и рвалась.
И брат на брата шел, а друг — на друга.
И стало черным молоко в сосцах.
И стала черной кровь в людских сердцах,
Как антрацит, наш краснодонский уголь.
Последний пласт. Из недоступных недр.
Наверх. Из самой преисподней.
История желает перемен
И крутит, крутит, крутит черный жернов.

Мы стали черным хлебом на войне,
А были... были золотые зерна.

Стала Война раздавать имена

И стала Война
Раздавать имена
Героям.
А Родина-Мать...
Ей пришлось замолчать
От горя.
Он пал, безымян,
В ковыль да бурьян
В поле.
— Как ты звать-величать,
Как тебя поминать,
Воин?
— Много светлых имен
Опалимы огнем
Войн.
Много чистых имен,
Но на каждом пятно
Крови.
Много славных имен
Мамы, папы нам дали.
Среди них и мое.
Поминайте как звали.

Мантра снайпера

Тот, что напротив
сквозь оптику
смотрит на осень.
Зреют колосья
на поле разъеденном оспой
воронок
и солнце,
скрипя расколовшейся
осью
закатится скоро,
и в небе разверстом
сверкнут, будто слезы,
холодные звёзды,
и ворон,
на пугало сев прокричит: «Nevermore».
Никто не вернётся.
Но девушка в хоре
поёт и поёт нам,
И голос высокий
зовёт заглянуть в мир иной,
называемый горним.
А вдруг там ни По нет,
ни Блока, ни Бога,
ни смысла, ни толка!
И мне остаётся
последний патрон
и винтовка
СВ Драгунова,
и тот, что напротив,
и осень,
что входит в меня
через дырочку в горле.
Как небо моей Новороссии
близко, черно и бездонно.
И падают звезды.
Кому на погоны.
А нам на погосты.

Опять его убили

На Саур-Могиле
Опять его убили.
Его убили снова.
Красивого, родного,
С глазами, как у мамки...
Арта. Пехота. Танки.
Как в страшном 43-м,
Уже в другом столетии.
Там где отцы и деды
Сражались за победу,
Он там же пал, он с ними,

Теперь в одной могиле.
На высоте контрольной
Героем стал невольно.
Кругом лишь степь да поле,
Да русское раздолье.
Земли нет в мире краше.
В ней спят солдаты наши.

Так рождается республика

Так рождается республика:
Кровь мешается с землей,
Идут бои под Мариуполем,
И под Нижней Ольховой,

Вырастает Новороссия,
Выходя из бурь и гроз,
Нависает звездным космосом
Наших былей, наших грез.

Коль умру — взойду колосьями
Теплых золотых хлебов,
Обо мне молись ты Господу,
Я воюю за любовь

К малой ли, большой ли Родине,
Ты поди-ка разберись,
Здесь и предки похоронены,
И детишки родились,

И отдать и жизнь, и молодость
Я за Родину готов,
Русь ли это, Новороссия —
Все равно, но здесь мой дом.

Так рождается республика:
Кровь мешается с землей,
Идут бои под Мариуполем
И под Нижней Ольховой.

В наших диких полях

В наших диких полях маков цвет да ковыль,
И окопы змеятся, как черные ленты,
И вращает солдат телом в новую быль,
Стал героем. Посмертно.

В наших диких полях лебеда да полынь,
Буйны головы, буйные ветры,
Мы с курганами рядом поставим кресты,
И мы новые сложим легенды.

В наших диких полях, что седы от золы,
Почернели бессмертников стебли,
Вместе с нами здесь лягут и наши враги,
В наши степи, в донбасскую землю.

В наших диких полях маков цвет да ковыль,
И окопы змеятся, как черные ленты,
И мы все как один жизнь свою отдадим,
Чтобы ввысь вознеслось наше знамя Победы!

Эти русские

Эти русские мальчики не меняются:
Война, революция, «русская рулетка».
Умереть, пока не успел состариться,
В девятнадцатом, двадцатом,
Двадцать первом веке.

Эти русские девочки не меняются:
Жена декабриста, сестра милосердия.
Любить и спасать,
Пока сердце в груди трепыхается,
В девятнадцатом, двадцатом,
Двадцать первом веке.

Ты же мой русский мальчик:
Война, ополчение, умереть за Отечество.
Ничего не меняется,
Ничего не меняется.
Бесы скачут,
А ангелы ждут на пороге вечности.

Я твоя русская девочка:
Красный крест, белый бинт, чистый спирт.
В мясорубке расчеловечивания
Будет щит тебе
Из моих молитв.

А весна наступает. Цветущие яблони
Поют о жизни, презревшей тлен,
Так, будто они — православные,
Русские и после молитвы встают с колен.

Весна. Внезапная, как смерть.

Весна. Внезапная, как смерть.
Миг: почки брызнули, как слезы.
Идёт стремительный апрель.
Цветут в Луганске абрикосы.

И зримой нежности полны
Благоухающие ветви,
Как будто сбывшиеся сны,
О самом радостном и светлом.
Мой сад на цыпочки привстал,
И тайное мне стало явным:
На абрикосовый хорал
Слетелась ангельская стая,
Чтобы весну и жизнь воспеть,
Наперекор ворчанью пушек.
Мой ангел тоже прилетел.
Не по мою ли это душу?

Границы

Нас разделяют границы.
Линия фронта. Линия жизни.
Мы будем друг другу сниться,
Это все, что осталось нам ныне.

Я ничего не забыла...
Но снова — в который раз —
Обрывается связь мобильная,
Остается сердечная связь.

Ни прощения, ни отмщения,
Только боль распиная грудь,
Не осталось путей сообщения,
Только Млечный Путь.

И по звездам, что в небе светятся,
Через взорванные мосты
Я лечу к тебе, чтобы встретиться
У взятой тобой высоты.

Любовь не требует взаимности

Любовь не требует взаимности,
И не гадают: что же будет?
Вот я иду по полю минному
И рву ромашки с незабудками,
А месяц тонкий, тронь — порежешься,
Глаза решимости полны.

Есть только шаг один до вечности,
до тихой легкокрылой нежности,
до бьющей в сердце откровенности,
до истинной душевной верности.
И нет ни страха, ни вины.

Новый эгрегор

Отец говорит: он тебя не достоин!
 Отец говорит: тебе нужен новый эгрегор!
 И небо становится чёрным от боли,
 И фебова колесница
 Проносится мимо.
 И сердце моё каменеет.
 Милый!
 Мы стали другими.
 Война нас разводит...
 На жертву,
 На подвиг,
 На новый эгрегор.
 И Бог, словно мох,
 Прорастает сквозь рёбра
 Обстрелянной церкви,
 И Бог, словно снег,
 Покрывает разбитые брёвна
 Донбасских селений,
 И северный ветер
 Приносит нам вести
 Про красные звёзды,
 И между небом и небом
 Рождаются новые песни.
 Милый!
 Война нас разводит,
 В земле растворяется кровь —
 Всё становится прахом.
 И новый эгрегор
 Восходит на сломе эпохи:
 Правда, как мох,
 Прорастает сквозь рёбра
 Обстрелянной церкви,
 Правда, как снег,
 Покрывает разбитые брёвна
 Донбасских селений,
 И северный ветер
 Приносит нам вести
 Про красные звёзды,

И между небом и небом
 Рождаются новые песни.
 Милый!
 Война нас разводит!
 И между нами теперь
 Расстояние, люди и время,
 Слово живых и молчание мёртвых
 И новый эгрегор.
 Новороссия грёз,
 Новороссия гроз
 Не дойти, не доехать!
 Вот она, будто мох,
 Прорастает сквозь рёбра
 Обстрелянной церкви,
 Вот она, будто снег,
 Покрывает разбитые брёвна
 Донбасских селений.
 И северный ветер
 Приносит нам вести
 Про красные звёзды,
 И между небом и небом
 Рождаются новые песни.
 Отец говорит мне:
 Не верь, не проси, и не бойся!
 Для таких балерин, поэтесс и разбойниц
 Ни покоя, ни воли, ни счастья
 Не бывает под солнцем!
 Так что, доця,
 Не плачь понапрасну,
 Ведь если смотреть
 Философски,
 То сердце не каменеет,
 Оно превращается в
 Stein der Weisen.
 Найди себе новый эгрегор.
 А я отвечаю: ты помнишь,
 Что пел нам Джон Леннон:
 Только любовь.
 И отец говорит: «По-любому,
 Елена».

Берега Новороссии

Александр Морозов

Александр Морозов родился в 1969 году на Украине, в Дебальцево Донецкой области. Работал на железной дороге, в депо слесарем, после армии — кузнецом. Окончил Донецкий университет: учился одновременно на двух факультетах, на дневном биологическом и вечернем — факультете журналистики. После окончания вернулся в Дебальцево, работал по специальности — биологом. Стихи начал писать в армии. Поэтические сборники: «Река по имени любовь» (2000), «Глаза в глаза» (2001), «Поговорим о жизни и любви» (2012) и другие. Пишет прозу и публицистику. Самой главной книгой считает историческую летопись «Дебальцево. Взгляд сквозь годы» (2014). В 2015 выпустил книгу «Дебальцево. На линии огня». Лауреат многих литературных премий, награждён медалью М.А. Шолохова. Когда Дебальцево стали обстреливать, Морозов с семьёй перебрался в Белоруссию

Везунчик

(Из книги «Дебальцево. На линии огня»)

Все выходные у меня был конвой с двух сторон: и мать, и жена уже со двора не выпускают... В наш город с конца июля вошли украинские войска, рядом линия фронта проходит, стреляют постоянно. Мужиков вылавливают и отправляют на дознание: не участвовали ли они в «поджоге Рейхстага». За несколько дней уже десятка два забрали...

Хотел утром на огород съездить, жена стала в калитке — не выпустила, да ещё и паспорт забрала и куда-то запрятала, чтоб не рыпался.

...Потом в магазин завезли хлеб, супруга побежала за ним, а я паспорт-то свой нашёл и перепрятал. В понедельник, утром, Маринка ушла на работу, а я, соответственно, сел на велик и поехал на огород (с паспортом-то я теперь свободно перемещающийся). Наломал мешок кукурузы, сел фасоль собирать. Огород вплотную к посадке у сортировки. В посадке тропинок пешеходных нет. За грибами и дровами туда сейчас не ходят. Слышу, ветка хрустнула — идут мужики и тихонько переговариваются. Ну, думаю: или белые или красные. И тут, как в плохих американских фильмах, у меня заверещала мобилка. МАМА ЗВОНИТ! Не уследила, когда я из дому ускользнул. Ну, думаю, капец. Попал! А ну, такая рожа сидит в кукурузе — готовый боевик! Но, видимо, им нельзя было себя обнаружить — «добрые люди» замолчали и тихо удалились. Так что повезло. Просто повезло.

18.08.2014 г.

Мир в моём доме

Сегодня у меня в доме поселился Мир. Нет, война не закончилась, но в доме стало не так тоскливо и безнадежно. Мой Мир — не элитный и избалованный, а самый обыкновенный. Но он добрый и он нуждается в моей защите и ласке.

Когда я отправлял из обстреливаемого города в глубокий тыл свою первую семью, они оставили мне в наследство пса и трёх котов.

Каждый день ездить за 6 километров по пристрелянной дороге, даже на велосипеде (другие виды транспорта у нас отсутствуют), я не мог, поэтому, оставив денег соседу, попросив его кормить пса

хотя бы хлебом, я получил возможность привозить горячую пищу для животного раза два в неделю, а котов пришлось отлавливать и перевозить к себе.

У меня во дворе — два дома, в одном живёт мать, в другом — мы с женой, а теперь и с тещей. Привезли её к себе из казёнки, чтоб не беспокоиться за неё. Так вот, у матери сейчас на иждивении кот и кошка. Кошка своя, а рыжего персидского кота передала нам семья брата перед тем, как эвакуироваться из Донецка в Казахстан. Понятно, что приезд ещё трёх хвостатых вряд ли был бы принят с восторгом. Поэтому я построил на даче, которая всего через дом от меня для четвероногих переселенцев большой вольер, в котором три стены были деревянными, одна стеклянной, и накрыл всю эту конструкцию шифером, поставив внутрь домики с сеном, чтобы было теплее спать. Так моё хозяйство и жило некоторое время. Дважды в день, когда не стреляли, я ходил кормить их, менять воду, погладить и успокоить.

Но после очередного обстрела посёлка, стекла в кошачьем вольере разбились, и коты разбежались. Когда я пришёл, начал их звать, ко мне прибежал только один — рыжий с белым. Он оказался самым умным и, думаю, у него всё будет хорошо в дальнейшем. Я не стал стеклить вольер (в городе со стеклом и шифером сейчас крайний дефицит), и кот получил свободу перемещений, так для него необходимую, но всегда приходил, когда я его звал. Через какое-то время он вычислил место моей дислокации и уже сам наведывался, напоминая мне о моих обязанностях.

Примерно с неделю назад жена с тещей, не выдержав ежедневных обстрелов, уехали из Дебальцево. Я остался сам на хозяйстве и вчера пригласил кота в дом. Но во время первого визита дальше летней кухни и коридора он не продвинулся. Сегодня же кот уже осваивается во всём доме.

Он так хочет ласки, трётся у ног и выгибает спину, когда я его глажу. Я не помню, как его звали раньше, поэтому я решил, пусть это будет Мир.

Теперь Мир — в моём доме. Дай Бог, чтобы мир пришёл, наконец, и в Донбасс.

1.10.2014 г.

«Такая мелочь!»

Разговоры на остановке

На днях Луганскую трассу закрыли и маршрутку, которая ходила на Первую, отменили. Из всех городских рейсов остался один автобус, который с 6.10 до 12.10 успевал совершить 7 рейсов из города на Восьмёрку и обратно. Учитывая то, что «пазик» — не самая вместительная маршрутка, сесть в него возможно только на конечных остановках. Ещё на паре следующих — кое-как, с большим трудом, можно втиснуться, а дальше водитель просто не останавливался, ввиду тщетности попыток проникновения пассажиров внутрь салона. Сказать, что людей набивалось, как сельдей в бочке, значило бы сильно погрешить против истины — сельдь в бочке, по сравнению с пассажирами маршрутки, чувствовала себя просторно и комфортно.

Наш посёлок, являющийся самой отдалённой восточной окраиной города, маршрутки перестали посещать ещё летом. Электрички тоже; они уже месяца четыре не в ходу. Поэтому жителям Октябрьского приходится переходить через некогда крупнейшую в стране сортировку, огибать замёрзшее депо, перелезть через насыпь восточного прибытия, чтобы попасть на конечную остановку восьмомартовского автобуса.

Даже когда проходила перестрелка, и невдалеке разрывались снаряды, здесь было многолюдно. Данный маршрут оставался единственной дорогой жизни, связывающей окраины города с центром, где работали хотя бы какие-то магазины и учреждения.

Автобус часто опаздывал и, стоя на остановке, невольно становишься слушателем всевозможных житейских историй. О чём говорили люди до войны? Мужчины — о футболе, рыбалке, работе, пиве, женщинах. Женщины, в свою очередь, о покупках, доме, детях-внуках, саде-огороде, рецептах и мужчинах. Сейчас половой диморфизм в темах разговоров напрочь отсутствует — все говорят о войне: там взорвалось, у того сгорел дом, этого изувечило осколками, тому оторвало голову.

Одна жительница нашего посёлка, живущая на соседней улице, рассказывала другой:

— Знаешь, когда у меня в пух и перья разворотило снарядом летнюю кухню, я сначала была в

шоке, потом плакала, истерила, а после огляделась вокруг — у одних дома как не бывало, как людям зимовать? Другой — вообще покойником стал после обстрела. И подумала: какая я везучая, и эта моя разрушенная кухня — ТАКАЯ МЕЛОЧЬ!

Очень скоро «повезло» и мне... Ночью 23 ноября в 1.45 возле дома разорвался «Град», оставив четырёхметровую воронку. Мой дом и дом моей матери остались без стёкол и с многочисленными дырами в крыше...

23.11.2014 г.

Прости меня, город

Моя жизнь, жизнь моей семьи, да и, по сути, жизни всех жителей Украины неожиданно и трагически разделились на до и после. В одночасье в дома пришло горе, в города — разруха, в страну — война. Не знаю, смог ли я найти те слова, чтобы донести до людей, живущих мирной жизнью в других городах и странах, всю правду об этой ужасной трагедии, об этой непонятной войне. Поймут ли они, поверят ли в то, что сейчас происходит у нас? Потому что то, о чём я писал, не укладывается ни в какие понятия здравого смысла, логики, нравственности. Всё перевернулось с ног на голову. Всё стало не так...

С 24 июля мой город, имеющий колоссальное стратегическое значение (Дебальцево — крупный железнодорожный узел, это перекрёсток трасс «Ростов-Харьков» и «Донецк-Луганск» и, наконец, это высшая точка Донецкого кряжа, с которой удобно вести огонь по позициям противника) подвергается ежедневным, систематическим обстрелам. Каждый день разрушаются дома и гибнут люди — погибают мирные жители, населяющие город.

Каждый день в семье приходит беда. Ежедневно Дебальцево появляется в информационных сводках и не сходит с первых полос газет, однако это совсем не радует, потому что здесь происходят самые ожесточённые боестолкновения, приносящие жителям города только новые разрушения и жертвы. Месяцами люди находились без связи, воды и света. Мои друзья, живущие в разных городах, просили меня, чтобы я писал, если удастся выйти в инет, хотя бы одно слово — «живы». Поэтому совсем неслучайно свои дневники в интернете, рассказывающие о происходящем в городе, я начинал этим словом. Оказывается, что это не так просто, выжить на войне, когда у тебя за спиной падает мина, когда ночью в твой дом летят снаряды из «Градов», когда, несмотря на всевозможные договорённости, война не прекращается, и тишина, длящаяся более двух часов, настораживает.

140 дней моей семье пришлось жить рядом со смертью, пожарами, взрывами... Только в Октябрьском посёлке, где до войны жило менее 2000 человек, посёлке, который является восточной окраиной Дебальцево, не осталось ни одного дома, который бы в той или иной степени не пострадал. Не ходили маршрутки и электрички, а таксисты, согласившиеся довезти людей в промежутках между обстрелами, запрашивали просто космическую цену, которая по карману далеко не каждому. Месяцами город жил без воды. Отопительный сезон закончился, не успев начаться. Дети, которые не выехали из города, приходили в школу пару раз в неделю, для того чтобы получить домашнее задание, садики не работали. Предприятия остановлены, люди — в бесплатных отпусках. Заработанные деньги было не так-то просто получить, потому что в оставшийся единственный в городе банкомат деньги не привозили, приходилось выезжать в другие города для того, чтобы обналичить зарплату с карточного счёта — иногда на это уходило 2-3 дня... Но со всем этим ещё как-то можно смириться — самое страшное то, что гибнут и получают увечья мирные люди, оказавшиеся заложниками ситуации, мишенями в тире этой непонятной войны...

Люди, бросают дома, всё нажитое имущество и, спасая свои жизни и жизни своих близких, уезжают из обжитых мест, пополняя ряды иммигрантов. Донбасс пустеет. Остаются те, кому некуда или не за что уехать. Они смирились с тем, что в любой момент могут погибнуть. Смерть здесь — не самое страшное. Гораздо страшнее остаться никому не нужным инвалидом...

Практически всю свою сознательную жизнь, за исключением времени службы в рядах Советской Армии и учёбы в университете, я провёл в Дебальцево. Я сросся с этим городом кожей. Ему я посвящал свои стихи, очерки, публикации. Не покидал я его и во время самых страшных обстрелов,

унёших десятки жизней моих земляков — обычных мирных тружеников, вина которых была лишь в том, что они жили в своих домах на своей земле, когда в руины превращались целые городские кварталы. В интернет-публикациях я ежедневно освещал то, что реально происходило в моём городе. Я писал правду, не приукрашивая и не замалчивая ничего.

За несколько дней до начала очередного перемирия, которое было запланировано на 10 декабря, после того как у моего дома образовалась четырёхметровая воронка от прилетевшего «Града», а осколками в доме была в нескольких местах пробита крыша и чердачные перекрытия, и вылетели все стёкла из окон, я вместе со своей семьёй выехал из города и страны.

Прости меня, город...

Уже два года, мы находимся за тысячи километров от родительского дома, и в отпуск я теперь еду не на теплые моря, а в свой израненый город. Увиденное дома наводит на грустные размышления. Война на Донбассе не прекращается, и взрывы слышны там ежедневно... Работы в Дебальцево практически нет, и заработок в 50 долларов — счастье... Посреди моего города на трассе — таможня между ДНР и ЛНР. Жители Донбасса никогда не делились на донецких и луганских, а сейчас, чтобы просто выжить и быть сильнее, необходимо объединяться в единое государственное образование, а не ставить таможни... Надежды на скорый мир очень мало, а вялотекущая война — худший вариант, но мы продолжаем надеяться, что мир наступит, и мы вернемся в наш до боли любимый город.

Берега Новороссии

Людмила Гонтарева

Филолог по образованию. Член Союза писателей России; Союза писателей Луганской Народной Республики; Союза писателей России, Восточноукраинской писательской общественной организации им. В. И. Даля; Член Межрегионального Союза писателей.

Печаталась в альманахах ТО СТАН и «Свой вариант» (Луганск); журналах «Склянка Часу» (Канев), «Российский колокол» (Москва), «Родная Ладога» и «Невский альманах» (Санкт-Петербург); коллективных сборниках «Час мужества», «За други своя», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса» и др.

Организатор I Всеукраинского поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты–2009»

* * *

Подворотня слепа, как выстрел.
Оседаю бескрыло в снег.
Меня из мгновения выстриг
безжалостный стрелок бег.

Теряю воздух руками,
простуда в моей крови.
Уже расплескалось знамя
небес над лицом земли.

Уже недоступны крыши:
на лезвие забытья
я падаю медленной тишью,
над пеплом воды летя.

Но океаном звуков
взрежу угрюмость туч,
чтоб украшением луга
вызрел пшеничный луч,

чтобы забиться птицей
в глобуса пёстрой груди
(пусть не дано проститься
с теми, кто впереди),

чтоб превратить в осколки
серого быта объём,
где вечер на вечной полке
ютится с квадратным днём.

...Но падаю призрачной датой
на лезвие забытья,
и безымянность солдата
заключает в объятья меня.

* * *

Когда закончится война,
я упаду ничком на землю.
Пусть зарыдают в проводах
ветра — я больше не приемлю

испуга в солнечных глазах
бинтованных крест-накрест окон.
Теперь пусть радуется гроза
оранжевым разрядом тока.

Пусть тяжёлые идут
машины по вечерней трассе.
Мы забываем про войну –
их гул не страшен, не опасен...

Мы забываем о войне,
мы забываем, забываем...
О жёсткой танковой броне,
о беженцах в июне-мае,

о развороченных телах
на площади кровавом блюде
и о безжалостных словах
должны забыть... но не забудем.

* * *

Мы войну объявим только завтра
на рассвете, когда солнце всходит.
...На муку талоны, спички, сахар
и моя записка на комод.

Добровольцем ухожу — смотрите –
в регулярные войска санчасти.
Занимай места в партере, зритель:
я спасаю раненое счастье,

извлекаю день из-под обломков.
...Красный мак и белые одежды...
Бинтовать разлуку так неловко,
так туга повязка — струны режет.

Приручив дыханье тёплых пальцев,
ощущаю боль как неизбежность.
В организме убывает кальций.
В перестрелке убивают нежность.

После взрыва — гулкое затишье,
крика своего уже не слышу.
Вспоминаю лето: вишни, вишни,
и закат багровым соком вышит.

Пусть зима забьёт крест-накрест ставни,
осень взглядом мой состав проводит.
Я уйду внезапно, но оставлю
для тебя записку на комод.

* * *

Нас расстреляют уже на рассвете.
Волосы треплет слепящий ветер.
День будет тих и пронзительно светел
в этом квадрате, на этой планете.

Вдруг на осколки порвутся струны,
на серых скалах проступят руны,
и поспешим мы по рельсам чугунным
в край, где ацтеки, древляне, гунны.

Алые маки покроют футболки.
Холод почуяв, завоюют волки.
Киллер ружьём зачехлит втихомолку
и поспешит на свою остановку.

Эти мгновенья взорвут экраны.
Мы растревожим квартиры, как раны,
где-то меж роликами рекламы
в рамках программы, не очень рано.

Зритель безмолвный за всё в ответе
крика молчанья, увы, не заметит,
качество съёмки, сюжет отметит,
сетуя вслух — у экранов дети.

И не поверив, что всё случилось,
что бесконечность в зрачок просочилась,
примем объятья листвы, словно милость,
падая в осень, что детству снилась.

Крылья к вискам тишиной прикоснутся,
звоном тяжёлым разбитого блюда.
... Надо успеть на шаги обернуться,
чтобы проснуться, проснуться, проснуться...

* * *

Припорошило землю суетой.
В кармане Вечности тревожный холод.
В зрачках столетий заплутал покой,
на афоризмы мир людей расколот.

Бессмысленны и мудрость и тоска,
что с неба градом-листопадом льётся.
Останется ли время для броска,
Чтобы спасти наш мир от миротворцев?

* * *

Лечь в траву и закрыть глаза.
Вжаться раной открытой в почву.
Снились алые паруса.
Оказалось — земля кровотоцит.

Тих Господь... Только он с креста
видел мир без прикрас и фальши.
Ветер укусом жёг уста,
шли иуды победным маршем.

Сквозь меня прорастёт трава.
Мир с войною в хмельном застолье.
Мы теряем в бою слова,
чтоб разлиться немой болью...

Молитва

Услышь нас, Господи, мы — живы,
пошли на землю свой конвой
гуманитарный. Тянет жилы
сирены вой и ветра вой...

Поверь нам, Господи, мы — люди.
В братоубийственной войне
за всех солдат молиться будем,
на той и этой стороне.

Прости нас, Господи, мы серы
и сиры в глупости своей.
В родной земле, греша без меры,
мы просим процветанья ей...

Спаси нас, Господи, мы слабы:
от миномётного огня,
стрельбы и ненасытных «градов»,
мы сами не спасём себя...

.....
Спасибо, Господи, мы живы...

Попытка предсказания

(...до нашей эры)

Будет холодно первые двести лет.
После — боль и разлука войдут в привычку.
На ресницах — иней, в ладонях — снег,
только каждое утро на перекличку

ты торопишься, словно уже вот-вот,
не сегодня-завтра наступит лето,
и неожиданным гостем рассвет придёт,
и своё откроешь кому-то небо.

Время новой сказке напишет речь:
«Это — пудинг, Алиса, а это — сердце...»
От него нельзя ничего разжечь
(я — не Данко) — можно слегка погреться.

Будет холодно первые двести лет.
Сохраняйте спокойствие в катакомбах.
Да пребудет в тёмном тоннеле свет,
пусть река застыла недугом в тромбах.

Береги себя на крутых виражах.
Двести лет — подумаешь — разве много?!..
...на устах замёрзших слова дрожат,
да пугают вздохи единорога.

* * *

Господи, я должна быть тебе благодарна за эту
боль?

За это разбитое вдребезги хрупкое сердце?
На полке среди душевных строчек живёт Ассоль.
А на балконе — сорочки, носки, майки
и полотенца.

Казалось, что это — время стихов, но это только
казалось.

Где-то внутри слоны вытоптали все посевы.
На поле души всходило тепло, качалась
нежности завязь.
Осталась лишь маятник-пустота с гулким
биением слева.

Нельзя приручить слова и научить черепаху
бегать без панциря босиком со скоростью ягуара.
Но продолжаю жить, возлагая стихи на плаху
и отправляя свои мечты с призрачного вокзала.
Мой синеокий Лель всё ещё недотрога,
а мне уже всё трудней не верить своим
морщинам.

Только за эту боль я благодарна Богу
...без башни, без тормозов, без удержу,
без причины...

* * *

Всё станет на круги своя:
Из искры возгорится... память,
На лист слезами будут капать
Легенды датского двора.

...принц в треуголке, на коне! —
Я обожаю театр абсурда.
Как неожиданно и мудро
Немая роль досталась мне —

Сперва, казалось, не моя.
Как угодить в череду событий?
Слов вены тоненькие нити
Сок диких трав внутри хранят.

Палят из пушек с кораблей
Да фейерверки ослепляют.
Увы, наивные не знают
Печальной участи своей.

Мне ж предугадывать грешно...
Спят буквы в клетках, фразы — в клетях.
Терзает дежавю столетья,
Что, как прозрение, пришло:

Погибнет шахматный король
И станет взрослою Алиса,
Избороздит лицо Улисса
Морщинами морская соль,

И снова чей-то трон падёт...
Благие задержались вести.
А Соломон всё вертит перстень —
Не напрягайтесь: всё пройдёт...

* * *

Февраль ложился рифмами в тетрадь.
В сердечных рифах притаилась нежность.
Песок течёт в безвременье опять —
Я застываю беззащитным МЕЖДУ:

уже не здесь и до сих пор не там...
Луна, как рыбий жир, скучна до вздоха.
Как тяжела душевная плита.
Как беззаботно тих ваш взгляд-пройдоха.

Пересекают площадь каблучки.
Мелькают люди, здания, машины.
Я дожила до статуса ПОЧТИ,
когда меня предчувствием прошило.

Незримо надвигается волна
на городские сонные просторы.
Когда меж нами вызреет война,
я получу погоны в званье СКОРО.

Который век рождается рассвет,
чтоб превратиться в маленького Будду.
Средь суеты, в журчании бесед,
я обретаю сущность в слове БУДУ.

И переполнит красками игра,
где правят плюс и минус, чёт и нечет.
И даже грусть окажется нежна,
когда я превращусь в созвездье ВЕЧНОСТЬ.

* * *

Давно гадаю на книжной гуще,
на чайных чашках, кофейных строчках.
Журавль в небо давно отпущен.
А сердце?.. Сердце в цветных листочках.

Цветной передник и занавески...
весёлый ситчик... погода в доме...
А я гадаю на СМС-ке,
как на ромашке в бескрайнем поле.

Стираю старость с зеркальной глади.
Ещё надеюсь и тупо верю...
А ты скрываешь какой-то Нади
пальто и боты за интер-дверью.

Но там – «В контакте» – контакта нету –
есть беспросветность и бездорожье.
Там бродят призраки Интернета.
Будь осторожен! Будь осторожен!

Всё снова скверно? Начальник в юбке...
бездарность рулит... привычный прессинг...
И мы болтаемся, как в желудке
наивно-глупых попсовых песен.

Но всем спасибо. Аплодисменты.
А я под занавес улетаю.
К далеким звёздам. Чтоб стать рассветом
или закатом в небесном стане...

* * *

В четыре часа утра легче пробиться к Богу,
Поэтому в это время надо читать молитву.
Рядом на койке старушка, ей отрезали ногу.
Так неприлично себя ощущать здоровым здесь
МОНОЛИТОМ.

Старушка меня изучает и желает сидеть в постели.
Её ждет новая жизнь только с левым всегда ботинком.
Она недавно могла «уйти», её «вытащили» еле-еле,
И по левой ноге разбежалась фиолетовая паутинка.

...Если вдруг целебным покоем окутает вас больница,
Отцветают глаза и губы, и глуше становятся голоса.
Главное, чтобы было кому за вас помолиться
В четыре часа. Помните — ровно в четыре часа...

* * *

Когда мы всё-таки уйдём,
Всё будет двигаться и дальше:
Найдётся место лжи и фальши,
И будут двое под дождём,
И будет день, и свет, и полночь,
Разлуки, встречи, суета,
Тепло и в голосе металл,
Друзей предательство и помощь,
Дней круговерть и карусель
Событий, осени недлинность,
И ожидание вестей,
Любовь, и слава, и немилость.
Всё будет: и сверчок за печкой,
Луна и сладкая печаль,
Сквозь Вечность Каина печать
Тревожить будет бесконечно...
Но хрупкий шар в ладонях дня
Вдруг разобьётся незаметно.
И можно ль отыскать ответы,
Коль невесомости броня
Окутает густым покоем
(и слева больше не болит).
Под ноги Млечный Путь пролит,
Пилат беседует с тобою.
Из многих бед и ситуаций
(вы разобрались) выход есть —
У вас для всех благая весть!
...Да вот назад не перебраться.

Елена Ким

Князь Н.Д. Лобанов-Ростовский — Ростовскому кремлю

*Ростовский кремль. Вид с озера Неро.
Фото В.А. Абрамова*

Вот уже на протяжении пяти лет князь Н. Д. Лобанов-Ростовский, Рюрикович в 33-м поколении, предки которого княжили в Ростове, сотрудничает с Государственным музеем-заповедником «Ростовский кремль». За прошедшие годы в Ростовский музей им было передано около 15 тысяч предметов XVII–XXI вв., часть которых поставлена на музейный учёт, часть проходит первичную научную обработку.

Масштаб и значимость дарений князя в Ростовский музей таковы, что в 2014 году было принято решение о создании в структуре Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» самостоятельного подразделения — Музея князей Лобановых-

Ростовских. Он будет размещён в двухэтажном особняке XIX века, ранее принадлежавшем одному из основателей Ростовского музея И. А. Шлякову (1843–1919). Летом 2016 г. Министерство культуры РФ выделило около 40 миллионов рублей на реставрацию здания — памятника архитектуры федерального значения, идёт процедура конкурсного отбора подрядчика на проведение реставрационных работ.

Однако, пожалуй, самый крупный дар в музей Н.Д. Лобанов-Ростовский внёс в 2016 г. — это произведения искусства, документы, исторические раритеты общей стоимостью свыше 70 миллионов рублей. Часть дарений (около 150 экспонатов) можно было видеть в Парадном зале Государских хором Ростовского кремля на выставке «Дар князя Н.Д. Лобанова-Ростовского в Ростовский музей. Новые поступления», которая открылась 7 октября 2016 г. Это уже четвёртая выставка, основанная на дарах известного общественного деятеля, коллекционера и мецената в Ростовский музей-заповедник, однако от предыдущих она отличалась особым масштабом. Посетители имели возможность увидеть выдающиеся произведения русского и зарубежного изобразительного искусства, которые никогда не экспонировались в России. Особо следует выделить картину «амазонки авангарда» А.А. Экстер «Абстрактная композиция» (1917–1918), стоимость которой, по оценке Аукционного дома Sothebys, составляет 500 тысяч евро; созданный в 1918 г. выдающимся русским художником И.И. Машковым «Натюрморт с камелиями, фруктами и вином» (300 тысяч евро, по оценке Дж. Баррена, бывшего директора Аукционного дома Sothebys); «Натюрморт с гитарой» легендарного основателя кубизма Ж. Брака (1882–1963), который французские эксперты оценили в 220 тысяч евро. Впервые была показана публике коллекция произведений видного представителя второй волны русского авангарда В.Н. Немухина (1925–2016), характеризующая зрелый период творчества художника. Знаток и коллекционер русской сценографии Н.Д. Лобанов-Ростовский подарил в музей произведения и этого вида искусства, часть которых была представлена на выставке. Богатством и разнообразием отличался раздел декоративно-прикладного искусства, в котором экспонируется английский фаянс и китайский фарфор, старинное столовое серебро и цветное стекло, а также этнографические предметы из самых разных стран мира, в которых побывал даритель. Выставка также включала в себя обширный документальный раздел, в который вошли архивные документы, фотографии, редкие книги.

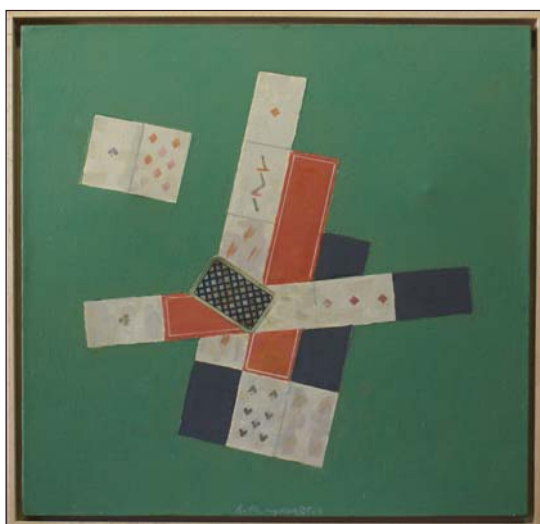
Специально для участия в вернисаже из Лондона, где он проживает последние тридцать с лишним лет, прибыл даритель — князь Н.Д. Лобанов-Ростовский. Из Парижа в Ростов приехали его кузен Ю.А. Трубников с супругой Беатрис, выделявшейся, как и положено парижанке, особой статью и шармом. Кстати, Беатрис имеет теперь самое непосредственное отношение к ростовско-

Ж. Брак. Натюрморт с гитарой. 1928 г.

А. А. Экстер. Абстрактная композиция. 1917–1918 гг.

*В. Н. Немухин.
Конструктивное видение.
2003 г.*

*А.М. Лавинский. Эскиз декорации к «Мистерии-буфф»
В. В. Маяковского. 1921 г.*

*И. И. Машков. Натюрморт
с камелиями, фруктами и вином. 1918 г.*

С. Четик. Емеля.

стерства культуры России Ю.А. Евтюхину. В своей краткой речи он от имени Министерства поблагодарил князя и пожелал дальнейшей плодотворной работы. Выступившие сотрудники музея старательно пересказали содержание опубликованных к выставке печатных материалов.

На этом фоне особенно ярко прозвучало выступление самого дарителя. Никита Дмитриевич в очередной раз преподнёс урок того, как нужно относиться к делу, которому служишь. «Чем значимы дарения подобного рода? — начал он после обычных в этих случаях слов благодарности организаторам выставки. — Всего за 5 лет существования РСФСР комиссия, возглавляемая Горьким, успела вывезти из России 60 тысяч тонн произведений искусств на продажу за рубежом. Эта цифра известна из информационных бюллетеней Российских железных дорог. Эти огромные резервы, ранее бывшие достоянием российской культуры, оказались за границей. Несомненно, стоит стараться для того, чтобы постепенно возвращать это достояние на родину, что я и делаю». В своей продуманной и строго построенной речи он убедительно и не повторяясь, объяснил, почему он не создал частный музей, хотя имеет для этого все возможности, сделав при этом и любопытный экскурс в историю музейного строительства. Напомнил он и об опыте создания первого в СССР Музея личных коллекций, к чему сам Никита Дмитриевич был непосредственно причастен. «И что еще важнее, — продолжил он, — государство приняло на себя расходы по содержанию музея. Вне Советского Союза

Л. С. Давиденкова. Портрет Нины Лобановой-Ростовской. 2003 г.

му собранию. Именно она выполнила серию росписей на лиможских тарелках по мотивам театральной коллекции Лобановых-Ростовских, которые поступили в музей в 2013 г. и уже неоднократно экспонировались в его стенах. Из Москвы приехали известные учёные, художники, представители СМИ, в том числе корреспонденты «ОРТ». Последнее было весьма кстати, так как ярославские журналисты на вернисаже «блистали своим отсутствием». Местную прессу представлял корреспондент газеты «Ростовский вестник», но готовить репортаж не входило в его планы, так как незадолго до вернисажа руководство музея запретило размещать материалы о музее без предварительного с ним — руководством музея — согласования. А здешние «акулы пера» оказались не очень зубасты.

Открывая вернисаж, директор Ростовского музея Н.С. Каровская предоставила слово заместителю начальника Департамента культурного наследия Мини-

такой симбиоз был и остаётся невозможным. Музеи вне России не принимают значительных художественных пожертвований, если дар не сопровождается дополнительными средствами их музейного содержания. Следуя этой практике, я предложил Министерству культуры денежными средствами участвовать в реставрации дома Шлякова. Моё предложение не было принято». В заключение Никита Дмитриевич напомнил о своём печальном опыте создания Музея князей Лобановых-Ростовских в Филях и выразил надежду, что в Ростове этот музей откроется, согласно плану, в 2018 г.

Глубокое и содержательное выступление дарителя поддержали доцент Саратовского университета М.В. Ковалёв и профессор МГУ Е.С. Фёдорова. Екатерина Сергеевна напомнила, что Н.Д. Лобанов-Ростовский почти полвека возвращает в Россию исторические и художественные ценности. Что касается его дара в Ростовский музей, то, констатировала Екатерина Сергеевна, «редко кто из наших зарубежных соотечественни-

ков дарил столь выдающиеся произведения искусства, которые имеют и внушительный денежный эквивалент». Она также считает, что «если случится чудо и «Музей Лобановых-Ростовских начнёт свою жизнь в доме Шлякова, то помимо художественных и идейных соображений, он, несомненно, окажется привлекательным объектом для российских и зарубежных туристов, и неизбежно будет содействовать материальному благополучию города». Если случится чудо...

Эмоциональным и наполненным личными воспоминаниями были выступления члена-корреспондента Российской академии художеств М.В. Фёдоровой. Мария Владиславовна рассказала о том, каким открытием для неё была первая выставка из собрания Лобановых-Ростовских в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в 1988 г., каким огромным событием она стала в культурной жизни страны, как, впрочем, и все последующие выставки. В феврале нынешнего года Н.Д. Лобанов-Ростовский был удостоен звания Почётного члена Российской академии художеств. Теперь к этой награде прибавилось Благодарственное письмо за дарения в Ростовский музей, которое по поручению президента и президиума РАХ и вручила М.В. Фёдорова Н.Д. Лобанову-Ростовскому.

Ростов — город с богатыми художественными традициями, в котором и сейчас трудятся замечательные мастера, в таланте которых князь уже имел возможность убедиться. От имени ростовских художников Н.Д. Лобанова-Ростовского приветствовал известный эмальер, Заслуженный художник России, общественный деятель и вкладчик в Ростовский музей А.Г. Алексеев. «В книге «Эпоха. Коллекция. Судьба», — как всегда непосредственно начал Александр Геннадьевич, — мне больше всего понравилась фотография, где Никита Дмитриевич стоит на «олимпийской» (построенной к московской Олимпиаде 1980 г.) дороге на фоне Спасо-Яковлевского монастыря. Это очень пронзительная фотография. Она — о возвращении князя через несколько столетий на родину предков». Дарения Лобанова-Ростовского в Ростовский музей он назвал «исключительным поступком» и пожелал Никите Дмитриевичу, пожалуй, то, что теперь ему нужнее всего — «увидеть Музей князей Лобановых-Ростовских, и чем скорее, тем лучше».

В продолжение вернисажа Н.С. Каровская рассказала о фирме ООО «Хепри», с московским представительством которой музей сотрудничает уже несколько лет именно в деле перевозки даров Н.Д. Лобанова-Ростовского из Москвы в Ростов. Наталия Стефановна вручила Благодарственное письмо музея представителю фирмы М.Д. Ишмуратовой. В своей ответной речи Минзала Дамировна отметила, что работа с даром Н.Д. Лобанова-Ростовского для компании — уникальный проект, участие в котором определяет сопричастность истории.

Заметим, что перевозка произведений искусства — дело очень сложное, требующее специального оборудования, высокой квалификации персонала. Все перевозки фирма осуществляла с особым вниманием к качеству исполнения и глубочайшим уважением к личности Н.Д. Лобанова-Ростовского.

На вернисаж по приглашению Н.Д. Лобанова-Ростовского из Москвы приехала Г.Ф. Алексеева. Полгода назад ушёл из жизни её супруг, выдающийся художник В.Н. Немухин (1925–2016). Нельзя не отметить важную роль Галины Фёдоровны в создании коллекции работ Немухина, которую Никита Дмитриевич подарил Ростовскому музею. Шесть из девяти произведений происходят из мастерской самого художника. Галина Фёдоровна при этом вела переговоры, устраивала встречи, поила чаем, наконец, помогала упаковывать произведения для транспортировки в Ростов. И всё это она делала с неизменной доброжелательностью, своим спокойствием уравновешивая знаменитого и, несмотря на лета, темпераментного супруга. В Ростове Галина Фёдоровна была рада своими гла-

М.В. Фёдорова. Ярмарка. Скоморох-шут.
1995 г.

зами увидеть, что работы Владимира Николаевича экспонируются на выставке и доступны широкому кругу зрителей.

Вскоре после окончания вернисажа Никита Дмитриевич покинул Ростов и Россию. Однако буквально на следующий день после своего возвращения в Лондон, он прислал в музей график своих ежемесячных прилётов в Москву на ближайшее время. Билеты на самолёты «Британских авиалиний» уже куплены, и в их стоимость вошёл и багаж — очередные дары Ростовскому музею.

Ярослав Смирнов

К открытию выставки «Дары Н.Д. Лобанова-Ростовского. 2015–2016»¹

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский — из древнего княжеского рода, восходящего к династии Рюриковичей. Родился в 1935 г. в Болгарии. Родители — эмигранты из России. Выпускник Оксфордского (Англия), Колумбийского и Нью-Йоркского (США) университетов. Магистр экономической геологии (1960), магистр банковского дела (1962). Участвовал в геологоразведочных экспедициях во многих странах мира. Занимал руководящие посты в крупнейших банках США и Великобритании, являлся советником алмазодобывающей компании «Де Бирс».

Собиратель, исследователь и популяризатор русского искусства последней трети XIX — начала XX вв., создатель (совместно с первой супругой Ниной) уникальной коллекции театральной живописи и графики эпохи Серебряного века и русского авангарда. Автор трудов по искусствоведению. Консультант аукционных домов «Кристи» и «Сотбис».

Меценат, благотворитель, общественный деятель. Директор Ассоциации театральных музеев (Лондон), пожизненный член Совета благотворителей музея Метрополитен (Нью-Йорк), Международного фонда искусства и просвещения (Вашингтон), член правления Института современной русской культуры (Лос-Анджелес) и многих других общественных объединений, связанных с русской культурой. Первый заместитель председателя Международного совета российских соотечественников (Москва), почётный доктор Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина (2003), действительный член Петровской академии наук и искусств (2008), почётный член Российской академии художеств (2016).

Удостоен многочисленных российских и зарубежных наград и премий. Гражданин США. Указом Президента РФ от 5 ноября 2010 г. ему предоставлено российское гражданство. С 1979 г. живёт в Лондоне.

Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль» очередной выставкой (открытие — 7 октября 2016 г.) представляет новейшие поступления в составе коллекции дарителя музея Н. Д. Лобанова-Ростовского.

К этому открытию приурочен специальный выпуск газеты «Ростовская старина». В статьях специалистов музеев Ростова, Ярославля и Москвы рассказывается об отдельных комплексах этой выставки.

В октябре 2011 г. Н.Д. Лобанов-Ростовский объявил о своём решении передать Ростовскому музею часть своей богатой и разнообразной по составу коллекции. Художественная коллекция Лобановых-Ростовских складывалась в течение полувека. Она включала в себя произведения живописи, графики, декоративно-прикладного искусства, книжные издания. Большая её часть была продана или подарена в различные музеи. Одна из последних продаж — собрание театральной графики, состоящее более чем из тысячи первоклассных работ, которые приобрёл международный благотворительный фонд «Константиновский» (2008), Дом русского зарубежья имени А.И. Солжени-

¹ Ростовская старина, Ростов. 2016, сентябрь, выпуск № 6 (175), С. 1.

цына получил в дар библиотеку из трёх тысяч томов и редких фотодокументов (2010). Основу для передачи в музей «Ростовский кремль» составила экспозиция прекратившего своё существование частного Дома-музея Лобановых-Ростовских в московском парке «Фили» (2001–2012).

Поступление части коллекции Н. Д. Лобанова-Ростовского в Ростовский музей и внесение предметов в музейный фонд — событие не одномоментное: продолжающаяся передача отдельных предметов и их комплексов, их научная обработка идут в течение 2013–2016 годов. Всего к настоящему времени в музей поступило около 1500 произведений искусства и архивных документов, а также более 1000 книг. Немалую часть составляют материалы, пополнившие научно-вспомогательный музейный фонд (около 1400 предметов), ведётся работа по описанию и включению в него новых предметных и документальных комплексов.

Пополнение музейного собрания из коллекции Н. Д. Лобанова-Ростовского неизменно сопровождается выставочными проектами, представляющими зрителю новые поступления.

Открытие первой выставки в Парадном зале Государских хором в присутствии дарителя и его супруги состоялось 17 мая 2013 г. На вернисаже было показано 290 произведений живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, а также представлены редкие документы и фотографии.

В начале 2014 г. в городской детской библиотеке и образовательных учреждениях Ростова и района музей развернул передвижную выставку «Жар-птица. Сказка на русской сцене», подготовленную на основе репродукций произведений русских художников из собрания Н. Д. Лобанова-Ростовского.

2 августа 2014 г. в Самуиловом корпусе музея начала работу выставка, посвящённая многогранной общественной и собирательской деятельности потомка ростовских князей. 179 экспонатов из собрания дарителя и иных фондов музея раскрывают жизненный путь коллекционера и историю княжеского рода.

Открытие ещё одной выставки — «Художественный плакат из собрания Н. Д. Лобанова-Ростовского» — состоялось 14 апреля 2015 г. в присутствии дарителя.

Нынешняя выставка, четвёртая по счёту, демонстрирует поступления 2015–2016 годов. Характеризуя в целом коллекцию, выставка в нескольких своих разделах содержит редкие, а порой уникальные экспонаты — произведения живописи, графики, художественные изделия из фарфора и фаянса, драгоценных металлов, документы семейного архива и книги из личной библиотеки дарителя. Для показа в рамках вернисажа была отобрана небольшая часть из новых поступлений — чуть более 150 экспонатов.

Живописная часть коллекции на выставке представлена произведениями русских и западноевропейских художников XX — начала XXI вв. В этой группе выделяются работы французского основателя кубизма Жоржа Брака (1882–1963), русских художников Ильи Машкова (1881–1944), Александры Экстер (1882–1949), Владимира Немухина (1925–2016).

В разделе графики экспонируются работы русских и зарубежных авторов, выполненные в различных техниках, а также полиграфическая продукция (театральные и художественные афиши, плакаты, марки) XIX — начала XXI вв.

Декоративно-прикладное искусство демонстрируют изготовленные в Англии столовая посуда и приборы из серебра конца XIX — первой трети XX вв. Здесь же — экспонаты из металла, относящиеся ко второй половине XX — началу XXI вв., фарфор и фаянс производств Англии, Германии, Казахстана, России и Франции (1980-е годы — начало XXI в.).

Берега культуры и искусства

Татьяна Лебедева

Коллекция гравюр и литографий¹

В 2013 г. я как эксперт Минкультуры России получила предложение сделать описание и экспертизу работ, переданных в дар музею-заповеднику «Ростовский кремль» Н. Д. Лобановым-Ростовским. Признаюсь, была заинтригована и испытывала некоторую робость. Сама личность коллекционера и его собрание широко известны. На протяжении многих лет Н. Д. Лобанов-Ростовский сохранял национальное достояние российской культуры. Незадолго до того его уникальное собрание, состоящее из первоклассных произведений русского театрально-декорационного искусства начала XX в., было возвращено в Россию. Тем более было интересно, что же он подарил Ростовскому музею? Та часть коллекции, с которой я работала, в своей большей составляющей оказалась собранием гравюр и литографий XVII — XIX вв.

Описание частной коллекции имеет свою особенность. Любая коллекция не является случайным набором предметов. Коллекция сама по себе — явление культуры, целостный организм, имеющий художественное и историко-культурное значение. Она является результатом творческого процесса, несёт в себе интеллектуальную и эмоциональную энергию собирателя, передаёт его мироощущение, художественные интересы, вкусы, пристрастия. Главной темой, объединяющей коллекцию Никиты Лобанова-Ростовского, является тема России, её истории и культуры. Сюда органично встраивается и его собрание гравюр и литографий.

Передо мной оказались полторы сотни листов старых гравюр, фрагмент некогда большого искусства. Гравюра — особое искусство. В самом этом термине, как мне кажется, есть вкус чего-то благородного, дорогого, изысканного, сродни вкусу старого вина. Пожелтевшая, как правило, тряпичная бумага хорошего качества, изображение, выполненное с помощью оттиска с металлической доски, изящный, скрупулёзно сделанный рисунок. Старые гравюры не терпят быстрого пролистывания, они рассчитаны на неспешное разглядывание, любование изображением, его деталями, игрой взаимодействия линий и штрихов, светотеневыми эффектами. Они погружают зрителя в иную, давно ушедшую реальность.

Работа с такой коллекцией, безусловно, содержит эмоциональный момент, главная же цель — искусствоведческое исследование. Задача эксперта заключается в идентификации предметов (уточнении авторов, названий, объекта изображения, даты, техники) и определении их художественной ценности.

Большую часть коллекции составляют портреты представителей правящего дома России династии Романовых — от Михаила Фёдоровича до Николая II. Тема изображения первых людей страны весьма популярна и востребована в искусстве во все времена, тесно связана с политикой, идеологией, социальной жизнью страны. Эти портреты, как правило, писались известными художниками и тиражировались гравёрами и литографами с помощью различных гравировальных техник (резца, офорта, пунктира, меццо-тинто) или рисунков литографским карандашом. Гравёры переводили изображение в другой художественный материал, превращая воспроизведение в новое самоценное и самостоятельное произведение. Гравюры из коллекции Н. Д. Лобанова-Ростовского, главным образом, являются работой художников разных европейских стран.

Открывает галерею довольно редкий лист XVII в., работа французского гравёра Бальтазара Монкорне (Balthasar Moncornet) «Великий князь Михаил Фёдорович» 1650 года, изображающая русского царя Михаила Фёдоровича, первого представителя династии Романовых, о чём свидетельствует текст на гравюре: «Michel Phedorwitz grand duc de Moscovie de l'an 1612 il est de la religion des grees schiematiques, et grand Capitaine». Считается, что Б. Монкорне гравировал портрет с оригинала из-

¹ Ростовская старина, Ростов. 2016, сентябрь, выпуск № 6 (175), С. 2 и 4.

Пётр I, российский император

*Екатерина II, императрица
всероссийская*

вестного немецкого путешественника и секретаря посольства короля Фридриха III Адама Олеария (1599–1671), сделанного им во время визита посольства к русскому царю Михаилу Фёдоровичу и персидскому шаху Сефи I «с целью завязать торговые отношения с Персией через Россию». В то время в представлении иностранцев Россия была далёкой экзотической страной, вероятно, поэтому французский художник позволил себе вольность в интерпретации сюжета: фоном для портрета служит сцена охоты рыцарей на страусов.

В гравюрах XVIII в. таких казусов не встречается, российские представители императорской фамилии изображаются в ряду европейских монархов с подобающим пиететом, традиционными атрибутами власти, известными немецкими, голландскими, английскими гравёрами.

Среди них есть интересные листы: Христиан-Альберт Вортман (Christian-Albert Wortmann) с оригинала Иоганна Пауля Люддена (Johann Paul Lüdden) «Пётр II, император и самодержец всероссийский»

1729 (Германия, Россия); Йозеф (Джузеппе) Вагнер (Joseph (Giuseppe) Wagner) с оригинала Джакомо Амигони (Амикони) (Jacopo Amigoni (Amiconi)) «Анна I, императрица всероссийская» 1732–1739 (Италия, Англия); Иоганн Мартин Бернигерот (Johann Martin Bernigeroth) «Анна принцесса Мекленбург-Шверинская, наследница российского престола» 1730-е (Германия); Бернард Фогель (Bernhard Vogel) по оригиналу Иоганна Купецкого «Пётр I Великий, всероссийский император и вседержитель» 1737 (Германия); Якоб Хубракен (Jacob Houbraken) с оригинала Карела де Моора «Пётр I, российский император» 1752 (Голландия) (ил. 1); Георг Зигмунд Фациус (George Sigmund Facius) гравюры С.А. Панина (Тип П. Ротари) «Екатерина II, императрица всероссийская» 1773–1776 (Германия, Россия) (ил. 2); Франческо Бартолоцци (Francesco Bartolozzi) с оригинала Александра Рослина по рисунку Микаэля Бенедетти «Екатерина II, российская императрица» 1785 (Англия).

Стиль барокко XVIII в., с его пышностью и изощрённостью формы, наиболее ярко выразился в парадных портретах царских особ. Очень эффектно выглядят работы известного немецкого художника, который гравировал по собственным рисункам, Иоганна Элиаса Ридингера (Johann Elias Ridinger) «Елизавета I, императрица и самодержица Всероссийская» (1741–1767) и «Пётр Фёдорович, Великий князь Всероссийский» (1742–1760). Оба листа представляют конные портреты монархов в окружении свиты на фоне пейзажа. Они сделаны изощрённым «барочным» рисунком, повторенным в гравюре, с прекрасно нарисованными фигурами, в том числе лошадей (художник был известным анималистом). Автора гравюры определить удастся не всегда — поля с текстом могут быть утрачены, или сам автор не поставил подпись. Но и среди работ неизвестных художников

попадают интересные листы. К таковым следует отнести портрет с текстом: «Димитрий, московский царь / Demetrius Moskovitarum Szaar». Она напечатана на старой бумаге, с двух плохо совмещённых досок. Погрудный мужской портрет довольно небрежно помещён в раму с атрибутами воинской славы: оружием, доспехами, знаменами, вверху и внизу аллегорические фигуры. Изображён Лжедмитрий I, официально именовавший себя царевич (затем царь) Дмитрий Иоаннович, в сношениях с иностранными государствами — император Димитрий (лат. *Demetreus Imperator*) (?–1606). По устоявшемуся в историографии мнению — самозванец, выдававший себя за чудом спасшегося младшего сына Ивана IV царевича Дмитрия. Находился у власти с 1 июня 1605 по 17 (27) мая 1606. По аналогии с другими известными изображениями этого персонажа, а также учитывая актуальность изготовления портрета, его можно датировать 1606 г.

Значительное количество работ в коллекции являются видовыми гравюрами и литографиями с изображением российских городов. Это отдельные листы из альбомов с видами Москвы и Санкт-Петербурга первой половины XIX в. «Живописное представление нравов, обычаев и забав в России» (1804) Д.А. Аткинсон; «Панорама Санкт-Петербурга» (1820–1827). Издатель А.И. Плюшар; «Живописное и археологическое путешествие по России в 1839 г.» (1842). Издатель О. Брай; «38 литографированных видов С.-Петербурга» (1840-е), «Виды Москвы» (1840–1850-е). Издатель И.Х. Дациаро. Виды рисовались разными художниками, русскими и европейцами, выпускались работавшими в России издателями-иностранцами, печатались в Париже (часто в мастерской Лемерсье) и продавались в России. Эти листы всегда привлекательны изображением достопримечательных мест, подчас не сохранившихся до наших дней. В них тщательно прорисованы архитектурные сооружения. Улицы городов и пейзажи окрестностей всегда оживлены фигурками людей, занятыми повседневными делами. Эти листы можно рассматривать как отображение жизни России XIX в. (ил. 3).

Среди подобных работ чуть особняком стоит подкрашенная акварелью литография «Сюжет с повозкой, гружённой бочками» с подписью: N. Ivaschentzoff. Sourd-muet. Работа принадлежит художнику Николаю Ивашенцеву, гравёру и литографу, глухонемому, воспитаннику С.-Петербургской

Виды Москвы

школы глухонемых, где он обучался рисованию и гравированию у К. К. Гампельна и Н. И. Уткина. Работал в 1820–1850-е гг. в Петербурге, известен как иллюстратор и автор изображения народных типов. Лист довольно редкий.

Подобная печатная продукция — широко распространённый и востребованный вид искусства в XVIII–XIX вв. Но время не щадит произведения на бумаге, и от некогда больших тиражей и альбомов остаются десятки оттисков и отдельные листы. Со временем их ценность только возрастает, они становятся предметами коллекционирования, оседают в собраниях музеев. Проведённая исследовательская работа облегчалась тем, что многие листы имеют аналоги в крупных музеях: Государственном историческом музее (Москва), Государственном Эрмитаже (С.-Петербург), Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (Москва), Британском музее (Лондон) и других. Это само по себе говорит о качестве коллекции гравюр и литографий Н. Д. Лобанова-Ростовского, которая является щедрым и достойным пополнением музейного собрания.

Документальная часть выставки представлена материалами из личного архива Н.Д. Лобанова-Ростовского — письмами, фотографиями и иными источниками конца XVIII — начала XXI вв. Дополняют данный раздел вернисажа редкие книжные издания. В каждой из представленных книг — надписи известных дарителей со словами благодарности Н.Д. Лобанову-Ростовскому за подвижничество и яркий пример просветительства.

Александра Юревич

Книги с автографами¹

Научная библиотека Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» в недавнее время пополнилась несколькими сотнями изданий из коллекции Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Значительная часть этих редких книг — с автографами.

Подаренное музею книжное собрание пополнило уже имеющуюся в музейной библиотеке большую коллекцию книг с автографами деятелей XIX—XX столетий, среди которых много славных имён — представители ростовского и ярославского купечества, местной интеллигенции, всероссийски знаменитых учёных, историков, писателей, художников.

Основательное изучение книг с автографами из коллекции Н. Д. Лобанова-Ростовского ещё предстоит. Но уже сейчас можно представить читателю некоторые предварительные наблюдения об этом во многих отношениях интересном собрании авторских записей.

В коллекции переданных музею книг — издания середины XIX — начала XXI вв., вышедшие в России, Великобритании, Болгарии, Германии, Австрии, США. Они разнообразны по тематике: книги по истории императорского дома Романовых, художественная литература, альбомы современных художников.

Особенно ценны альбомы-каталоги выставок, создававшихся на основе коллекции Никиты Дмитриевича, большая подборка журналов со статьями о его собирательской деятельности и о самой коллекции произведений искусства. Есть здесь и издания по минералогии и геологии, отсылающие читателя к первой профессии нашего дарителя.

Можно предположить, что специально коллекционированием книг с автографами Н. Д. Лобанов-Ростовский никогда не занимался. Но благодаря своей профессиональной деятельности, увлечению собирательством предметов искусства и общественному положению Никита Дмитриевич на своём жизненном пути встречался со многими деятелями культуры, искусства и политики. И свидетелями этих встреч, мимолётных или основанных на многолетнем общении, в частности, стали книги с автографами.

В числе дарителей коллекционера яркие имена — поэт Евгений Евтушенко, танцовщик и балетмейстер Владимир Васильев, детский писатель, общественный деятель Альберт Лиханов, писатель и культуролог Андрей Новиков-Ланской, археолог, доктор исторических наук Анатолий Кирпичников многие другие.

Профессор богословия Николай Арсеньев, дядя Никиты Дмитриевича, подарил племяннику четыре тома «Российской родословной книги» (П. Долгоруков, 1854), а на мемуарной книге одного из лидеров кадетов Павла Дмитриевича Долгорукова (1866–1965) «Великая разруха» (Мадрид, 1964), сделал на титульном листе собственноручную надпись: «Милому Никите от дяди Николая. 1 марта 1975 1965 г.».

¹ Ростовская старина, Ростов. 2016, сентябрь, выпуск № 6 (175), С. 1.

Интересным книжным экземпляром является сборник «Люблю тебя, Россия! Песни на стихи Михаила Ножкина. Мелодии и тексты песен». Автор, Народный артист России Михаил Ножкин на титульном листе издания надписал: «Уважаемому Н. Лобанову-Ростовскому с пожеланием долгих лет жизни! М. Ножкин. 9/IV 1989 г.».

Книга Андрея Сазонова «Исповедь коллекционера» имеет посвящение: «Добрым друзьям и замечательным собирателям Нине и Никите Лобановым-Ростовским». В экземпляре из коллекции читается и трогательная надпись автора, позволяющая увидеть, что дарителя и адресата связывают давние дружеские отношения: «Дорогому Н.Д. от благодарного и любящего его автора. 07.10.03. СПб».

Автограф в книге Н. Туроверова «Двадцатый год — прощай, Россия», оставленный известным бардом, исследователем истории культуры послереволюционной эмиграции, автором-составителем шести сборников поэтов Русского зарубежья Виктором Леонидовым, — содержит уже оценку заслуг замечательного коллекционера: «Дорогому Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому, спасшему целую эпоху искусства России. В. Леонидов. 12.1.2002».

Подобных примеров книжных автографов в новой музейной коллекции редких изданий насчитывается множество. Эти записи открывают перед читателями не только интересный мир человеческих взаимоотношений, но и судьбу коллекционера — Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского.

Берега культуры и искусства

Евгения Гершкович

Первый и второй авангард из коллекции Н.Д. Лобанова-Ростовского¹

«Цвет должен вытекать из формы», - утверждала Александра Экстер, и слова эти идеально рифмуются с живописным строем «Абстрактной композиции с красными, голубыми и жёлтыми полушариями» (ил. 1) — полотна, пополнившего коллекцию государственного музея-заповедника «Ростовский кремль». Работа Экстер датирована 1917–1918 гг., временем, когда жизнь одной из ярчайших звёзд русского авангарда совершила ещё один круг — и от предметных импрессионистических и сезаннистских произведений художница стала постепенно двигаться в направлении абстрактных мотивов, возможных предвестников стиля ар деко.

Вещь покоряет сочетанием мощного авторского темперамента и рафинированности. Нагромождение объёмных геометрических элементов с динамикой и взрывами цвета, без которых Экстер была бы не Экстер, в известном смысле служат продолжением опытов художницы в жанре театральной декорации и трёхмерной беспредметной сценографии.

Она играла с пространством (декорации к пьесе Оскара Уайльда «Саломея». Камерный театр, 1917), гранила его, отсекала лишнее, заставляя принимать всё новые и новые формы, и подчас изменяться полностью.

Стоит напомнить, что над «Абстрактной композицией», своей «ничего» не изображающей картиной, Александра Экстер, покинув Москву в декабре 1917 г., работала во время обстрелов в Киеве и Одессе, одухотворяя, по словам искусствоведа Якова Тугенхольда, «комбинации разноцветных геометрических поверхностей» «мучительным горением души».

Даже предпочитающему реалистическое искусство зрителю трудно оторвать взгляд от этих горячих оранжево-красных кругов, синих и чёрных глубин, блестящих, как эмаль, поверхностей белого.

Провенанс «Абстрактной композиции» сомнений в подлинности работы не вызывает: Никита Лобанов-Ростовский приобрёл вещь у художника, душеприкащика Александры Экстер и её близкого друга Симона (Семёна) Лиссима в 1964 г. в Нью-Йорке.

Согласно завещанию художницы, после её смерти большинство живописных и графических работ, а также личный архив были переданы ему. С. Лиссим хранил и два эскиза к «Фамире Ки-фареду», вакхической драме Иннокентия Анненского, поставленной Александром Таировым в Камерном театре. Три года назад эти гуаши 1916 г. Лобанов принёс в дар Государственному музею-заповеднику «Ростовский кремль», чьи фонды русского авангарда обладают работами высокого художественного уровня, в том числе «Эскизом костюма» 1920 г. А. Экстер.

Недавнее пополнение коллекции живописным полотном крупного формата, создание которого приходится на самый пик творческой карьеры мастера, без сомнения, делает музейное собрание ещё более представительным.

Ценно, что «Ростовский кремль» стал обладателем именно станковой работы Экстер, широкой публике более известной в качестве художницы театра.

В контексте поисков нового художественного языка амазонкой русского авангарда опыты француза Жоржа Брака (1882–1963), а именно «Натюрморт с гитарой» 1928 года (ил. 4) выглядят более традиционными.

Большой удачей представляется и тот факт, что благодаря дару Никиты Лобанова-Ростовского имя легендарного основателя кубизма теперь также в собрании музея. К слову сказать, это первая работа западного художника XX столетия в Ростовском музее.

Вещь написана Браком уже после Первой мировой войны, где он воевал, был тяжело ранен в

¹ Ростовская старина, Ростов. 2016, сентябрь, выпуск № 6 (175), С. 2.

голову, долго лечился. Палитру живописца, некогда бунтаря, тогда уже не отличала красочная несдержанность, прежняя энергия в ней отсутствует. После открытия для себя творчества Сезанна, после встречи с Пикассо Брак кардинально меняет художественную манеру, всё более тяготея к лаконизму выразительных средств. «Невозможно все время находиться в пароксизме», — заметил однажды художник, имея в виду былую страсть к буйству цвета.

Из-под его кисти теперь выходят преимущественно натюрморты с посудой, цветами, фруктами (лимоны, груши, персики) и музыкальными инструментами в светло-серых, голубых, оливковых и жёлтых тонах. Сразу после своего создания «Натюрморт с гитарой» был приобретён поклонником авангарда, бароном Рихардом фон Радаком и хранился у него в Берлине. Затем работу унаследовал барон Свен фон Радак. Кстати, в той же коллекции находились работы Казимира Малевича и Варвары Степановой, теперь периодически всплывающие на аукционах.

Ещё принадлежа к группе фовистов, основанной Матиссом и Дёренем, Жорж Брак посылал свои работы в Москву, где вместе с другими французскими художниками (Кесом ван Донгеном, Морисом Вламинком и Полем Синьяком) участвовал в выставках «Бубнового валета» (1910–1914).

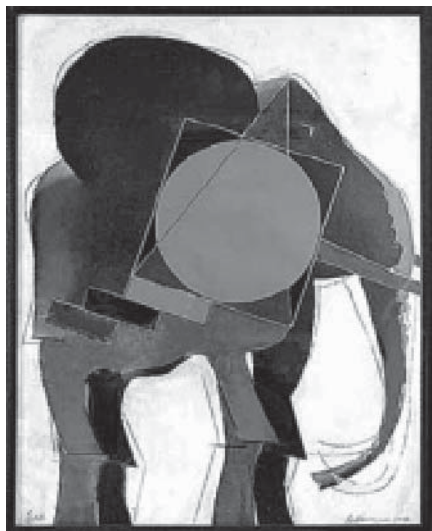
«Валеты» нисколько не скрывали источников своего вдохновения. Увлечённые лубочными образами, городским фольклором, базарными вывесками, они стремились сблизить русское искусство с достижениями французских модернистов.

Илья Машков (1881–1944) был одним из них. В компании Петра Кончаловского, Аристарха Лентулова и Роберта Фалька, в жёлтой рубашке, с раскрашенным лицом он с удовольствием эпатировал публику. Именно эта весёлая компания объединилась в общество «Бубновый валет».

Работы Ильи Машкова «Камелия» (1913) и «Тыква» (1914) стали первыми произведениями нового русского искусства, которые Третьяковская галерея приобрела в своё собрание. Ростовский же музей отныне стал владельцем картины «Натюрморт с камелиями, фруктами и вином» (ил. 2). Холст, на котором автор оставил свой автограф, датирован 1913 г. Авторство подтвердил искусствовед Глеб Геннадьевич Поспелов. Автор знаменитого труда «Бубновый валет», изданного в 1990 г., проводит параллель этой работы именно с натюрмортом из Третьяковки: «Тут и там Машков скругляет верх композиции, серая драпировка располагается широкими складками, которые в нашей картине напоминают торжественные складки театрального занавеса. Полностью совпадает кладка мазков, характерна для работ Машкова 1913 года».

Помимо вещей первого авангарда, коллекционер передал в музей произведения Владимира Немухина (1925–2016), видного представителя так называемого «второго авангарда».

Термин «второй авангард», чьё рождение связано с хрущёвской оттепелью 1955 года, Всемирным фестивалем молодёжи и студентов 1957 года в Москве, выставкой «Новая реальность» в Манеже в 1962 году и, наконец, «Бульдозерной выставкой» сентября 1974 г., ввёл в оборот художник Михаил Гробман. Также искусство «второго авангарда» иллюстрируют терминами «неофициальное», «нонконформистское» и «андеграундное».

С Владимиром Николаевичем Немухиным Никита Дмитриевич был знаком на протяжении последних двадцати лет. Благодаря этому общению составила коллекция из девяти произведений позднего периода недавно скончавшегося мастера. Теперь все эти работы, отмеченные дарственной надписью художника, хранятся в Ростовском музее (ил. 3). Кроме одного живописного полотна «Конструктивное видение» (2006), в составе коллекции — пять графических листов Немухина, декоративная тарелка, деревянная абстрактная скульптура и страусиное яйцо с росписью. Игральные карты, которые художник ввёл в свои композиции в 1964 г., с тех пор стали постоянным мотивом его работ — таких как «Валет. Марк Шагал», «Валет. Казино», «Валет. Ура».

Даже по этой небольшой коллекции вещей можно составить представление о том, что Немухина, введённый в историю искусств абстрактным экспрессионистом, не был художником радикального языка, но оставался радикальным в своей «беспринципности» эзопова языка, возможность разгадывать который предоставлена зрителю.

Выставка щедрого дара Никиты Лобанова-Ростовского в Парадном зале Государских хором продлится всего два месяца, но работы останутся в музее навсегда.

Изделия из фарфора, фаянса, керамики, стекла и дерева¹

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский передал в дар Государственному музею-заповеднику «Ростовский кремль» более восьмидесяти предметов из фарфора, фаянса, керамики, стекла и дерева.

Керамические изделия в составе этого дара относятся, в основном, к современному периоду (вторая половина XX — начало XXI вв.) и отличаются разнообразием исполнения и назначения: декоративные коллекционные предметы, сувениры, официальные презенты, бытовые вещи. География исполнения разнообразна: СССР, Россия, Казахстан, Англия, Португалия, Германия и др.

Девять номерных декоративных тарелок 1988–1990 гг. Ленинградского фарфорового завода им. М.В. Ломоносова (далее — ЛФЗ), с полихромной деколью на тему русских сказок «Жар-птица» и «Руслан и Людмила», выполнены в традициях палехской росписи по рисункам современных палехских художников. Эти тарелки (серия «Русские сказки») впервые выпускались в СССР на ЛФЗ. По заказу фирмы «Брадекс» («Bradex», головной офис — в г. Хайфа, Израиль) в 1984–1986 гг. была выпущена серия номерных тарелок «Жозефина и Наполеон» по эскизам современного французского художника Клода Бульме в традициях северского фарфора, в стиле ампир, на Лиможской фарфоровой фабрике «Анри д'Арсо и сыновья». Серия отражает наиболее значимые события жизни Жозефины и Наполеона. Из шести тарелок серии в собрании Н.Д. Лобанова-Ростовского находилось пять: «Жозефина», «Встреча», «Память», «Коронация» и «Развод».

Для тарелки «Императрица Жозефина» («L'Imperatrice Josephine») (1983) за основу взят портрет Жозефины Богарне, 1805 (Лувр, Париж) работы Пьера-Поля Прюдона.

Тарелка «Коронация» («Le Sacre») (1985) представляет в интерьере собора сцену посвящения Наполеона Бонапарта и коронавания Жозефины. Рисунок выполнен по картине Жака-Луи Давида «Посвящение Наполеона I в императоры и коронация императрицы Жозефины в соборе Нотр-Дам в Париже 2 декабря 1804 г.» (Лувр, Париж).

На тарелке «Развод» (1985) приведён видоизменённый фрагмент картины Анри-Фредерика Шопена (1804–1880): на переднем плане изображена Жозефина в голубом платье, с диадемой на голове, она протягивает левой рукой лист сидящему в кресле Наполеону в военной форме; за фигурами стоит накрытый зелёной скатертью стол; слева на фоне зелёной драпировки с «золотыми» пчёлами — небольшое овальное зеркало в резной золочёной раме и кресло с бордовой драпировкой с «золотой» монограммой «N» в лавровых ветвях. Развод Наполеона и Жозефины состоялся 15 декабря 1809 г., после тринадцати лет совместной жизни (ил. 1).

На Императорском фарфоровом заводе (Россия, Санкт-Петербург) были изготовлены декоративные настенные тарелки «Медный всадник» с изображением памятника Петру I в Петербурге скульптора Фальконе (автор модели росписи — И. Я. Вольман, 2012) (ил. 4), тарелка «Красная птица» ЛФЗ (СССР, Ленинград) (1970–1980-е гг.) представляет роспись известного художника по фарфору А.В. Воробьевского (ил. 3).

На трёх декоративных тарелках можно видеть репродукции картин современных английских художников. Две изготовлены на заводе в Колпорте («Coalport China Ltd.») г. Стоук-на-Тренте (Стэффордшир). Полихромная деколь выполнена по росписи Роберта Хёрси «Ветряная мельница» (ил. 5) и «Старая водяная мельница» (1990-е гг.), одна — на заводе Дж. Веджвуда, Англия, г. Стоук-на-Тренте (Стэффордшир). Полихромная деколь выполнена по рисунку Колина Ньюмена «Луга и пшеничные поля» (1987).

Репродукционное направление представляют тарелки фарфоровой фабрики Кристиана Зель-

¹ Ростовская старина, Ростов. 2016, сентябрь, выпуск № 6 (175), С. 3.

Ил. 1

Ил. 2

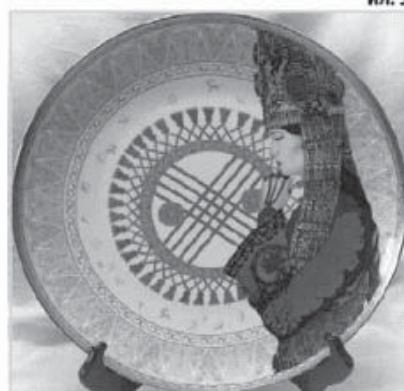
Ил. 3

Ил. 4

Ил. 5

Ил. 6

тманна (Германия, Бавария, г. Вайден. 1986) с воспроизведением живописных работ немецкого художника Кристиана Люкеля (1945 г.р.).

В традиционных для английской керамики сочетаниях синего и белого уже не одно столетие созданы печатные изображения на различных предметах. На зеркале тарелки (Ironstone, England, первая половина XX в.) (ил. 2) изображён на утёсе на берегу моря средневековый замок Харлек в Уэльсе, богатом своим историческим наследием. Строительство этого замка относится к 1283–1289 годам — при Эдуарде I.

На чайнике завода Wood & Sons (1920-е гг.) представлен по мотивам «сине-белой» китайской керамики пейзаж с ивой, где показана история любви юноши и девушки, которые потом превратились в двух птичек.

Очень редким для современного английского дома являются туалетные наборы, куда входили и ночные горшки. Большой популярностью у англичан пользовались керамические горшки. В музей поступил фаянсовый ночной горшок (Завод Доултона, Англия, Стэффордшир графство, г. Берслем. первая половина XX в.) с подглазурными печатными изображениями кобальтом с галантными сценами по мотивам живописи Антуана Ватто.

На восьми тарелках, подаренных Нине Лобановой-Ростовской, первой жене дарителя, были сделаны копии с эскизов сценических костюмов начала XX в. Эскизы находились в коллекции Никиты Дмитриевича. На оборотной стороне тарелок Лиможской фарфоровой фабрики имеются надписи на французском языке: «Pour Nina», «В. Troubnikoff», и даты: 2004, 2005.

На тарелках представлены копии эскизов театральных костюмов «Стражник» к постановке оперы Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», 1929, И. Я. Билибина; танцовщика (балет группы В. П. Зимина), 1920, П. Челищева; козы для оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», 1910, И. Я. Билибина. Эскизы авангардного костюма женщины в юбке с физжамии мужского костюма с брыжами выполнены А. Экстер (1924) к спектаклю «Дама-призрак» по пьесе испанского драматурга Педро Кальдерона де ла Барки (1600–1681) «Дама-невидимка (призрак)» (1629) в переводе К. Д. Бальмонта.

На белом фоне тарелки фабрики Розенталя (Германия, 2006–2012) В. Н. Немухин (2012) изобразил схематически в авангардном стиле птицу с использованием чёрной, красной, оранже-

вой, охристой и тёмно-зелёной красок. На обороте тарелки имеется авторская подпись: «Вл. Немухин — 2012».

В собрании Н.Д. Лобанова-Ростовского оказались два бюста (бисквит) князя Георгия Евгеньевича Львова, видного земского, общественного и государственного деятеля России.

Презентами Н.Д. Лобанову-Ростовскому на официальных церемониях были четыре фарфоровых тарелки «Столичной фарфоровой мануфактуры» (Россия, Москва. 1998–2012), на которых изображены «Дом правительства Москвы», «Герб московского государства», «Герб Москвы XIX в.», «Герб Москвы»; фарфоровое декоративное блюдо с изображением московского герба (ЗАО «Объединение Гжель». Россия, Московская обл., Раменский р-н, с. Новохаритоново. Автор росписи: Л. Каштанова. 2000-е гг.); фарфоровое панно «Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации» (Россия, Гжель(?). 2000-е гг.); декоративная тарелка «ВВЦ г. Москва» (Россия, 1992–2012); кружка «250 лет со дня рождения Екатерины II». Фарфоровая фабрика в Кёнитце (Германия, Тюрингия, г. Кёнитц. 2012); кружка «400 лет династии Романовых» (Керамический завод Коста. Португалия, Коста Нова. 2013); памятный знак «Хрустальный шар» (Россия, Москва. Скульптор А.З. Налич, автор идеи В.С. Жук, (2003) был вручён в качестве награды Н.Д. Лобанову-Ростовскому в номинации «За вклад в русскую культуру и искусство».

Интересными являются тарелки, изготовленные на ТОО «Empire Group» (Казахстан, Алматинская обл., Жамбылский р-н, с. Узынагаш. 2015(?)), которые не только отражают легенды и историю Казахстана, но являются и «пригласительными билетами» Никите Дмитриевичу и его супруге на торжественную церемонию в казахской семье, о чём свидетельствует гравированная надпись на обороте (ил. 6).

Ряд предметов представляет собой купленные во время поездок Никиты Дмитриевича сувениры, а также находившиеся в его доме предметы второй половины XX — начала XXI вв.

В коллекцию изделий из дерева поступило более тридцати предметов. Это скульптура В.Н. Немухина «Пространственная композиция» (1997), резной раскрашенный герб Лобановых-Ростовских (конец XIX — начало XX вв.), сувенирная тарелка-панно с изображением птицы (ЗАО «Хохломская роспись», Россия, Нижегородская обл., г. Семёнов. 2007).

Интересны две рамки для фотографий (Испания, Гранада (?) и Индия (?), середина XX в.), выполненные из кости и дерева и инкрустированные костяными пластинками, две шкатулки (Италия, Испания, середина XX в.), инкрустированные деревом и костью и отражающие традиционные промыслы этих стран.

Многие предметы современного производства были в обиходе Н.Д. Лобанова-Ростовского: менажницы (3 ед.) и миска (Филиппины, Таиланд и Индия, начало 2000-х гг.), изготовленные из массива дерева и одна из мелких фрагментов, плетёные из прута корзинки-сухарницы (5 ед.), две ложки для салата (Филиппины (?), вторая половина XX в.), восемь подставок под горячее из дерева, прута и соломы, выполненных в технике плетения и резьбы, высокие плетёные напольные ваза и корзинка, напольная резная ваза, пепельница (ваза для благовоний(?)), одна небольшая шкатулка.

Все эти предметы дают нам представление об обстановке дома Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского и отражают круг его интересов и достижений в общественной деятельности по сохранению и возвращению предметов русского искусства.

Русский мир без границ

Валерий Виленский

Перед богом «нет ни эллина, ни иудея...»

Традиционно накануне дня поминовения усопших, который по всей Литве отмечают 1 ноября мы размещаем в нашем Интернет-журнале «РАРОГ» публикацию pro memoiam, посвящённую тем или иным людям, оставившим след в истории Литвы, культуры различных этносов и народов, издревле населявших этот край. Сегодня тема такой публикации — одно из старинных кладбищ Вильны — Rasų (по-литовски, в русской транскрипции — Расу), или изначально, как в царское время, когда это кладбище было освящено в 1801 году — Росса, а по-польски — cmentarz na Rossie (кладбище на Россах). Этимология названия этого кладбища точно неизвестна, однако ничего общего не имеет со словом «роса», характеризующим природное явление. Учитывая то, что изначальная транскрипция названия кладбища — Росса, бесспорно, происходит от слова «русский», поскольку в польском языке нет такого «Rosy» или «Rossie», как нет вообще в польской транскрипции при переводе на польский язык определения «русский», «Россия» такого дифтонга «ss» — сочетания «ss».

Подчеркнём, что польский язык стал повсеместно административным языком Великого княжества Литовского (ВКЛ) в XVII веке. Это стало возможным после объединения ВКЛ и Королевства Польского в Речь Посполитую (аббревиатура польского выражения — «Вещь народов Польши и Литвы») в 1569 году в результате Люблинской унии, а затем в 1596 году — Брестской. Польский язык перестал быть административным в ВКЛ, и был замещён русским языком после того, как в 1795 году территория ВКЛ полностью вошла в состав Российской империи в результате третьего раздела ВКЛ Россией (при согласии Пруссии и Австрии, которые в это время делили между собой только территорию Королевства Польского). Фактически сюда, на исторические земли ВКЛ, был возвращён с православной верой, изначальный здесь славянский, русский язык, на котором в старину великие литовские князья писали свои документы, поскольку, как такового, литовского языка тогда не было, а было простонародное наречие крестьян, проживавших на Жмуди и на запад от этого края, вблизи побережья Балтийского моря. Эта администрация Российской империи в августе 1866 года положила начало развитию литовского языка и формированию литовской национальной интеллигенции (Подробнее см.: <http://sojuzrus.lt/rarog/publicistika/459-o-mifah-yanvarskogo-vosstaniya-1863-g.html>).

Разгадке тайны названия «Россы» может помочь сопоставление следующих исторических обстоятельств. С 1769 года кладбище на Россах находится за городскими стенами Вильны, там, где проходила дорога через крепостные городские Восточные ворота в РУССКИЕ земли — в Менск (главный город т.н. тогдашней Чёрной Руси), и далее на Восток, на Москву (главный город т.н. тогдашней Белой Руси). В простонародном выражении виленских горожан, говоривших на смеси русского и польского языков, «дорога вела на россы», то есть в Россию. На просторном возвышенном участке недалеко от Восточных ворот («Острой браны»), рядом с кладбищем «на Россах» в 1796 году было основано новое кладбище для захоронения умерших православных русских людей, которое после постройки здесь церкви Св. Евфросинии получило одноимённое название (подробнее см.: <http://sojuzrus.lt/rarog/publicistika/973-efrosinievskoe-kladbische-vilnyusa.html>), опять-таки рядом с русским кладбищем, то есть «с русскими», тем самым образовав своеобразный новый «русский конец», как в Вильне принято было называть место компактного проживания православных. После прихода в XVII веке на земли ВКЛ католической польской знати и с началом воинствующего насаждения католицизма среди православных жителей ВКЛ, местный русский люд, не принявший

унию, компактно собирался для жития у своих православных виленских святынь. В Старом городе Вильнюса до сих пор сохранилась улица «Русская», в районе которой находились православные церкви и погосты — кладбища православных людей между этими церквями, а гостей с Востока принимали гостиные русские купеческие дворы. К сожалению, здешние древние православные кладбища, которые располагались у Пречистенского собора, Николаевской (разрушена) и Пятницкой церкви, в районе нынешней улицы Latakų — Латочной, не сохранились.

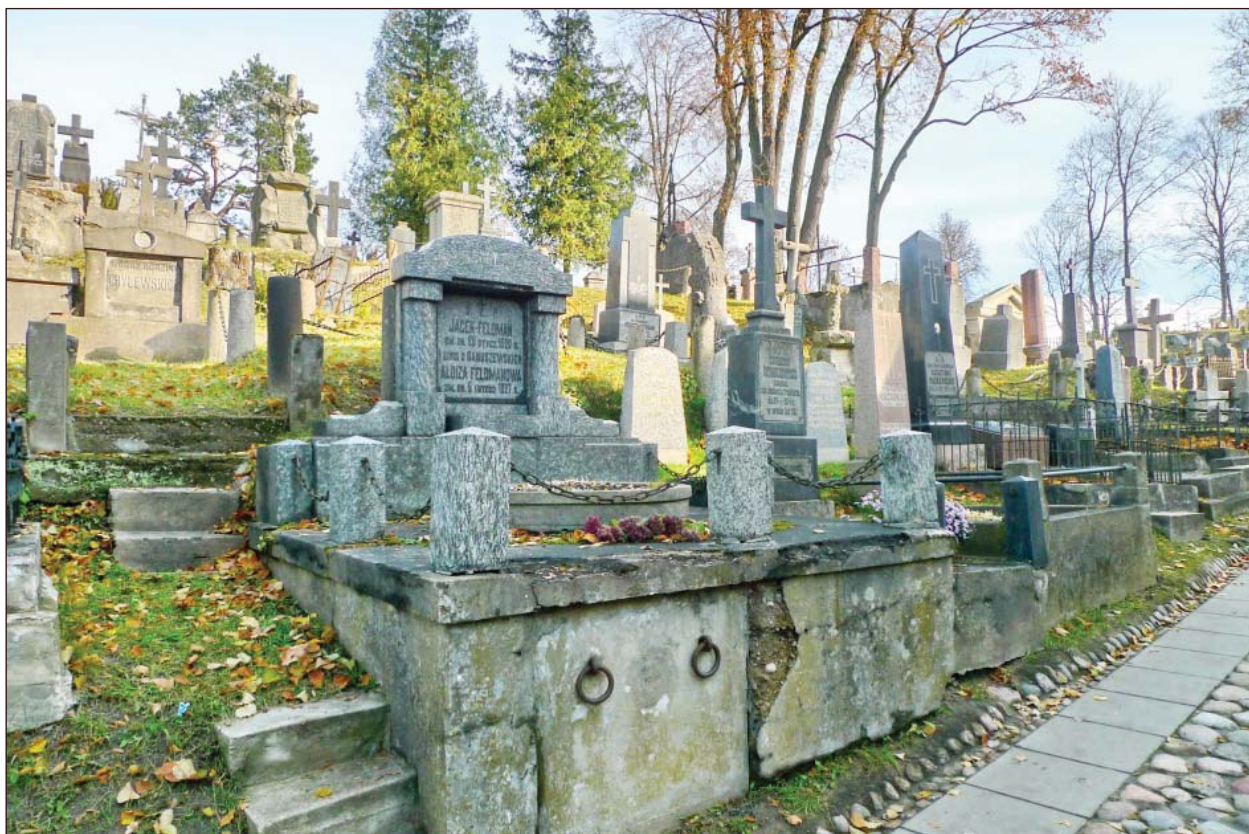
Официальный статус католического кладбища «на Россах» подняло захоронение здесь 8 мая 1801 года первого значимого лица в городе — бургомистра Вильны Яна Мюллера. Затем здесь хоронили наполеоновских солдат, отступивших от Москвы в Вильну поздней осенью 1812 года, массово погибавших от ран и просто истощённых и замёрзших в лютые морозы той зимы, превратив Вильну в огромную 100-тысячную братскую могилу солдат некогда Великой армии Наполеона. Площадь кладбища «на Россах» быстро заполнилась, и уже в 1814 году к северной части кладбища был присоединён ещё один участок земли.

Рядом с кладбищем в первой половине XIX века располагалось место захоронения больных, умерших в отделении Антокольской больницы. Первоначально его называли Сиротским, затем Новой Россией. Но только со второй половины XIX века и в начале XX-го кладбище обретает более крупные сакральные постройки, часовни и склепы, скульптурные украшения на могилах известных людей Вильны: учёных, деятелей культуры и искусства, просветителей, врачей, общественных деятелей, купцов и других богатых католиков города. Поляки теперь считают его вторым зарубежным некрополем того времени после Лычаковского кладбища во Львове, где упокоилось столько людей, принёсших славу польской культуре.

Здесь хотелось бы подчеркнуть, что именно культурное пограничье между католической польской культурой и православной русской культурой в последние несколько столетий давало импульс такому огромному творческому потенциалу, который порождал великие произведения культуры, науки, искусства. Но с середины XIX века было особенно много сделано здешней многонациональной интеллигенцией в области насыщения местной культуры новыми нравственными смыслами. Это происходило в то время, когда развивающийся капитализм массово отчуждал людей от земли, когда зарождалось, развивалось и становилось аргументом в политических разборках национальное самосознание здешних народов. Именно поэтому внешняя демонстрация «польскости» или «русскости» социально значимых людей Вильны даже после смерти приобретало свои яркие, а порой и вычурные формы в надмогильных памятниках усопшим. И если памятники значимых русских православных людей на Евфросиниевском кладбище Вильны того времени более сдержанны и традиционны, выдержаны в классическом стиле скульптурной или эпистолярной эпитафии умершего, обращённой к Богу, то аналогичные творения «на Россах» поражают нас своей модной тогда неоготической монументальностью и изощрённой скульптурой в стиле сецессия или просто величием форм, обращённых к человеку, стремящимся поразить его сознание. Что это, традиционное стремление поляков показать всем свою материальную состоятельность? Думаю, нет. Это проявление другого свойства души поляка — верить в мистическое, в чудо общения с душой умершего (вспомним чудо пана Твардовского — явление ему тени умершей королевы Варвары), которая способна помочь живущему в удовлетворении его потребностей. Поляк-католик регулярно ходит в костёл на «набожьство» — богопомазание, насыщение, «пропитывание» Богом, чтобы потом, словно сын Божий, вершить свои дела как миссионерскую службу ради «вашей и нашей свободы».

Русский, православный человек ходит в церковь на «службу», и как «раб Божий» никак не претендует на Его мощь, лишь только на ласку и прощение, через покаяние перед Ним и праведные труды во исполнение заповедей Господних. В том великая разница между нравственной позицией католика и православного, некогда разъединившей христиан в ответе на «вопрос о филиокве»: православные считают, что Святой Дух исходит лишь от Бога-Отца, католики — и от Сына.

Именно это позволяет полякам порой чувствовать себя «богоизбранными» в узком аспекте реального бытия, не считаясь с реалиями многоуровневого умного Божественного промысла, всё объёмлющего своими незыблемыми природными математическими законами. Именно эта самонадеянность и эгоцентричность приводит их, да и всех других западных христиан, начиная с «безгрешного» Папы Римского и заканчивая протестантами различных мастей и уровней, к тем результатам, которых, как им кажется, можно достичь лишь в условиях полной свободы воли, в том числе

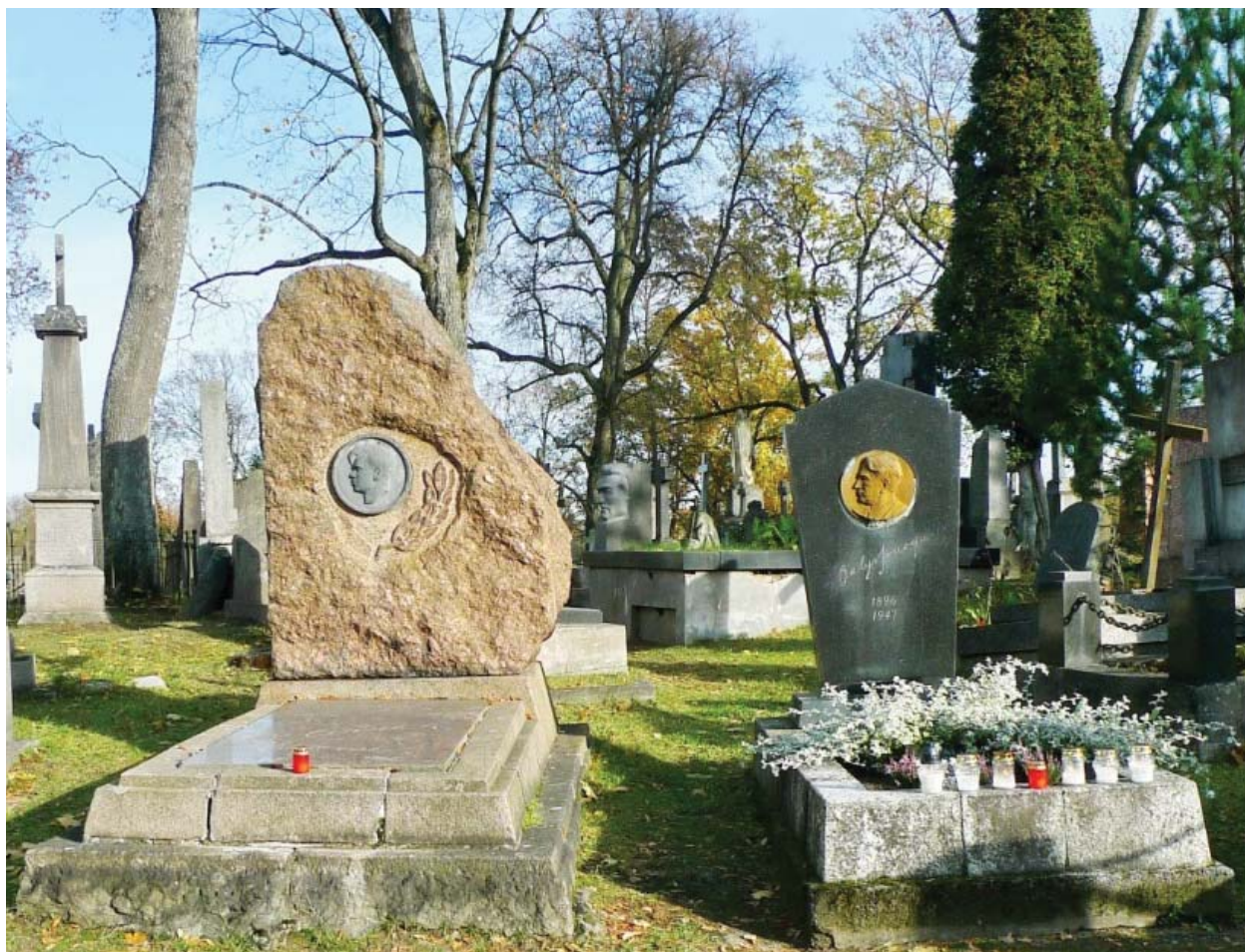
Кладбище Россы

Могила М. К. Чюрлениса

Могила рода Мстислава Добужинского

Могила писателей П. Цvirки и Б. Сруози

свободной и от неукоснительного исполнения законов природы. Это глубокое заблуждение с их стороны, которое, увы, им не удалось понять в течение тысячелетий, что было чревато большими трагедиями людей. Через смирение и гуманное нравственное совершенство, любовь и красоту развиваются культуры, задающие смысл и направление цивилизованному научно-техническому развитию человечества.

Вот почему, сегодня, стоя на кладбище Россу в Вильнюсе, всматриваясь в его надгробные памятники и надписи на них, сопоставляя их с памятниками на близлежащем Евфросиниевском кладбище, вдруг открывается такая необыкновенная философия бытия людей, от которой дух захватывает и, наполняясь новыми понятиями, прозревает сознание.

Да, монументальность — формальная значимость сакральных надмогильных построек кладбища «на Россах» — существенно отличает его от надгробных памятников на Евфросиниевском кладбище. В подтверждение этому здесь, с левой стороны центрального входа «на Россы», расположился большой мемориал памяти Юзефа Пилсудского, шляхтича-литвина родом из под Швенчёниса, первого руководителя и маршала возрождённой после Первой мировой войны новой Польской Республики. Много усилий было приложено этим человеком, некогда социал-демократом, идейным соратником Феликса Дзержинского, а потом масоном, исполнявшим волю стран Антанты и, прежде всего, Англии, для того чтобы нейтрализовать воздействие большевистской России на западную Европу. В конце 1920 года, при материальной и финансовой поддержке Антанты, польским легионам в центре Европы, в конце концов, удалось оградить Советскую Россию «Польским коридором» от молодой Литовской Демократической Республики, а тем самым, и от Германии, где весьма сильны были социал-демократы еврейского «Бунда». Для Ю. Пилсудского Вильно было городом сантиментов, здесь проживала его сестра и мать, здесь он и умер 12 мая 1935 года от рака. Здесь, рядом с могилой матери, в серебряном кубке было захоронено его сердце (таков был обычай польских королей, оставлять своё сердце в значимых для них местах). А тело упокоилось в стеклянном гробу с серебряным окладом (оклад немцы во время минувшей оккупации украли) в крипте, среди могил польских королей в Кракове, в Вавельском соборе Святых Станислава и Вацлава. Сегодня этот, тщательно реставрированный и пестуемый поляками мемориал Ю. Пилсудского «на Россах», является местом паломничества многочисленных экскурсий из Польши. Здесь же стройными рядами расположились могилы польских военных, солдат-легионеров, погибших в вооружённых столкновениях за Вильну в январе 1919 года, при захвате Вильны в апреле 1919 года, при отступлении из Вильно в июле 1920 года, при захвате Вильнюса в октябре 1920 года, при отступлении из Вильно в сентябре 1939 года, при освобождении Вильнюса от немецких оккупантов в июле 1944 года. Общий вид этот мемориал, по определению поляков — «Мавзолей «Мать и сердце сына», — приобрёл в 1936 году, а до этого, в 1920 году, здесь было организовано военное кладбище польских солдат.

Для литовцев кладбище также имеет большое национально-идеологическое значение, поскольку здесь находится могила одного из самых значимых отцов основателей нового национального литовского государства Йонаса Басанавичюса, одного из подписантов Акта о независимости 16 февраля 1918 года литовской Тарибы в оккупированной немцами Вильне. Тогда на территории бывшего ВКЛ оккупанты предполагали посадить в качестве правителя литовского короля — Миндаугаса II, которым был ими «назначен» представитель германского Вюртембергского дома, принц Вильгельм фон Урах. Но немцы проиграли войну и эта «независимость» не получилась. Й. Басанавичюс разругался с членами литовской Тарибы, когда её представители вместе с немцами в конце декабря 1918 года бежали от наступающих войск Красной армии из Вильны в Каунас. Он не поехал с ними, остался в оккупированном Польшей осенью 1920 года Вильно, где и умер 16 февраля 1927 года.

Большая часовня в неоготическом стиле хранит в себе останки ещё одного подписанта того самого Акта Тарибы Йонаса Вилейшиса, который умер во время немецкой оккупации Литвы в Каунасе 1 июня 1942 года и был захоронен здесь, «на Россах». Но трудно понять, каким образом Чрезвычайного и полномочного посла Литовской Республики в Латвии Витаутаса Вилейшиса, родственника названного подписанта Акта Тарибы, умершего 5 июля 1937 года, захоронили в этой же часовне, в то время, когда Вильно было под польским правлением и не было никаких официальных отношений между Литвой и Польшей.

Послевоенный период Советской власти в Литве ознаменовался захоронениями здесь, теперь на кладбище Расу, советских литовских деятелей культуры, среди которых писатели П. Цвирка,

Л. Гира, В. Миколайтис-Путинас, композитор Ю. Таллат-Кялпша, оперный певец К. Пятряускас, художник А. Тарабилда и многие другие.

Особое место среди могил литовских деятелей культуры занимает могила М.-К. Чюрлёниса, умершего 10 апреля 1911 года в пансионате под Варшавой, привезённого в Вильну и захороненного здесь на самом высоком месте кладбища. Этот, изначально не знавший ни одного слова по-литовски одарённый уроженец Друскеник, художник и композитор, родоначальник профессиональной литовской музыки, приобрёл мировую славу благодаря своим русским петербургским друзьям и журналу «Аполлон», редактором которого был яркий представитель Серебряного века Мстислав Валерианович Добужинский. Увы, находящаяся здесь же недалеко и реставрированная в 2010 году величественная могила рода Добужинских сегодня опять безлика, и лишь поставленная кем-то надпись позволяет её опознать посетителям кладбища. Почему так?

Русский мир без границ

Владимир Вахрамеев

Член Союза журналистов России, Международной федерации журналистов, Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП). Родился в августе 1942 года в Вологде в семье военнослужащего. Годы детства и отрочества журналиста, публициста и литератора связаны с Ригой, где его отец в послевоенные годы возглавлял Дом работников искусств Латвийской ССР. Встречам с известными в СССР и Латвии людьми посвящены многие страницы его трилогии «Опалённые ложью», подготовленное к выпуску издательством «Страж Балтики» (2009–13 гг.). За годы активной служебной и творческой жизни выпускник старейшего российского военно-учебного заведения, находившегося в столице Литвы г. Вильнюсе, написал и опубликовал в периодических изданиях сотни статей, очерков, интервью и рассказов. В 2014 году им в содружестве с литовской поэтессой Эльвирой Поздней был подготовлен и выпущен в ООО «Издательство «Кладезь» (Калининград) сборник «Я не хотел бы всех печалить...», который соавторы посвятили жизни и творчеству известного в Янтарном крае сценариста и писателя Валерия Петровского. По этой книге и поэтическому сборнику Э. Поздней Русский театр в Вильнюсе (режиссёр Юрий Шуцкий) и Калининградский музыкальный театр (режиссёр Евгений Макаревич) поставили спектакль «Письма, рифмованные любовью». Владимир Вахрамеев имеет свыше двух десятков государственных и ведомственных наград СССР, РФ и ЧССР, дипломант и Кавалер Нагрудного Знака Клуба главных редакторов «Четвёртая власть. За заслуги перед прессой», лауреат премии «Журналист года — 2014» в номинации «Память».

Взросшая духовность русской поэзии Литвы

На днях мой старинный приятель и известный в Янтарном крае журналист в разговоре о современной русской поэзии стран Балтии привёл слова Антуана де Сент-Экзюпери о том, что в современном мире «невыносимо жить без поэзии, без красок, без любви. Это шире, чем проблема религиозной жизни, являющейся лишь одной из форм жизни духовной. А жизнь духа начинается там, где видимое бытие рождается из чего-то, что выше составляющих его элементов». Возражать другу не было смысла, ибо, во-первых, я был согласен с его мнением. Тем более, что поводом для разговора стал литературный альманах «OCEANUS SARMATIKUS» (главный редактор Альберт Снегирёв), подготовленный и изданный каунасским Центром культуры имени Л.П. Карсавина. Руководителем этого интересного проекта, идею которого несколько лет вынашивала, а весной 2016 года претворила в жизнь известная в Литве поэт и филолог, доктор гуманитарных наук Эляна Суодене. Прекрасно изданный литературный альманах, который вместил на более чем 300 страницах свыше полусотни произведений авторов из нескольких стран мира, стал яркой иллюстрацией справедливости приведённых выше слов всемирно известного французского писателя и пилота. Так что, во-вторых, — это основательное литературное издание стало своеобразной иллюстрацией значительного роста за последние годы духовности творчества писателей и поэтов, художников и музыкантов стран Балтийского побережья. В кратком предисловии к изданию читатели найдут ответ на непривычный для многих из них вопрос: что такое Oceanus Sarmaticus, кто такие сарматы, почему возникла идея выпуска нового литературного альманаха прозаиков и поэтов, пишущих на русском языке?

Однако, прежде чем поделиться своим мнением об упомянутом выше литературном издании, хотелось бы передать свои впечатления о творческой атмосфере в странах Балтии, с которой мне посчастливилось познакомиться за несколько прошедших месяцев. По приглашению Международной ассоциации писателей и публицистов (президент МАПП Андрей Корсаров), РО МАПП Литвы

(президент Лев Месенгисер), Лито «Логос» (председатель Ева Ахтаева), КЛС «Поэтоград» (руководитель д.г.н. Эяна Суодене), пресс-секретаря РО МАПП (поэт и эссеист Эльвира Поздня), Балтийской гильдии поэтов (руководитель Юрий Касянич) мне довелось стать участником Дней русской поэзии в Риге (2015 и 2016 гг.), выступить на Пушкинских чтениях в рижском парке Кронвальда; поделиться мнениями о творчестве друзей-писателей на презентации литературного журнала «Земное время» (Рига) и альманаха «Ступени» (Вильнюс); актёрствовать на литературно-музыкальном вечере «Ожидание синевы» в Доме национальных общин столицы Литвы; иметь честь присутствовать на памятном мероприятии, посвящённом «рыцарю русского романса» Валерию Агафонову, который организовала и мастерски провела д.г.н. Елена Бахметьева в Большом зале Дома учителя г. Вильнюса...

Эти и другие многочисленные вечера, встречи не только познакомили меня с творчеством литераторов стран Балтии, но и предоставили возможность в процессе личного общения понять настроения, думы и ожидания интеллигенции Литвы и Латвии... Как правило, большинство участников таких встреч с огромнейшим интересом знакомились с книгами и сборниками писателей и поэтов, литературными журналами и альманахами, представленными на них. Так, на вечере поэзии «Родная речь» в столице Латвии Риге летом 2015 года интерес у присутствующих вызвал литературный сборник «Тысяча лет от Владимира Святого» (главный редактор Евгений Лукин). Замечу, что на последней странице издания было опубликовано стихотворение Владимира Скворцова «Русская матрица». Незаурядный и самобытный поэт, как бы подчёркивая неизменную суть и роль творческой интеллигенции, восклицает: «Как звучат слова неудержимо: / Благородство, родина, народ! / Совесть не зависит от режима, / Гордость не родится в недород». Совесть, честность и профессионализм, необходимость нравственного и духовного единства всё больше становится мерилем гражданской позиции многих талантливых поэтов стран Балтии. Всё чаще сегодня поэты, которых поклонники считали лирическими, обращаются к гражданской тематике. Так, известная в Литве как лирический поэт Елена Шеремет, призывая нас ценить отпущенное судьбой время, восклицает: «Мне не подобрать слова / Главные — для всех нас сразу. / Жизни пишется глава / Из коротеньких рассказов». Сердечная и даровитая поэтесса Ева Ахтаева, как бы дополняя свою подругу, напишет: «А в дни тревоги и бессилья, / Когда вокруг густеет мгла, / Горят во мне моей России / Спасённым солнцем купола» (книга «МАПП. 5 лет в Литве»). Значимой трибуной для стихотворцев и поклонников поэзии стран Балтии уже на протяжении пяти лет является поэтический альманах «Письмена» (ответственный за выпуск и составитель Юрий Касянич — Рига). На его страницах опубликованы сотни прекрасных стихов, написанных поэтами, которые состоят в литературных объединениях «Балтийская гильдия поэтов», «Союз писателей Латвии», «Союз литераторов «Светоч», МАПП, «Логос», «Объединение «Барды IV», ЛС «Поэтоград»...

И вновь, знакомясь с творчеством представителей этих сообществ, ловишь себя на мысли, насколько тема духовности стала за последние годы близка и дорога авторам. Известный и любимый зрителями поэт, актёр и режиссёр Русского драмтеатра в Вильнюсе Юрий Шуцкий, чьи поэтические творения всегда наполнены глубоким смыслом, в одном из своих стихотворений невероятно точно подмечает, как «Потеряли дорогу года, / Разбрелись по тропинкам и чащам... / Часть на горке горит со стыда, / Разбивая победную чашу. / Часть забила в кусты у пруда / И рыдает о жизни пропащей». Совершенно другой стиль для повествования своего отношения к современной действительности использует талантливая поэтесса Ирина Мастерман. В поэме «Магистр», опубликованной в книге «МАПП: 5 лет в Литве», она обращается к древней истории и замечает, что «А здесь, поближе к Северу, / на гребне — святость. Во славу / Непорочной Девы, / под знаменем Христа / Ливонский орден жаждет просветить / восточного соседа. / Взамен / прибрать к рукам земельные уголья, / проще — / рыцарство нацелилось схватить Восток / за горло». Большой интерес у русскоязычных читателей не только Литвы, но и сопредельных государств вызвало появление международного альманаха «Ступени» (редактор Эльвира Поздня). В своём предисловии к изданию вице-президент МАПП Лев Месенгисер ссылается на авторитетное мнение доктора гуманитарных наук Эяны Суодене. В статье «Отзыв на книгу. Слово о поэзии» она резюмирует, что публикуемые материалы соответствуют «современному интеллектуальному уровню» и «поэтические системы, собранные в рамках сборника, отражают мировидение, миропонимание времени», «продолжают традиции европейской и русской классической литературы, обогащая их современным содержанием». В этом

чудесном издании, как и в ранее названных, наряду с известными в Литве именами прозаиков и поэтов, мы встречаем авторов из других стран. Это Алекси Врубель (Англия), Ёлка Няголова (Болгария), Арон Гаал (Венгрия)... Какой прелестной лирикой и глубоким философским смыслом веет от поэзии переводчика и поэта, директора МАПП по балканским странам и главного редактора журнала «Знаки» Ё. Няголовой! Вот только одно короткое стихотворение, названное автором «Реплика свечи», а сколько в нём изящества и потаённого, глубинного смысла: «Вся жизнь — одиночество. Это — и после... / Вся жизнь — только вспышка огня среди мрака. / В любви мы — и голы, и босы. / И свечка — расплакалась ...» (перевод с болгарского Всеволода Кузнецова).

О возросшей поэтической зрелости и духовности членов литовского отделения МАПП на прошедшей презентации в г. Риге литературно-публицистического журнала «Земное время», представляя её авторов, неоднократно говорил и Президент МАПП Андрей Корсаров. Действительно, на страницах этого прекрасно оформленного издания читатель увидит замечательные стихи поэтов Литвы Евы Ахтаевой, Эяны Суодене, Владимира Трофимова, Эльвиры Поздней... Мне понравились зрелые, наполненные лирикой стихи Самоиласа Лорманаса, однако и в них находишь тревожное отношение к реалиям сегодняшней действительности: «Иллюзии, как быстро мы трезвеем, / Жизнь коррективы вносит каждый день, / От парадоксов в ступоре немею, / И позитив вновь накрывает тень...» Несомненно, внимание вдумчивого любителя поэзии привлечёт и лирика Натальи Рубцовой. Однако вновь среди неповторимых зарисовок природы и любовных томлений, поклонника поэзии привлекут её поэтические строки из «GO EAST ...»: «Русь большая — она выдержит накал / Всех страстей и болтовни какой-то псахи. / Только Киевская смоем ли все шлаки / С площадей, где запад всё так измарал...» В этом потоке прекрасных стихов, наполненных свежестью и патетикой, любовью и гражданственностью, привлекают своей духовностью стихи поэта Эяны Суодене. Вот отрывок из одного из них: «Ах, какие купола / Храмов всероссийских! / Целовать бы, целовать / Руки материнские... / Пока церковь-мать жива, / И Россия будет! / Ах, какие купола... / Сердцем поцелую...» Кто-то из поклонников поэзии не сразу поверит, что эти прелестные строки вышли из-под пера доктора гуманитарных наук, неутомимого организатора творческих встреч и руководителя каунасской литературной студии «Поэтоград»... На страницах журнала «Земное время» (главный редактор Андрей Корсаров), являющегося ведущим изданием МАПП, как и на страницах других литературных изданий, можно познакомиться с поэтами зарубежных стран, среди них Мина Карагезова (Болгария), Эльмира Ашурбекова (Россия), Стелла Маслакова (Украина), Milasa (Дания), Вадим Вадемус (Франция), Нина Гейдэ (Дания), Алекси Врубель (Англия), Игорь Джерри Курас (США), Наталья Мери (Финляндия), Гурген Баренц (Армения) и другие. Мысли, чувства, настроения, темы произведений, написанные этими, несомненно, талантливыми людьми во многом совпадают с ощущениями, желаниями, миропониманием и стихами поэтов из Литвы, Латвии, Эстонии или Калининграда. Хотя, как прекрасно заметила Анна Тураносова-Абрас «Ваших шагов отголоски, / Отзвуки сна одного — / Все они только наброски / Замысла не моего». Помимо такого издания, как «Земное время», прекрасной площадкой для поэтов стала рубрика «Читательский перекрёсток» в рижском журнале «Корни» (главный редактор Ольга Соколова), которую ведёт поэт Иван Кунцевич, и в издании Ассоциации русских писателей Литвы «Вильняле» (редактор Елена Шеремет). В конце предыдущего и начале нового года литературно-художественный и общественно-политический журнал «Берега» (Калининград, главный редактор Лидия Довыденко), известный и популярный далеко за пределами Калининграда, неоднократно предоставлял свои страницы прозаикам и поэтам из Литвы. Так, Георгий Почуев представил воспоминания «Родные на войне» и эссе «Спектр «Единобога...», посвящённый творчеству известного венгерского поэта Арона Гаала, а писатель и поэт Владимир Кольцов-Навроцкий представил читателям своё исследование «Поэты и цари. Царственные особы дома Романовых в изящной словесности». Познакомила редакционная коллегия названного издания любителей поэзии и с творчеством поэта Эльвиры Поздней. Хочу заметить, что после совместной работы над разделом «DIALOG BOX» своей книги «Я не хотел бы всех печалить...», посвящённой жизни и творчеству поэта Валерия Петровского, продолжаю с неослабевающим интересом следить за творчеством этого прекрасного поэта и эссеиста. Зрелость её творчества, образность мышления, разнообразие тематики и лиричность подкупили меня и послужили поводом для того, чтобы некоторые поэтические строки её стихов стали своеобразной иллюстрацией к мыслям и раздумьям в моей третьей («красной») книге трилогии «Опалённые ложью». Что ответит мне поэт на сакра-

ментальное: А что «За поворотом...»? И слышим её ответ: «...а ностальгия / нарочно придумана, / Придумана русскими / для оправдания / Той жизни, / которая в смутах прогуляна / Без Бога, / без Веры / и без Покаяния». Творчество поэта Эльвиры Поздней знакомо не только любителям русской поэзии в Литве, но и жителям соседнего Янтарного края, о чём неоднократно сообщали средства массовой информации самой западной области России. Так, известный калининградский писатель и журналист Юрий Крупенич в одном из очерков отметил нравственность, духовность лирических и гражданских стихов поэта. Эльвира Поздняя будто исполнила роль поэтического Полпреда, ибо эта, уже не первая продолжительная творческая встреча с эссеистом и поэтом позволила журналисту сделать вывод о том, что русская община в Литве «достаточно активная и фактически создаёт там современный пласт литературы на русском языке».

Этот короткий и, естественно, далеко не полный экскурс в русскую поэзию современной Литвы совершён мною, журналистом и литератором России, преднамеренно. Ибо взгляд стороннего человека (хотя замечу, что имею честь всё же быть выпускником ВРТУ-ВВКУРЭ — некогда старейшего военно-учебного заведения Российской империи, дислоцировавшегося в Вильнюсе) позволяет сделать вывод: сила слова поэтов такова, что, они «предсказав, сами логически ведут себя, — как отмечал Борис Пастернак, — к предсказуемому». Этим предсказуемым всё больше и больше становится высокая духовность слова Поэта! В качестве наиболее яркого тому подтверждения можно привести 3-й Международный фестиваль духовной поэзии «Покрова», прошедший в Воскресенской церкви г. Каунаса, расположенной рядом с Богоявленским собором. Подготовкой и проведением фестиваля руководила доктор гуманитарных наук Эяна Суодене, а куратором выступил настоятель каунасского Богоявленского собора отец Николай (Мурашов). Среди гостей столь знаменательного события можно было увидеть известного поэта и общественного деятеля из Венгрии Арона Гаала, гостей из Калининграда — писателя, журналиста Владимира Вахрамеева и доктора философских наук, главного редактора журнала «Берега» Лидию Довыденко; поэтов Автандила Кукина (Подмосковье) и Александра Якимова (Латвия). Более того, под величественными сводами православного храма собрались представители Союза русских литераторов и художников (РАРОГ), клуба любителей поэзии и музыки «Десидерия», поэтического содружества «Мир», Лито «ЛОГОС», литературного клуба «Стихарь», Центра русской культуры «Учение — свет»; ансамбль каунасского клуба «Надежда» и другие творческие союзы Литвы. Вдоль стен Воскресенской церкви разместили свои прекрасные творения художники Николай Стёпкин и Владимир Кольцов-Навроцкий, скульптор Татьяна Янова. Тематика художественных работ этих замечательных мастеров чудесным образом отражала атмосферу фестиваля, соответствовала настроению и чувствам участников. Описывать программу и все детали столь значимого для творческих людей Литвы и гостей торжественного мероприятия нет смысла, ибо о них подробно рассказал в своих публикациях руководитель Союза РАРОГ, магистр истории Валерий Иванов. Однако большинство присутствующих, знавших его как серьёзного учёного и неутомимого борца за справедливость, выпускника истфака Варшавского университета были удивлены его поэтическим талантом. Мне памятно одно из его чтитворений, носящее наименование «Нравственный крест», в котором есть такие, полные философского и духовного смысла, строки: «Вот этот крест, он личность воплотил, / Душе открыл все тайны мира. / Четыре вектора собою отразил — / Тебя воспел как нравственная лира. // Мораль и этика, эстетика и смерть — / Луча четыре жизнь нам освящает. / Дают опору, словно твердь. / Осмысленно вперёд нас провожают». Как тонко и точно подмечено!

Среди выступавших на фестивале нельзя не отметить известного в Литве поэта Валерия Срибного. Сегодня трудно вспомнить, какие стихи он читал в тот день. Все они полны глубоких раздумий, любви к людям и природе. Хотя замечу, что этот сухощавый, неумный в жизни и творчестве человек всегда отличался своей несдержанностью и прямолинейностью, что нередко служило поводом для разговоров о его неуживчивом характере. Вероятно, не только я, но и многие другие, присутствовавшие на фестивале, не могли тогда предположить, что эта встреча с одарённым поэтом станет последней. В моей домашней библиотеке, среди множества поэтических сборников с автографами и дедикациями поэтов, есть несколько сборников и Валерия Срибного. Сегодня я нередко в минуты раздумий перечитываю стихи, опубликованные в них. В одном, носящем название «Мои колокола», нахожу прелестные строки: «Колокола души моей / Вывают к сердцу в час тревоги / Среди порушенности дней, / Когда весь мир идёт не в ногу, / Когда, как тучи, саранча / Добра посева по-

жирает, / И подлость рубит честь с плеча, / И в ком-то совесть умирает». Как потрясающе точно нахожу в приведённых строках настроение и мысли многих друзей и знакомых, прохожих и соседей по дому... На титульном листе другого сборника поэзии Валерия Срибного «Я с вами говорю душою...» читаю дедикацию: «Коллеге по перу, однокашнику и единомышленнику, надеюсь, по восприятию окружающей действительности». Мне удалось сохранить со Срибным ровные, дружеские отношения, хотя со многими ветеранами ВРТУ-ВВКУРЭ он, в силу несдержанно-прямолинейного характера, «умудрился» испортить отношения. А ведь среди его товарищей по учёбе и офицерской службе было немало талантливых прозаиков и поэтов. Они объединились в своём творчестве и даже выпустили несколько сборников. Прозаики Леонардас Церс и Виктор Бондаренко, поэты Яков Криницкий и Евгений Мариничев. Это лишь несколько имён выпускников прославленного учебного заведения, внёсшего свой вклад в литературу Литвы. Кстати замечу, что композитор, музыкант и поэт Евгений Мариничев написал чудесную музыку к одному из романсов на стихи Эльвиры Поздней. За активное участие в патриотическом воспитании и заслуги в литературном творчестве ветераны ВРТУ-ВВКУРЭ приняли эту талантливую поэтессу в организацию и наградили почётным знаком своей альма матер. Однако даже при всех спорах и разногласиях по некоторым проблемам и вопросам нынешнего бытия, поэзия была, есть и будет фактором, объединяющим её творцов. Как можно не быть единомышленником при чтении таких душевных строк поэта Валерия Срибного «Не накажи, Господь, молю — не накажи, / За то, что не найду я в Храме двери, / Коль я слепой — дорогу подскажи, / Как жить, скажи, без боли и потери». А сколь величественно звучат строки доктора социальных наук Альгирдаса Бикульчуса, обращающегося к Поэзии: «Спасибо, верная моя подруга, / Что научила волшебством владеть, / Миры творить такие друг для друга, / Подобных коим во вселенной нет»!

Довольно приятным открытием для большинства участников 3-го Международного фестиваля духовной поэзии «Покрова» стала поэзия лауреата многочисленных премий, прозаика и переводчика, главного редактора «Живой мировой литературной антологии» и известного венгерского поэта Арона Гаала. Представляя члена Союза писателей Венгрии, директора Международного фестиваля поэзии «Море и слова» А. Гаала, бессменная ведущая Фестиваля «Покрова» Эяна Суодене нашла самые важные слова, отражающие духовность творчества поэта с мировым именем, для которого «Мои стихотворения — жизнь моя в пространстве форм / Поэзия, единственный, кому я доверяю в ассонансе норм»! Знакомство с жизнью и творчеством Арона Гаала на столь знаковом для духовной жизни форуме творческой интеллигенции стран Балтии, безусловно, послужило отправной точкой для серии публикаций об известном поэте в журнале «Берега (Калининград), альманахах «Ступени» (Вильнюс) и «Oceanus Sarmaticus» (Каунас), издании АРПЛ «Вильняле (Вильнюс) и других. Некогда получив, как заметил один из епископов, «большой дар от Бога», писатель и поэт не только щедро делится им с людьми независимо от образования, страны или вероисповедания, но с искренним уважением и любовью относится к наиболее талантливым из них. Большой интерес мэтр венгерской поэзии проявил к работам Влада Кольцова-Навроцкого. Это известный в Литве художник и график, фотограф и краевед, чьи работы и полотна о Вильнюсе не только печатаются во многих изданиях, но невероятно востребованы среди бывших соотечественников в Великобритании и Белоруссии, Германии и Канаде, Украине и Израиле, США и Финляндии. Его фотоальбом «Православные храмы Литвы» стал первым подобным изданием в Прибалтике и был отмечен благодарностью Патриарха Московского и Всея Руси. Рука талантливого художника видна и в стихах Влада Кольцова-Навроцкого. Стоит только вслушаться в поэзию живописца: «В лужах отражается глаз печальный свет — / На ошибки юности твой немой ответ. / Радуга над куполом — глаз не ответи. / И вздохну украдкой: «Господи, прости!»

Как видим, даже из краткого обзора прошедших за неполный год литературных мероприятий, русская община Литвы вносит свой немалый вклад в духовное развитие общества. И ещё одним подтверждением тому стал выход литературного альманаха «Oceanus Sarmaticus», в названии которого нашло отражение древнее название Балтийского моря. Более того, как заметила автор идеи и руководитель проекта Эяна Суодине, Балтика объединяет создателей этого издания «по их проживанию, происхождению и ментальности». В небольшом предисловии она отвечает и на вопрос о том, кто такие сарматы: «Это сообщество воителей и земледельцев, вобравшее в себя десятки разноразличных племён, проживавших на огромном пространстве от Одера до Урала и положившее нача-

ло многим языкам и культурам, ныне определяющим значительную часть европейского и мирового ментального фона». Альманах по праву можно причислить к категории фолиантов, ибо он значителен по формату и объёму. Более того, издание невероятно разнообразно по тематике, жанрам, месту жительства авторов и не зависит от их рода деятельности, национальности и вероисповедания. Среди разделов литературного альманаха есть проза и поэзия, драматургия и творческое наследие, «Emigrantica» и «Штудии», философский семинар и уроки мастерства, а также «У нас в гостях» и «Мы помним». В издании нашлось место для авторов журнала «Покрова» и для вернисажа этого издания. Раздел прозы начинается с наполненного реалиями российской жизни рассказа Алёны Антиповой из Франции «Два конца, два кольца, посередине — ангел». Переводчик, автор ряда романов и сценариев, сборников поэзии, повестей и рассказов несколько десятилетий прожила в Каунасе. Другой прозаик является автором нескольких книг, изданных в России, Германии, Латвии — это профессиональный художник Валерий Бочков, проживающий в США. Он представил остросюжетную публикацию «Никотин», основанную на зарисовках современной жизни Нью-Йорка. Как всегда, привлекает своим мастерством поэт и прозаик, выпускница факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова Нина Гейдэ, ныне проживающая в Дании. Не лишённый остроумия и житейской мудрости рассказ представил писатель Эльчин Гусейнбеги (Азербайджан), а магистр эдукологии Антанас Суодис опубликовал отрывок из своего романа «Пророк». Философией раздумья повеяло со страниц альманаха, на которых опубликованы чудесные стихи русской поэтессы Натальи Горбаневской (1936–2013), которая последние годы своей жизни прожила во Франции. Безукоризненная поэтическая зрелость, превосходная лирика, чёткая гражданская позиция и высокая духовность видна в стихах лауреата Золотой Есенинской медали Зинаиды Дырченко (Испания), обладателя множества литературных премий Чарльза Симики (США), австралийского бизнесмена Бориса Старосельского, координатора МСА «Litera» Владимира Штокмана (Польша) и других. «Вокруг — полуправд голь / И полукривд прыть ... / Полслова — унять боль, / Полслова — стыд прикрыть ... / И предчюа День Судный, / Бессонно и с полусна, / Молю Его многотрудно: / Хоть слово пошли — сполна!», — пишет поэт из Латвии Евгения Рузина. Не полемизируя с ней, а скорее в развитие её философской мысли поэт из Литвы Эяна Суодене уверенно скажет, что «Иносказание хранит следы борений, / И недомолвка тем точнее, / Чем покровы над ней прозрачнее, / И мысль читающий обрящет, // Ну, а слова отыщет сам, / И этот убеждений способ / Включает тот потенциал, / Что спрятан глубоко в подкорке...». Несомненно, каждый читатель, знакомясь с этим прелестным изданием, заметит, что в нём доктор гуманитарных наук Эяна Суодене выступает в нескольких ипостасях. Она не только автор идеи создания альманаха «Oceanus Sarmaticus» и настойчивый руководитель проекта, но и превосходный поэт. В разделе издания «Штудии» эта замечательная женщина демонстрирует свои высокие профессиональные качества учёного и литературного обозревателя. Её великолепная публикация, посвящённая творчеству Гинтараса Патацкаса (Г. Патацкас. «Малая Божественная Ко». Москва. ОГИ. 2014. Перевод А. Герасимовой), ставит немало животрепещущих вопросов перед современным обществом. Один из них связан с тем, что ныне «стираются границы не только между добром и злом, но и между Адом и Раем» и звучит следующим образом: «Не является ли это симптоматикой постчеловеческой эры, о которой заговорили философы и социологи, чутко уловляемой внутренним слухом поэта?» В предисловии к журналу «Покрова», включённому в альманах, Эяна Суодене выступает уже в качестве безукоризненного журналиста и публициста...

Безусловно, заслуживают внимания читателей и пьеса Анны Баншиковой и Елены Оносовской (Россия) «Живёт моя отрада», и философские размышления д. ф-м. н. Валентина Кашеева (Латвия) «Характер и роль эстетических требований в физике», и уроки мастерства Александра Ольбика (Латвия), и... Однако меня несказанно порадовала рубрика «Наследие», в которой редакция альманаха вернула в нашу жизнь уже несколько подзабытое гениальное поэтическое наследие лауреата Нобелевской премии по литературе (1996 г.) Виславы Шимборской, в переводе Веры Виногоровой (Россия). Вот одно из её коротеньких стихотворений «Пример», наполненное глубоким жизненным наблюдением и философским смыслом, которое свойственно многим произведениям поэтессы: «Ветер / ободрал с дерева ночью все листья, / кроме одного-единственного / дрожать на голой ветке соло. / Этим примером / Насилие демонстрирует, / что, несомненно, / временами любит пошутить...». Её соотечественница, профессор и автор многочисленных работ по теме русской эмиграции Ивона Анна Ндьей представила своё исследование «Бунинский «апофеоз бездомья», а

журналист Александр Ольбик (Латвия) поместил своё интервью с Чингизом Айтматовым... В разделе «У нас в гостях» читатели будут иметь возможность познакомиться с творчеством русских стихотворцев, объединившихся в Балтийскую гильдию поэтов. Среди них Юрий Касянич и Николай Гуданец из Латвии, Сергей Смирнов и Ирина Мастерман (Литва), Андрей Ястремский (Беларусь) и Владимир Френкель (Израиль)...

Однако, несомненно, прелестной поэтической изюминкой стал «Журнал в альманахе». Речь идёт о журнале «Покрова» и вернисаже в нём известного вильнюсского скульптора Тамары Яновой. Приятную и нужную строгость этому изданию в издании придают графические работы художника Владимира Кольцова-Навроцкого. Они органически вписались в духовно-поэтическую тематику журнала «Покрова», подчёркивая его направленность. О роли, задачах и особенностях 3-го Международного фестиваля духовной поэзии в кратком вступлении рассказала учёный, публицист и поэт Эляна Суодене. Она отметила, что в подготовке и проведении фестиваля активное участие принял созданный с благословения настоятеля каунасской Благовещенской церкви отца Николая Центр культуры имени Льва Карсавина. Увы, но имя этого замечательного представителя Серебряного века в России подзабыто. Лев Платонович Карсавин, как пишет д.г.н. Эляна Суодене, «сочетал в себе блестящее знание как православной культуры, так и католицизма». Жизнь и деятельность историка и философа Л.П. Карсавина (1882–1952) была связана с Санкт-Петербургским университетом, чтением лекций в Берлине и Париже, а также в других европейских столицах и городах. С 1928 года «русский Платон и русский Вольтер», как именуют нередко учёного и по сей день в научных кругах, за короткое время освоивший литовский язык, читал лекции в Каунасском университете имени Витаутаса Великого, возглавляет кафедру всеобщей истории. С 1940 года, когда университет переезжает в Вильнюс, он станет любимым студентами и коллегами профессором ведущего ВУЗа республики. В конце 1949 года Лев Карсавин был арестован за антисталинские высказывания и отправлен отбывать ссылку в один из лагерей Коми АССР, где и скончался от туберкулёза. Однако его идеи Всеединства вместе с разработкой других философских и религиозных позиций внесли существенный вклад в современную науку. Более того, «сонеты и терцины, написанные Карсавиным в лагере Абезь и сохранённые стараниями его ученика А.А. Ванеева и патологоанатома лагеря — заключённого-литовца В. Шимкунаса, — как пишет автор предисловия, — являет собой поразительный пример общения человека с Богом, когда «Я» Карсавина становится общечеловеческим «Я», становится своеобразным «Я» человека как такового перед лицом Бога». Уверен, что в последующих номерах альманаха найдёт своего автора и чуткого исследователя личность Елены Скряжинской, лирические отношения с которой связывали учёного и поэта до его кончины. Имя этой замечательной женщины, ставшей «фоном и шифром его творчества», упоминается неоднократно в литературных произведениях, которые по праву считаются философскими исповеданиями Льва Платоновича Карсавина. В подтверждение непрерывающейся связи времён, продолжающегося развития духовного и творческого наследия великого учёного и писателя редакционная коллегия журнала, наряду с именами известных поэтов Арона Гаала, Евы Ахтаевой, Регины Канаевой, Эльвиры Поздней и Валерия Срибного представляет и других авторов. Как замечательно переключаются с творчеством поэта Льва Карсавина строки поэта Валентины Екатериничевой (Фатеевой): «Благодарю, Господь, за грех, / Отчаянье и боль, / За шаг, за голос, за успех, / Что в сердце есть любовь». Её коллега по поэтическому творчеству Юлия Кильчаускене ей вторит: «Молитва моего пути / Всегда на небо смотрит, / Туда покорно я её несу, / Когда с усталостью споткнувшись, / Над сердцем власть имеет мука». Однако завершить свой небольшой экскурс в современное духовное развитие русской поэзии мне бы хотелось строками русской поэтессы Литвы Регины Канаевой: «За всё скажу Всевышнему спасибо: / За дымчатый рассвет, за солнечный закат, / За жизнь мою, с прощением ошибок, / И вновь пришедший разноцветный листопад!»

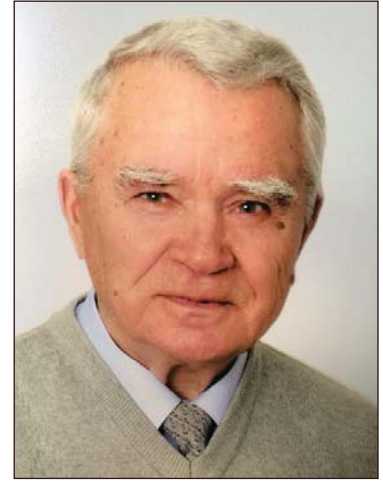
От главного редактора журнала Лидии Довыденко. Участие в фестивале православной поэзии «Покрова» в Каунасе, в семинаре русских поэтов и прозаиков на тему духовности в Вильнюсе под руководством доктора гуманитарных наук Эляны Суодене, участие в Международном альманахе МАПП «Ступени» открыли для меня прекрасный круг талантливых творческих людей, ставших авторами нашего журнала «Берега»: Эльвира Поздняя, Владимир Кольцов Навроцкий, Георгий Почуев, Валентина Киселева, Эляна Суодене, Валерий Иванов, венгерский поэт Арон Гаал. Уверена, что встречи в реальности и на страницах журнала с русскими авторами в Литве будут продолжаться.

Там, где политики упираются в тупик и бессильно разводят руками, поэты своим могучим и проникновенным словом наполняют пространство смыслом бытия, напоминают о величии человека на «территории нравственности». Во время фестиваля православной поэзии в Каунасе я получила замечательный подарок: литературный альманах «Океанус сарматикус», №1–2016, объединивший русских авторов в Каунасе и Риге. Он открывается стихотворением Леонида Мартынова, где поэт верно заметил: «Всегда мы наготове продолжать, волнуясь и смеясь, беседу...» Эта готовность повторить общение, встречаться снова и снова рождается из чувства единства, литературного братства и взаимного понимания и взаимоуважения к творчеству на каждой последующей встрече, которая наполнена дружбой и сердечным участием, в то же время является несомненным уроком мастерства.

Берега памяти

Евгений Лушев

Родился в 1930 году в деревеньке на берегу Северной Двины в Холмогорском районе Архангельской области. После десятилетки окончил военно-морской факультет при 1-м Ленинградском медицинском институте имени академика И.П. Павлова. Тридцать три года служил на Балтийском флоте. Ветеран военной службы. После увольнения в запас жил в Таллине. Занимался последипломной подготовкой судовых врачей. С 1996 г. — в Гурьевске. Литературные публикации — с 2002 года — в калининградских и гурьевских альманахах, журналах, коллективных сборниках. Изданы книги: «Русское рассеяние. Аргентина», «Митькина заплата», «Память».

О русском языке

Первый закон истории в том, чтобы не сметь сказать никакой лжи, затем — не сметь умолчать ни о какой правде.

Цицерон.

I

В настоящее время утвердилась концепция единого происхождения языков мира. В Библии, обобщившей древнейшие знания, сказано: «На всей земле был один язык и одно наречие». Об этом же свидетельствуют результаты компьютерной обработки словесно-смысловых массивов более двухсот языков мира. Значит, у всех языков общая первооснова — единый праязык.

Напрашивается вывод: единым был не только Праязык, но и Пранарод, который на нём говорил. Кто же он и где обитал — на Севере или на Юге?

Крупный французский учёный-астроном Жан-Сильвен Байи (1735–1793) утверждал: все разработки древних опираются на ещё более давние достижения неизвестного (потерянного) народа, обладавшего высокоразвитым знанием. Он настаивал, убедительно аргументируя, что Атлантиду следует искать не в Атлантике или в Средиземноморье, а за Полярным кругом, в Северном Ледовитом океане. Античные, а также средневековые арабские авторы доказывали: на Северном полюсе или рядом с ним всего несколько тысяч лет назад жила высокоразвитая цивилизация, названная Гипербореей и погибшая в результате геофизического катаклизма. Мифы многих народов свидетельствуют о пожарах, кипении моря, потопах, отмеченных одновременно в разных районах мира. Начальная русская летопись ведёт отсчёт от подобного события. Первая фраза летописного свода Нестора после зачина «Се повести временных лет...» отвечает на вопрос «откуда есть пошла русская земля?» и начинается со слов «по потопе», то есть «после потопа», иными словами, после катаклизма. Мифы связаны с каким-то огнём. Потом наступило резкое похолодание — глобальное изменение климата — гибель почти всего живого.

Северный полюс в результате катастрофы сдвинулся на 1500 километров (ранее был в районе Гренландии). Возле Северного полюса островов нет, но есть хребты Ломоносова и Менделеева, которые, по утверждению академика А.Ф. Трёшников (1914–1991), ушли на дно океана по геологическим понятиям недавно: ещё десять тысяч лет назад эти хребты возвышались над поверхностью океана, и льдов не было, а море было тёплым. Археологические карты Мурманской и Архангельской областей убеждают: на протяжении многих тысячелетий на берегах океана, вплоть до Чукотки, жизнь была ключом.

Считается общепринятым: языки народов Европы выделились из общей семьи индоевропейских языков. Индийские брахманы (представители основной религии Индии) утверждают: в древности с Севера, из-за Гималаев, пришли Белые учителя и принесли к ним санскрит и веды. Брахманы считают Русский Север, северную часть европейской России, прародиной человечества и совершают туда паломничество.

Выдающийся санскритолог Рахул Санскритьяян (1950) убедительно показал, что русский язык и санскрит являются наиболее схожими языками, введя термин «индославы». А в 1960 году это подтвердил своими исследованиями другой известнейший санскритолог, профессор Делийского университета Дурга Прасад Шастри. Основное население Русского Севера состоит из потомков древних индоевропейцев, сохранивших древнейшие обряды, язык, традиции, многочисленные культурные моменты, которые невозможно придумать: орнаментику, специфику менталитета.

Индолог, доктор исторических наук Наталья Гусева рассказывает:

— Мне поручили сопровождать индийского учёного Д.П. Шастри в поездке по рекам Русского Севера. В общении с местными жителями он отказался от переводчика и, прослезившись, заметил: — Счастлив слышать живой санскрит.

После этого Н. Гусева провела исследование и выяснила: около шестидесяти процентов слов санскрита по значению и произношению совпадают с русскими словами.

Краеведы русского Севера выявили немало топонимов и гидронимов с древними санскритскими корнями — инд, ганг, рам — немymi свидетелями былой этнолингвистической общности обитавших здесь древних народов. Вологодская исследовательница С.В. Жарникова приводит имена шести северных рек с корнем инд и пять с корнем ганг. Ганга — река в Архангельской области, и Ганг — главная река Индии. Н. Гусева показала славяно-индийские параллели на примере однокоренных слов: праматерь — праматьрь, твой — тва, этот — этат, дверь — двар, чашка — чашака, дева — деви, дырка — дрька и другие. Она убеждена: Русский Север — прародина индо-славян.

Санскритолог, профессор Делийского университета Д.П. Шастри в результате научного поиска заявил: «...русский язык даже более древен, чем санскрит...» Это позволяет говорить о выделении санскрита из русского языка, а не наоборот.

Хинди — самый значительный из новоиндийских языков по числу говорящих, территории употребления, литературной разработке. Древний санскрит (классический) бережно хранится грамматистами Индии и используется только в научных и религиозных целях представителями высшей касты — брахманами. Древний санскрит — это древнерусский язык. Северное поморское наречие русского языка — тот самый санскрит, на котором был счастлив поговорить с местными жителями санскритолог Дурга Прасад Шастри.

Русский язык, видимо, самый древний на земле и наиболее близкий к языку, послужившему основой для большинства языков мира.

Многие учёные отмечают: русский язык является первым, древнейшим языком на евразийском континенте. Сначала он был не русским, а общим для всех, единым, но сохранился до нашего времени только у русских. Именно от него пошли многие, если не все, языки Европы и частично Азии.

II

В наши дни 863-й год, первый год пребывания Кирилла и Мефодия в Моравии, по решению ЮНЕСКО признан годом создания славянской азбуки. Это признание заслуг солунских братьев не только перед славянами, но и перед всем человечеством. Многие учёные предлагают именно от этой даты вести отсчёт славянской истории, культуры и письменности, ибо письменность является важнейшим фактором в становлении любого народа. Так, академик Зализняк утверждает: грамоте русских обучили солунские братья в IX веке нашей эры. При этом учёные часто забывают задать себе вопрос: а была ли у славян письменность в дохристианский период, до азбуки Кирилла и Мефодия?

Видный отечественный учёный В.Н. Татищев (1686–1750) считал: славяне задолго до Кирилла и Мефодия имели несколько видов письменности. Это букввица, черты и резы, руническое письмо. Солунские братья создали церковно-славянский алфавит на основе славянской букввицы и греческого языка для удобства перевода Священного писания.

На Апеннинском полуострове ещё до Римской империи жили этруски, оставившие много памятников с надписями, текстами, расшифровать которые учёным мира не удавалось. Поэтому они пришли к выводу, что «этрусское не читается». Прочсть тексты не могли, так как понять их пытались через древнегреческие и латинские транскрипции.

Фаддей Воланский (1785–1865), сопоставив этрусский алфавит со славянской руницей и показав, что этрусские буквы на треть совпадают с кириллицей, обосновал вывод: этрусский язык можно считать разновидностью славянского языка, который возник и распространился ещё до основания Рима! Безуспешность попыток западноевропейцев прочесть надписи на археологических памятниках в Европе и Африке Воланский комментировал так: «Учёные... напрасно трудились... разбором их надписей по алфавитам греческому и латинскому и, видя неприложимость таковых, напрасно искали ключа в еврейском языке, потому что таинственный этот ключ ко всем неразгаданным надписям находится только в славянском первобытном языке»...

Когда его книга «Памятники письменности славян до Рождества Христова» вышла в 1874 году в свет в Варшаве, католический примас Польши, входившей тогда в состав Российской империи, обратился в Святейший Синод с просьбой испросить разрешения у императора Николая I права применить в отношении Воланского аутодафе (публичное сожжение) на костре его книг, как «до крайности еретических», ибо они убедительно свидетельствовали: письменность у славян существовала задолго до Рождества Христова и появилась гораздо раньше, чем у финикийцев, иудеев и греков, да и египтян.

Николай I затребовал сначала книгу Ф. Воланского и вызвал из Москвы для её экспертизы Класена. Видимо, Николай I знал, что наша дохристианская письменность Класену известна. Потом император приказал «взять потребное количество оной книги под крепкое хранение, остальные же, дабы не наносить вред духовенству, сжечь. К Воланскому же прикомандировать воинскую команду для содействия ему в его экспедициях по собиранию на каменных надписей и впредь и сохранения его персоны от возможных злоключений».

Одна из надписей, упомянутых в книге Воланского, выполненная руницей около трёх тысяч лет назад на могильном камне Троянского царя Энея (камень найден в Италии, близ Креччио, в 1864 году), гласит: «Говорил с небес Всевышний Бог Виму и Диму — Святым мужам России: опекайте дом и детей, возвращайте святых, держитесь подальше от духов Преисподней, странствуйте по миру сему, верную веру имейте, как царь рода Эней, сидя рядом, в Элише. Не забывайте летописей своих, ибо тогда кончается хороший путь».

Стремление сжечь труд Ф. Воланского возникло потому, что даже сама мысль о происхождении латинян от славян являлась для католической церкви дикой крамолрой. Хотя само слово «крамола» славянское и означает в прямом (слоговом) переводе К-РА-МОЛА (молитва, обращённая к Богу Ра). Молиться Богу Ра — это и есть крамола (заговор, смута, мятеж, злой умысел — в понимании католиков).

III

В этрусском языке заложены корни славянских языков. Можно утверждать: задолго до возникновения письменности, разработанной Кириллом и Мефодием в IX веке нашей эры, существовала праславянская письменность в VI веке до нашей эры. Отсюда проистекает: славянские народы имеют древнюю историю, соизмеримую с историей эллинской цивилизации.

С помощью славянского рунического письма («черт и резов») удалось прочесть многие этрусские тексты. Кстати, сами этруски, согласно Дионисию Галикарнасскому, называли себя «РАСЕНА», а в словаре Стефана Византийского этруски названы «словенским племенем».

В царском дворце древнего города Феста на Крите в 1908 году нашли диск из хорошо обожжённой глины, названный Фестским, с текстами, выполненными неведомым дотоле письмом. С помощью радиоуглеродного метода установили, что диск изготовлен в XVII веке до нашей эры. Труды многих учёных мира по дешифровке надписей диска оказались безуспешными. Опытный дешифровщик, академик Джон Чедвик пришёл к выводу: «Дешифровка этих надписей остаётся за пределами наших возможностей». Русский учёный Г.С. Гриневич прочёл тексты Фестского диска, пользуясь славянским письмом «черт и резов». Содержание текста таково.

Племя (народ) «рысичей» вынуждено было оставить свою прежнюю землю «Рысиюнию», где на их долю выпало много страданий и горя. Новую землю «рысичи» обрели на Крите. Автор текста призывает беречь эту землю, защищать её, радеть о её мощи и силе. Неизбывная тоска, от которой никуда не деться, не излечиться, наполняет автора при воспоминании о «Рысиюнии».

В книге Г.С. Гриневича «Праславянская письменность. Результаты дешифровки» (1993) изложены результаты дешифровки славянской письменности, существовавшей у славян задолго до Кирилла и Мефодия: тэртрийские надписи (V тыс. лет до н.э.), протоиндийские (XXV–XXIII вв. до н.э.), критские (XX–XIII вв. до н.э.), этрусские (VIII–II вв. до н.э.) и надписи, найденные на территории современного расселения славян (IV–X вв.).

Трипольцы-пеласги, предки этрусков, являлись славянским племенем. Его подлинное, неискажённое самоназвание было РЫСЬ, а рысичи — представители этого племени. Этот тотем наших далёких предков подтверждает версию о том, что на Крит они пришли с севера, то есть из Триполья.

Доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, академик РАЕН, эпиграфист В.А. Чудинов, занимаясь славянской мифологией и палеографией, доказал наличие у славянских народов собственных видов письменности: глаголицы, руницы, существующих несколько десятков тысяч лет. Славянский язык был древним сакральным языком Европы. Солунские братья создали кириллицу путём комбинации тысячелетия существующих славянской азбуки и греческого алфавита. С помощью кириллицы либо славянского слогового письма — руницы — Чудинов дешифровал более двух тысяч зашифрованных славянских текстов на множестве памятников Античности, Средневековья и позднейших времён. Он исправил таблицу Ф. Воланского для расшифровки этрусской письменности. Их результаты совпали: этрусски говорили на славянском языке. У славян с IV века был собственный алфавит — глаголица. До кириллицы предпринимались попытки писать письмом греческого типа, похожим на кириллицу, то есть у кириллицы были предшественники.

В книге «Священные камни и языческие храмы древних славян» В.А. Чудинов показал присутствие славянской культуры в пространстве от берегов Португалии до зауральского Аркаима и во времени от неолита до первой половины XVII века. А Север от Великобритании до Аляски в каменном веке был русским. Многие историки утверждают: задолго до нашей эры (до Рождества Христова) существовала Ярова Русь. Балтийское море имело название Ярово море, и где-то в середине этого моря был центр Яровой Руси (недалеко от центра мира). Результаты исследования В.А. Чудиновым археологических находок в районе Балтийского моря, Карелии и Архангельской области, относящихся к каменному веку (мезолит, неолит, X–III век до нашей эры), подтверждают данные историков.

Отсюда вывод: евразийская культура — это культура славян, а Евразия — это Русь. Складывается впечатление, что указанный в Библии единый язык и был русским. Чуть— чуть поскребите любые европейские слова и получите русские (В.А. Чудинов).

Ярослав Кеслер пишет: «...по крайней мере, до XIV века население подавляющей части Европы говорило на одном языке — и это был именно праславянский язык», а «все романские языки — это просто искажённый славянский язык». «Распад единой Византийской империи (Восточная Римская империя) (XV век) и стал причиной разделения общего европейского языка».

В одном из посланий папы Иоанна VIII говорится: «Славянские письмена» были известны до Кирилла, и он их «только вновь нашёл, вновь открыл». Русская православная церковь знала о наличии у славян собственной письменности. В церковно-историческом словаре за 1889 год говорится: «Россы, варяжское племя, жили в Южной России, с Византией то вели дела торговые, то воевали. От них заимствовал буквы Св. Кирилл».

Д.С. Лихачёв отмечал («Вопросы истории», 1951, № 12): «Древним алфавитом могла быть глаголица, но это не значит, что рядом с глаголицей русское население Северного Причерноморья, тесно соприкасавшееся с греческими колониями, не могло употреблять буквы греческого алфавита для письма на русском языке. Именно эти буквы могли дать начало позднейшей кириллице».

Надписи, исполненные письмом типа «черт и резев», встречаются на огромных просторах от Рязани до Познани, от Москвы до Стамбула. Написанное слово в дохристианском славянском мире было не диковинкой, а привычным средством общения между людьми, представляющими разные социальные слои общества: княжескими сановниками, священниками, торговыми людьми, охотниками, гончарами, деревенскими пряжами...

IV

В Москве на выставке «Орёл и Лев, Россия — Швеция в XVII веке» в 2001 году была представлена «Плачевная речь». В 1697 году умер шведский король Карл XI. Его хоронили в Стокгольме. Надгробная речь была написана и прочтена по-русски. Хочется сказать: написана всё ещё по-русски, но уже латинскими буквами, то есть в процессе вытеснения славянского языка, в том числе и с территории Скандинавии, новопридуманными языками эпохи Реформации. В период Северной войны (1700–1721) русские войска, высадившись на шведский остров Готланд, общались с местным населением по-русски. Столицу Швеции Стокгольм в XVI–XVII веках русские называли Стеколья, Стекольным. В нём и теперь много стекольных заводов.

Скандинавские языки близки к русскому и сейчас. В их словарях много слов, родственных нашим, имеющих общие корни. Это упрощённые варианты русского языка, как и остальные языки Европы. Это заметили ещё генералы русской армии, пришедшие в Европу в 1812 году вместе с А.С. Шишковым (1754–1841), написавшим «Славяно-русский корнеслов», в котором он показал, как «от нашего славяно-русского корнеслова пошла поросль наречий и ветви языков иных». Он говорил: «Язык наш — древо жизни на земле и отец наречий иных». И далее: «Слова, почитаемые за иностранные, только по окончанию чужезычные, а по корню наши собственные».

Рагужский (в г. Рагузе (Италия, Сицилия)) монах ордена бенедиктинцев, далматский историк Мавро Орбини (Orbini) (1563(?)–1610) в книге «Славянское царство» (1601), в которой попытался дать историю всех славянских народов, отмечал древность славянского племени и его активность на различных континентах: «...славянский народ озлоблял оружием своим чуть ли не все народы во вселенной: разорил Перейду, владел Франциею, Англиею; установил державство во Ишпании, овладел лучшими провинциями во Европе, владел Азиею и Африкою, бился с египтянами и великим Александром; покорил себе Грецию, Македонию...; завладел Моравиею, Шлёнскою землёю, Чешскою, Польскою и берегами моря Балтийского; прошёл в Италию, где многое время воевал против римлян, ...покорив под себя державство Римское, завладел многими их провинциями, разорил Рим, учиняя данниками цезарей римских, чего во всём свете ни один народ не чинивал».

Орбини привёл о славянах мало известные сведения, полученные им при изучении средневековых источников в католических монастырях и храмах (католическая церковь в тот период была хранительницей культуры в Европе, сохранив в своих недрах часть предшествующей культуры), а также в итальянских библиотеках: славяне правили Азией, Северной Африкой, занимали большую часть современной Европы; разрушили Римскую империю; основали свои королевства по всей Европе от Северной Африки и Испании до Британских островов; вошли в современную отредактированную историю как «германские племена» — франки, юты, англ, саксы, вандалы, лангобарды, готы, аланы...; Скандинавия была заселена славянами, а нынешние шведы, датчане, норвежцы, исландцы и другие «германо-скандинавские народы» — это прямые потомки славян; нынешние страны Скандинавии, а также Австрия, Германия, Италия, Франция, Англия основаны русами-славянами; населявшие эти земли славяне были уничтожены, частично ассимилированы, их вера в солнечных Богов была уничтожена, саги и былины отредактированы, придуманы фактически новые «литературные» языки. Европейская история, вплоть до X–XII веков, это, собственно, история славян и их войн.

Папский аббат Мавро Орбини четыреста лет назад в своей книге утверждал: «Русский народ является самым древним на Земле народом, от которого произошли все остальные народы». Его работа подтверждает: история Европы была переписана в интересах Ватикана и правящих романо-германских элит.

По решению Ватикана труд Орбини через два года после выхода в свет попал в Индекс запрещённых книг, но не канул в Лету. Через сотню лет дипломат из Дубровника на службе у Петра I Савва Рагузинский-Владиславич (он ещё известен тем, что в 1705 году привёз русскому царю арапочка Ибрагим) преподнёс экземпляр «Славянского царства» Петру I.

Книга в переводе Саввы под названием «Книга историографии початия... и расширения народа славянского» в 1722 году издана в Петербурге.

Работа Орбини подтверждает выводы историка Ю. Д. Петухова (1951—2009) в книгах «История русов» и «Дорогами Богов» (1990): протоиндоевропейцы, индоевропейцы — это русы, протославяне — арии. Современный русский народ — это их прямое продолжение. Доказатель-

ства этому можно обнаружить в мифологии, антропологии, лингвистике, топонимике, археологии, ДНК-генеалогии и в других смежных с историей науках.

На вопрос о том, кем были далёкие предки немцев и французов, ирландцев и литовцев, сербов и осетин, Ю.Д. Петухов отвечает: «Они были древними русами, не русским народом в современном смысле слова, а суперэтносом русов, которые стали истинными творцами первоначальной истории человечества ещё десятки тысяч лет назад! От них-то и произошли славяне и греки, балты и германцы...»

V

Видный общественный деятель, немец по происхождению Е.И. Классен (1795–1862) в книге «Древнейшая история славян и славяно-русов до рюриковского времени» (1854) показал абсурдность норманнской теории и доказал факт существования протославянской цивилизации, ставшей фундаментом культуры Западной Европы и стран Востока. Он говорил:

— Стыдно нам, русским, что мы не заботимся о том, чтобы самим проследить все летописи, дабы иметь возможность совершенно поразить и отбросить составленную немцами подложную русскую историю, написанную без справок с источниками...

По его словам, «...к счастью, имеем мы двоякого рода источники к воссозданию древнего славянского мира: это летописи и памятники... Эти источники нужно сперва уничтожить, дабы дать возможность провозглашать дерзкую ложь... Славяно-руссы, как народ, ранее римлян и греков образованный, оставили по себе во всех частях Старого Света множество памятников, свидетельствующих об их там пребывании и о древнейшей письменности, искусствах и просвещении; они говорят нам о действиях наших предков на языке, нам родном, составляющем прототип всех славянских наречий». В очерке о славяно-руссах до Рождества Христова он писал о существовании дохристианской славянской письменности, относил к славянским рунам ряд древних письменностей, в частности, этрусский алфавит.

Классен (1854) пишет: «Ещё в XVIII веке было доказано, что греки и римляне заимствовали всё своё образование и учились грамоте у славян. Что все древние племена славян имели свои рунические письмена, есть уже теперь дело несомненное, осознанное даже и германцами, оспаривающими каждый шаг просвещения славянского... Славяне имели грамоту не только прежде всех западных народов Европы, но и прежде римлян и даже самих греков, и что исход просвещения был от русов на запад, а не оттуда к нам».

Классен утверждал: приглашение новгородцами князей-варягов на княжение было внутренним делом самих русов, так как на севере Западной Европы, вплоть до Эльбы (Лабы), существовала славянская цивилизация, называемая Поморской Русью, откуда и были приглашённые князья-варяги. А «варяги-руссы, — считал Классен, — соплеменны руссам Новгородской области». Он был непримиримым борцом с агентами Ватикана в русской исторической науке Байером, Миллером, Шлёцером..., которые и сочинили российскую «историю», унижающую национальное достоинство русских.

Летописец Нестор в «Повести временных лет» пишет: «...и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются свеи, а иные норманны и англы, а ещё иные готы, — вот так и эти». Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родам, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля...»

Императрица Екатерина II, которую нет оснований считать симпатизирующей славянскому племени, в «Записках касательно русской истории» (1787) писала: «Славяне на востоке, западе и севере обладали толикими областями, что в Европе едва ли осталась земля, до которой они не касались». И далее: «Славяне за многие тысячи лет до Рождества Христова свои письменности имели».

Античные историки отмечают, что в первом тысячелетии новой эры славяне занимали Северную, Западную, Центральную Европу. Публий Корнелий Тацит (около 58 — около 117 нашей эры)

пишет: «Германия» — та область, где проживают русы». А слово «германцы» происходит от ярман, что значит арий, яр-человек, яр-муж, а это и было родовое самоназвание русов. Никаких иных ариев, кроме славян-русов, в Европе не было. Этноним русов-славян ярые-арии позже был присвоен пришлыми молодыми народностями, занявшими исконные земли покорённых славян.

Специалист по расшифровке древних надписей П.П. Орешкин (1932–1987) в книге «Вавилонский феномен», изданной в Риме в 1984 году, писал: «В исторической науке, как известно, при расшифровке письменных памятников глубокой древности использовались все языки мира, в том числе «мёртвые», но никогда не применялся самый величайший из языков — русский язык. В этом преступно повинны российские «историки». Все они — патологические русофобы, со времён Петра I заполнившие русские университеты и объявившие всему миру, что русский народ до принятия христианства (988 год) не имел ни собственной письменности, ни собственной культуры». П. Орешкин утверждал, что письменные источники Древнего Египта, Древнего Рима, Древней Греции имеют славянские корни. И далее об этрусках: «...народ, говоривший и писавший по-древнеславянски вплоть до своего ухода со сцены где-то в начале эпохи Возрождения». «Дешифрованные мною тексты не оставляют ни малейшего сомнения в том, что мы имеем дело с древнеславянским языком, древнеславянской культурой». «Знаки — разные, язык — единый», — так подытожил П. Орешкин свой труд по расшифровке древних письменных памятников, то есть «...старые тексты написаны посредством различных алфавитных систем, но на одном языке, и язык этот — русский».

Языковед Н.Г. Самсонов, анализируя факты массовых находок берестяных грамот в Новгороде, Пскове, Смоленске и Витебске, замечает: «К XI веку русская письменность прошла уже долгий путь развития, прежде чем стать привычной потребностью... Можно думать, что дохристианское письмо было достаточно совершенно».

Академик РАН А.А. Зализняк в лекции «Новгородская Русь по берестяным грамотам: взгляд из 2012 года» на сайте «Полит.ру» говорит: «Древняя Русь была в значительной степени грамотна, причём грамотность не ограничивалась одним лишь духовенством и боярами; писать умели и простые домовладельцы, их жены и члены семьи, работники и торговцы. Поразительнее всего, конечно, было то, что женщины умели читать и писать».

Русы-славяне в течение нескольких тысячелетий были аборигенами Европы, основным, коренным этносом на всей её территории. Это подтверждается данными археологии, антропологии, языкознания, анализа мифов, этнологии, топонимики. Славяне-русы в IV-V веках нашей эры завоевали Римскую империю, которая в последующем из державы расенов-этрусков (южных руссов-славян) превратилась в империю средиземноморских романцев. Романская империя в VI-VII веках нашей эры, восстановившись под флагом воинствующего католицизма, пошла в наступление на славян. Романские и молодые южные германские этносы (католический романо-германский юг) в течение нескольких веков (с VI по XIV) при поддержке папского престола наносили сокрушительные удары по Западу, Центру и Северу Европы, истребляя, насильственно ассимилируя славян-русов, искореняя славянские языки, насаждая католичество и латиницу. Славянские народности частично или полностью потеряли свой язык, свою культуру. Облик Европы менялся в соответствии с идеологией католического Рима. Древнейший народ планеты (суперэтнос русов) был вытеснен на север Европы.

VI

Истоки русского языка уходят в глубокую древность. Примерно во II-I тысячелетиях до нашей эры из группы родственных диалектов индоевропейской семьи языков выделяется протославянский язык, называемый позднее (примерно с I по VII век нашей эры) праславянским. Праславянское этноязыковое единство распалось на три близкородственные группы. Это восточная (древнерусская народность), западная (на её основе сложились поляки, чехи, словаки, лужичане, поморские славяне) и южная (болгары, сербохорваты, словенцы, македонцы) группы. Восточнославянский (древнерусский) язык просуществовал с VII века по XIV. Распаду древнерусской народности способствовали: диалектное дробление из-за феодальной раздробленности, монголо-татарское иго (XIII-XV вв.), польско-литовские завоевания.

Постепенно распалось и единство древнерусского языка. Образовалось три новых этноязыковых объединения, стремившихся к своей славянской самобытности: северо-восточный (великорусы),

южный (украинцы) и западный (белорусы). На базе этих объединений в XIV–XV веках складываются близкородственные, но самостоятельные восточнославянские языки: русский, украинский и белорусский.

До разделения восточных славян на великорусов, малороссов и белорусов на основе древнерусского языка в X веке был создан кирилловский алфавит, приведший к расцвету письменности.

Самой древней книгой Руси признана «Новгородская Псалтырь» — книга из липовых навощённых дощечек, найденная в Новгороде в 2000 году. Она создана в X–XI веках (датируется авторами 760–1030 гг.) и содержит фрагменты Псалтыри. «Остромирово Евангелие» (XI век) написано старославянским языком дьяконом Григорием в 1056–1057 гг. для новгородского посадника Остромира. «Слово о законе и благодати» (XI в.) — выдающееся произведение древнерусской литературы, созданное Иларионом (прозвище Русин), первым митрополитом из русских, поставленных на киевскую митрополию из священников в 1051 году. «Повесть временных лет» (начало XII в.), написана древнерусским языком монахом Киево-Печерского монастыря Нестором около 1110–1118 гг. и охватывает события истории Русской земли с библейских времён до 1117 года. «Слово о полку Игореве» (полное название «Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олега») — крупнейшее достижение русского средневекового эпоса. «Русская правда» (XI–XII в.) — памятник законодательства, самый ранний кодекс правовых норм средневековой Руси.

VII

Создание Академии наук в России связано с реформаторской деятельностью Петра I. Один из иноземных сподвижников Петра подал ему доклад, в котором вызвался представить ему записку «О нетрудном воспитании и обучении российских младых детей, чтобы оных в малое время в совершенство поставить». Резолюция Петра на докладе: «Сделать академию, а ныне приискать из русских, кто учён и к тому склонность имеет, также начать переводить книги юриспруденции». Персонал Академии предполагалось формировать путём вызова иностранных учёных из-за границы.

Члены Академии, получая жалование, должны были «обеспечивать научно-техническое обслуживание государства», каждый академик обязан был «составить учебное руководство в пользу учащегося юношества и каждый день по часу заниматься публичным преподаванием своего предмета». Академику следовало «подготовить одного или двух воспитанников, которые бы со временем могли заступить на его место», причём Пётр высказал пожелание: «чтобы такие были выбираемы из славянского народа, дабы могли удобнее русских учить». Петербургская Академия наук, созданная по указу Петра I от 28.01.(8.02) 1724 года, уже по указу Екатерины I открыта 27 декабря 1725 года. В состав её вошли университет и гимназия.

М.В. Ломоносов (1711–1765) — первый (с 1745 года) русский академик попал в опалу из-за своих разногласий с немецкими учёными, составлявшими в XVIII веке костяк Академии наук (Н.Ходаковский. «Спираль времени»). В Россию хлынул поток иностранцев. Немцы Миллер, Байер (оба в России с 1725 года) и Шлёцер (с 1761 года) стали основоположниками современной версии русской истории. Немецкие учёные своими исследованиями доказывали: «...восточные славяне в IX–X веках были сущими дикарями, спасёнными из тьмы невежества варяжскими князьями». Именно Готлиб Зигфрид Байер выдвинул норманнскую теорию становления Российского государства. Мол, «...прибывшая на Русь кучка норманнов за несколько лет превратила “тёмную страну” в могучее государство».

М.В. Ломоносов в 1749–1750 годах выступил против искажения русской истории в диссертации Миллера и в трудах Байера. Его поддержали многие русские учёные. Но сенатская комиссия во главе с князем Юсуповым посчитала выступление русских учёных «бунтом черни» против начальства и рекомендовала всех наказать, а Ломоносова «за неоднократные неучтивые, бесчестные и противные проступки, как по отношению к Академии, так и к комиссии, и к немецкой земле подвергнуть смертной казни, или, в крайнем случае, наказанию плетью с лишением прав и состояний». Императрица Елизавета Петровна в указе признала его виновным, но от наказания освободила. Ему лишь вдвое уменьшили жалование и обязали «за учинённые им дерзости» извиниться перед профессорами.

Для опровержения тезисов Байера и Миллера «о великой тьме невежества», якобы царившей в Древней Руси, Ломоносов около 1751 года начал работу о «древней российской истории». На следующий же день после смерти Ломоносова (1765) его библиотека и все бумаги по приказу Екатерины II были опечатаны графом Орловым, перевезены в его дворец и бесследно исчезли.

VIII

А когда в России смогли говорить и писать на русском языке?

Гражданский шрифт (гражданский язык) введён в России Петром I в 1708 году для печати светских изданий в результате первой реформы русского алфавита (изменение состава азбуки и упрощение начертания букв алфавита). Гражданский шрифт стал компромиссом между сторонниками традиций и теми, кто стремился к максимально полному заимствованию западной культуры (мода на латиницу в 1680–1690 годах).

Указ Петра I от 1 января 1708 года о введении Гражданской азбуки гласил: «... теми азбуками напечатать книгу «Геометрию» на русском языке... и иные гражданския книги печатать теми ж новыми азбуками...». Первая книга, набранная новым шрифтом, «Геометрия славенски землемерие» (учебник геометрии), была напечатана в марте 1708 года. За ней последовали другие. Русские книги до этого набирались только церковнославянским шрифтом — полууставом.

Рисунки тридцати двух строчных букв русского алфавита, а также четырёх прописных букв (А, Д, Е, Т) сделал по эскизам, предположительно выполненным лично Петром I, чертёжник и рисовальщик Куленбах, состоявший при штабе армии. Подвергся пересмотру и состав алфавита: исключены были надстрочные знаки и некоторые дуплетные буквы полуустава, узаконена буква Э, утверждены арабские цифры вместо буквенных обозначений чисел, упорядочены пунктуация и применение прописных литер в наборе. Применение полуустава ограничено сферой богослужебной литературы. Состав русской азбуки и её графика изменялись и позже. Рукописный вариант гражданского шрифта развивается последним (лишь во второй половине XVIII века).

Первые труды в области русской словесности появились ещё до создания университета. Достаточно назвать хотя бы «Грамматику» Мелетия Смотрицкого (1619), которую вместе с «Арифметикой» Леонтия Магницкого (1703) Ломоносов назвал «вратами» своей учёности.

Василий Евдокимович Адодуров — ключевая фигура доломоносовского этапа развития русской словесности, первый русский студент, получивший в Академии звание адъюнкта (1733) по кафедре высшей математики у знаменитого Леонарда Эйлера. За филологические способности назначен переводчиком Академии. Ему поручили надзор за присланными в 1736 году из Москвы учениками, среди которых был М. В. Ломоносов.

В. А. Адодуров учил русскому языку невесту наследника престола, будущую Екатерину II. В записках императрицы читаем: «Мне дали троих учителей: одного, Симеона Теодорского, чтобы наставлять меня в православной вере; другого, Василия Адодурова, для русского языка, и Ландэ, балетмейстера, для танцев. Чтобы сделать более быстрые успехи в русском языке, я вставала ночью с постели и, пока все спали, заучивала наизусть тетради, которые оставлял мне Адодуров». Екатерина, став императрицей, сделала Адодурова куратором Московского университета. Адодуров создал «Грамматику» (1740), которая при жизни его так и не была опубликована, но отразила собой конец доломоносовского периода развития русской филологической мысли.

Этапным для разделения старославянского и древнерусского языков стал XVIII век. М.В. Ломоносов в сочинении «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» в 1758 году осуществил первый научный анализ исконно русского и старославянского языков и предложил практические рекомендации по использованию элементов одного и другого в новом русском литературном языке. Ломоносов обосновал ценность многовекового сосуществования русского и старославянского языков для обогащения собственно русского языка.

М. В. Ломоносов — первый русский учёный — естествоиспытатель мирового значения, энциклопедист, физик, химик, философ, филолог, поэт. В книге «О пользе книг церковных в русском языке» он обосновал «словенорусское» начало нового русского литературного языка в качестве генеральной линии, которая приведёт к яркому и мощному расцвету русского СЛОВА. В самом крупном его филологическом произведении — «Русская грамматика» (1755) — изложен «свод пра-

вил русских слов». Она стала первой изданной на русском языке научной русской грамматикой: все предыдущие были посвящены исключительно церковно-славянскому языку. Неисчерпаема многосторонняя творческая натура М. В. Ломоносова.

Заложив основы методологии филологического исследования, он постулировал теорию познания: «Из наблюдений устанавливать теорию, через теорию исправлять наблюдения — есть лучший всех способ к изысканию правды». Ломоносов положил начало русскому научному языку, ввёл в русскую науку более двухсот терминов: формула, пропорция, минус, горизонт, атмосфера, земная ось, удельный вес...

Благодаря Ломоносову по-русски заговорили и российская наука, и российское образование. В 1768 году в газете «Московские ведомости» объявлено: «Для лучшего распространения в России наук начались лекции на всех трёх факультетах природными россиянами на русском языке».

«М.В. Ломоносов — первый основатель русской поэзии и первый поэт Руси. Язык его чист и благороден, слог точен и силён, стих наполнен блеска и парения» (В. Г. Белинский). Он написал беспрецедентное, многостраничное поэтическое произведение «Письмо о пользе Стекла».

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ниже Минералов
Приманчивым лучом блистающих в глаза,
Не меньше пользы в нём, не меньше в нём краса...
Пою перед тобой в восторге похвалу
Не камням дорогим, не злату, но Стеклу...

Фраза Аполлона Григорьева «Пушкин — наше всё» применима и к заслугам в совершенствовании русского языка. Лёгкий и гармоничный поэтический язык А.С. Пушкина восхищает читателей до сих пор.

Во времена Пушкина русский язык ещё не стал языком культурного общения:

«...Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык».

Тогда «на разных языках» говорило образованное дворянство, мелкое чиновничество, городское мещанство:

«Я должен буду без сомнения
Письмо Татьяны перевести:
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалася с трудом
На языке своём родном...»

Он создал современный гражданский русский письменный язык Его творчество — норма и образец высокоразвитого современного литературного русского языка. А. С. Пушкин соединял в произведениях разные стили: западные, традиционные, просторечие (образец — язык старомосковского городского люда). Сохраняя всё, что накопила литературная традиция к его времени, перспективу развития литературного языка он видел в соединении его с простонародностью. Но не всё в просторечии было приемлемо для Пушкина. Он решительно не принимал язык «дурных обществ», то есть речь полупросвещённых купцов и мещан, «галантерейный» язык, столь же искусственный и жеманный, как речь дамского будуара.

Народная речь объединяется для него с языком народных песен, былин и сказок. Он говорил: «Читайте просто народные сказки, молодые писатели, чтобы видеть свойства русского языка».

Гениальность Пушкина состоит в том, что он сумел овладеть всей стихией действующего языка (литературная традиция XVIII века, речь культурного общества, городское просторечие, деревенско-фольклорная простонародность) и, выбрав из неё всё живое и вошедшее в речь, соединить в органическое целое. В пёстрой языковой стихии он находил несколько ориентиров: употребляемость слов и выражений, их необходимость, их свойственность русскому языку, их образность и ёмкость.

Идеалом языка для него служила речь людей «честных, умных и образованных». Язык Пушкина стал нормой и образцом русского всенародного литературного языка. И в наше время литературный язык и разговорная речь развиваются по его завету.

Богата история русского языка; красив и благозвучен сам язык. М. В. Ломоносов писал: «Карл Пятый говаривал: испанским языком — с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, италиянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашёл бы в нём великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатства и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков»...

А. Н. Толстой говорил: «Русский народ создал русский язык, яркий, как радуга после весеннего ливня, меткий, как стрелы, певучий и богатый, задушевный, как песня над колыбелью... Что такое Родина? Это весь народ. Это его культура, это его язык».

Критика

Григорий Блехман

Григорий Блехман — поэт, прозаик, публицист, литературный критик. Родился 11 августа 1945 года на Кубани в казачьей станице Бескорбная. Доктор биологических наук, профессор.

Автор пяти сборников — стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательстве «Российский писатель». Член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н.Гумилёва и премии МГО СПР «Лучшая книга 2012–2014» в номинации «эссе» за книгу «Когда строку диктует чувство»

«Я вскинул руки для объятья...»

О поэзии Николая Зиновьева

Строчка, которой озаглавлена эта заметка, входит в стихотворение Николая Зиновьева, открывающего один из его сборников, который поэт лаконично назвал «Стихотворения»:

Меня учили: «Люди — братья,
И ты им верь всегда, везде».
Я вскинул руки для объятья
И оказался на кресте.

Но я с тех пор об этом «чуде»
Стараюсь всё-таки забыть.
Ведь как ни злы, ни лживы люди,
Мне больше некого любить.

И, судя по тому, что мне довелось прочитать у этого поэта, а читал я все его сборники, похоже, что:

...как ни злы, ни лживы люди,
Мне больше некого любить —
это его кредо. И оно вызывает уважение.

Но уважение вызывает многое и многие, и стихи пишут тоже многие. А поэтами рождаются единицы.

Николай Зиновьев — из этих единиц. Поэтому и узнаваем, читаем и любим уже не одно десятилетие. Недаром Валентин Распутин сказал, что «*в стихах Зиновьева говорит сама Россия*».

Послушаем, как она может «говорить»:
Я дверь, как печальную книгу, открою,
Здесь время уже никуда не спешит.
И сумрак не тает, он будто иглою,
Лучом из оконца к стропилам прошит.

Вот старая прялка в седой паутине,
Как серая птица, попавшая в сеть.
Вот птицы, которым не петь, на картине,
Которой уже никогда не висеть...

Это поэт о том, что можно видеть и чувствовать на его чердаке, где ещё и:

Вот тихо коробится жесь керогаза,
Стреляя чешуйками краски, а то
Блестит в полумраке булавкой от сглаза
Покойного деда пальто...

Не правда ли, когда *«время уже никуда не спешит»*, как нельзя лучше слышишь историю этого времени, а с ней и собственную через, допустим, историю своей семьи, своего рода и своего народа.

У Зиновьева время *«не спешит»* ни в одном стихотворении, оттого так основательно то, о чём он говорит. А о *«спешащем»* времени у него — так:

Не понимаю, что творится.
Во имя благостных идей
Ложь торжествует, блуд ярится...
Махнуть рукой, как говорится?
Но как же мне потом креститься
Рукой, махнувшей на людей?..

Обратим внимание, что будто рефреном идёт это чувство, выраженное в двух последних строчках. Мы уже читали об этом в стихотворении, приведённом здесь первым:

...Мне больше некого любить.

Наверное, от этого чувства и идёт постоянный труд его души:

Кружил февраль по косогорам,
Позёмка пряталась в стерне,
Когда одним сплошным укором
Вся жизнь моя предстала мне.

Кого я спас? Кого приветил?
Кому был дорог мой ночлег?
Ответа не было. Лишь ветер
Бросал в лицо колючий снег.

И эта ответственность перед самим собой у него постоянна. А когда ответственность у человека перед самим собой, она самая сильная — по самой высокой мерке. Мы ведь ещё помним знаменитые слова нашего знаменитого соотечественника, сказанные о том, что *«самое дорогое у человека — это жизнь...»*, и КАК её надо прожить, *«чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы...»*. И другого соотечественника — о том, что:

...Не позволяй душе лениться...
Душа обязана трудиться
И день, и ночь, и день, и ночь!..

Может, от этого у Зиновьева такие строчки:

«Я не такой, как все» — твержу
Я то отчётливей, то глуше.
Я перед Господом скажу:
«Я не такой, как все. Я — хуже».

И от этого же боль в двух четверостишиях, где эпиграфом — слова Александра Блока *«О, Русь моя! Жена моя!»*:

Я не скажу тебе: «Жена».
Я говорю: «Мне лик твой жуток,
Страна Рублёва, Шукшина
И восьмилетних проституток.
Стакан прирос к твоей руке,
И лучшим чувствам нет работы».
И гаснет с эхом вдалеке
Вопрос: «Россия, кто ты? Кто ты?..»

Многие из нас, рождённых в Советском Союзе, критиковавших многое в той стране, желавших что-то изменить, чтобы жить так, как, на наш взгляд, мы заслуживаем, потеряв ту страну и сравнивая её с тем, к чему пришли сейчас, стали ощущать и ностальгию, и горечь. Потому что получилось, как прежде: «до основанья, а затем». Однако то, что вышло «затем», стало вызывать лишь слёзы. Это состояние большинства из нас поэт выразил так:

У карты бывшего Союза,
С обвальным грохотом в груди,
Стою. Но плачу, не молюсь я,
А просто нету сил уйти.

Я глажу горы, глажу реки,
Касаюсь пальцами морей.
Как будто закрываю веки
Несчастной Родине моей...

И всё это происходит в его (и нашей) душе потому, что:

Я люблю эти старые хаты
С вечно ржавой пилой под стрехой.
Этот мох на крылечках горбатых
Так и тянет прижаться щекой.

Этих старых церквей полукружья
И калеку на грязном снегу
До рыданья люблю, до удушья.
А за что, объяснить не могу.

Как точно сказано. Ведь когда любишь ТАК, что эта любовь, «как горла перехват, когда его волнение сдавит», то и не сумеешь объяснить, за что. Любишь — и всё. «До рыданья..., до удушья». Даже когда в это время так много поводов для сомнений и боли:

Дерутся пьяные в проулке,
Мешая с матом хриплый крик.
Прижавшись к грязной штукатурке,
На остановке спит старик.

Смеётся пьяная девица,
Садясь в попутный «Мерседес» —
Её литые ягодицы
За нить поддёргивает бес.

На пустыре с начала мая
Идёт строительство тюрьмы.
Всё это жизнью называя,
Не ошибаемся ли мы?..
Но ведь есть ещё и такое:
Огород к речушке. В хате
Столик с Библией. Скамья
Полдень... Книга Бытия...
Разве этого не хватит?

Тут сразу же приходят на память знаменитые строчки нашего великого поэта о том же:

...Чего он хочет!.. Небо ясно.
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?

Как перекликаются Лермонтов и Зиновьев, не правда ли? А дальше Зиновьев делится с нами ещё и такими размышлениями:

Было ль это Господней ошибкой
Или замыслом дьявола, но
Я родился с предсмертной улыбкой,
Что стереть никому не дано.

Милый друг, не спеши с укоризной
Осуждать откровенье моё.
Ведь пойми: только в бренности жизни
Неизбывная прелесть её!

«Неизбывная прелесть», конечно же, во многом и потому, что столько неясностей, постоянных загадок в самом пленительном чувстве, которое нам дарит природа:

Я бьюсь над смыслом бытия,
Но ты войдёшь с улыбкой влажной,
Возьмёшь халат свой за края –
И ничего уже не важно...

Кем эта власть тебе дана?
В судьбу на радость и на муку
Тебя швырнул мне Сатана
Или Господь привёл за руку?

Или так:

Все женщины разные очень.
Особенно в жаркие ночи:
Одна молчалива, как птица.
Другая пылает, как зорька.
А есть та, которая снится.
Которая снится. И только.

И после таких слов хочется, чтобы поэт продлил разговор на эту тему, потому что неожиданность или нестандартность размышлений — дар особый. И он продолжает:

Наверно, спился б я давно
Иль сгинул где-нибудь на БАМе,
Когда б не маленькое «но»
С прохладно-сладкими губами,
Когда б не этот нежный взгляд,
И всё, чем с нею мы не схожи,
Что превращает жизни ад
Пускай не в райский сад, но всё же...

А эта нежность с бытовыми деталями, которые лишь в устах поэта могут служить так, что не только передают, но и усиливают эту нежность, а точнее, её ностальгическую ноту:

Я в нашей комнатке прохладной,
Проснувшись рано поутру,
Ступал на солнечные пятна
На голом крашеном полу.
Она спала, нагие груди
Укрыв распущенной косой,
А я счастливый и босой,
В постель ей нёс пирог на блюде.
Спешил на кухню ставить чайник...
Всё это вижу, как в кино.

Увы, мы встретились случайно.
Увы, расстались мы давно.

И жизнь, как прежде, непонятна.
И я, как нищий на балу.
Но эти солнечные пятна...
Но эти солнечные пятна
На голом крашеном полу!..

«Но эти солнечные пятна...» Ведь у очень многих из нас есть *«эти солнечные пятна»*, которые встают перед глазами, давая возможность *«и отрешиться, и воспарить»*, что так помогает в нашей суетной жизни. Но сказать именно ТАК дано лишь единицам, за что мы им постоянно благодарны. Благодарны потому, что это о самом главном, о чём поэт продолжает и в следующем стихотворении:

Дай Бог мне славу и почёт,
Богатство дай — всё будет мало!
Всё будет словно бы не в счёт
Без губ её, горящих ало.

Пусть Бог меня вдруг нищетой,
Как ледяной водой окатит.
Но даст глаза и губы той,
Одной-единственной! И хватит.

В этих двух четверостишиях сказано столько, что *«ни убавить, ни прибавить»*.
А теперь о другом:

Люблю я тихий час закатный,
Когда остынет пыль дорог,
Когда чуть влажный и прохладный
С реки подует ветерок,
Когда над зеркалом запруды
Две-три звезды встречают взгляд,
Когда умолкнут словоблуды,
И молчуны заговорят...

Или так:

Вот сменила эпоху эпоха,
Что же в этом печальней всего?
Раньше тайно мы верили в Бога,
Нынче тайно не верим в Него.

Сколько неожиданных поворотов, привносящих изюминку в размышления поэта.
А вот стихотворение, которое он назвал «О себе»:

Ты заметишь как-то вдруг:
Другом стал тебе твой враг,
А врагом тебе стал друг,
Ты ж, как был и есть, — дурак.

Дураки не имут сраму —
Это явный плюс судьбе.
Дураки не роют яму,
Разве только что себе...

Ну и вырешь, конечно, —
Это, в общем, не секрет.
И друзья с врагами нежно
Назовут тебя: «Поэт».

Думаю, здесь неслучайно слово «нежно». Потому что как бы ни странно, на наш обывательский взгляд, вёл себя поэт, он дарит нам возможность взглянуть на мир его глазами, после чего ты открываешь в том, что много раз видел и мимо чего проходил, столько, что диву даёшься, как сам не замечал, казалось бы, очевидное и такое прекрасное. Ну, допустим, вот это:

Уйти к реке. Уединиться.
Блаженно слушать дотемна,
Как в ивняке свистит синица,
Как просто счастлива она.

Потом, вдыхая дым предместий,
Идти при звёздах по тропе...
И разрыдаться вдруг, как в детстве,
От жгучей жалости к себе.

В последних двух строчках — тоже одно из «чудачеств», характерных для того, кто рождён поэтом. Вспомним, как о таком же состоянии, хотя и по совершенно иному поводу написал другой — ныне знаменитый поэт:

...Большую повесть поколения
Шептать, нащупывая звук.
Шептать, дрожа от изумленья,
И слёзы слизывая с губ.

Размышлений о том, что такое поэт, у Николая Зиновьева много. Допустим, такое:

Тот вино, как воду пьёт.
Этот грядки бьёт на даче.
А поэт, друзья, живёт
Чуть иначе.
Да, он тоже пьёт вино,
Грядки бьёт, но всё равно,
Каждый день и каждый час,
Хоть не лезет вон из кожи,
Но он думает о вас,
И за вас, простите, тоже.

Мне даже захотелось последнюю строчку увидеть здесь после точки. Для меня она — отдельная мысль, которая играет очень сильно. Ну, и дальше на эту же тему — названное «Автопортрет»:

Не пишу о вожде,
Не пишу о дожде,
А пишу о душе.
Стал поэтом уже.

В четырёх строках — суть Поэта. И не только Поэта, но и шире — Художника. Вспомним, как блистательный Константин Коровин, размышляя о сути живописи, сказал, что даже в пейзаже главным являются не композиция и цвет, а *история твоей души*.

Эта «история души», в конечном счёте, приводит Николая Зиновьева и к такому её состоянию, когда:

Пишу стихи свои я чтоб,
Стал русофилом русофоб.
Я знаю, это очень сложно,
Но если в принципе возможно,
Готов писать я день и ночь
С тем, чтоб стране своей помочь.
Готов собою пренебречь,
Чтоб только Родину сберечь.
Об этом, собственно, и речь.

Тут даже не нужно комментариев, потому что *«гражданином быть обязан»* для поэта — главное. И это вместе с любовью к его стихам вызывает уважение к его личности.

А вот и такие размышления, тоже характерные для взаимоотношения Зиновьева со своей Музой:

Писать о звёздах — тратить дни.
А сколько их осталось, дней?
Пишу о людях, ведь они
Намного ближе и родней.

Мы все-то, в общем, неплохие.
Есть свои плюсы и в прохвостах,
Но попадаются такие,
Что лучше б я писал о звёздах.

И дальше, как мы уже отмечали, — характерное для этого поэта завершение, которого никак не ждёшь:

А сам-то я не из таких?
Всё-всё, заканчиваю стих.

Не правда ли, и изящно, и глубоко. А также, по-зиновьевски: прежде всего — спрос с себя. И по большому счёту.

* * *

Могу ещё долго говорить о поэзии моего земляка, тоже рождённого в кубанской казачьей станице. Но не потому, что мы земляки, а потому, что этот человек однажды сказал:

...Ведь как ни злы, ни лживы люди,
Мне больше некого любить.

И добавил:

...Готов собою пренебречь,
Чтоб только Родину сберечь...

А это дорогого стоит. Он любит, поскольку природой ему дан самый высокий талант — любить. Любить женщину и Родину, суть которой — люди. Но не просто любит, а умеет об этом талантливо сказать. А сказать талантливо, это уже второй дар человеку, которого та же природа сделала поэтом, и, следовательно, наделила определённой миссией, которую он несёт с честью.

Конечно, Николай Зиновьев у каждого свой, и моя заметка не имела цели дать всесторонний анализ его творчества. Он в этом давно не нуждается. То, что здесь написано, — лишь моё субъективное восприятие крупного современного поэта, чьи стихи я нередко перечитываю, потому что испытываю такую потребность.

И написал об этом для того, чтобы сказать поэту спасибо.

Бережок

Анатолий Мартынов

Анатолий Мартынов родился в городе Советске Калининградской области. Имеет высшее филологическое образование. Работает в калининградском Художественно-промышленном техникуме мастером-ювелиром. Пишет стихи, прозу. Им выпущены в свет четыре поэтических сборника и два сборника повестей, рассказов, пьес. Один из его рассказов «У камина» издан в городе Гамбурге в типографии Дома учёных. Возглавляет два литературных объединения — «Балтийские зори» и «Эклога».

Яблоки и щенки

Рассказ

Пришло время, и крупные яблоки с аппетитными розовыми боками падают на асфальт, на подстриженные кустарники жасмина, во многих местах растущие вдоль заборов. Для яблок губительно любое падение. Ударяясь об асфальт, они раскалываются на четвертинки и половинки. А многие из тех, что падают на кусты жасмина, нанизываются на них, как на пики. Картина, достойная кисти любого художника. Вот только никакая, даже самая талантливая кисть не в силах передать запах созревших плодов. Яблоки притягивают к себе взгляды и руки людей, но лишь немногие отваживаются поднять неразбившееся наливное яблоко.

Пройдут часы и дни, улетят птицы, унесут с собой тепло и радость летних дней, а грусть и увядание останутся. Опавшие яблоки наполнятся тленом, и, в конце концов, эта предопределённость станет другим видом материи. Пока же тлен смешивается с осенней прохладой, и ветер разносит образовавшуюся смесь по окрестности. А ещё он разносит лай глупых двухмесячных щенков. Их принесли во двор двухэтажного дома дети — Максим и Лида. Щенков они решили поселить за углом дома в его левой части, где растут голубая ель, яблоня, кусты сирени и жасмина. Дети построили нечто похожее на конуру: стены соорудили из силикатных кирпичей без всякого приготовления скрепляющего раствора, просто положили их друг на друга. Крышей стала обычная древесно-стружечная плита, точнее, её кусок, прикрытый сверху полиэтиленовой плёнкой. Плёнку Максим придавил половинками кирпичей по краям. А Лида у мусорного контейнера нашла упаковку от холодильника, вытащила из неё полистирол, и он был использован в качестве подстилки. Хватило полистирола и на утепление передней стенки, принимающей на себя ветер. А ветер в этих местах, как правило, дует с моря. Максим укрепил пластиковую пену, как — так он называл полистирол — кирпичами и сказал:

— Хорошо бы покормить чубриков.

Чубрики — это общая кличка щенков, а если по отдельности, то один из них — Чуб, а другой, весь чёрный — Рики. Максим сложил две клички в одну и получил ту самую «общую».

Лида на два года младше своего друга второклассника Максима. Она, как привязанная, ходит за ним везде и всюду, беспрекословно выполняет все его распоряжения, а как-то даже ввязалась в драку, когда Максима хотели побить двое пацанов из соседнего двора. Один из них напал на друга сзади и Лида, схватив палку, так огрела по спине этого мальчишку, а следом и другого, что у тех тут же отпала всякая охота драться. Слова Максима Лида восприняла как указание. Она взяла со скамьи, поставленной для отдыха под голубой елью, кем-то забытые пластиковые тарелки, положила в них по яблоку и попробовала накормить этой едой щенков. Щенкам яблоки не нравились, они фыркали, злились и пытались её укусить. Максим отобрал у Лиды тарелки, яблоки выбросил в кусты и глубокомысленно сказал:

— Дура ты, Лидка. Щенки яблоки не едят. Им надо что-то покруче.

— Почему тогда я яблоки люблю? — растерянно спросила Лида.

— Это ты. А то — щенки. Они колбасу едят, мясо там всякое, кости грызут. А сосед дядя Коля своему Чипу специальный корм покупает. Как это он называется? — Максим нахмурил лоб. — Ну, что-то похожее на грипп. Грипал, кажется.

— Максик, но у нас же с тобой денег нет на такой корм, — резонно заметила Лида. — А может, ты у бабушки попросишь еды для щенков?

— Ты что! — испугался Максим, — к бабушке лучше с такой просьбой не подходить. А вот к дедушке Пете, пожалуй... Жди меня здесь. Я скоро...

Вот так появились во дворе щенки. А с ними пришли и неожиданные заботы. И эти заботы одних людей сблизили, а других обозлили и отдалили. Пётр Михайлович Жваневский, дед Максима, не мог понять причин злости таких людей — соседей, по сути. Щенки жили на улице. В подъезд их не пускали. А о кормёжке заботились только те, кто жалел животных. В последнее время, пообвыкнув, щенки много лаяли. Двор-то проходной. Скорее всего, лай мешал спать кое-кому из соседей. Особенно пожилой даме Марии Карповне, которая не раз и не два во всю свою оставшуюся прыть бегала за собаками с веником в руках. Проворные щенки от неё легко убегали, а порой и нагло облаивали. От этого женщина ещё больше расстраивалась, грозила Чубу и Рики веником и кричала:

— Вот я вам! Всю площадку в подвале загадили. А Вы, Пётр Михайлович, зря внуку потакаете. Вот откуда он этих паршивцев взял, пусть туда и уносит.

Пётр Михайлович открывал входную дверь в подвал, осматривал лестничную площадку. Она, как всегда, была чистой. И, не повышая голоса, Пётр Михайлович советовал соседке быть справедливой. Он и без того знал, что уборкой подвала занимались в большинстве случаев его жена Людмила Владимировна, её подруга Ирина из первой квартиры и ещё одна женщина со второго этажа.

Удивительно, но любое зло быстро находит своих сторонников. Нашла их и Мария Карповна. Рядом с ней проживала семья Спиртиных, глава которой Семён особыми принципами не отличался. За бутылку водки и даже за стакан он мог стать чьим угодно сторонником. Несколько раз Семён, а в доме его называли Сенькой, пытался натравить на щенков своего рыжего кобеля Спая, который, в отличие от хозяина, оказался более «человечным» и малышей не трогал. Он убегал от от пьяного Сеньки в кусты и выжидал, пока тот не покинет двор. С уходом Спиртина Спай вылезал из кустов, и во дворе начиналась весёлая возня. Щенки с обеих сторон насакивали на рыжего дворнягу, кусали его за шею и бока. Спай терпел и лишь изредка ворчал.

Эта картина Петру Михайловичу напоминала чем-то его игру с внуками Серёжкой и Максимкой. Они так же наседали на него, щипали, хватили за волосы, а иногда и за уши. Младший Серёжка часто просил деда «сделать вертолётик». Это означало взять малыша за руки и раскрутить его так, как раскручивается винт вертолёта. Такие полёты Серёжке нравились, он заливисто смеялся и кричал:

— Дёдюшка, ещё, ещё!..

Пётр Михайлович кружил внука пока хватало сил, пока не начинала кружиться голова, а к горлу не подступала лёгкая тошнота. Вестибулярный аппарат у него всегда был слабый, из-за него и в лётное училище не попал. В последние дни внуки приходили редко. В разговоре по телефону Максим признался, что Мария Карповна обещала оборвать ему уши, если он со своей подружкой не унесут собак куда-нибудь за город. Пётр Михайлович, как мог, успокоил внука, уверив, что Мария Карповна — бабушка добрая и что она его попросту припугнула. Но в душе оставалась непонятная тревога, угнездившаяся как птица в ветвях дерева.

В субботу Пётр Михайлович проснулся позже обычного, чему удивился вслух. Но так же встала и Людмила Владимировна. В отличие от мужа, она не только не высказала удивления, а ещё, как бы случайно, назвала причину их долгого сна.

— Петруша, — сказала Людмила Владимировна, — что-то сегодня щенки не гавкали. Странно — ты не находишь?

— Так вот в чём дело, — тут же включилось сознание Петра Михайловича. Действительно странно. Но, может, чубрики за кем-то увязались?

— Ну, что ты, Петруша, — всплеснула руками Людмила Владимировна, — чужие их не сманят. За своими и то не за всеми побегут. А если и побегут, так быстро вернуться. Могут ещё допустить, что щенков кто-то закрыл в подвале. Ты загляни туда. Да не суетись. Позавтракай сперва.

Пётр Михайлович выпил чашку кофе и съел бутерброд с сыром. Сыр ему показался пресным и невкусным.

В кухонное окно заглянуло солнце, вызолотив часть противоположной стены. Слышался шум моря. Был он не совсем привычным, как будто море на что-то сердилось и одновременно жаловалось.

Пётр Михайлович набросил на себя куртку-ветровку и вышел во двор. Щенков не было. В месте чистки ковров на куче песка сидел Спай и грустными слезящимися глазами смотрел на человека.

— Что, рыжий, — спросил Пётр Михайлович, — скучно одному?

Спай виновато проскулил в ответ, словно за что-то или за кого-то просил прощения. Пётр Михайлович приоткрыл дверь в подвал, из которого дохнуло запахом кошки и сырости, позвал щенков. Подвальное пространство ответило удручающим молчанием. Потянуло сквозняком, и налетевший порыв ветра так рванул дверь, что Пётр Михайлович не смог её удержать, и она наглухо с каким-то обусловленным торжеством вошла в свой проём. На всякий случай он обошёл вокруг дома, заглянул в беседку, где обычно женщины кормили щенков, но нигде недавнего их присутствия, не заметил. Когда Пётр Михайлович вошёл в квартиру, Людмила Владимировна по выражению лица мужа сразу всё поняла и, чтобы как-то его успокоить, сказала:

— Петя, сейчас придёт Максимка. Он хочет поиграть на твоём ноутбуке. Ты не против?

— Ну, что ты, Люся, — заволновался Пётр Михайлович, — Максим не хуже меня знает компьютер. Яблочко от яблоньки...

Пётр Михайлович таким образом напомнил, что отец Максима и их сын Александр — инженер связи, в своё время закончил высшее военно-морское училище, а ныне работает в областном банке по защите компьютерной информации.

Максимка пришёл вместе с Лидой. Девочка принесла с собой полиэтиленовый пакет, в который её мама положила куриные остатки: ножки и крылышки. В нём оказалась и доля Максима — кусок варёной колбасы.

— Это для щенков, — сказал Максимка, показывая на пакет. — Дедуля, как они там? Что-то их во дворе не видно.

— Убежали куда-то, — поспешила с ответом Людмила Владимировна, тем самым опередив замешкавшегося мужа, — поиграйте пока. А щенки скоро прибегут. Куда они денутся?

Дети уселись за компьютер и не отходили от него в течение часа. Максим не только играл сам, но и обучал Лиду. Иногда он сердился на её недопонимание, и в такие минуты мог назвать девочку и Лидкой, и душой. Пётр Михайлович делал ему замечание и говорил, что к девочкам надо относиться с уважением.

— Твою бабушку я называю или Люсей, или Людмилой Владимировной.

— Так то бабушка, — резонно замечал Максимка, — а тут... Как твою маму зовут — Кристина? Значит, ты будешь Лидия Кристиновна.

Пётр Михайлович улыбался и терпеливо объяснял, что отчество образуется от отца, а не от матери.

— Твой отец — Александр. Выходит, ты — Максим Александрович, а не Максим Еленович.

— А мне всё равно нравится, как придумал Максим, — сказала девочка. — Лидия Кристиновна. Красиво звучит. А если по имени папы? В семье его зовут Лёшей, а во дворе — Лёхой. Получается Я Лидия Лёшовна. Или Лёховна?

— Лидка, что за приколы? — засмеялся Максим. — Полное имя твоего отца Алексей. Значит, ты — Лидия Алексеевна. Пойдём-ка лучше чубриков искать.

Вслед за детьми вышел во двор и Пётр Михайлович. У входа, на лавочке, сидели изрядно подвыпивший Семён Спиртин и его супруга Люба. По-видимому, они ругались, так как лицо женщины было пунцовым. Да, так оно и оказалось. Спиртин, ничуть не стесняясь соседа, продолжал свой пьяный монолог:

— Ну и пью. Ну и что? А на какие шиши — не твоё дело. Поняла? Может, я секретный американский агент — црушник. Я ночью выполнял секретное задание.

— Ну, и на сколько градусов это твоё секретное задание тянет? — съязвила Люба.

Ответа Спиртина Пётр Михайлович не услышал. Он увидел вышедших из-за дома ребят. Щенков с ними не было.

— Не нашли? — спросил Пётр Михайлович.

Максим отрицательно покачал головой и мрачно сказал:

— Наверное, их украли.

— А ты у Спая спроси, — посоветовала вдруг Лида. — Он же друг чубриков.

Спай лежал на куче песка и словно ждал подобного вопроса. Он тут же вскочил, посмотрел в сторону хозяев — те не обращали на него никакого внимания — и пошёл за боковую часть дома в сторону росших вдоль забора кустов смородины. У одного из кустов он остановился и заскулил. Пётр Михайлович увидел брошенную лопату, стеклярусный мешок и почти догадался, что таится под ним, но ещё не хотел в это верить. Он верил в другое, накрепко вошедшее в его сознание со школьных лет: «Человек — это звучит гордо!» А недавно от своего друга услышал и такое откровение, что человек — это имя существительное.

— Существительное-то оно существительное, — подумал тогда Пётр Михайлович, — но оно ещё и имя собственное. Главное, как распорядиться данной сущностью, ибо в ней и только в ней заключена та самая Божья заповедь «Не убий».

Дети опередили Петра Михайловича. Максим отбросил лопату, поднял мешок и закричал. Из глаз его фонтаном бил испуг и ещё что-то, чего он ещё не понимал и только непрерывно повторял:

— Зачем? Зачем? Зачем?

Лида, встав перед Максимом, пыталась закрыть своей худенькой спиной страшный куст, под которым лежали уже закостеневшие щенки. По лицу её бежали слёзы, она их не вытирала. Трясаясь от страха, как от холода, девочка упрасивала друга уйти отсюда.

Пётр Михайлович окончательно понял: произошло непоправимое и страшное. Щенков убили лопатой. Смотреть на их раны было тяжело и жутко даже человеку с фантастически крепкой психикой, а тут — дети! Он увёл Максима и Лиду к крыльцу дома, где продолжали ругаться супруги Спиртины. Спай, ещё минуту назад понуро ковылявший за людьми, внезапно выскочил вперёд и стал зло облаивать своего хозяина.

— С чего бы это он, — подумал Пётр Михайлович. — Пьяных не любит?

Мелькнуло ещё какое-то смутное подозрение, но Пётр Михайлович уже вёл детей в квартиру, передал их под опеку Людмилы Владимировны, а сам вновь вышел во двор. Он решил проверить своё смутное предположение, сходил за орудием убийства и принёс его к крыльцу дома. Здесь, уже помимо Спиртиных, стояли Мария Дмитриевна с внучкой-шестиклассницей Мариной. Пётр Михайлович, внешне спокойный, подошёл к жене Спиртина и спросил:

— Люба, лопата случайно не ваша будет?

— Случайно наша, — сказала женщина, а где Вы её взяли?

— В саду, Люба, в саду под кустом смородины. Там... там и щенки мёртвые лежат, — с трудом выдавил из себя Пётр Михайлович.

— Как мёртвые? — разом вымолвили женщины.

А Мария Дмитриевна подскочила к Сеньке и закричала:

— Я же тебе заплатила, чтобы ты щенков за город вывез. А ты что сделал, гад, киллер проклятый? Тебя бы вот так лопатой зарубить!

Зарыдала внучка Марии Дмитриевны. Ей было страшно и непонятно, как мог дядя Семён так жестоко расправиться со щенками. Ведь они такие маленькие, беззащитные и очень доверчивые. Они никому не причинили зла. Вышла Александра, мать Марины, и постаралась побыстрее увести дочь в город, где в Центре детского творчества она занималась в вокальной студии. Люба уткнула лицо в колени и словно уснула. Было видно, как вздрагивали её плечи. Мария Дмитриевна только что сыпавшая проклятия на голову соседа, как будто чего-то испугавшись, подхватила прислоненный к стене веник и заспешила к подъезду. Эта спешка напоминала обыкновенное бегство измотанного житейскими невзгодами человека. Только куда убежишь от самого себя? Спиртин, не проронивший ни одного слова и почти протрезвевший, взял лопату и пошёл в сторону куста смородины, отныне ставшего памятным и печальным.

Пётр Михайлович не стал говорить никаких утешительных слов Любе. По-человечески он жалел эту женщину, вина которой была лишь в том, что она состояла в браке с мужчиной, совершившим то, что уже никогда и никому не исправить. Пётр Михайлович тяжело вдохнул сырой и тлетворный дух осени и ушёл в дом к жене и детям.

В природе заканчивался октябрь. С яблонь всё ещё падали яблоки, ударялись об асфальт, раскалывались на четвертинки и половинки. Многие яблоки падали в кусты, застревали в них или нанизывались, как на пики, на тонкие кончики веток жасмина. А два похожих друг на друга краснобоких яблока упали на свежий холмик земли, под которым нашли свой безвременный и вечный приют Чуб и Рики.

Наши друзья

Советуем почитать:

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65

Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru

Журнал «Великоросс»: http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_29/article_1253/

Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistskogo-masterstva-slava-rossii>

Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>

Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>

Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>

Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru

Журнал «Новая Немига литературная»

Портал Переправа <http://pereprava.org/>

Московский журнал [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)

Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org

Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>

Журнал «Подъем» — <http://www.podiem.vsi.ru>

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья!

Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076**.

Стоимость одного журнала — 400 руб.

Подписка на год — 2400 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты
выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru